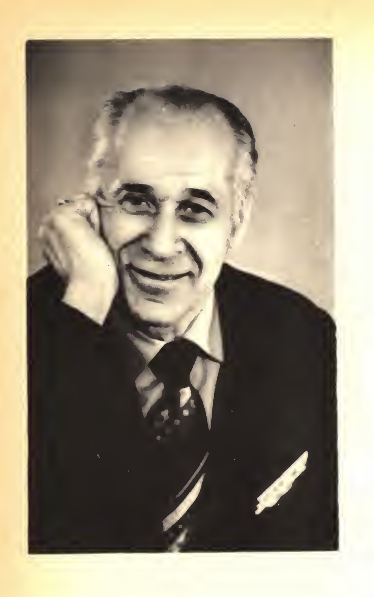
ЯКОВ
РЕЗНИК

ПОВЕСТИ



ЯКОВ
РЕЗНИК

ПОВЕСТИ

ЧЕКИСТ

СОТВОРЕНИЕ БРОНИ

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1982

ББК 84Р7
Р34

В новую книгу свердловского писателя Якова Резника вошли две ранее издававшиеся повести — «Чекист» и «Сотворение брони». Первая из них рассказывает о революционных событиях на Урале, о жизни и борьбе уральского большевика Якова Юровского. Герои «Сотворения брони» — рабочие, инженеры, испытатели боевых машин — те, кто в годы первых пятилеток закладывал основы броневой мощи страны, а потом в суровую военную пору налаживал производство танков на Урале. В центре повествования — история создания Т-34, лучшего танка второй мировой войны и образ его главного конструктора Михаила Кошкина.
Готовя повести к переизданию, автор переработал некоторые главы, внес в текст ряд дополнений и уточнений.

Послесловие В. Лукьянина

Резник Я. Л.

Р34 Повести.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982.— 448 с.

В пер: 1 р. 80 к.

В однотомник писателя-свердловчанина вошли две ранее издававшиеся повести — «Чекист» и «Сотворение брони».

Р $\frac{70302-068}{М158(03)-82}$ 4702010200

ББК 84Р7
Р2

ЧЕКИСТ

ВНЕ ЗАКОНА

1

Шестой год Степан Валуйских жил вне закона.

Он чувствовал — нет более опасного для него города, чем Томск, где помнят его еще босоногим. Здесь не спасет и лопатистая борода, скрывшая шрам на щеке. И все же Степан приехал.

В двух верстах от Межениновки он спрыгнул с поезда, подался в обход станции на кладбище — поклониться матери. Рядом с ее могилой увидел серую гранитную плиту с именем отца и датой — 2 ноября 1910 года. «Пятнадцать месяцев его уже нет, а я... Памятник, должно быть, Яша поставил, больше некому...»

В доме, где несколько лет назад жил приятель Степана, были чужие люди. Сказали, что Яков Михайлович Юровский давно переехал на Татарскую улицу, а найти его проще в собственном магазине на Почтамтской. Степан не поверил, подумал, что глуховатая старуха с кем-то спутала Якова. Но вывеска «Часовое и ювелирное дело Я. М. Юровского» подтвердила слова старухи и потрясла Степана: «Собственник!.. Плюнул на революцию!..»

А ноги, вопреки воле, несли его к витрине. Он всматривался в глубину магазина: женщина с окуляром, девчушка с косицами... По широкой сутулой спине узнал друга детства и юности Якова Юровского. «Обернись, ну!..»

Словно ощутив этот взгляд, Юровский поднял от ювелирных тисочков крупную черноволосую голову, обернулся к витрине. «Постарел...» — с неожиданной теплотой подумал Степан, увидев морщины над переносицей, бородку и опущенные вниз усы. В усталых цыганисто-черных глазах Юровского вспыхнула радость. Он вскочил со стула, что-то сказал женщине, и она, сняв окуляр и на ходу надевая пальто, поспешила к выходу. Оказавшись рядом со Степаном, произнесла тихо:

— Муж просит к нам,— и свернула в переулок, дробно стуча каблуками высоких сапожек.

Степаи шел позадн в отдалеиии, чтобы незаметно было, что он следует за ней.

Вблизн шнрокой оледеневшей Томн, на втором этаже бревенчатого дома Юровскне заннмалн две комнаты с кухней. Услышав за собой шагн по скрнпучей деревянной лестнице, Марня Яковлевна извнннлась перед гостем н ушла на кухню.

— Степашка, друг!

Раскннув рукн, Яков шел к Степану. А тот пятнлся, стараясь подавнть в себе охватнвшую его слабость.

— Я тебе не друг. Ты отступинк! Владелец ты...

Бледное лнцо Юровского стало бурым. Разом отодвннулнсь ожнвшие было прн встрече воспоминания...

2

Весной тысяча восемьсот девяностого года Томь вышла из берегов внезапно и буйно. Вода хлынула иа трущобы, набнтые семьями бедняков, как коробкн спнчкамн. Подвалы лачуг наполннлнсь до краев.

В одном из такнх подвалов жнли семьн наборщика Ивана Нннконовнча Валуйскнх и стекольщнка Миханла Исааковнча Юровского.

Накануне иаводнення Мнханл обошел с ящнком на плече полгорода, тыкался н в лавкн, н в купеческие дома— ннкому не требовалось н стеклышка. Подлатав вечером окошкн в двух хнбарках н получнв бедняцкое «спаснбо» да обещанне к лету расплатиться, он возвратнлся к ночн голодный и злой. Но к сухарям не прнтроиулся и отказался от чая.

— Отстань, Эстер, в горло не лезет.

Трое мальчншек тесно снделн на нетопленой печке, согревая друг друга. Однииадцатнлетннй Яша иадрывно кашлял.

— Наверное, у него чахотка, Михель,— тнхо плакала Эстер.— Ему нельзя работать с утра до ночн. Зашла я сегодня к портному, обмерла: сндит Яша на кухне, распарывает пыльное тряпье, а лицо у него горнт, как свеча. Заберем его из этого ада, Михель!

— А что он будет есть?! — Отец злнлся на голод, на себя, на жену.— Там все-такн похлебка, и рубль в месяц на полу не валяется.

Мать ничего ие ответнла. Заплакала семнмесячная Пана, и Эстер Моисеевна взяла ее нз люлькн.

Уже сквозь сон Яша слышал, как отец пел за работой (ночами он помогал матери шить платья для заказчиц):

Портняжка шьет,
Игла идет,
Нужда растет.
И точит мозг
Моя нужда;
Нет хлеба дома,
Нет детям хлеба ни куска.

В ту ночь Яша проснулся от крика:

— Тонем!

В проеме двери стояла Ксения Валуйских, мать Степанки,— в нижней рубахе, с голеньким двухмесячным Гришуткой на руках. С ее распущенных волос капала на ребенка вода.

Яша спрыгнул с печи — вода до колен. Дырявые обутки уплыли или потонули. Он их не стал искать — выбежал во двор.

Жильцы таскали на себе из подвалов детей и подушки, горшки и источенную древесным жуком мебель. Длинный жилистый отец нес по двору люльку с Паной. Он не замечал, что ермолка, которую он не снимал с головы даже на ночь, давно упала и плывет к воротам. Он шлепал голыми ногами по воде, а мать, растерявшись в страхе, тыкала ему в белую, по грудь, бороду один подшитый валенок вместо сапог.

— Надевай, Михель!

«Дядя Ваня — в ночной смене, Степанке не управиться»,— подумал Яша и забежал к соседям.

— Я помогу, тетя Ксеня!

Степанка с Яшей вынесли сундук, усадили на него Ксению с Гришуткой. Степан кутал мать в ватное одеяло — ее трясло от испуга и холода.

Эстер Моисеевна предложила подняться на горку и попроситься в особняк домовладельца Жукова.

— Не пустят.

— Одной же веры с Ксенией люди, не дадут ей с ребенком погибнуть!

К каменному особняку с ярко освещенными окнами поплелась процессия: Яша и Степан несли люльку с Паночкой, Эстер Моисеевна — Гришутку, отец вел Ксению.

Кучер закладывал бричку, чтобы вывезти хозяев. Жу-

кова стояла в дверях. Не дослушав Михаила Юровского, приказала прислуге:

— Ннкого не пускать!

И уехали...

Ребенок исходил криком. Не стало молока в грудн Ксеннн. Эстер Монсеевиа взяла мальчнка, дала ему грудь.

После той иочн Ксеиия уже ие встала...

Похороинв мать, Степаи попросил Яшу одолжнть рубль.

— Вот так иадо! — приставил он ребро ладонн к горлу.

— Нету у меня. Вериул маме.

— Как? Ты ж заработал. Хотел ботннкн покупать.

— Уволеи я. Хозяни сказал: хватит — полтора года держал чахоточиого.

— Сволочь ои. Ты же заболел, на иего работая. Ну, пойдешь к моему плотинку. Он тебя примет на мое место.

— А ты?

— Подпалю Жуковых н — в тайгу подамся.

— Спятил?

— Твердое слово. Кероснна поболе куплю н петуха пущу — Ушайка такого ие видывала.

— А отец?

— Что — отец?

— Сбежишь, а его на каторгу за тебя, дурака.

Может быть, этот довод нли еще что-то удержало Степанку от поджога, но от мести ои не отказался. Киuул кнрпнч в окно Жуковым. Метил домовладельцу в плешь, а угоднл в распнсную вазу кнтайского фарфора. Поймал мальчншку хозяйскнй кучер, избил, оставнв Степаиу вечиую метку иа левой щеке.

В юности оии разъехались — Яков на запад, Степан иа стаицню Тайга. В октябре пятого года судьба их свела в томской боевой дружиие. И тогда, чудом уцелев в схватке с чериосотеицами, рассталнсь во второй раз, на столько лет. В разлуке каждый мечтал о встрече — и вот, встретнвшнсь, стоят друг перед другом, как чужне...

— Эх, Степашка! — в сердцах сказал Яков н вышел.

Степаи хотел убежать, ие сказав «до свидаиья», но ногн словно прнпечатались к полу.

Яков возвратнлся через несколько мииут со старнн-

ной яшмовой шкатулкой. Крышка с узорчатыми прожилками была откинута.

— Последняя воля твоего отца.

Степан узнал материнскую шкатулку, медальон с его детской фотографией, часы отца. Касаясь шершавыми пальцами дорогих вещей, вдруг понял: отец верил Якову до последней своей минуты.

— Прости, Яков... Я, возможно, виноват. Я благодарен тебе за это,— взглядом показал на шкатулку,— за отца. Но не могу я совместить: ты — и магазин. Ты — и золото...

— Мое золото революции не помеха, Степан.

— Неужто растерял ненависть к богатству?!

Утихший было гнев, наверно, вспыхнул бы снова, не постучи в дверь Мария Яковлевна.

— Женя мне мешает на кухне,— придумала она, не переступая порога.— Возьмете его в компанию?

Трехлетний Женя безбоязненно полез на руки к Степану, и тот впервые за этот день улыбнулся.

— Тебя дети любят. Обзавелся?

— Некогда было думать. А теперь — тем более. Вне закона я.

— Поиграй с Женей, я сейчас.

На этот раз Якова долго не было. Степан с удовольствием играл с общительным мальчуганом. Тот принес обрезки жести, и Степан ловко смастерил тачку. Женя водил тачку по столу, когда вошел отец.

— Иди покажи маме, какую тачку тебе сделал дядя.

Выпроводив сынишку, Яков подал Степану паспорт.

— С днем рождения, Александр Пшеничников.

В руках Степана оказалась книжица со свежими печатями полицейского управления города Каинска на имя Пшеничникова.

— Ты колдун... Откуда?.. А прописка?... Если из Томска запросят каинскую полицию, выехал ли такой, меня — в каталажку.

— А из Каинска ответят, что ты неподдельный тамошний мещанин.

— Будто не знаешь, чем угрожает сокрытие преступника. В шестом году в Камышинском восстании я убил полицейского...

— Не робки отрепки — не боятся лоскутков,— отмахнулся Яков, направляясь в угол к обитому железом большому деревянному сундуку. Поднял крышку, вынул

постельное белье, свертки с инструментами часовщика и мелкими деталями. Дно сундука оказалось двойным. В тайнике лежали подпольные брошюры, поддельные печати и новенькие, еще не заполненные бланки паспортов...

Стыд обжег Степана — так жестоко обидел друга. Он хотел оправдаться, но и слова сказать не мог.

— Поработай с нами, Степашка! Дел невпроворот...

3

Мало кто в Томске знал об участии Якова Юровского в событиях двадцатого октября девятьсот пятого года... Первоклассный часовщик и ювелир, чьи работы удовлетворяли изысканным вкусам сибирских магнатов, избалованных изделиями Петербурга и Парижа, владелец магазина в центре города, Яков Михайлович пользовался репутацией предприимчивого, далекого от политической борьбы человека. Городовые, проходившие мимо магазина, начальник жандармерии полковник Романов и его подопечные превратились бы, наверно, в соляные столбы, если бы узнали, что творится в магазине и на квартире Юровских. Беглые политические ссыльные и каторжане получали здесь деньги и одежду, паспорта и железнодорожные билеты. В двух кварталах от полицейского управления люди, которых охранка разыскивала по всей России, набирались сил, лечили раны и под чужими именами, часто с паспортами за подписью томского полицмейстера, отправлялись в места, где они всего больше нужны были революции.

Яков и Мария Юровские — члены подпольной группы, занимавшейся организацией побегов ссыльных и каторжан, и в годы реакции не прекращали опасной работы. Не раз Яков уезжал на Север. Солидный, в добротной шубе, бобровой шапке, в унтах из оленьего меха, Яков походил на сибирского купца. Да и товар соответствовал: дешевые украшения для жителей Заполярья, оружие, порох, рыбачья снасть. У исправника и урядников и в мыслях не было, что оружие и порох идет тем, кто готовится бежать из каторжной Сибири, что вырученные за товар деньги, меховая одежда, продукты — все пойдет политическим ссыльным.

Чтобы связь с сибирской глубинкой была постоян-

ной, Яков посоветовал Степану поселиться в Нарыме.

— Двойная польза будет — к ссыльным ближе, и тебе почти полная безопасность.

Степан согласился, но с выездом медлил, трудно было расстаться с семьей Юровских.

Даже облачившись в меховую шубу, унты и держа в руках шапку и рукавицы, он не торопился.

— Что ж, покурим на прощание,— вздохнул Степан.

Распахнули форточку окна, глядящего на Томь, закурили. Дымок потянуло на мороз.

— В общем ты прав, но твоя страсть к интеллигентам... Кто в годы реакции выдержал здесь, в Томске? Рабочие. Иван Легалов, Лиза Белопашенцева, Миша Герцман, переплетчик Доброхотов... А интеллигенты струсили...

— Интеллигенты — разные,— не дал договорить другу Яков.— Ты был вместе с Сережей Костриковым на станции Тайга во время забастовки и прекрасно его знаешь. А Валериан Куйбышев! Умница, преданный рабочему делу интеллигент. Скажи, тебе приходилось слышать имена: Филипп, Жорж, Фрам?

— Как же! Члены наших комитетов в Петербурге и Москве... А Фрам — где-то на юге.

— Все три да еще Иванович — все это подпольные имена Исая Голощекина, большевика со дня организации партии. Здесь, в Сибири, сколько добра сделал, помог преодолеть растерянность.

Степан ухватился за конец фразы.

— А кто растерялся, если не интеллигентишки! Мне Доброхотов говорил...

— Доброхотов? Фразер он, и еще...— Яков не мог найти подходящих слов и от досады выплюнул в форточку половину мундштука папиросы.

— Почему подозреваешь рабочего, старого социал-демократа?! — уставился на Якова Степан.

Ничего определенного Яков не мог ему ответить. В девятьсот шестом Доброхотов куда-то запропастился, а вернувшись, зачастил к Юровским. Людей не хватало, но Яков не посвящал его в дела организации. Смутное подозрение вызывала у Юровских его развязность. Они отвадили от себя надоедливого гостя, но сегодня тот узнал на улице Степана Валуйских.

...Солнце, утонувшее в лесах за Томью, оставило над рекой меркнущую желтизну. Спускаясь по меловым ска-

там городских холмов, ночь коснулась бревенчатой прибрежной улицы. Ее сумрачную тишину нарушил лошадиный топот. Две тройки!.. Дальнозоркий Степан разглядел на кожаной подушке сиденья первых саней дородную фигуру жандарма.

— Выследили, бестии! Я к Доброхотову.

— Не смей! Возможно, он навел.... Пробирайся к смолокуру — и на запад... Я их задержу.

Яков увлек за собой приятеля на кухню, выходящую окнами на огороды.

Когда Степан, отведя в стороны две доски забора, протиснулся в щель, с противоположной стороны двора появились жандармы и полицейские. Загудел взбудораженный двор. Мария Яковлевна выбежала из детской.

— Что случилось, Яша? Где Степан?

— Предупреди детей: если спросят о нем, пусть скажут — ушел еще днем. К сундуку не прикасайся — поздно.

Жандармский вахмистр разделил полицейских на две группы. Одна осталась во дворе, другая поспешила в дом. Широченный жандарм едва умещался на узкой крутой лестнице, а тут еще навстречу Яков Михайлович — не пройти. Жандарм зашипел:

— Поворачивай!

Яков Михайлович прижимался то к стене, то к перилам, но назад не отходил.

— Вы гость, господин вахмистр. Не могу же я гостю, тем более жандармскому чину, спину показывать.

Полицейские, оставшиеся на улице, метались в надворных постройках, рыскали на первом этаже по квартире многодетного парикмахера, а когда надумали спуститься к Томи, ночь уже густо осела на лед, а Степан успел углубиться в лес на западном берегу.

Вахмистр вялой тушей опустился на сундук и ругал полицейских неповоротливыми коровами, тупицами, хотя видел, что те стараются изо всех сил. Они выпотрошили подушки, перины, перевернули кроватку Жени, а у хозяйственного Шурика рассыпали из коробки игрушки. Тот прижимал к груди ваньку-встаньку и от страха вцепился в Риммину руку. Римма представила себе, как полицейские уводят в тюрьму отца и мать, как она остается с ревущими братишками.

Пока шел обыск, Якова и Марию держали у противоположных стен, чтобы не переговаривались.

Все дни и ночи, когда на квартире жили беглые, когда они с мужем печатали нелегальные документы, Мария не переставала ждать прихода жандармов. Это длилось шесть с лишним лет. И вот они пришли.

Между тем жандарм, ерзая на стуле, думал, как ему оправдаться перед начальством. Получены данные, что под фамилией Пшеничникова у Юровского скрывается находящийся вне закона Степан Валуйских, а того не удалось арестовать...

Жандарм чувствовал — опростоволосился, и, негодуя на полицейских, бросал в них учебники Риммы, акушерские книги Марии Яковлевны, которые подавали ему для проверки. Наконец, он ухватился за свежую газету «Сибирская жизнь». Две строчки заголовка «Забастовка на приисках Ленского золотопромышленного товарищества продолжается» вахмистр разглядывал так тщательно, словно буковки могли оказаться золотом наивысшей пробы.

— Почему ногтем нацарапано, Юровский?

— Хотелось позабавить вас, господин вахмистр.

Жандарм выругался и стал про себя по складам читать другую телеграмму: «По слухам, Григорий Распутин принят своими односельчанами в Покровском Тобольской губернии враждебно. Во избежание столкновений с крестьянами он выходит из дома только ночам...»

— А тут отмечено карандашом! — сказал жандарм и, не найдя более основательных улик, сунул газету в карман мундира, встал с сундука.

«Отойди, забудь!» — молила Мария. Но вахмистр не забыл о сундуке. Поднял крышку, втянул в себя ноздрями нафталиновый запах, зачихал и стал выбрасывать осыпанный белыми кристалликами старый мех. И вдруг — даже Мария в первый момент не поняла мужа — Яков нагнулся рядом с жандармом, стал вынимать из сундука инструмент и коробочки с деталями.

— Маятники вас интересуют?.. Оси — тоже нет? — тыкал под гневно раздутые ноздри вахмистра всяческую мелочь.

— Хватит! — рявкнул вахмистр.— Показывай не показывай — все одно арестую.

И приказал Якову одеваться.

ЧАСОВЩИК И ЦАРЬ

1

Начальник губернского жандармского управления полковник Романов, сняв первый допрос с Юровского, возложил дальнейшее следствие на своего помощника. Тот был самоуверен и хитер — уцепится хотя бы за единственную улику, и судебный процесс обеспечен.

Но прямых улик против Юровского он так и не смог собрать. Косвенные сведения тайного агента о политических связях Юровского с Валуйских вписать в обвинительное заключение было невозможно — агент был строго засекречен. Оставалось выжать из заключенного годные для суда показания, и следователь применил к неподатливому, строптивому Юровскому «кипяток и лед», как называл он свой метод.

Больного чахоткой и ревматизмом Якова Михайловича поместили в холодную сырую одиночку, заставляли по утрам выносить в коридор топчан и табурет, чтобы не на чем было присесть в течение дня. А ночами следователь вызывал его в комнату допросов, где чуть ли не всю стену занимал портрет Николая Второго.

Развалившись в кресле и покуривая дорогие сигары, следователь задавал вопросы ленивым, одуряюще-монотонным голосом. Каждую ночь он являлся в тюрьму с уверенностью: «Больше Юровский не выдержит изнуряющую стойку. Сегодня сдастся». А утром опять уходил с теми же чистыми листами бумаги.

Неожиданно для Юровского жандарм изменил тактику. Не успел заключенный переступить порог комнаты допросов, как следователь объявил, что Александр Пшеничников, он же Степан Валуйских, схвачен в Восточной Сибири. Жандарм надеялся увидеть всплеск тревоги, растерянности на лице Юровского и поразился его безразличию. Откуда было знать следователю, что Марии Яковлевне удалось передать мужу условленную весточку: «Купила Шуре обнову», что означало — «Степан благополучно достиг Западной России».

Взбешенный неудачами, жандармский следователь продержал Якова Михайловича на ногах четверо суток. Пока шел допрос, боль как бы притуплялась, но когда следователь уходил, оставляя надзирателей, нестерпимой делалась тяжесть в несгибающихся ногах, икры

были словно из расплавленного чугуна. Временами у Якова Михайловича мутилось сознание, ему казалось, что царь с портрета спрыгивал на пол и окованными носками сапог бил по ногам...

Однажды, когда надзиратель спешно уводил Якова Михайловича в камеру, у заключенного хлынула кровь горлом, и, не доходя до одиночки, он рухнул напротив приоткрытой двери общей камеры. Из нее выскочили двое арестантов — пожилой томич, знавший Юровского по подполью, и молодой человек с вьющейся копной волос и в пенсне. Надзиратель кинулся наперерез.

— Возвернитесь в камеру! — скорее упрашивал, чем приказывал он, растерянно глядя на худого арестанта в пенсне.

Тот, не обращая на тюремщика внимания, нагнулся и вместе с пожилым стал поднимать Юровского.

— Эх, паря, разделали тебя, как древесину,— покачивался пожилой.— Это ваш тезка, товарищ Свердлов.

Затопали заключенные общей камеры. Били кулаками в двери — возмущенная тюрьма вслед за Свердловым требовала врача, начальника, прокурора. Когда прокурор явился, Свердлов от имени политических выразил протест против издевательств жандармов над Юровским.

О том, что он сидел через камеру от Якова Михайловича Свердлова и что тот защитил его от жандармского произвола, Юровский узнал позднее. Узнал он также, что Свердлова привезли в Томск на следствие по поводу первомайской демонстрации нарымских ссыльных. А тогда, в тюрьме, Юровский, придя в себя и обнаружив перемены, не знал, чем они вызваны. Его неожиданно перевели в сухую камеру. К нему наведался врач. Ночные допросы прекратились.

В следующий раз его вызвал прокурор. Он сидел за столом в комнате следствия, упитанный, галантный.

— Садитесь, Юровский. Вы числитесь теперь за мной, и мне хочется ближе с вами познакомиться.

Яков Михайлович сел.

— Я, правда, слаб в юриспруденции, но все же знаю: за вами, господин прокурор, числятся заключенные, подготовленные к судебному производству.

— По закону так.

— Значит, суд намерен принять дело, сфабрикованное на измышлениях жандармского агента?

— И проще, и сложнее...

Пауза. Она была не без умысла, как и мягкие интонации и жесты прокурора.

— Приходится признать, что жандармерия вела следствие топорно,— улыбнулся прокурор.

И вопрос, уже без улыбки:

— Уточните свою роль в так называемой боевой дружине в октябре тысяча девятьсот пятого года.

— Я был рядовым дружинником.

— Вы всегда скромничаете, Юровский?.. Ну-с, кто же первый открыл огонь на Соборной площади?

— Не помню.

— Помните преотлично. Вы и ваш приятель Степан Валуйских — вот кто. Я представлю суду свидетелей, которые видели, что вы начали стрелять по вышедшей из собора толпе. Богобоязненные люди...

— Куда уж святоши! — не в состоянии был сдержать возмущение Юровский.— Еще до появления боевой дружины они растерзали двух человек и нескольких изувечили. А после проповеди епископа Макария черносотенцы подожгли дом Управления, в котором находились сотни людей. Вот так богобоязненные!

— Не вам хулить служителя бога и трона, митрополита московского, архиепископа Макария.

— Ах да, его преосвященство повысили в сане! Не за то ли, что он освятил молитвой приказ губернатора Азанчевского стрелять даже в тех, кому удастся вырваться из горящего дома?

Галантность сдуло с прокурора.

— В поджоге виновны вы и Степан Валуйских! Это будет доказано на судебном следствии, как и то, что Валуйских скрывался в вашем доме под именем Александра Пшеничникова. Вам известно было, что это вымышленное имя?

— Мне известно, что в некоторых обстоятельствах закон не возбраняет человеку менять фамилию.

Прокурор встал.

— Вы также знали, что Валуйских убил полицейского в Камышине. Он действовал преднамеренно.

— Степан Иванович Валуйских — честный человек. Если он стрелял, то, очевидно, в обстоятельствах безвыходных, защищая жизнь людей.

— Вот-вот,— подхватил прокурор.— Об этом вы и скажете судьям, отвечая за укрывательство человека,

находящегося вне закона, и за организацию беспорядков двадцатого октября.

Стул скрипнул. Яков Михайлович поднялся.

— Вам, господин прокурор, придется меня судить вместе с Макарием и Азанчевским. Я буду держать ответ, почему взялся за оружие и стрелял в черносотенцев, они — за призывы убивать людей. Моими свидетелями будут почетный гражданин Томска просветенец Петр Иванович Макушин и князь Николай Николаевич Трубецкой. Они были у Азанчевского и Макария, умоляли остановить убийство. Шумный будет процесс...

2

Забастовки рабочих на станции Тайга и служащих Управления сибирских железных дорог в Томске встревожили царя, и он потребовал от губернатора Азанчевского, не стесняясь в средствах, подавить беспорядки.

Трагедия произошла через день после получения в Томске телеграмм Николая Второго и ревностного исполнителя его монаршей воли генерала Трепова. Трепов писал откровенно: «Не останавливайтесь перед применением военной силы».

И главари губернского «Союза русского народа» — губернатор Азанчевский, епископ Макарий и миллионер Кухтерин — не постеснялись в средствах.

Поздним утром 20 октября 1905 года по наущению черносотенцев захлопнулись лавки Славянского базара, выкатились из трактиров и монополек тележки с бутылями водки. Маклаки и дворники, торговцы и мелкий ремесленный люд кинулись к угощению. Рыночный кузнец, сорокалетний богатырь и пьяница Епифан Старцев, глотал даровую водку из четверти, пока не закачался, как великан-колокол Кафедрального собора. Пуще алкоголя мозг его замутили ползущие по городу слухи: «Студенты и железнодорожники намерены уничтожить епископа Макария и всех боговерных». А когда рыжий маклак сказал, что и его, Старцева, кузню разнесут по дранке, потому что он не забастовщик, Епифан побежал с толпой в пожарное депо за ломами и кирками.

Из полицейского управления вынесли портрет Николая Второго. Мужики и бабы с иконами, хоругвями и крестами окружили портрет самодержца. С пением

«Боже, царя храни...» полутысячная толпа двинулась вверх по Почтамтской.

Ни одного полицейского не оказалось на пути толпы. Черносотенцы поняли, что город отдан им на расправу, и первого прохожего, не скинувшего шапку перед портретом царя, проткнули ножом.

Между тем Троицкий кафедральный собор благовестил всеми колоколами. Толпа потянулась к собору, заполнила площадь перед ним, его ступени и все пространство внутри и вокруг амвона. Макарий вышел к толпе в праздничном облачении — в митре и ризе с овальной панагией на груди. На панагии — изображение Христа, увенчанное драгоценными камнями.

— Семнадцатого октября,— умильно начал Макарий,— всемилостивейший государь Николай Александрович благоволил возвестить дар народу — манифест общения братского... Сердце царево в руце божией, и всевышний направляет его. Тяжкий грех берет на душу тот, кто мятежом идет против закона. Царь-батюшка дал многия милости, а народ мятется. Смутьяны-крамольники желают удовлетворить одних себя. Так Каин из зависти убил единственного брата и за это всю жизнь ходил, стеня и трясыйся.

Макарий простер руки к раскрытым дверям, показывая на трехэтажное здание Управления сибирских железных дорог на противоположной стороне площади.

— Гляньте на гнездовье смуты, православные! Там грешники. Они рушат устои царские...

Возбуждение слушателей нарастало.

— Вы, добрые христиане, пользуетесь дарованной вам свободой в границах закона. Те же, что бесчинствуют рядом со святою церковью, забыли бога. Социалисты и анархисты — исчадие дьявола — возмутили твое, народ, царелюбие. Тебя, русского богоносца, мятежники смеют называть черной сотней. Забыли они предупреждение господа нашего: «Аще хощете и послушаете мене, благая земли снесте, аще же не хощете и не послушаете мене, меч вы пояст!»

Толпа, взвинченная Макарием, кинулась к главному подъезду Управления.

Незадолго перед тем пришли сюда за жалованьем сотни железнодорожников, жены с детьми, служащие Управления, бастовавшие с 13 октября. Их в несколько минут растоптала бы озверевшая толпа, если бы не

семьдесят вооруженных револьверами дружинников. Тремя шеренгами преградили они путь взбешенной лавине. В первой шеренге были большевики — руководитель боевой дружины Алексей Ведерников, Яков Юровский и Степан Валуйских, приехавший в это утро со станции Тайга.

Залп дружинников остановил толпу, позволил женщинам с детьми, рабочим и служащим скрыться в здании Управления. Последними через главный подъезд вошли туда дружинники.

Толпа не покидала Соборной площади. До наступления темноты она несколько раз атаковала обороняющихся, но безуспешно.

Крепчал мороз. Винные пары улетучивались. Толпа стала понемножку редеть, когда губернатор Азанчевский прислал на площадь казачью сотню и три пехотные роты. Это подстегнуло черносотенцев. Размахивая ломами и дубинками, они ворвались в Управление. Дружинники встретили толпу огнем. И едва раздались их одиночные револьверные выстрелы, как по команде офицеров казаки и солдаты открыли стрельбу залпами по окнам и дверям здания.

Черносотенцы закрепились на первом этаже — на второй не давали им подняться. А те, кто оставался на улице, разложили костры, чтобы согреться.

Отсвет разгоревшегося костра упал на портрет Николая Второго, на парадный мундир самодержца. В холодных глазах царя заиграло пламя.

— Император скверну выжигать требуеть! — заорал пьяный заводила.

— Знамение!..— заголосила баба, падая ниц перед портретом, и, тут же вскочив, выхватила из костра пылающее смоляное полено.

В вестибюль, коридоры и кабинеты первого этажа натащили из соседнего здания городского театра декорации, плюшевые кресла, диваны, скинули в кучи с мебелью и бумагами Управления, облили все керосином и подожгли.

Пламя потекло по полу, брызнуло по стенам, полезло вверх по маршам лестниц.

Дружинники бросились вниз тушить пожар. Снятой с себя бекешей Яков бил по огню, отстреливаясь из пистолета от поджигателей. Двое незаметно обошли его, но с лестницы тигром прыгнул на громил Степан.

Пожар разгорался. Черносотенцы подожгли и северное крыло Управления, и флигель телеграфистов во дворе, и театр по соседству. К ночи из четырехсот осажденных оставалось в живых меньше половины. Распространяясь по зданию, огонь стал угрожать самим поджигателям, занявшим двор у северного крыла Управления, и они сбежали на противоположную сторону площади.

Двор — единственную брешь в кольце — заполнили осажденные. С помощью дружинников одолели высокий забор женщины с детьми, потом мужчины. Темными переулками они побежали налево, к Томи.

Ведерников, Юровский и Валуйских прикрывали прорыв со стороны ворот. В перестрелке ранило Ведерникова.

— Уходите, ребята,— просил он.— Со мной пропадете!

Они не отвечали. Спешили подкатить с другого конца двора бревна, соорудить у забора устойчивые ступени, чтобы перенести товарища,— и не успели. Черносотенцы обнаружили побег. Отрезав Ведерникова от Якова и Степана, на их глазах растерзали его... У ворот появились солдаты. Якову и Степану оставалось или вернуться в охваченное пожаром здание, или погибнуть во дворе.

Отстреливаясь, они подбежали к дышавшему пламенем дверному проему.

— В подвал! — крикнул Степан.— Отсек не горит.

Яков был уже на ступеньке, когда упал Степан. Юровский подхватил раненого и шагнул в пламя.

Опалило глаза, рот, руки. Сквозь огонь Яков прорвался до обитой жестью подвальной двери, ударил по ней спиной, скатился с лестницы. Пока сбивал пламя со Степана и с себя, ничего не видел. Потом в углу заметил человека и с трудом узнал в нем Бориса Нехида, с которым работал в детстве у хозяина.

Утром Нехид выступил главным оратором на митинге в театре в честь успеха меньшевиков и либералов на выборах в городскую думу. Когда Яков забежал в театр предупредить людей, что творится в здании Управления, Нехид обозвал его паникером. Круглый, румянощекий, он захлебывался от торжества.

Прошло всего несколько часов, и куда девался речистый, самодовольный Нехид! Он стоял с закрытыми

глазами у стены, будто прибнтый к ней гвоздями. Рыхлый, с трясущейся губой и отвисшими ржавыми щеками, беспомощный и жалкий, он не вызывал у Якова ни сострадания, ни сочувствия. «Спрятался, как мышь... Большая мышь в лисьей шубе...» Но сказал Яков не то, что подумал.

— Очухайся, Боря! Степан ранен. Пособи.

Услышав голос Якова, Нехид вздрогнул от мгновеиной радости, которая тут же растворилась в страхе. «С Яковом раиеный, черносотенцы во дворе. Могут прийти за ними, н меня...»

— Ну?.. Или ты мертвец?!

В голосе былн нетерпеливость и презреиие. Нехид почувствовал это.

Яков скинул с себя бекешу, пиджак, рубахи, разорвал нижнюю, перевязал Степановы раны. Неслышно подошел Нехид, накниул на плечи Якова лисью шубу.

— Степану подложи, крылом прикрой, а его куртку надень.

Нехнд глядел в осунувшееся, обросшее колючей щетиной лицо. Он бы вытер со лба Якова кровь, но не посмел. Боялся — спросит, почему оказался в подвале... «Ты трус...» Яков имел право так сказать, но не сказал н не спросил ннчего, а отошел к стене, задрал голову к узенькому окошку под самым потолком, пытался уловить, что происходит во дворе.

— Не стреляют. Думают, мы сгорели. Возможно, ушли. Переждем немного...

Раздался оглушительный гром. Над головами словно взорвался пороховой склад. С потолка и стен рушнлась штукатурка. К счастью, свод на рельсовых опорах сдержал миоготонный груз, ударивший с трехэтажной высоты. А двери вышибло. В подвал повалились кнрпнчи н камнн. Чем-то горячим стукнуло Якова.

От удара он потерял сознание. Очнувшись, ощутил острую боль у виска, едкий дым, запах горелого железа. Пыль забила нос и ушн. Вход в подвал закупорило. Еслн б не выбило волной стекла узенького окошка, задохнулись бы. Яков положил Степана у стены под окошком. Прошло с полчаса, пока дыхание раненого выправилось, стал прощупываться пульс.

Плохо было Нехнду. Он сидел на корточках, бессмысленно глядел в потолок и тоико хихикал.

— Перестань, Борис! — тормошил его Яков.

Всю ночь пытались вдвоем убрать от лестницы камень, железо и битый кирпич. Стоило на полшага приблизиться к лестнице, как грузная масса сползала, опять придвигаясь к стене и оставляя трем узникам те же полторы сажени да оконце под самым потолком.

К рассвету Нехид взмолился:

— Нет сил и смысла... Все равно околеем.

— Ты же человек! — бодрил его Яков. — Выберемся. И для подпольной работы мы с тобой еще пригодимся!

Нехид мелко тряс головой.

— С меня хватит... Если выживу, брошу политику...

— А народ?!

— Дикари... Сжигают своих братьев... Нет в России почвы для добра.

— Клевета!

Перебранку услышал Степан.

— С кем это ты, Яша?

— Нехид.

— А, тот магазинщик-оратор... Пусть мотает... Дай пить!

Яков набросал камней повыше и, встав на них, дотянулся до окошка. Разрезал кисть, но снега достал, смочил им губы Степана и обмыл лицо.

Обессиленный Нехид отупело глядел, как камни, отбрасываемые Яковом, падают в единственный незаваленный угол подвала.

День, вечер и ночь не слышно было никого, будто пожар испепелил всех горожан, родных, товарищей, — иначе разве могли они не прийти, не искать?

Кашель не давал Якову дышать. Он заставлял себя снова и снова относить от завала в угол пруты железа и камни.

Но гора над лестницей не уменьшалась, продолжала давить на подвал смертной тяжестью.

К концу вторых суток и Якова оставили силы...

23 октября наконец откопали живых и мертвых. В тот же день губернатор Азанчевский верноподданнически доносил через генерала Трепова Николаю Второму, что повеление его императорского величества выполнено — в Томской губернии установлен порядок, население удалось успокоить и «привести к верности трону».

3

После многочисленных просьб Марии Яковлевны прокурор разрешил ей свидание с мужем. Она взяла с собой детей. Они шли к тюрьме меловыми холмами, собирали на их зеленых лужайках оранжевые купавки.

— Огоньков папе! Огоньков! — командовала Римма.

Букет несли по очереди, а возле тюрьмы передали Жене, чтобы он вручил отцу.

Такая честь была ему оказана неспроста...

Третьи роды у Марии Яковлевны наступили преждевременно и так внезапно, что она, дипломированная акушерка, опоздала вызвать подругу, с которой кончала Повивальный институт.

— Не волнуйся, я помогу тебе,— успокаивал жену Яков и сам принял ребенка.

Может быть, поэтому, сам того не замечая, он както выделял младшего сына.

Вошли в мрачную, перегороженную проволочной сеткой комнату. Римма уткнулась носом в сетку, представляя отца в полосатой арестантской одежде, в кандалах, глядящим исподлобья, как каторжники, которых гнали по этапу в Нарым и Иркутск. Ей было обидно, горько — она даже не сможет обнять отца. И вдруг услышала его голос позади себя.

Надзиратель, вероятно, с тяжкого похмелья, перепутал двери, ведущие в комнату свидания, и втолкнул Якова Михайловича в запрещенную для него половину. Отец оказался почти таким же, как дома: в рубахе-косоворотке, в коричневом, даже не помятом костюме. Он схватил Женю, который протянул ему букет цветов, и оба засмеялись. Шура надулся, но отец подкинул его еще выше, чем Женю. Когда он обнял Римму, ее дыхание перехватили кислые, затхлые тюремные запахи. Она увидела, что отцовское лицо стало пергаментно-желтым, а румянец на щеках не от здоровья — от туберкулеза румянец.

— Тебе очень трудно? — она закусила губу, чтобы не разреветься.

— Выдумщица! Мне хорошо.

— В тюрьме хорошо?!

— Ну, не очень, но и здесь можно немало узнать и сделать,— улыбнулся он и спросил с суровинкой:

— Ты помогаешь маме? Я на тебя надеюсь...

Он стиснул ее локоток большой своей рукой.

— Поиграй, пожалуйста, с ребятами.

Римма ждала этого — родителям надо переговорить. Они отошли в угол, подальше от двери. Яков Михайлович шепотом спрашивал:

— Миша заходил?

— Забрал все. На новую явку.

— Скажи ему: жандармы имеют одни агентурные сведения Доброхотова. И прокурору не удастся слепить судебное дело. Видимо, кончится высылкой.

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

1

Уездный Екатеринбург произвел на Якова Юровского двойственное впечатление.

Размашистый, с ровно прорезанными — с востока на запад и с юга на север — улицами, город поражал кричащим контрастом роскоши и нищеты. Дворцы золотопромышленников и купеческие особняки с венецианскими окнами — среди деревянных домов и едва поднимающихся над землей хибар — выглядели заморскими путниками, забредшими случайно в нечесаную, грязную толпу.

Зато Екатеринбург выигрывал крупными по сравнению с томской кустарной мелюзгой заводами, фабриками и более многочисленным и сплоченным рабочим людом. Яков немало наслышался о большом влиянии большевиков в социал-демократической организации Екатеринбурга. Томские друзья Юровских — Елизавета Белопашенцева и Михаил Герцман, в прошлом жители Екатеринбурга,— такими красками обрисовали Верх-Исетский завод, что Яков подходил к нему словно к доброму знакомому. И в контору вошел, не сомневаясь, что найдет здесь работу.

Но едва Яков вынул из кармана заменитель паспорта — бумагу, заверенную полицмейстером, с указанием имени и примет, как конторщик брезгливо выпятил нижнюю губу, показал просителю на дверь:

— Мест нет и не будет!

За пять дней Яков обошел почти все заводы и фабрики, портняжные и часовые мастерские города. Но

отовсюду его выдворяли. Иной раз отказывали вежливо. Должно быть, и сочувствующие боялись иметь дело с человеком, живущим по «Положению о полицейском надзоре».

Сорок статей было в «Положении» — сорок запретов и угроз тюрьмой, если он, Яков, нарушит запреты. Зато полиция могла в любое время произвести обыск на его квартире, конфисковать все, что он заработал, проверить его переписку. «Даже в тюрьме у меня было больше прав. Действительно, прокурору не нужен был суд, чтобы раздавить меня»,— думал Яков, потеряв надежду найти работу и мало-мальски пригодный для жилья угол.

И все же он не поддался отчаянию, стал обходить ювелиров Екатеринбурга подряд. В ювелирных магазинах на Главном и Покровском проспектах отказ был единодушным. Правда, один подмастерье задержал Юровского у выхода, посоветовал наведаться на Успенскую улицу, там, он слышал, искали ювелира.

— Вы не скажете фамилию хозяина?

— Нехид.

— Не Борисом звать?

— Не знаю.

«Неужто Борис?! Или однофамилец...»

Почти семь лет Яков не слышал о Борисе Нехиде. Через неделю после трагедии на Соборной площади тот продал магазин и невесть куда скрылся.

«Если это Борис, то работу, наверное, даст...»

День был на исходе — магазин на замке.

Босоногий мальчишка, у которого Яков Михайлович спросил, где живет Нехид, понимающе кивнул и, сверкая пятками по двору, взметнулся на лестницу.

В коридоре второго этажа пахло жареным луком, тертой редькой и чесноком. Слева, из отдаленной от жилых комнат кухни, слышался визгливый голос, должно быть, хозяйки. С филенчатой двери в конце коридора смотрел на Якова Михайловича бронзовый с расплющенным носом лев.

Яков потянул ручку звонка, за дверью лениво тявкнул колокольчик. Послышались быстрые шаги, и в коридор выкатился круглый, с подтяжками на высоком брюшке Нехид.

— Не узнаешь, Борис?

Нехид близоруко сощурился.

— Яшка?! Дорогой мой!

Подпрыгнув и поцеловав Якова Михайловича, Нехид потащил его через две комнаты в столовую и затараторил:

— Часто вспоминал тебя... Как ты меня нашел?..— только тут Нехид хорошо разглядел Якова.— До чего ж тебя измочалил Томск... Хорошо, что ты уехал оттуда. Дело открывать надумал?

— Такое, что ни мне, ни тебе не снилось...

Нехид не уловил иронии.

— Что же я стою? Выпьем за встречу.

Он достал из буфета бутылку бургундского, рюмки, предложил тост за благополучное устройство Якова.

Они выпили по рюмке, и Нехид увлекся воспоминаниями: как они поступили к богачу Перману в часовую мастерскую («мне было четырнадцать, тебе, кажется, шел тринадцатый...»), как подмастерье Яков организовал забастовку часовщиков («помнишь, я тебе помогал»...).

Промолчал только Нехид о том, что после забастовки Яков надолго стал безработным, а ему, Борису, все сошло, как только родители женили его на владелице ювелирного магазина.

— Ну, и какое же дело будешь налаживать?..

— Я сюда выслан как политический.

Сияющее, как новенький медный самовар, щекастое лицо Нехида вмиг потускнело.

— Я ж тебя предупреждал в проклятом подвале: выберемся— бросай это, Яша.

От взгляда Якова Нехиду стало не по себе. «Такой же... Ну, пускай идет...» Но когда тот был уже возле двери, Нехид кинулся к нему, схватил за рукав.

— Стой! Что ты?.. Что я тебе такого сказал?..

Он увлек Якова обратно, усадил в кресло.

— Семья с тобой? Работаешь?

— Нет.

— Ай-ай-ай! А капитал какой-нибудь имеешь?

Яков Михайлович опустил руку в пиджачный карман — на ладони оказалось четыре медяка.

— На сегодняшний ночлег хватит.

— Боже мой! Как же ты?! Я тебя, конечно, принял бы, но работник есть, а троим даже сесть негде. У прилавка — жена...

Яков понимал: Нехид боится властей.

— Ты иа меия еще сердишься?.. Напрасно. Я тебя не оставлю. Я тебе деньги дам и семью прнвезу.

— Обуза для тебя явно лншияя.

— Не думай. У меня предвндится в Томске выгодная сделка, а в компаиии с твоей малышией даже веселее возвращаться... Так кем же ты можешь работать, если не удастся часовщнком или ювелнром?

— Портиым, стекольщнком. Фотографией заинимался...

— Фотограф? Это идея!

— Не возьмут и в ученикн.

— Сам хозянном будешь. Монм компаиьоном.

— Рабочнм фотографии — и то закон мне запрещает.

— Ну жену твою сделаю компаиьоиом. Никакой закон не придерется, если будешь помогать жеие.

И часа ие прошло, как оии были иа Покровском проспекте, возле домнка, который продавался на слом.

На другой день Нехнд купнл его за бесценок, наскоро отремонтнровал н оборудовал. Якову он поставнл вполне подходящне условня:

— Вмешиваться я ие буду, хозяйннчай. Заработаешь — возвратишь мон затраты. Фотографня будет твоей, как только выплатншь долг.

Было лн это данью юношеской прнвязанности, природиая лн доброта не позволила оставнть в беде товарища, а может, расчет на дополнительный доход руководнл Нехндом, но чем бы нн объясиялся его порыв, Нехнд сделал то, что обещал.

2

В конце девятьсот двенадцатого года Марня Яковлевиа с детьмн переехала в Екатерннбург. Малеиькая, расположеиная на бойком месте фотография вскоре стала приносить доход, и работящим, экономным Юровским хватало иа жнзнь.

Но Яков становился все угрюмей н раздражнтельией. Даже в одниочной камере ему было не так одииоко. Там он был отделен от других заключениых стенамн, этажамн, корндорамн, но чувствовал по перестуку, по песням, что рядом с инм друзья... А тут — холод, пустота. Не зиаешь, где искать партнйных товарищей.

— Хоть выходи иа улнцу н кричн: «Не прячьтесь от

нас, друзья. Мы же ваши!..» Как нам быть? — спрашивал он жену.

Отсутствие связи с подпольем мучило и Марию, но она не оправдывала самобичевание Якова.

— Больше года, как арестован комитет. Товарищи осторожны, действуют, наверно, в одиночку. Как тут быстро найдешь?

Они говорили об этом ночами, шепотом, чтобы не разбудить детей, спавших за тонкой загородкой.

— Не прощу себе, что погряз в этой фотографии... А ведь среди клиентов тоже есть наши. Эх, если можно было бы разглядеть душу через цейсовскую линзу!

— Вчера, по-моему, ты душу того лысенького старичка все же разглядел.

— Узнал только, что он на заводе Злоказова работает. Многосемейный. Бедствует. Пока я думал, как напроситься на встречу, за ширму уже пролез настырный клиент — фельдфебель... Нет, Мания, не могу киснуть. Пойду на электростанцию или на Верх-Исетский грузчиком. Иначе товарищей не найду.

— Полицмейстер смекнет, что ты ищешь подпольщиков.

Как только Юровский прибыл в Екатеринбург, полицмейстер объявил ему строжайший для поднадзорных режим: являться на отметку в полицейское управление каждый день, испрашивать разрешение на малейшее изменение рода деятельности.

Надо было перехитрить полицмейстера, и Мария Яковлевна нашла тонкий ход.

— Я помещу объявление в газету: «Дипломированная акушерка принимает роды в любом районе Екатеринбурга и его пригородах. Плата минимальная». Надеюсь, пролетарки обратятся ко мне за помощью. А там уж...

— Ты умница! Мне следовало бы, святая Мария, молиться на тебя, но я, к сожалению, безбожник.

Первый вызов к роженице Мария Яковлевна получила в феврале 1913 года. Запыхавшаяся девушка, отогреваясь у печки, сбивчиво рассказывала, с каким трудом она добралась из далекой слободки до вокзала, но и там ни одного извозчика не нашла.

— На Главном проспекте все. Ревела, просила — не ездют, господ катают...

В тот вечер Екатеринбург помпезно отмечал трехсотлетие дома Романовых. Разнаряженные тройки, звеня колокольцами, подлетали к соборам и к белому дворцу Харитонова, куда собиралась на праздник городская знать — опора трона.

Яков Михайлович сопровождал жену и девушку на далекую окраину. Они думали сократить путь, пройдя берегом городского пруда к станции железной дороги. Но на плотине и вокруг соборов, Екатерининского и Кафедрального, была тьма-тьмущая людей.

Верноподданные, пьяно и умильно глазея на портреты помазанника божьего, орали «Боже, царя храни...». Парни в рабочих поддевках, девушки в шубках попроще да в муфтах, пользуясь теснотой и музыкой, плясали и целовались. Полицейские — конные и пешие — кого потчевали нагайками, кого упрашивали не нарушать порядка.

На углу, у кинематографа «Колизей», Якову Михайловичу пришлось пойти вперед, чтобы сквозь живую стену проложить путь своим спутницам. Внезапно он остановился, обернулся к жене:

— У витрины... смотри!..

Саженях в двух от себя Мария Яковлевна увидела плотного человека в знакомой шубе-барнаулке. Если б не эта шуба, которую Яков сшил себе в Томске и со своего плеча отдал беглому из Нарыма, вряд ли можно было узнать Филиппа Голощекина: усики подстрижены короче, чем два года назад, лицо — тогда оно было желтым и худым — округлилось, румянилось на морозе. Когда в сторону Марии Яковлевны глянули чуть прищуренные глаза, она уже не сомневалась: «Он!»

Незадолго до своего ареста Яков Михайлович слышал, что по дороге из Томска в Москву в 1911 году Филипп побывал в Екатеринбурге и помог уральским подпольщикам. Вскоре он встретился с Лениным на Пражской конференции, там Филиппа избрали членом Центрального Комитета. Потом — арест, ссылка в Тобольскую губернию и опять побег. «Филипп, конечно, знает местных работников, прибыл, наверно, восстановить организацию... Подойти? Заговорить?.. Нет. Столько людей! И женщина рядом... Возможно, она не знает, кто он, и знать не должна...»

Молодая женщина в белой меховой шапочке почувствовала на себе настойчивый взгляд, что-то шепнула

Филиппу, и они ввинтились в толпу, исчезли из поля зрения. «Может быть, нагнать, остановить?» Но Яков не двигался с места: «Вокруг полицейские, филеры...»

Ближайшие дни были заполнены безрезультатными поисками. Под каким именем живет в Екатеринбурге Филипп? Да и где живет — на частной квартире или в гостинице?.. Яков и Мария дежурили у гостиниц, ходили по рабочим районам, но нигде не встречали его.

Недели через две, когда Яков Михайлович явился на очередную отметку в полицейское управление, он случайно услышал похвальбу молодого полицейского:

— Не веришь?.. Спроси хоть у полицмейстера. Втроем мы и брали этого Голощекина.

3

Пасмурным дождливым днем девятьсот четырнадцатого года в фотографию явился кочегар с Верх-Исетского завода Василий Меленцов, попросил Марию Яковлевну зайти к своей жене.

Мария Яковлевна пробыла возле роженицы всю ночь. Утром, после того как она приняла ребенка и молодая мать заснула, к Меленцовым забежала их соседка, испуганно прошептала:

— Полиция!

Меленцов бросился к комоду, вынул из-под белья в нижнем ящике измятую, должно быть, прочитанную уже многими газету и заметался с ней по комнате.

Мария Яковлевна шагнула к Меленцову:

— Отдайте мне!

— Вас арестуют!

— Дайте!

Выхватив из его руки свернутую газету, она сунула ее за пазуху. Едва успела отойти в угол к роженице, как распахнулась дверь и вошли жандармы, трое полицейских и сторож — понятой при обыске.

— Что за маскарад?! — с подозрением уставился жандарм на белый халат и белую косынку Марии.

— Я вас прошу не кричать! — она говорила вполголоса, но властно.— Только что произошли роды. Мать в опасном состоянии...

— Нас это не касаемо,— перебил жандарм, но чуть сбавил тон.— Тут именем закона производится обыск.

— Если вы позволите себе поднимать шум в комна-

те, где мать при смерти, я буду телеграфировать государыне императрице.

— При чем тут императрица?..

— Я имела честь окончить Повивальный институт ведомства учреждений ея императорского величества. Трон нас обязал охранять и защищать мать и новорожденное дитя.

Жандарм призадумался. Не производить обыска он не мог — агент донес жандармскому ротмистру, что уволенный после забастовки с завода Меленцов получил «Путь правды». Ротмистр приказал из-под земли добыть эту газету, арестовать всех, кто распространял и читал ее. Но телеграмма императрице?.. Медичка, видно, не шутки шутит, вон как ощетинилась!..

Откуда было знать низшему жандармскому чину, что Повивальный институт, который Мария Яковлевна окончила в 1908 году, находился вовсе не при царском дворе, а при томском родильном доме.

— Мы больную трогать не будем.

Жандарм выставил за дверь полицейских и сторожа, сам осмотрел комнату, спустился в подполье и, поднявшись, сказал Марии Яковлевне:

— Видите, даже не проснулась молодая...

А Меленцова не спала. Когда жандарм ушел, нашла глазами Марию Яковлевну, что-то прошептала.

— Таня говорит,— объяснил Василий,— вы нам роднее всех на свете. И ее, и меня спасли... И сын...

Закричал ребенок. Мария Яковлевна взяла его у матери, поучила молодого отца пеленать.

— Я буду приезжать по вечерам... Возьмите.— Она положила на комод деньги.— Покупайте продукты для Тани. Ей надо хорошо питаться.

— Я должен вам, а вы...

— Сами сказали — родные... Вы не станете обижать меня и моего мужа отказом.

— А газета? — вспомнил Меленцов.— У нас только один экземпляр.

— Попытаемся размножить...

4

Встреча, изменившая жизнь Юровских в Екатеринбурге, произошла, на первый взгляд, случайно. Из Томска от неминуемого ареста бежал Иван Легалов и че-

рез Тюмень пробрался к своим друзьям. Юровские пожаловались ему на отсутствие связи с руководителями организации. Тогда Легалов и назвал имя Малышева.

— Где магазин братьев Агафуровых?

— Двести шагов от фотографии.

— Рядом! — поразился Легалов.— Он же конторщиком у Агафуровых.

Через несколько дней встреча состоялась.

Возле жилого дома по Первой Береговой были выставлены семейные дозорные — Римма и девятилетний Шурик. Брат влез на забор, чтобы лучше было следить за Риммой. Она прогуливалась мимо дома, часто останавливалась на перекрестке, высматривая, нет ли подозрительных, и опять — туда и назад. Шурик хорошо видел сестру. Если помашет шляпкой, надо лететь в дом, предупредить, чтобы оба дяди, Легалов и тот молодой, который угостил их вафлями, успели скрыться.

Долго пришлось ребятам караулить. В квартире часов не замечали. Малышев рассказывал о том, что после арестов комитет еще не восстановлен, но больничные кассы — в руках у большевиков да несколько заводских кружков имеется.

— Забота наша: создать комитет, возглавить растущее рабочее движение. Да типографию бы свою, листовки печатать.

— А если от руки крупно написать, потом размножить фотографическим способом?

— Это возможно?

— Вполне... Прятать их легче и распространять тоже.

— Замечательно. А жандармы? Перероют все фотографии города, а у вас, как у поднадзорного, полетит все вверх дном. Нет, друзья, вы нужны партии на воле. Спешить в тюрьму незачем.

Яков Михайлович и Иван Легалов ненадолго вышли в огород и внесли в дом давно приготовленные и закопанные части самодельного гектографа.

— Отвергли новый способ — придется старым пользоваться,— сказал Яков Михайлович.

— Везет екатеринбуржцам на семьи революционеров! — радовался Малышев.— Супруги Свердловы, братья Черепановы и Быковы, сестры Бычковы тоже. А сейчас новый урожай: супруги Вайнеры и вот — Юровские. Здорово, честное слово!

Ночью Юровские и Легалов размиожили иа гектографе переписаииые заметки из «Пути правды», которые относилнсь к Уралу и Верх-Исетскому заводу.

ОТРЕЧЕМСЯ ОТ СТАРОГО МИРА

1

Войиа сделала Якова Юровского фельдшером.

Когда военио-врачебиая комиссия обиаружила у него туберкулез легких, язву желудка и ревматизм, председатель комиссии изрек тоиом избавителя:

— Получите белый билет — вы ие годиы ии для фроита, ии для тыловой службы.

— Печальио...

— Вы предпочитаете окопы?

— Вряд ли оии хуже уготоваииой мие ссылки иа Север — я политический.

Старый врач вышел за Юровским в коридор.

— Могу похлопотать, чтобы вас иаправили в запасиой полк, потом в фельдшерскую школу. Это вас устроит?

Еще бы! Остаться рядом с товарищами по партии, близко к семье, вие власти полицмейстера и жаидармов, добившихся решеиия пермского губериатора о высылке его в Чердынь...

Служба в армии оказалась для Юровского вдвойие полезиой: ои приобрел знаиия и опыт фельдшера, а главиое, появилась возможиость вести политическую работу среди солдат, и в госпитале, и в запасиых полках гариизона.

Поток раиеиых все ширился. Не хватало палат и коек. Яков Михайлович мастерил иары в коридорах, исполиял обязаииости фельдшера, саиитара, иной раз и врача.

По шестнадцать — восемиадцать часов ие заглядывал ои в свою каморку, а с прибытием одиого из последиих эшелонов вериулся туда лишь иа третьи сутки.

В каморке хозяйиичали мороз и ветер. Через раскрытую форточку ветер иаиес сиежиые холмики иа пол, иа постель, иа столик. Яков Михайлович сгреб и выкинул сиег, истопил печь и, согревшись, тут же, иа скамеечке, задремал.

Разбудил его настойчивый стук в дверь. В наступивших сумерках он едва различил на пороге фигуру в шинели поверх нательного белья. Голова белая, перебинтованная.

— Вставать с коек запрещено. Почему не попросили санитара меня вызвать?

— Ноги мои ходют! — ответил простуженный низкий голос.— Мне надобно без свидетелей.

Яков Михайлович зажег керосиновую лампу. За каждым его движением неотрывно следили серые, как будто знакомые глаза. И голос кого-то смутно напоминал. Яков Михайлович силился вспомнить и не мог.

— Госпитальные долгожители сказывали — ваша фамилия Юровский. Не томич, господин фельдшер?

— Томич.

— Михеля-стекольщика сын?.. Жив, значится!..

— Кузнец Епифан?

— Он самый, Епифан Старцев. А тебя, кажется, Яковом?.. Ну что ж, Яков Михалыч, расплата будет законная — бей дурака, чтоб до гроба не забывал, как шел тебя убивать на Соборной площади! — И, сорвав с лица бинт, подставил истерзанную осколком щеку.

Яков Михайлович усадил солдата, стал накладывать на голову свежую повязку.

— Не вам щеки подставлять и расплачиваться, Епифан Старцев. Других надо к ответу.

Уткнув забинтованную голову в ребро столика, Епифан слушал гневные слова о тех, кто погнал его на погром и на войну. А когда Яков Михайлович смолк, начал издалека. С того дня, как спьяна прибился к черносотенцам.

— Ты выстрелил, и я хотел тебя ломом... Потом искал, чтоб прикончить, и кто-то рявкнул мне в ухо: «Вон отец его...»

Впервые, через одиннадцать лет, услышал Яков, что отец был где-то рядом с ним на Соборной площади. «Не проснулся ли в нем тогда дух бунтарский, за который он угодил в Сибирь? — думал сейчас Яков.— Или обо мне узнал?..»

— Ты можешь мне не верить, Яков, твое право не верить,— продолжал Епифан, глядя на Якова Михайловича.— Я там вспомнил, как с твоим отцом мерз без работы на Базарном мосту, как распил с ним шкалик водки в день, когда ты получил звание часовщика и

ювелира-подмастерья... Потому и помог отцу твоему спастись, потому и сам бежал с треклятой площади. А ночью — из города насовсем... Бродяжил. Потом война. Двадцать шесть месяцев землю грыз...

Должно быть, давно искал Епифан человека, перед которым он смог бы излить душу.

С того дня он зачастил в каморку к фельдшеру — покурить, порасспросить о Томске, о войне, о царе Николае. По вопросам Епифана и по тому, как он выслушивал ответы, как кипел, спорил, молчал,— по всему чувствовал Яков Михайлович: колотятся в мозгу Епифана мысли, точно галька, попавшая на жернова. Старый солдат возмущался несправедливостью мира, но не верил еще, не осмеливался верить, что такие, как он, могут противопоставить себя царю и прислужникам царским.

Однажды Епифан застал Якова Михайловича лежащим на койке, без кровинки в лице. Солдат положил руку на костлявую кисть фельдшера.

— Лишку бьешься за всех, вот и болеешь... А за разговоры, за дела твои согнет тебя начальство, как я сгибал прутья на наковальне.

Сквозь боль приступа язвы Яков Михайлович улыбнулся Старцеву.

— Не согнут. Я не один.

2

В будни центр Екатеринбурга просыпался, как ленивый купец, часа на три позднее рабочих окраин. Зато по воскресеньям, по праздникам вскидывался чуть свет, всполошенный трезвоном двадцати четырех соборов и церквей.

— Бум-ждем! Бум-ждем! — басили на Главном проспекте соборы Кафедральный и Екатерининский.

— На ран-ню-ю обедню! На ран-ню-ю обедню! — зазывала шестерка храмов Ново-Тихвинского женского монастыря во главе с Александровским собором.

А церквушки помельче захлебывались скороговоркой:

Спе-ши-те к нам, по-мо-ли-тесь! Спе-ши-те к нам, по-мо-ли-тесь!

Но стоило качнуться колоколу Большого Златоуста, а он, должно быть от сознания своей неповторимости,

чуточку запаздывал, как все остальные уступали ему первенство.

Воскресным зимним утром Яков Михайлович шел Уктусской улицей к центру. Не доходя до Большого Златоуста, он свернул на Покровский проспект, прибавил шаг, точно колокол подталкивал в ссутулившуюся спину. Еще саженей полтораста, и Яков Михайлович остановился возле куцей витрины фотографии. За четыре года поблекла написанная его рукой реклама: «Сегодня снялись — завтра готово»; «Дюжина малого формата — 35 коп., среднего формата — 60 коп.».

Постоял минуту и переступил порог фотографии.

То была комната метров двадцати четырех, разделенная плюшем на две неравные части: бо́льшая, с громоздким, на треноге, аппаратом, служила съемочной, меньшая — приемной. До призыва в армию место Якова Михайловича было за аппаратом. Мария Яковлевна занималась в приемной или в кладовке, приспособленной под фотолабораторию. Теперь Марии Яковлевне приходилось работать и за мужа. Ей помогали Римма и Шура. Клиентов прибавилось, появилась новая аппаратура. К лету шестнадцатого года Юровские выплатили остаток долга Нехиду — фотография стала их собственностью.

По воскресным дням Римма с утра до вечера сидела на приеме и выдаче заказов. На этот раз она ненадолго задержалась и, войдя в фотографию, услышала по другую сторону плюшевого занавеса голоса родителей. Римма откинула занавес, увидела взволнованного отца.

— Восемь минут жду тебя,— строго сказал он.

— Я ж не знала, что ты... И клиентов еще нет.

— Отвыкай опаздывать на работу!

Губы Риммы сжались обиженно.

— Не раздевайся,— он подошел вплотную.— Беги к дяде Ване. Скажешь: надо немедленно встретиться. Проведешь черным ходом.

Еще до призыва в армию Яков Михайлович сделал запасной выход из кладовки-лаборатории в глубину двора. Незаметная, низенькая дверь глядела в сторону пустующего сарая.

Через эту дверь и пришел Малышев. Яков Михайлович заговорил о подозрительном предписании главному врачу госпиталя.

— Приказано откомандировать в полки всех раненых и больных, способных передвигаться без посторонней помощи. Я стал уточнять, к чему понадобились инвалиды,— ответили: для дневальства по казармам. Похоже, хотят перебросить куда-то полки. Когда, зачем — это держат в секрете.

Обе двери — в фотографию и во двор — были плотно прикрыты. Мария Яковлевна и Римма следили с двух сторон, чтобы никто не помешал встрече. И все же товарищи говорили шепотом. Малышев теребил короткий ус.

— Возможно, предписание госпиталю и вчерашний приказ генерала Сандецкого служат одной и той же задаче.

— Какой еще приказ? В госпитале ничего не слышали.

— Завтра, вероятно, получите. Он запрещает всякие увольнения в город солдат гарнизона.

В лаборатории было тесно. Свет не зажигали. Яков Михайлович подался ближе к Малышеву.

— Источник?

— Прапорщик Быков.

Яков Михайлович уже знал, что прибывший недавно в Екатеринбург из школы прапорщиков Павел Быков — большевик с девятьсот четвертого года, энергичный подпольщик. Было приятно услышать от Малышева о важном задании, которое доверено ему и Быкову.

— Быков будет с вами связан пока через меня и Вайнера. Мария Яковлевна или Римма должны ежедневно передавать нам вашу информацию, а мы — встречную.

И Малышев высказал мнение, к которому склонялись и другие товарищи:

— Нам кажется, власти намерены расквартировать полки гарнизона возле тех заводов города и уезда, где сильнее возмущение рабочих. Они, видимо, понимают, что мы можем использовать настроение народа, поднять всеобщую политическую забастовку. Вы как считаете?

Яков Михайлович помедлил.

— Попытаюсь уточнить и сообщу вам. Я тоже думаю, что власти решили силой оружия предупредить выступления рабочих.

Группа солдат, подлежащих отправке в полки, явилась через два дня в комнатушку Юровского.

— Ты, фершель, скажи — пошто закон рушат, калек в полки гонют? — стоя на одной ноге и постукивая костылем по полу, спрашивал пожилой солдат.— Трижды ранения получал, перебывал в госпиталях разных, а такого не видывал.

Среди вошедших был недавно появившийся в госпитале молодой ершистый солдат. Яков Михайлович при нем не решался сказать о том, что узнал.

— Похоже, Иван Фокич,— уклончиво ответил он пожилому,— на городскую войну понадобились.

— Японску и германску животом пропахал — таких войн не слыхивал.

— Ты, Михалыч, растолкуй внятно,— попросил Епифан Старцев, перехватив настороженный взгляд Якова Михайловича на ершистого.— Дружок верный, в окопах долго валялся.

— Не бойсь, фельдшер,— усмехнулся хитрыми глазами ершистый.

— Не в боязни дело — в выдержке твоей...— И Юровский решился: — Рабочих стрелять собираются.

— Православных?! — перекрестился набожный Иван Фокич.— Энто как — без ошибки?

— В полках начались ночные тревоги со стрельбами. Пока по мишеням. Завтра-послезавтра начнут в заводских...

— Авось-небось или факты имеются? — потребовал ершистый.

— Вчера штабной офицер сто двадцать шестого полка спьяну проболтался: «Будем стрелять в стачечников».

Желваки запрыгали на костистом лице Епифана Старцева.

— Неплохо, значит, что в полки гонют,— братву поднимем против офицерья.

— Хорошо бы. Но вы понадобились для дневальства в пустых казармах. Прокламацию бы от нас написать да солдатам подбросить.

Ершистый ухмыльнулся.

— Одной пельмешкой, фельдшер, тысячи не накормишь.

— Тысячи пельмешек иалепим... Напечатаем и доставим завтра!

Письмо-прокламацию составляли долго. Каждый хотел вставить слово, да по-своему сказаниое. Сохраняя мысли солдат, Яков Михайлович добавлял свои, писал и перечитывал вслух фразу за фразой. Спор вышел, когда Иваи Фокич хотел записать о боге и совести. Ершистый, а за иим и Старцев ополчились иа старика, ио Юровский взял стороиу Фокича, объясиив, что большииство солдат верует и иельзя с этим ие считаться.

Яков Михайлович договорился с Малышевым печатать листовку солдат в Союзе печатииков, иа Фетисовской улице. Но добираться туда стало иелегко.

Получить Якову Михайловичу отпускиую записку обычио трудов ие стоило — главиый врач Белоградский не расспрашивал, куда и зачем нужно идти фельдшеру. Теперь же он иапомнил, что отпускиая записка ие спасет от гариизоииой гауптвахты.

— У меия жеиа болеет,— пустился иа крайиость Юровский.— Пойду, когда стемиеет.

Пробирался к цеитру города малолюдиыми переулками. За углом церквушки гориого училища, глядящей фасадом иа Главиый проспект, остаиовился. На противоположиой стороие, у трехэтажиого здаиия мужской гимиазии и правее, на плотиие, прогуливались парочки. В свете фоиарей золотились рои сиежииок, оии падали иа офицерские папахи, шапочки дам, иа беличьи шубки... «Придется в обход...»

Массивиые колоииы соседиего здаиия прикрыли Якова Михайловича перед выходом иа Кафедральиую площадь. На той стороне, за сиежными сугробами, ои, пожалуй, будет в безопасиости, оттуда рукой подать до Фетисовской. Но ие успел ои иаметить путь, как сбоку выиыриул иевидимый до последией секуиды патруль — офицер и шесть солдат. Они будто зиали, что в его иагрудиом кармане солдатская прокламация. «Проглочу, если...» И другая мысль: «Быстрее!..»

Спииой ощущал ои уколы глаз патрульиого офицера. «В ворота!» Камеииая ииша двора. Здесь уже и выстрелы ие остаиовят.

Хозяии квартиры по Фетисовской, 6, зиакомый большевик, привел иаборщика, и всю иочь оии втроем иабирали и печатали прокламацию.

Утром Епифаи Старцев, Иваи Фокич и другие сол-

даты, отправленные из госпиталя, разнесли по полкам сотни листков. Свежая типографская краска оставляла жирные следы на пальцах солдат.

«Братья!

Нас обманывают.

Зачем генерал Сандецкий запретил отпуска, приказал за отлучку арестовывать и пороть?

Почему нас поднимают последние ночи по тревоге, заставляют стрелять с хода, с колена, с пуза?

Офицеры говорят: обыкновенная подготовка. Ложь! Штабс-капитан 126-го полка выболтал тайну. «Стачечников будем расстреливать, как немцев»,— сказал он.

Вот куда метят! Нас хотят превратить в палачей собственного народа.

Измученный войной, холодом и голодом, народ не может больше терпеть, он хочет земли, хлеба, работы.

Голодных собираются накормить свинцом и штыком.

Царское правительство надеется, что солдаты будут стрелять в своих братьев,— не будем!

Может быть, какой-нибудь отсталый солдат подумает: у нас-де тут родных нету. Так разъясните таким, что нас не случайно загнали за две-три тысячи верст от родных сел и городов. Нам прикажут стрелять в здешних людей, а сынов здешних жителей загнали в Томскую, Саратовскую или другую губернию, и им прикажут стрелять в наших родных. Теперь вам ясно, какую хитрую штуку с нами придумали?

Тысячу раз нет! Мы здесь стрелять не будем, а они там не будут. Сын в отца и брата не выстрелит. Это против бога и совести.

Когда народ будет требовать своих прав и нас по тревоге вызовут, мы присоединимся к его требованиям и всадим пулю в лоб первому офицеру, который скомандует: «Пли!»

Мы, солдаты, никогда не будем стрелять в свой народ.

Отречемся от старого мира!

Долой насилие! Долой войну! Долой преступное правительство!

Группа солдат Екатеринбургского гарнизона».

Листки прокламации взбудоражили солдат. Гарнизонное начальство вынуждено было отменить ночные тревоги, и намеченную передислокацию войск.

КЛЯТВА

1

Екатеринбург узнал о Февральской революции спустя несколько дней после того, как она произошла.

Сообщение временного комитета Государственной думы было напечатано в екатеринбургских газетах 3 марта 1917 года рядом с обращением пермского губернатора — в обоих ни слова о свержении монархического строя. Временный комитет сокрушался, что «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Губернатор Лозина-Лозинский заклинал население не верить тревожным слухам из Петрограда. Страх перед наступившей революцией снова объединил либеральную буржуазию с монархистами. Не в силах сдержать революционный подъем рабочего Екатеринбурга, они сделали ставку на полки Екатеринбургского гарнизона.

А город кипел. Как только правда о падении самодержавия пробилась через препоны, рабочие и работницы Верх-Исетского завода, фабрики Макарова, завода Ятеса пришли в тюрьму освобождать политических заключенных. Раскрывались двери камер, и рабочие на руках вынесли Ивана Малышева и других большевиков, арестованных в январе семнадцатого года.

— Что на заводе, друзья? — спрашивал Малышев у рабочих Верх-Исетского.

— Эсеры митинг сбирают...

— Давай к нам, Ваня, без пересадки!

Малышев изловчился, выскользнул из рук.

— Скорее на завод!

Но они немного опоздали. Уже лидер екатеринбургских эсеров убеждал рабочих терпеливо ждать выборов и созыва Учредительного собрания, а до той поры не озлоблять хозяев требованиями восьмичасового рабочего дня и повышения зарплаты. Гул и ропот были ему ответом. Внезапно наступила тишина — люди увидели на трибуне Малышева, услышали его звонкий тенор:

— С долгожданным днем, друзья-товарищи! Большевистская партия поздравляет вас с победой над монархией! Нет и не будет больше над Россией самодержца и порядков царских. Революция совершена пролетариатом и солдатами Петрограда. Они пролили кровь за

свободу народа, и никому не удастся сдержать порыв рабочих к справедливости. Восьмичасовой рабочий день — немедленно! Советы рабочих депутатов в Екатеринбурге — немедленно!

Площадь зашумела, заликовала, и басовые заводские гудки слились с голосами одобрения.

Вечером колонны рабочих и солдат, сотни горожан шли и шли к подъезду городского театра. Его заполнили до того густо, что боязно стало — балконы упадут на головы переполнивших партер. Страстными, призывными были выступления большевиков. От солдат гарнизона выступил Яков Юровский.

Его взволновал затаившийся черный провал зрительного зала, как будто вместивший в себя одно огромное сердце. Ошеломил гром оваций. В полумраке кулис Юровского остановил Леонид Вайнер.

— Куда тебя несет, Яков? Это ж тебе аплодируют и «ура» кричат, солдатский Жорес...

Были Яков Юровский и Леонид Вайнер ровесниками, оба — двенадцать лет в партии. И хотя первый проучился в школе всего одну зиму, а второй окончил реальное училище, занимался в техническом и к моменту встречи с Юровским заслуженно считался образованным марксистом, они стали близкими друзьями.

В начале марта большевики Екатеринбурга — их насчитывалось всего сорок человек — избрали временный городской партийный комитет, председателем — Ивана Малышева. На первом заседании комитет обсудил тревожное положение в полках гарнизона.

Докладывал прапорщик Павел Быков:

— Начальник гарнизона полковник Марковец запретил рядовому составу собираться даже группами в несколько человек. Командир сто двадцать шестого запасного пехотного полка полковник Соколов приказал высечь розгами солдат, принесших в казарму известие о низложении Николая. Пора покончить с произволом, заменить монархиста Соколова.

Быков вызвался идти в 126-й полк, чтобы поддержать солдат против Соколова.

— Не знаю только, кого можно поставить во главе полка.

Яков Михайлович назвал кандидатуру:

— Прапорщика Николая Николаевича Бегишева.

— А не будет ли это ошибкой? — спросил Вайнер.— Лично я с Бегишевым не сталкивался, но знаю, что он кадет с пятого года, к тому же член их комитета.

— Это так. И все же Бегишев — человек высокой порядочности. Мне приходилось видеть, как он защищал солдат от произвола. Павел Михайлович, по-моему, знает об этом.

— Слышал,— отозвался Быков.— Человек он, видимо, честный. И все же, мне кажется, лучше искать кандидата не среди кадетов.

— Что ж, Павел Михайлович, ищите среди эсеров! — с оттенком раздражения, но, как прежде, тихо произнес Юровский.— Среди офицеров полка наберется солидная рота эсеров. Они, конечно, выдвинут своего в полковые командиры. Вот где настоящая мина...

— Выходит, по-твоему,— вскинулся один из членов комитета,— что деятель враждебной пролетариату махровой буржуазной партии является другом?

— Я думаю, мы не имеем права отворачиваться от честных офицеров. Отвернемся от Бегишева — и рискуем потерять свое влияние на солдат.

Одобрив желание Быкова заняться 126-м полком, Малышев попросил его проинформировать товарищей об альянсе Кроль — Богданов.

Быков сообщил, что командир 108-го полка Богданов созывает собрание личного состава и докладчиком пригласил лидера екатеринбургских кадетов фабриканта Кроля.

— Кому-то из нас следует быть там. Сапер Килин не сможет противостоять краснопевцу Кролю, а в полку Килин чуть ли не единственный большевик.

Альфред Карлович Лепа предложил послать против Кроля Якова Михайловича.

— Вчера мы обнаружили в нашей организации талантливого оратора — товарища Юровского. Другие его большевистские качества нам давно известны.

Эти слова тронули Якова Михайловича, и все же он подумал, что Лепа заблуждается: какой из него оратор! На митинге в театре он был рядом с надежными товарищами, закаленными большевиками — Вайнером, Малышевым, тем же Лепой -- и лишь потому осмелился выступить перед огромной аудиторией. А в полку?.. Кроль образован, поднаторел в политических дискуссиях не только на Урале, но и в столице...

— Как бы силы не оказались неравными.

— А это уж постарайтесь, Яков Михайлович. Правда, Кроль — противник хитрый. А вы его бейте колючей правдой,— поддержал Лепу Малышев.

2

В казарме, пустовавшей после отправки одной роты на фронт, собрался личный состав 108-го полка — весь, за исключением караула и внутреннего наряда. За длинным столом сидели господин Кроль и штабные офицеры. Полковник Богданов огласил приказ командующего военным округом генерала Сандецкого — соблюдать спокойствие и оказывать содействие гражданским властям, если возникнут грабежи и насилия. Перед тем как предоставить слово лидеру кадетов, Богданов сделал широкий жест в сторону Кроля:

— В полк любезно согласился приехать член Уральского военно-промышленного комитета господин Кроль. Мы просим высокоуважаемого гостя осветить личному составу обстановку в государстве Российском и в самом Екатеринбурге.

Невысокий полный Кроль производил приятное впечатление. Он не пыжился, говорил доступно и энергично: верно, царя сместили, наследие престола передано его брату великому князю Михаилу Александровичу Романову. Городская дума прилагает усилия для создания авторитетного комитета общественной безопасности из представителей городского самоуправления.

— Я выражаю уверенность,— закончил Кроль,— что славное воинство поддержит объединенные усилия старой и новой власти и будет воевать до окончательной победы матушки России над ее извечным врагом — Германией.

На возвышении гулко захлопали офицеры, их поддержали унтеры и солдаты, стоящие поблизости. Остальные отозвались недоуменным гулом:

— Кому нужны старые власти?

— С губернатором якшаетесь зачем?

— Энтот хомут не лучше того!..

— Кому присягать — князю Михаилу аль Думе?

Потолок и стены слезились от жаркого дыхания людей. У выхода из казармы среди сгрудившихся солдат возвышался пулеметчик Преображенский. «Неблаго-

надежные в кучу сбились»,— подумал полковник Богданов и встал, чтобы угомонить солдат.

— Войска будут приведены к присяге новому царю. Что касается властей, то у нас имеются особые задачи по подготовке резервов для фронта, и никакого отношения к политике, к революции не может быть ни у высших, ни у низших чинов. Наше святое и единое дело — защищать царя и отечество до победного конца.

— Господин полковник, видать, не в курсе последних событий,— раздался негромкий голос Юровского.— Рабочие и солдаты Питера, свергнувшие царя, заставили отказаться от престола и князя Михаила. Никогда больше русская армия не станет присягать царям.

От дверей к левому дальнему углу поплыл над головами табурет. На него встал Юровский. Вся казарма увидела его массивную фигуру в длинной серой солдатской шинели, скуластое, обветренное лицо.

— А в революцию, господин полковник, будем вмешиваться, потому что права политические отныне имеет всяк солдат.

Лицо Богданова вспыхнуло злобой. Чтобы удержать полковника от опасного столкновения, Кроль бархатно-елейным голосом обратился к Юровскому:

— Это все слухи, дорогой. Им верить нельзя.

— А телеграммам можно? — спросил Юровский.

— Каким телеграммам?

— Тем самым, господин Кроль, которые вы и ваши кадеты из почтового ведомства спрятали от рабочих и солдат. Я читал эти телеграммы и оглашаю их содержание личному составу сто восьмого полка. В Питере образовано Временное правительство. Оно объявило свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением всех политических свобод на военных.

— Там сказано: в пределах, допускаемых по военно-техническим условиям,— сгоряча проговорился Кроль, только что опровергавший существование телеграмм. Этим не преминул воспользоваться Юровский:

— Вот вам истинное лицо лидера кадетов. Знал, что делается в Питере, а пришел в полк и морочит вам головы, считая, видимо, солдат ослами, которые съедят любую кадетскую бурду.

К Юровскому со всех сторон неслось нетерпеливое:

— Что телеграфы про войну бают?

— По домам, аль как?

— Рядового можно в комитет общества посылать?

В этот момент Богданов не решился применить силу. Надеялся, что Юровский споткнется, скажет что-либо против уставов, и можно будет скрутить его по закону военного времени.

— Господин Кроль и другие заводчики, фабриканты, купцы,— отвечал солдатам Юровский,— хотят создать комитет общественной безопасности без участия рабочих и нижних чинов армии. А народу нужны не комитеты буржуазные, а Советы рабочих и солдатских депутатов. У нас с вами достаточно сил, чтобы заставить господ убраться с дороги. Но мы им говорим: отойдите сами, пока не поздно. Мы не желаем крови. Уже довольно крови пролито неизвестно для чего.

— Для России! Для родины! — не удержался Кроль.

— Смешно, господин Кроль, слышать от вас святые слова. Вы воспринимаете родину, как хозяин фабрики, а солдат видит свое отечество, свою землю в слезах, в крови войны, которую надо кончать как можно скорее. Временное правительство в своем манифесте, к сожалению, о войне ничего не сказало...

Тут уж полковник Богданов поднялся угрожающе-властно.

— За антипатриотические речи фельдшер Юровский будет предан военному суду. Арестовать! Наверно, большевик!

— Вы проницательны, господин полковник,— голос Юровского звучал со спокойным достоинством.— Я в самом деле большевик, с девятьсот пятого. И против войны давно, как и большинство солдат, как народ России. Могу вам больше сказать: вместе со своими товарищами, членами Российской социал-демократической рабочей партии, я избирал большевистский комитет. По его поручению явился сюда передать полку: выбирайте депутатов в солдатский Совет, приходите завтра в десять утра на Фетисовскую, шесть. Там вы услышите о программе партии большевиков в революции, узнаете, как надо бороться за землю, за мир и свободу.

Десятка два офицеров и унтер-офицеров, пробивавшихся к Юровскому, уперлись в плотную живую стену. Иван Фокич, участник составления текста солдатской прокламации, встал на пути фельдфебеля своей роты.

— Не вводите во грех, господин фельдфебель. Всевышний накажет, ежели фершеля на суд.

— Прочь! — гаркнул фельдфебель, но другие солдаты не дали ему приблизиться к Юровскому.

Маленький, юркий Килин что-то тихо говорил солдатам, и они так тесно смыкались друг с другом, что и палку не просунуть, не то что человеку пройти.

Тем временем Преображенский и пятерка таких же рослых, как он, солдат помогли Юровскому покинуть казарму.

3

Чтобы не дать солдатам в воскресное утро пойти в большевистский комитет, командиры полков усилили караулы, выпускали из казарм только на молитвы в церковь и только в сопровождении офицеров. Но не помогли ни караулы, ни церковь. К десяти часам на Фетисовскую явилось около ста пятидесяти военнослужащих. Из 126-го полка солдат привел Епифан Старцев, из 108-го — Преображенский и Килин. Пожимая руку Старцеву, Яков Михайлович спросил:

— Нового командира назначили?

— Я крикнул громче всех: «Бегишева, прапорщика — командиром!» И ухнула братва: «Бегишева, и баста!» Тут уж начальство ничего поделать не могло.

— Молодцы! — заулыбался Яков Михайлович и повернулся к Преображенскому и Килину.

— А где Иван Фокич?

— Сказал, что помолиться хочет за убиенного сына — известие получил с фронта,— ответил Килин и поинтересовался, помог ли Юровскому начальник госпиталя Белоградский с отпуском.

— Да, очень удачно назначил комиссию — три месяца отпуска!

Иной бы поразился: у человека обострение туберкулеза, какая тут удача... Но Килин понимал Юровского — он сможет в течение трех месяцев полностью отдаться партийной работе!

Хозяин квартиры предоставил военным просторную комнату на втором этаже, но солдатам пришлось стоять и в коридоре. Дымили самокрутками, потели и не замечали ни жары, ни спертого воздуха.

Никто не открывал собрания. Юровский встал у косяка двери, чтобы видеть всех в комнате и в полусумрачном коридоре, и стал читать последний номер

«Уральской жизни». В телеграмме из Петрограда ни слова не было о том, намерено ли Временное правительство решать главные задачи революции — дать крестьянам землю, рабочим — восьмичасовой день, покончить с грабительской войной. Почему?.. Не потому ли, что правительство образовано из деятелей тех классов, которые и при царском строе угнетали народ? Помещик князь Львов — председатель Совета Министров, крупнейший сахарозаводчик Терещенко — министр финансов, а вождь кадетской партии Милюков — министр иностранных дел. Не перекрашено ли наспех кадетское суденышко? Могут ли пассажиры доверить ему свою судьбу, если на нем капитаном тот самый Милюков, который называл знамя революции красной тряпкой, а себя гордо именовал «оппозицией его величества царя»?..

Яков Михайлович размышлял вслух:

— Пока рабочие и солдаты с оружием свергали царя, львовы и милюковы добрались до власти. Они хотят сохранить в своих руках землю и фабрики. А вот за что борется партия большевиков.

Яков Михайлович вынул из нагрудного кармана гимнастерки запись с телеграфа.

— Сегодня мы узнали о Манифесте Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии «Ко всем гражданам России»... Большевики ставят перед народом и революционной армией задачу: создать Временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового республиканского строя. Какова цель этого правительства? Тут так и сказано: покончить с кровавой бойней, создать законы, защищающие все права и вольности народа, конфисковать монастырские, помещичьи, кабинетские и удельные земли и передать их народу, ввести восьмичасовой рабочий день и созвать Учредительное собрание.

От махорочного дыма у Якова Михайловича перехватило дыхание. Он долго кашлял, закрыв рот платком, и прислушивался к разгоревшемуся спору. Анархист солдат Жебенев схватился с сапером Килиным по вопросу о народной власти.

Молодой большевик стал явно брать верх над анархистом, когда вошел прапорщик Бегишев. Строгих линий офицерская шинель не смогла скрыть легкое брюшко бывшего московского адвоката. У Бегишева были

мягкие, типично гражданские черты лица. Но солдатам, заметившим вошедшего, бросилось в глаза не это, а золотые погоны со звездочками на полосках. Двое, не знавшие, кто он и откуда, зло крикнули:

— Зачем пожаловал, господин прапорщик?

— Разговор у нас строго солдатский...

Бегишева будто не коснулась едкость слов. Его круглое бритое лицо оставалось невозмутимым.

— Могу ли полюбопытствовать, гражданин Юровский, документ какой партии или политической группы вы здесь оглашали? Извините, я не всю вашу речь слышал.

— Мы читали Манифест Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии,— ответил Яков Михайлович, довольный, что офицер пришел на созванное большевиками собрание и что это был Бегишев.

— Мне кажутся разумными требования конфискации земель в пользу хлебопашцев, сокращенного для рабочих дня, созыва Учредительного собрания.— Бегишев произносил слова характерным московским говором, подавал их картинно, как некогда при защите подсудимых на процессах.— И права солдат я намерен вместе с вами отстаивать — поэтому и пришел сюда выслушать вас и свое мнение высказать. Но если я правильно вас понял, гражданин Юровский, вы неуважительно отозвались о партии народной свободы, в которой я имею честь состоять. Мне кажется, подобные выпады не в интересах свершившейся революции.

Анархист Жебенев, тряхнув длинными, как у попа, волосами, стал доказывать Бегишеву то же самое, что втолковывал Килину, уводя собрание в сторону. Солдаты, недовольные появлением офицера, опять зароптали. Яков Михайлович возвысил голос:

— Товарищи солдаты, прошу выслушать! Личный состав сто двадцать шестого полка одобрил назначение прапорщика Бегишева командиром вместо деспота Соколова. Николаю Николаевичу Бегишеву не безразлична солдатская судьба. Я приветствую в лице прапорщика Бегишева первого в Екатеринбургском гарнизоне революционного командира полка, который, как и вы, отозвался на приглашение комитета большевиков.

Шум улегся. Один Епифан Старцев не мог остановить свой басовитый шепот — он рассказывал соседу

из другого полка, как иивалиды-фронтовикн уважают справедлнвого прапорщнка. Бегншев иаправнлся от двери к Юровскому — солдаты уступали ему дорогу.

— Мне, граждаиии Юровский, ие понятен лозунг екатериибургских большевиков: органнзовать Советы солдатскнх депутатов. Не ведет ли такой лозуиг к лншенню прав офнцерства нзбнрать в Советы?

— Нет, Николай Ннколаевич. Офицеры ущемлены не будут. Выборы депутатов мыслятся и от солдат, соответственно их чнслу в частях, и от офнцеров, тоже соответствеино.— И Яков Михайловнч рассказал, как екатерннбургские большевикн думают органнзовать выборы в Совет солдатских и в Совет рабочнх депутатов.

В это время в проеме двери, ведущей иа лестничиую клетку, появилась угловатая фигура Иваиа Фокича.

Минуту ои торчал в дверях, набычившись, потом протнсиулся к Якову Мнхайловнчу, н тот едва разобрал сдавленные страхом слова:

— Анафема... Епископ Серафим с амвону...

Он сбивчиво передал солдатам, что пронзошло в соборе: епнскоп угрожал церковиым проклятнем тем, кто сочувствует революцин, кто иадеется на прекращенне войны.

Верующие помрачиелн. Те из ннх, которые стоялн в комиате, боязлнво косились на золотящуюся в окие верхушку Кафедрального собора. Его колокольиый звон показался им теперь зловещим.

И Яков Михайлович растерялся. Он не знал, как н чем отвести от людей страх перед угрозой анафемы.

Пауза затянулась. Иван Фокнч мял в руках папаху, переступал с иоги на иогу, ждал, что скажет Яков Михайлович. Молчание его тревожило иабожиых солдат.

Четверо, опустнв глаза, сталн пробнраться к дверям. Голос Якова Михайловнча остановил нх:

— Мы поннмаем вас, Иваи Фокнч. Вы потерялн сыиа. Горе ваше безмерно. Вы искали в церкви облегченне. Чем же вам облегчил горе епнскоп Серафим? Угрозой анафемы. За что? За то, что вы лишнлись единствеиного сыиа, за то, что сами кровь пролнлн за Отечество?.. Не получается ли, Иван Фокич, что не вы и ие товарищн ваши, а сам епнскоп является врагом совестн, врагом веры, врагом бога, еслн смеет угрожать иароду проклятнем?!

— Он же преосвященный...— прошептал старый сол-

дат, но стояла такая тишина, что его шепот услышали все.

— Преосвященный... Избранник... Николая, царя, считали избранником божьим, присягу ему давали, а он посылал вас и сыновей ваших на гибель. А епископы серафимы, князья львовы — чем лучше? Не им мы будем верить и присягать!

— Кому-то надо ж присягать? — зарокотал Епифан Старцев.

Юровский подхватил:

— Народу, товарищи, присягать будем, только народу! Он никогда не изменит своим солдатам.

И Яков Михайлович неожиданно для самого себя произнес:

— Клянусь!..

Густыми голосами перекрывая трезвон колоколов, солдаты повторяли за Юровским:

— Клянусь не опускать оружия своего, пока земля не будет отдана крестьянам, а фабрики рабочим.

— Клянусь биться за права и честь солдата, за уничтожение ненавистной войны.

— Клянусь до последнего вздоха стоять за рабочую и крестьянскую бедноту, отдавать без остатка силы свои народной революции.

Через неделю состоялось первое заседание Совета солдатских депутатов. Солдаты 108-го полка послали своим депутатом в Совет Якова Михайловича Юровского. Офицеры 126-го полка — Николая Николаевича Бегишева, офицеры 124-го полка — Павла Михайловича Быкова. 19 марта собрался Екатеринбургский Совет рабочих депутатов, а 23-го произошло его слияние с солдатским. Председателем исполкома объединенного Совета стал большевик Павел Быков.

Первое решение Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов гласило: установить с 1 апреля 1917 года восьмичасовой рабочий день.

СЕМЬЯ

1

Несколько раз они оказывались совсем близко друг от друга — в одной тюрьме, но, разделенные этажом или стеной, так и не сумели встретиться.

В апреле семнадцатого года долгожданное знакомство состоялось.

Яков Михайлович Свердлов приехал из Петрограда в Екатеринбург с заданием Центрального Комитета партии: провести областную партийную конференцию, сплотить ряды большевиков Урала. Он выступил на общегородском партийном собрании с докладом о текущем моменте. Когда собрание закончилось и Свердлов появился в фойе театра, его тесно окружили. Молодежь спрашивала о Ленине, о столице, ветераны наперебой звали к себе ночевать.

— Ко всем бы, други мои, с удовольствием, но уже обещал Юровскому.

— Как же — тезка! — не удержался от полушутливого укора рабочий Верх-Исетского завода.

— Даже вдвойне тезка! — подхватил Свердлов.— Поймите, не могу отказать Юровскому. Сидели в печальной знаменитой томской тюрьме, а поговорить не пришлось. Да он еще и не один — партийная семья.

«Партийная семья... Свердлов, значит, и меня имеет в виду»,— раскраснелась Римма.

Считанные дни прошли от самых светлых в ее жизни событий: четвертого апреля ей выдали партийный билет, а пятого, на собрании молодежи, избрали председателем юношеской организации. Ей удивительно повезло — товарищ Андрей будет у них дома, она сможет с ним посоветоваться, с чего начинать.

Товарищ Андрей!.. Из рассказов отца он рисовался Римме былинным богатырем, а увидела она в президиуме собрания худощавого человека среднего роста. Едва товарищ Андрей поднялся на трибуну, тряхнул густой черной шевелюрой, произнес сильным, приятного тембра голосом: «Дорогие товарищи, родные уральцы!» — как все уже были во власти его голоса.

...И вот этот голос рядом, и гудел он теперь мягко.

Отец и мать шли впереди, выбирая дорогу, где меньше выбоин и луж. Мокрый снег падал хлопьями. Сверд-

лов поднял воротник порядком изиошениого пальто и тихо пробасил:

— Замечательио придумала молодежь — юиошеская оргаиизация при комитете большевиков!

Редкие фонари — по одиому иа квартал — освещали пятачки возле столбов, а вокруг пятачков — сырая чернота. Свердлов шагал привычно — не раз ходил темиыми иочами Покровским проспектом вииз, к Исети.

— Как вы избирали руководство?

— Тайиым голосоваиием,— ответила Римма.

— Записки в урну?

— Нет, каидидатуру за дверь.

Темиота дрогиула от хохота Свердлова.

— За дверь! И вас, когда председателем, тоже?

«Вас...» К ией, девчоике, товарищ Аидрей обращается иа «вы», как к матери и отцу.

— Почему имеиио вас председателем, а Марусю Жеребцову секретарем?

— Ребята сказали, что мои родители еще с подполья большевики, зиачит, и я. А Маруся моя подруга...

— Веские мотивы... А задачи?

После оргаиизациоииого собраиия Римма, Маруся и «теоретик», как звали ребята пятиадцатилетиего Пашу Завьялова, ие раз беседовали о целях оргаиизации с матерью Паши — Клавдией Григорьевиой и Елеиой Борисовиой Вайиер (обе оии были прикреплеиы к молодежи от партийиого комитета).

— Задачи? — повторила Римма вопрос Свердлова.— Политическое развитие... Будем зиакомиться с программой большевиков. Иван Михайлович Малышев и Леонид Исаакович Вайиер обещали иам лекции читать...

— Это для вас. А вы — для партии?

— Воззваиия, литературу распространять.

— А рабочих ребят у вас много?

— Пока мало. Нас всего-то двадцать человек. Мы же, товарищ Аидрей, только три дня, как оргаиизовались!..

— Живем в такое время, товарищ Юровская, что три дия — срок совсем иемалый!

Промозглая сырость пробирала до костей, а Римма ничего ие чувствовала — оиа слушала Свердлова.

— Больше подготовлеиа к революциоииой борьбе рабочая молодежь. Ее должио быть больше у вас. Идите иа заводы, к фабричиой молодежи. Увидит она, что вы

не какие-нибудь хныкалки-веньгуши, а борцы за дело рабочего класса, и пойдут к вам заводские ребята.

Миновали мост через Исеть и сразу же круто свернули влево, к огромной луже, которая с весны до новых морозов не просыхала. Супруги Юровские поджидали Свердлова — Мария Яковлевна по одну сторону двухсаженной доски, Яков Михайлович по другую.

— Сюда, товарищ Андрей, осторожней, пожалуйста,— Мария Яковлевна протянула руку Свердлову.

— Спасибо, не беспокойтесь, плавать приходилось и в морях, и в лужах...— И он ловко прошел по доске.

Снег сменился дождем. Свердлов пробасил, подражая священнику екатеринбургской тюремной церкви:

— И разверзлись хляби небесныя перед потопом!..

— Чуть правее горка, товарищ Андрей,— сказал Юровский.— Начинается наша Первая Береговая.

Улицей она называлась по недоразумению. На самом деле то был немощеный захудалый переулок. Ухабы, ямы сделали его непроезжим.

— Удачное место, когда приходилось прятаться от жандармов,— сказал Свердлов.

Мать Якова Михайловича приготовила ужин, вскипятила самовар. После слякоти, дождя, сырости в теплой квартире было особенно уютно. Свердлов в домашних шлепанцах, в расстегнутой косоворотке, расположившись в плетеном кресле возле печи, обнял Женю.

— Меня зовут товарищ Андрей. А тебя?

— Товарищ Женя Юровский,— ответил восьмилетний Женя.—У вас тоже мальчик — сын?

— Угадал.

— Как его зовут?

— Андрюшей.

Женя хмыкнул.

— Оба два Андрея?

Свердлов засмеялся, усадил Женю на колени, потом привлек к себе Шуру.

Поужинали. Мужчины и мальчики убрали со стола, помыли посуду. Мария Яковлевна и Римма готовили постели. Заметив, что хозяйка положила на кровать лишнюю подушку, меняет постельное белье, Свердлов догадался, что постель предназначается ему.

— Мария Яковлевна, добрая душа, постелите, пожалуйста, на стульях, я очень люблю на стульях,— и, не дав себя уговорить, Свердлов составил стулья сиденья-

ми друг к другу в простенке между окном и печью.

Прикрутили фитиль настольной лампы. Через раскрытую дверь в комнату, где улеглись два Якова Михайловича, Мария слышала приглушенный шепот.

— Жаль, отпуск скоро кончится. Госпиталь опять заберет пропасть времени — мало остается для партийной работы. Может, демобилизоваться? Главный врач сказал, что смогут отпустить по болезни.

Короткая тишина — и Свердлов спросил:

— Солдатские комитеты в полках чьи?

— Большинство — эсеровские.

— Вот-вот... Нельзя вам из армии. Малышев и Быков говорили мне, как солдаты вас уважают, слушают. Не простое дело — эсера и меньшевика в полку провалили, а вас послали в Совет депутатом. Оставайтесь в шинели, чтобы гарнизон шел с пролетариатом.

2

Большинство в исполкоме Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов первого созыва составляли сторонники ленинской партии. Под их влиянием Совет объявил антинародной ноту министра иностранных дел Временного правительства Милюкова о верности России своим «союзническим обязательствам», осудил эсеров и меньшевиков, пославших четырех министров в коалиционное правительство.

Естественно, действия исполкома оказались не по нутру екатеринбургским соглашателям, и они спровоцировали офицеров 124-го полка на отзыв избранного ими депутата — председателя исполкома Совета большевика Павла Михайловича Быкова. Солдатская секция Совета не пошла на поводу у эсеров, и те, решив дать большевикам генеральный бой на пленарном заседании 10 мая, вывели против Совета личный состав 124-го полка.

В тот день полку предстояло передислоцироваться в Камышловские лагеря. Но эсеры повели его не на вокзал, а к оперному театру, где заседал Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Полк обложил здание театра огромной подковой. Вожаки эсеров вошли в здание, поднялись на сцену. Встав у председательского кресла рядом с Быковым, рослый, как и он, поручик грохнул кулаком по столу.

— Офицеры сто двадцать четвертого полка лишили прапорщика Быкова его депутатского мандата за вредную для России политическую деятельность. Спрашиваю: по какому праву он продолжает председательствовать?

— Вон большевиков! — подхватили депутаты соглашательских партий.— Прапорщика Быкова — на фронт!

На лице Быкова заострились, заходили желваки под тонкой загорелой кожей.

— Не вы, поручик, поставили меня председателем — не вы и снимете!

Лидер эсеров сделал ультимативное заявление:

— К театру прибыл в полном составе и при оружии сто двадцать четвертый запасной пехотный полк. Он больше не верит нынешнему Совету рабочих и солдатских депутатов и требует немедленной его реорганизации.— Эсер говорил внушительно и долго. Председатель не перебивал его.— Полк не уйдет на погрузку в эшелоны, пока Совет не объявит себя распущенным и не назначит новые выборы.

Быков спокойно возразил:

— Мнение одного полка не является основанием для роспуска Совета. Совет избран волей всего гарнизона, всего рабочего класса Екатеринбурга.

Прапорщик Мялицын кинулся по проходу к сцене.

— Мало вас распустить. Большевистский исполком заслужил тюрьму, а не перевыборы! — и повернулся к своим соратникам, офицерам, заполнившим центральные ложи.— За мной!

Депутаты-рабочие с Лепой во главе и группа солдатских депутатов, находившаяся возле Юровского, опередили офицеров. Возле входа на сцену Лепу и Юровского нагнал узколицый, в пенсне, Николай Толмачев — двадцатидвухлетний большевик, недавно присланный Центральным Комитетом в Екатеринбург.

— Выйдите к солдатам. С офицерами управимся!

Лепа и Юровский поднялись на наружный балкон. И на балконе были эсеры. И внизу в ротных колоннах они открыто призывали к провокациям.

— Рабочим дали восьмичасовой день, а солдаты двадцать четыре часа в окопах.

— Рабочие требут сотни рублей, солдатам перепадают гроши.

— Долой большевиков и Совет ихний!

Длинный эсер и взъерошенный толстяк из меньшевиков пробились мимо Юровского и Лепы к перилам. Эсер повторил ультиматум: Совет должен признать себя распущенным. Меньшевик захлебывался скороговоркой:

— Солдаты! Большевики продались врагу России — Германии. Они предают вас и армию.

Юровский подошел вплотную к оратору, выждал, когда он, как не раз с ним бывало, сорвет голос на визгливой ноте, и отодвинул меньшевика от перил.

— Колокольный звон не молитва, и крик не беседа,— Яков Михайлович положил тяжелые руки на перила, спросил у запруженной людьми площади: — Вы дадите мне сказать или хотите и меня, как моих товарищей, заглушить криком? Меня в Совет избрали солдаты, и я отчитаюсь перед вами за решения Совета.

Богатырского сложения детина с Георгиевским крестом на груди (он стоял в первой шеренге роты, под самым балконом) поднял винтовку со штыком.

— Не нашенского полка депутат! А ну с балкону!

— Чужим мыслям вторишь, храбрец. Против своих ружье вскинул. Ты, наверное, слышал, как народ говорит: черти возят жерди, чтобы ад городить. Вот и эсеры с меньшевиками считают, что георгиевский кавалер да еще твоего роста очень даже подходящая им жердина.

Смех прокатился по строю роты, чуть разрядил напряжение. Яков Михайлович продолжал:

— Вам нажужжали в уши: большевики — недруги, а эсеры и меньшевики — друзья по гроб жизни. Что ж, давайте разберемся. Большевики требуют похоронить грабительскую войну, кончить кровопролитие. Меньшевики же да эсеры вопят вместе с кадетом Милюковым: пока есть хоть одна целая голова — воюйте! Большевики предложили на Совете отпустить по домам стариков, чьи сыновья старшие уже умирают в окопах. По совести скажите — нужно старых солдат распустить или пусть бурьян затянет их землицу?

— По домам! — отозвались внизу.

— Так знайте: наше предложение провалили эсеры и меньшевики — те самые друзья, о которых в самую точку сказано: с ними дружись, а за топор держись!

За спиной Якова Михайловича отчетливо прозвучало:

— Хватит его слушать...

— На штыки Юровского!

Яков Михайлович не обернулся. Голос его оставался ровным. Лишь пальцы крепче сжали перила.

— За моей спиной эсер и меньшевик торгуются, кому раньше схватить меня и бросить на ваши штыки. Что ж братья-солдаты, держите штыки прямее, колите большевика, который сказал вам правду!

Мария Яковлевна, которая несколько минут назад прибежала к театру, бросилась к солдатам, но ее остановило решительное движение первых шеренг. Речь Юровского тронула солдат. Богатырь с Георгиевским крестом, повернувшись лицом к ротной колонне, снял со своей винтовки штык и воткнул его в землю.

От большевистской фракции еще говорил депутат Лепа. Его уже никто не перебивал. Лепа объявил, что Совет рассмотрит требования полка.

Эсеры добились перевыборов Совета первого созыва. Но намерение правых депутатов учинить физический разгром большевистской фракции потерпело крах.

И ГРЯНУЛ ЧАС

1

В одноэтажный бревенчатый дом на углу улиц Кузнечной и Крестовоздвиженской областной комитет пригласил партийный актив Екатеринбурга и большевиков-делегатов закрывшегося в этот день, 21 августа 1917 года, Второго уральского съезда Советов, первого в стране съезда, руководимого большевиками. Отмечался пуск типографии, купленной на рубли тысяч рабочих Урала.

За несколько дней до открытия над типографией нависла опасность — не хватило средств на последний взнос владельцу, а просьбу о временной отсрочке хозяин категорически отверг. Казалось, пропали рабочие рубли, собранные пролетариями Урала на свою типографию, добился-таки Керенский своей цели, когда закрыл «Уральскую правду» — негде будет теперь большевикам печатать газету для огромного, такого важного для революции края. Но тут, неожиданно для всех, Яков и Мария Юровские внесли в партийную кассу необходимые для окончательного расчета с хозяином восемь тысяч рублей, продав за эту сумму свою фотографию. Когда

Якову Михайловичу предложили заемное письмо, чтобы со временем вернуть ему деньги, он сказал, что самому себе в долг человек дать не может.

Первые номера начавшего выходить в новой типографии «Уральского рабочего» (под этим названием газета издавалась еще в 1907—1908 гг.) сообщали:

...В организованной уральскими большевиками всеобщей политической забастовке 1 сентября приняло участие 110 тысяч рабочих.

...Юношеская организация при Екатеринбургском комитете партии превратилась в Социалистический Союз рабочей молодежи.

...Собрание солдат 108-го запасного пехотного полка, заслушав доклад своего депутата, члена Военного бюро при Екатеринбургском комитете РСДРП(б) Якова Юровского, одобрило предложение депутатов-большевиков о необходимости образовать рабочую Красную гвардию.

Резолюция, принятая «всеми против одного», утверждала:

«Рабочая Красная гвардия будет выступать на защиту революции вместе с нами, революционными солдатами, и не с голыми руками, не с одними знаменами, а с оружием в руках».

Военное бюро, созданное Екатеринбургским комитетом еще в конце мая в составе Юровского, Парамонова, Анучина и Килина, добилось за лето многого. Военная организация в Екатеринбурге выросла в несколько раз. Созданные в полках большевистские комитеты вместе с членами Военного бюро отвоевали у эсеров личный состав трех пехотных полков — теперь эти полки полностью шли за большевиками. К середине октября, к дням перевыборов Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, лишь один из четырех пехотных полков — 126-й — оставался опорой правых эсеров.

В этом полку продолжал служить земляк Юровского, бывший томский кузнец Епифан Старцев. Реже, чем в госпитале, но он все же встречался с Юровским. Вот и накануне выборов в Совет Епифан ввалился к Якову Михайловичу.

— Нашего Бегишева украли!..

— Его послали в штаб округа, в Казань, на повышение.

— Для обману это, Михалыч. Доброго командира затюкали, чтоб эсера проклятущего поставить. А как Бегишева спровадили, сразу снюхались Петя Жебенев с Савельевым,— назвал Епифан вожаков полковых анархистов и эсеров.— Савельев науськал на тебя, Михалыч, и на Хохрякова своих горлохватов. Ежели кого из вас поймают в расположении, он приказал покалечить.

Балтийский матрос Павел Данилович Хохряков, присланный в начале октября Центральным Комитетом партии в Екатеринбург, успел завоевать популярность среди рабочих и солдат. Способный оратор, командир городских красногвардейских отрядов, он уже выступал с Юровским в полках.

— Ей-богу, Михалыч, нельзя тебе к нам...

— После это обсудим.— И Юровский стал уточнять, кого думают избрать депутатами в Совет.

— В нашей роте, я слышал, Архипова опять или Петра Жебенева. Меж ними разгорится главная драчка.

...Начало событий Епифан Старцев угадал точно.

Пока возвышающийся на помосте унтер-офицер Савельев толковал о героических усилиях верховного главнокомандующего Керенского и фронтовых частей, на учебном плацу у ротной казармы стояла тишина. Но едва он назвал кандидатуру Архипова в Совет и пригласил эсера на помост, запротестовали анархисты:

— Не нужна дырявая калоша!

— Жебенева в депутаты!

— Выходи, Петр Иваныч!

Жебенев вышел и с ходу начал разоблачать Архипова, как прислужника уездного комиссара Временного правительства.

Савельев и Архипов зашумели, стараясь перекричать Жебенева, и в перепалке не заметили, как на плацу появились их главные противники, против которых они третьего дня заключили союз с Жебеневым. Спохватились, когда на помосте зачернел бушлат, зазвучал сильный молодой басок Павла Хохрякова.

— Потеха, точно в женских батальонах смерти! — Хохряков показал на живописно застывшую тройку.— Бабы дерутся, у Керенского коленки трясутся... Я, братцы, нарочно из Петрограда приехал, чтобы спросить: кто из вас еще воевать хочет?

— Еще бы воевал, да воевало потерял! — загоготал петушииый голос.

— Пускай дамочки-буржуечки со смертью поиграют,— отвечал другой.

Белокурый, голубоглазый Хохряков хохотал со всеми. Затем резко оборвал смех.

— Отвоевались дамочки, удирают с фроита, как Керенский с правительством из Питера.

— Клевета иа первого патриота России! — возмутился Савельев.

— Избави нас от таких патриотов! Кереиский задолго до мятежа зиал о заговоре геиерала Кориилова, о готовящемся военном перевороте. Зиал — и оставлял армию в руках заговорщиков. Зиал — и под диктовку Корнилова ввел смертиую казнь иа фроите. А теперь горе-патриот приказал разъедииить силы флота, иамеренио покидает столицу, бросая революциоииых солдат, матросов и рабочих Петрограда, Кронштадта и Финляидии на растерзаиие войскам кайзера Вильгельма...

Шквал выкриков заглушил оратора.

— Неужто правда?..

— Шкуры!..

— Ты, Савельев, чего молчал-прятал?! — бросил кто-то вдогоику эсеру, удаляющемуся к воротам — Савельев бежал звать едиомышлеииков из соседиих рот.

— А ты, пророк волосатый,— переключились солдаты иа Жебенева,— тоже прикидывался?

Выдержка у Жебеиева иссякла. По его зиаку шестеро аиархистов вскочили на помост. Но раиьше их возле Хохрякова очутились Яков Юровский и Епифаи Старцев. Держа виитовку перед собой одиой рукой за шейку приклада, другой за ствол, Старцев столкнул анархистов и повернулся к Архипову.

Тот завопил:

— Что же мы их терпим, солдаты?.. Гоните большевиков-насильииков!

Даже иа малолюдных собраииях ие решался выступать Епифан Старцев, а тут ие стерпел:

— Врешь, собачий сыи! Ежели насильииков хочешь видеть, иа свово Кереиского смотри!.. Я, братцы, иа фроите и здеся всяких орателей слушал. Кричали: «Россию продают!», «Долой большевиков!» И я подкрикивал: «Долой!» Почему подкрикивал? Потому что оставался олухом. Теперич мне ведомо — большевики ведут

нас правильно. Контра и изменники — это господин Керенский, а здеся Архипов да Савельев...

— Крой их в печенку!..— понеслись одобрительные возгласы.

Эти возгласы сбили Епифана Старцева. Он опустил винтовку, повернулся к Юровскому.

— Говори, Михалыч. Я не умею, дьявол им в бок...

Яков Михайлович встал рядом с Хохряковым. Оба рослые, плотно сбитые, они могли показаться братьями, если б не разный цвет волос и глаз.

— Спасение России в прекращении войны, в переходе всей власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Об этом напечатана статья товарища Ленина!

В руках Якова Михайловича была газета «Уральский рабочий» за 15 октября со статьей «Кризис назрел». Юровский пересказал статью, а два небольших абзаца об армии зачитал солдатам:

— «Мы видели полный откол от правительства финляндских войск и Балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, небольшевика, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т. е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ручаться нельзя. Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении».

Яков Михайлович поднял газету над головой:

— Большевики призывают вас на выборах в Екатеринбургский Совет поступить так же, как поступили солдаты Москвы. Ни одного голоса не уступайте эсерам и анархистам, которые произносят льстивые речи и обманывают вас. Ни одного голоса не отнимайте у революции!

Архипов крикнул:

— Не матроса ли — горлохвата — наши солдаты выбирать будут?!

— А почему бы не матроса! — ответил Яков Михайлович.— Большевик Павел Данилович Хохряков не запятнал себя соглашательством с буржуазией, как вы.

— Выдвигаю товарища Хохрякова! — воскликнул Епифан Старцев.

Возможно, голосование произошло бы в тот же вечер, не подоспей с десятками эсеров из других рот Савельев. Он взобрался на помост.

— Товарищи солдаты! Мне стало доподлинно известно, что большевики замышляют гнусную провокацию. Матрос Хохряков — начальник штаба Красной гвардии — явился сюда отнять у солдат полка оружие.

Даже в наступающих сумерках и то видно было, как посуровели лица.

Яков Михайлович попытался доказать, что рабочие требуют отобрать оружие у корниловских полков, у черносотенных ударных батальонов, а не у революционных солдат, но его уже не слушали. Прибывшие с Савельевым вооруженные эсеры начали сталкивать Хохрякова и Юровского с помоста. Казалось, физической расправы не миновать.

— Прикажи остановить убивство, унтер! — гаркнул Епифан Старцев и направил штык на Савельева.

Митинг не прекращался трое суток.

На учебном плацу менялись взводы, ораторы из эсеров, анархистов, и только двое большевиков не знали замены. Когда один говорил, другой мог попить из фляги воды, пожевать краюху хлеба, изредка вздремнуть в сторонке. Но на третьи сутки уже и этого нельзя было себе позволить. То с разных концов казарменного двора, то опять сходясь на один помост, Юровский и Хохряков отбивали атаки противников, разъясняя солдатам их долг перед революцией.

На что уж упорным слыл Жебенев, и тот к концу третьих суток заявил, что выставит свою кандидатуру в другой роте, а тут пусть голосуют за матроса.

Подавляющая часть избранных в Совет из полка оказалась большевистски настроенной. Среди новых депутатов был и балтийский матрос Павел Хохряков.

Якова Михайловича Юровского в третий раз избрали депутатом солдаты 108-го полка.

2

После победы большевиков Екатеринбурга на выборах в Совет рабочих и солдатских депутатов никто уже не сомневался, на чьей стороне будут части гарнизона в решающей схватке. И враги революции попытались лишить пролетариат Урала вооруженной поддержки.

Начальник гарнизона полковник Марковец и уездный комиссар Временного правительства поручик Толстоухов, скрыв от войск телеграмму о событиях в Питере 25 октября, объявили срочную отправку частей гарнизона на фронт. Всем отпускникам было предписано явиться утром 26 октября к воинскому начальнику. Приказ относился и к солдату Якову Юровскому, получившему в госпитале дополнительный отпуск по болезни.

Небывало массовая и спешная отправка солдат на фронт насторожила и вызвала сопротивление. Утром 26 октября большевики созвали митинг на Коковинской площади.

Открытая глазам всего правобережья от Исети до Московского тракта Коковинская площадь выглядела в то утро огромным магнитом, притянувшим тысячи солдат и красногвардейцев, сотни рабочих Верх-Исетского завода и железной дороги. Женщины группировались вокруг своих руководительниц — секретаря Союза металлистов Анны Николаевны Бычковой и ее сестры Марии Николаевны Уфимцевой. Выступило несколько большевиков. Они призвали солдат оставаться в городе, вместе с рабочими драться за немедленное заключение мира, за роспуск по домам измученных войной фронтовиков.

Речи большевиков вызвали гул одобрения, как и выступления представителей от солдат. Хотел высказаться и Епифан Старцев, но увидел верховых на подъеме Отрясихинской улицы.

— Начальство прет!

Должно быть, офицеры, пришедшие утром в казармы и обнаружившие самовольный уход многих солдат, донесли об этом полковнику Марковцу, поручику Толстоухову, и те примчались вместе с главарями кадетов, эсеров и меньшевиков.

Утро стояло ясное, слегка морозное. Офицеры были в мерлушковых папахах с крестообразным золотым галуном на блинчатом суконном верхе, в светло-голубых

шинелях, нарядные и злые. Оторвав руку от эфеса шашки, полковник Марковец дрожаще-звонким, натренированным на строевых смотрах голосом скомандовал «Кругом марш!» и пригрозил:

— Противников приказа отдам под суд, как дезертиров!

Тем временем Юровский мчался к площади на коне с вестью о победе восставшего пролетариата Питера. Он узнал об этом в приемной воинского начальника от знакомого телеграфиста. Он спешил сообщить солдатам, что приказы старой власти уже не имеют силы, что настал день, какого не знало человечество.

Когда Юровский появился на Коковинской площади, солдаты и рабочие образовали коридор, пропуская его к трибуне.

Яков Михайлович привстал на стременах:

— Временное правительство низложено! Вся власть перешла к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Да здравствует пролетарская революция!

Не успел стихнуть первый шквал восторга, как с железнодорожного телеграфа примчался Павел Хохряков. Размахивая новой телеграммой из Питера, он вскочил на трибуну, сорвал бескозырку:

— Создан Совет Народных Комиссаров,— звенел ликующий голос матроса.— Во главе рабоче-крестьянского правительства — товарищ Ленин!

Над площадью покатилось «Ура!»

Молодой солдат по спинам однополчан вымахнул на трибуну.

— А как же фронт-то? — загудел он в ухо Хохрякову, не постигая еще, как изменили его жизнь петроградские события.

— Власть временная кончилась, браток. Приказы прежние закопаны навечно.— И бескозырка в резко опущенной вниз руке поставила за этим «навечно» твердую точку.

МЯТЕЖ СОРВАН

1

С момента побега из Томска в апреле 1912 года и до самой Февральской революции Степан Валуйских боль-

ше четырех месяцев на одном месте не жил. То плотничал по деревням, то кочегарил на пароходе. Рыбачил под Астраханью и, почувствовав слежку, через неделю оказался в Донбассе, забойщиком. В январе восемнадцатого, узнав, что Яков в Екатеринбурге, Валуйских немедленно выехал к нему.

При встрече — ни возгласов, ни жестов. Молча обнялись и пошли тихими ночными улицами к Исети, к дому Юровских — уж там проговорили до рассвета.

Услышав, что Юровский — член коллегии Екатеринбургского ЧК, Степан загорелся:

— Хочу с тобой, Яша... Поговори с Голощекиным!..

Юровский обещал. Кратко обрисовал обстановку в городе.

Степан рассказал о невеселых делах в Перми, где он побывал на пути в Екатеринбург.

— Контрреволюционная шваль взяла себе в союзники водку. Пьяные солдаты и уголовники громили магазины, избивали членов окружного комитета Советов и рабочих...

— Не слухи ли, Степан?

— Я же сам был там! Видел таких, как тот пьяница-кузнец в Томске, помнишь, что ломом убивал...

— Он тогда не убивал, Степан, и от водки излечился. Епифан Старцев здесь. Представь, командует охраной складов спирто-водочного завода. И пока он там, я спокоен: ни один пьянчуга к спирту не доберется.

Степан заулыбался, и редкая на его широком, бритом лице улыбка сделала почти незаметным глубокий шрам — метку с детства.

— Ты неисправимый идеалист. Не думаю, чтобы Старцев верил себе так, как ты в него веришь... Спирта много на складах?

— Почти девять тысяч ведер.

— Личная ответственность?

— За мной. Однако изволь, завтра напишем тебе мандат: «Спиртной комиссар Степан Иванович Валуйских. Без его приказа — ни пить, ни нюхать...»

— Смешки в сторону, надо проверить немедленно.

— Ляжешь отдыхать — пойду.

— Нет уж, расставаться с тобой не намерен.

У северного подножия холма — самой высокой точки Екатеринбурга, несущей на себе жемчужину города,

Харитоновский дом с церковью Вознесенья,— текла речка Мельковка. Издавна, взяв у речки название, выросла на ее берегах мещанская слобода, гнездо офеней — мелких торгашей, промышлявших вразнос и вразвоз ходким товаром от иголок до шелка, от колбас и сыров до серег и колечек. Недалеко от слободы — улица Водочная с заводом и запасами спирта на складах.

«Раздавать должны. Бесплатно. Сколь хошь...» — поползли пущенные кем-то слухи, и собрали они к ночи у ворот центрального склада с полсотни отчаянных пьяниц из горожан и солдат. Заслоном на их пути встали ребята из Союза молодежи, присланные Юровским на помощь солдатскому караулу Епифана Старцева.

— Раскрывай ворота, оратель! — крикнул бородатый верзила ученику седьмого класса гимназии Илье Дукельскому, который с летней митинговой поры сделался популярным среди горожан.— Байки твои да песни здеся ни к чему, здеся бочонок подавай!

На митингах Илья Дукельский неизменно заканчивал свои речи революционными стихами и песнями. Казалось, они там же, на площадях, рождались в сердце семнадцатилетнего юноши. Но тут был не митинг, и разговаривать с дико напирающей толпой было почти невозможно. Держа в вытянутой руке винтовку, Илья встал на плоский камень, лежащий возле калитки.

— Граждане! Товарищи солдаты! Есть же среди вас умные люди!.. Раньше Россию спаивал царь, потому что престолу не на чем было держаться, кроме как на темноте народной да на пьянстве. Теперь вас провоцирует контрреволюция. Ей надо, чтобы вы в вине потеряли головы, чтобы брат пошел на брата...

— Тоже, брат выискался...— загорланил сиплый голос.— Прочь, не то камнем голову снесу!

Распахнулась калитка. Со двора бежали солдаты охраны с Епифаном Старцевым.

— Расходись! — покатился его голосина на всю улицу.

Разогнать ночных пришельцев помешал инвалид на костылях, успевший хлебнуть браги у вдовушки-слободчанки.

— Ух ты-юх-ты, Старцев! Ты начальник?!

Костыль пикой уткнулся в грудь Епифана. Тот подхватил инвалида, чтобы не упал.

— Прикажи сморчкам спирту подать заради встречи!

Епифан сунулся бородой в ухо калеке, чтобы другие не услышали:

— Я те... Сам принесу... Уходи!

Инвалид оттолкнулся костылем от Епифана:

— Сволочь ты, Старцев, ей же богу, сволочь... Забыл, как вместе на фронте...

— Нельзя, ну пойми, нельзя,— просил Епифан.

Яков Михайлович и Степан Валуйских появились вскоре после того, как толпа была рассеяна. Илья Дукельский сообщил о налете, об угрозе вожаков разбоя возвратиться с оружием и разнести склады.

— Весь спирт, со всех складов — в водосточную канаву, в речку, в пруд! Чтоб ни капли не осталось! — приказал Яков Михайлович.

— Тыщи ведер?! — выпучил глаза Епифан.— Я не смогу.

— Есть складские служащие, чтобы выливать. Вам с охраной и с ребятами оцепить склады. Начнете, когда пришлю постановление исполкома.

Одни доказывали, что все произошло по злому умыслу служащих складов, другие это оспаривали. Но каковы бы ни были причины, спирт оказался на поверхности льда водосточной канавы, речки Мельковки и пруда у завода Ятеса.

Когда утром появилась орава, намеревающаяся громить склады спирта, у берегов Мельковки и водосточной канавы уже стояли сотни людей. Черпали спирт в кадки, корчаги и бутыли, относили его домой и опять прибегали с опорожненной посудой. Тут же устраивались попойки и драки.

— Эй, сивушники! — кричали опоздавшие.— Жрать жрите, да нас не забывайте!

— На пруду лед толще, спирту боле! — разнеслось по Мельковке, и жадные, одичавшие от выпитого мужики и бабы кинулись к пруду.

Подходы к нему были уже оцеплены. Выведенные Юровским две роты солдат сумели где совсем остановить, а где ограничить разгул пьянства. Но не все солдаты смогли устоять перед искушением.

Мороз градусов на двадцать пять продирался сквозь ветхие шинелишки. Потопчется солдат на месте, пробежится — малость согреется. Но проходит минут пятна-

дцать, опять мерзиет. Поиачалу сами над собой посмеивались:

— По щиколотке в спирту стоишь — н не моги...

Не выдержал одии, и второй попил с оглядкой, иет ли близко взводиого, а потом и оглядываться перестали. Нагиется солдат, ладоиями илн папахой почерпиет разика два н, гляди, уж хихикает, оголяет цепь, волочит виитовку, держа ее за штык.

Потери в оцеплеиии восполняли иовые взводы и юноши из Союза молодежи.

Павла Завьялова Юровский приставил к Старцеву вроде как адъютаитом. А сам с Валуйских с десятком кавалернстов метался по городу, заставлял пьяиых солдат выплескивать спирт нз котелков и чайииков, спрятаиных под шииелями виакидку, прииуждал мельковцев выливать награблеииое в сиег.

К полудню Юровскому стало ясно, что прииятые меры ие остаиовят массового пьяиства, что Екатериибургу угрожает повтореиие пермской беды. Избежать ее можио было, лишь подияв шлюзы плотниы у завода Ятеса и спустив воду. Адмииистрацня, ссылаясь на ущерб, который это иаиесет производству, отказывалась подиять шлюзы. Юровский доказывал, требовал, Валуйских возмущался:

— Арестуй, не миидальничай!..

К крайиостям прибегиуть ие пришлось. Шлюзы подняли. Спирт сиесло.

Только к вечеру Юровский от Паши Завьялова узнал о гибели Епифаиа Старцева. Пьяиый солдат ударил Пашу. Пока Завьялов беспомощио ползал по спиртиому озеру в поисках упавших очков, Епифан бросился иа обидчика — и упал, то ли от удара, то ли просто поскользиувшись. Когда ребята прибежали иа помощь, Епифаи уже захлебиулся спиртом. Спасти его ие удалось.

2

В иочь с 6 иа 7 декабря иа углу Покровского проспекта и Солдатской улицы убили прапорщика 108-го запасиого пехотного полка Рубииа. Председатель следствениой комиссии ревтрибуиала Юровский, эксперт судебной медицииы н следователь прокуратуры, прибыв иа место преступлеиия, устаиовили, что офицер за-

рублей шашками в начале второго часа ночи. Несколько горожан видели мчащихся в это время по Солдатской улице четырех всадников в шинелях и папахах. Проверка в полках выявила, что 6-го вечером брали лошадей из конюшен четырнадцать офицеров, пятеро унтеров и солдат, но унтера и рядовые командировались за пределы города и убыли по назначению. Юровский хотел заняться офицерами, подозреваемыми в убийстве, но следствие пришлось прервать: в этот день было созвано собрание всех офицеров гарнизона.

Юровский позвонил секретарю областного комитета партии Филиппу Голощекину. Тот велел прибыть немедленно.

У Голощекина Яков Михайлович застал руководителя городской партийной организации Ивана Михайловича Малышева и председателя Екатеринбургского Совета Павла Михайловича Быкова. Сообщив о начале следствия, Юровский высказал предположение, что убийство является актом политическим и с экстренным собранием офицеров совпало не случайно. Среди офицеров упорно распространяются слухи, будто Рубина убили солдаты-большевики из кавалерийской части, хотя солдаты-конники вчера ночью все были в казармах. И еще: подготовка к собранию скрывалась от военного отдела и офицеров-большевиков. Большинство из них отправлены в командировки.

Малышев разделял встревоженность Юровского.

— По-твоему, Яков Михайлович, можно ожидать мятежа офицеров гарнизона?

— Вероятность большая.

Голощекин сидел, опираясь о край стола кулаками и чуть покачиваясь тучным телом.

— Да, бунт возможен. И момент удачно выбрали бестии — недовольство солдат задержкой демобилизации, возмущение офицеров постановлением и приказом...

Постановление Екатеринбургского Совета, о котором говорил Голощекин, отнимало у начальника гарнизона право управления войсками и передавало это право военному отделу исполкома. Военный отдел в приказе по войскам объявил об уничтожении чинов и знаков отличий, об установлении выборности всех начальствующих лиц, независимо от их воинского звания.

— Что будем делать? — поднялся Голощекин.

Малышев предложил срочно вызвать красногвардей-

ские отряды и членов военной большевистской организации. Места сосредоточения — Гостиный двор на Кафедральной площади и гимназия, глядящая окнами на фасад горного училища, где было назначено офицерское собрание.

— Начало собрания в четыре... Сколько там может быть офицеров? — спросил у Юровского Голощекин.

— Около тысячи.

— Вооружены, опытны,— как бы взвешивал силы противника Голощекин.— На случай восстания мы поставим пулеметы на подоконниках в гимназии. Вот если бы узнать, да пораньше, что они там на самом деле заварят.

— Я пойду! — И Юровский объяснил, почему именно он должен попасть на офицерское собрание.

Голощекин предупредил:

— Если тебе туго будет, если увидишь, что мятеж неизбежен, стреляй в одно окно два раза, мы поймем, что надо действовать.

Юровский улыбнулся.

— Чтобы не дразнить гусей, я пойду без пистолета. А сигнал?..— Порылся в карманах, вынул массивный серебряный портсигар.— Я кину в окно портсигар, если прижмет...

3

Вряд ли когда-нибудь за свое долгое существование Уральское горное училище и его большой зал вмещали столько людей, как в тот вечер. К креслам зала добавили стулья, скамейки, и все равно сидячих мест не хватило даже для половины собравшихся. Офицеры заняли проходы в зале, ниши окон и примыкающие к залу комнаты и коридоры. Становилось до невозможности тесно. На вешалке давно мест не было, и многие офицеры оставались в шинелях. Все пришедшие были при шашках и револьверах, будто явились, чтобы прослушать приказ перед боем.

Яков Михайлович вошел едва ли не последним — минутой раньше его бы встретило много лишних глаз, минутой позже закрыли бы на ключ двери. Дежурившие у входа штабс-капитан и поручик скользнули по свежевыбритому лицу, светло-голубой новой шинели, шашке на боку и не остановили вошедшего. Должно

быть, ладно сидящее на нем офицерское обмундирование Быкова, лицо без бороды и усов настолько изменили внешность Якова Михайловича, что два офицера, не раз встречавшие его в полках, не узнали Юровского. И шаг был бравым, молодым, словно он вместе с бородой сбросил с себя по меньшей мере десяток лет.

Дойдя до середины первого лестничного марша, Яков Михайлович услышал позади стук каблуков. Это мог быть или опоздавший офицер, или один из тех двух, что пропустили его. Яков Михайлович не оборачивался. Второй и третий лестничные марши, скрытые от взоров снизу, он одолел прыжками через две ступеньки и вклинился в толпу офицеров. «Вот и коридор, за ним, наверное, комнатка, о которой сказал Федич...»

Федич — уральский большевик Федор Федорович Сыромолотов — зашел к Голощекину, когда Яков Михайлович уже сбрил бороду и переоделся. Приблизив густо заросшее очкастое лицо к листку бумаги, Федич стал чертить план здания горного училища, которое окончил в юности.

— Запоминай, Яша. Через эти двери в зал не ходи. Вправо по коридору небольшая комната и дверь, которая выведет тебя в тыл президиуму. Там удобное укрытие — ниша возле изразцовой печи.

В этой нише и притаился Яков Михайлович. Из нее хорошо видны были бок трибуны и президиум. Председательствовал прапорщик Бегишев. Он делал доклад о выборах начальствующего состава в полках.

«Почему он вернулся из Казани?.. Как попал сюда?..— думал Яков Михайлович.— Хорошо, что он председатель».

— Офицерство должно определить линию поведения: участвовать или не участвовать в предстоящих выборах командного состава,— говорил Бегишев.— Если большинство офицеров этого представительного собрания выскажется против участия в назначенных выборах, то мы, естественно, должны разъехаться по домам...

Бегишев предложил избрать комиссию, которая потребовала бы постепенного откомандирования офицеров к воинским начальникам по месту жительства. «Может, дальше этого не пойдут...» — надеялся Яков Михайлович. Но выступившие офицеры, кто слегка завуалированно, а кто и прямо, призывали к борьбе против Советов.

— Приказ о выборах командиров исходит не от законной власти, а от захватчиков. Мы их не признаем и признавать не будем,— говорил один.

— Они думают,— возмущался другой,— одним взмахом уничтожить тот строй, который сложился веками. Полетят в пропасть! Недалека их гибель!

— Офицеры должны объединиться в Союз специалистов военного дела,— предложил поручик 124-го полка и, касаясь программы такого Союза, дал понять, что целью его должно явиться ниспровержение Советов.

Бегишев перебил оратора:

— Я вынужден предупредить вас, поручик: ваши выпады против власти непозволительны.

Даже не глянув в сторону председателя, поручик продолжал:

— Прапорщик Рубин убит прислужниками главного большевика Голощекина. Сей узурпатор посмел заявить по поводу резолюции офицеров нашего полка: «Если они не подчинятся Совету, то мы сметем все офицерство». Заметьте, господа: «Сметем...» И начал сметать с прапорщика Рубина!

— Убийцы!

— Насильники!..— подхватили в нишах окон, в зале, в коридорах.

— Предлагаю всему офицерству,— поднялся подполковник, до этой минуты молчаливо сидевший в первом ряду зала,— вывести сегодня на похороны прапорщика Рубина полки с полным вооружением!

«Вот она — цель! — словно током ударило Якова Михайловича.— Похороны — мятеж...»

Он хотел тут же покинуть свое укрытие, но помедлил, увидев взбежавшего на трибуну прапорщика. «Кавский! — узнал его Яков Михайлович.— Возможно, еще кто-нибудь из большевиков попал сюда?..»

— Следствие по делу об убийстве Рубина начато. Оно установит преступников. От предложения подполковника Бржедзинского несет призывом к вооруженному...

Больше говорить Кавскому не дали. К трибуне кинулся Бржедзинский, за ним несколько его сторонников из президиума и зала. За столом остался один Бегишев. Он взывал к собравшимся, требуя уважать свободу слова офицера, но его не слушали — Кавского стащили с трибуны.

Яков Михайлович быстро снял с себя и бросил на пол шашку с ремнями, папаху и офицерскую шинель. В солдатской гимнастерке без погон, подпоясанный, решительный, вышел он из укрытия к Бегишеву.

— Николай Николаевич. Объявите выступление председателя следственной комиссии ревтрибунала.

— Юровский?! — поразился Бегишев, узнав солдата-большевика.— Уйдите, Юровский, вы рискуете жизнью!

— Все рискуют, если Бржедзинский увлечет офицеров в авантюру...

В начале собрания Бегишев не догадывался о замыслах его инициаторов — свое выдвижение в председатели он воспринял с благодарностью, усмотрев в этом уважение к себе. Теперь же он понял, какие цели преследовали офицеры-монархисты, и во всю силу голоса объявил:

— По обстоятельствам чрезвычайным предоставляю слово члену военного отдела исполкома, председателю следственной комиссии ревтрибунала Юровскому Якову Михайловичу.

Зал онемел. Не прикрытый трибуной, рядом с ней встал безоружный солдат, тот самый, который составлял приказ, лишивший офицеров прав, освященных столетиями.

Подполковник Бржедзинский вывел зал из оцепенения.

— Слушать большевика?.. Позор!..

— Убийца Рубина! — выкрикнул кто-то.

Внешне незаметно было, чтобы Яков Михайлович как-то реагировал на угрозы. Вскинутая голова на массивной короткой шее, широкие плечи, взгляд — все было в нем настолько спокойным, что казалось вызывающим.

— Я пришел сюда по воле Советской власти как руководитель следствия по делу об убийстве прапорщика Рубина. Пришел довести до вас первые результаты следствия.

Яков Михайлович остановился взглядом на лице подполковника Бржедзинского — римский нос, мощный подбородок боксера, грозные глаза.

— Установлено множеством показаний и экспертизой, что умершего от ран прапорщика Рубина зарубили четверо всадников из военнослужащих. Произведена проверка во всех полках и специальных частях гарнизона. Командированные унтер-офицеры и солдаты нахо-

дились в момент преступления в местах командировок, в нескольких часах езды от Екатеринбурга. Таким образом, версия о причастности к убийству рядовых и унтеров отпала.

До этого момента Бржедзинский выдерживал взгляд в упор, а тут глаза его забегали. Яков Михайлович заметил движение руки к кобуре, но продолжал говорить.

— Вчера вечером и ночью четырнадцать офицеров выехали на лошадях и не возвратили их в конюшни. Шестеро были нетрезвыми еще в полках. У меня список четырнадцати.

Едва Юровский опустил пальцы в нагрудный карман гимнастерки, как раздался выстрел. Пуля продырявила трибуну в двух вершках правее Якова Михайловича — это Кавский успел толкнуть Бржедзинского.

Выстрел монархиста отрезвил многих офицеров. Когда Бегишев властью председателя приказал обезоружить и арестовать Бржедзинского, против подполковника был уже не один Кавский.

СЛЕДСТВИЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

1

Екатеринбургская областная чрезвычайная комиссия разместилась в особняке на углу Покровского проспекта и Златоустовской улицы, в бывшей гостинице «Американские номера». На первом этаже, в зале ресторана, славившегося лучшей в городе кухней, даже через три месяца после его закрытия продолжали витать в воздухе ароматные запахи.

— Лучше бы, Гриша, ты меня сюда не приводил,— сказал высокий, костлявый Василий Исаев, глотая слюнки. Он недавно прибыл на работу в ЧК из Перми, где учился в университете.

Его сверстник, каменщик из Таватуя Григорий Никулин — парень лет двадцати двух с бритой крупной головой и добродушным щекастым лицом — чистил наган, части которого были аккуратно разложены на буфетной стойке. Перед Исаевым лежал разобранный браунинг.

— Завидую тебе,— продолжал Исаев.— Первым сюда прибыл, подкормился небось на ресторанных остатках.

— Дурак ты, Исаев. Все продукты отдали в приюты... Плетешь, как баба. Даже не вернтся, что студент.

— Сам не верю! — рассмеялся Исаев.— И не буду я больше учиться. За мировую революцию буду воевать. Давай, Гриша, двинем в Германию, поможем Карлу Либкнехту немецкое Чека организовать.

Никулин хмыкнул:

— Мы с тобой ни «бе» ни «ме» по-немецки не знаем, как же раскрывать ихнюю контру?

— Очень даже просто: прикажешь показать руки. Если мозолей нету, ногти чистые — значит, контра!

Над головой затопали подкованные сапоги.

— Кулачье повели... Ух, гады! Топорами зарубили председателя волостного Совета. Ну, мы их в лесу настигли. Товарищ Валуйских сам в лоб пошел, нас, пятерых, в засаду...

Слушая рассказ Исаева о том, как их группа, возглавляемая Степаном Валуйских, ликвидировала банду, Никулин ощутил зависть. До обидного блеклыми, пресными показались ему последние поездки с Юровским по заводам и шахтам. Правда, дела там были очень важные и нелегкие — владельцы останавливали предприятия, чтобы задушить рабочих голодом. Конечно, саботажников тряхнули, но чекисты не применяли оружие.

— Никулин, к Юровскому! — распахнул дверь дежурный.

Взбежав наверх, Никулин сунул наган в кобуру, на две дырки подтянул ремень. Он надеялся, что сейчас получит наконец опасное задание. Но опять пришлось разочароваться.

— Сегодня, сынок, мы с тобой золотодобытчики,— сказал Юровский, надевая поверх старенького темно-коричневого пиджака черную кожаную куртку и навешивая на себя маузер в деревянной кобуре.— Нужны деньги на революционную войну с германской армией да на хлеб. Прячут господа золото, а нам найти надо.

И снова все произошло до обидного просто. Позвонили в дом купца Агафурова-старшего, тот метнулся к телефону предупредить братьев, чтобы спрятали ценности, но на другом конце провода уже были чекисты.

— Ставлю вас в известность, гражданин Агафуров, что сокрытие золота от органов власти повлечет аре-

сты,— предупреднл Юровскнй.— Показывайте тайиики!

Положив рукн иа грудь, как перед молитвой, купец клялся:

— Ннчего нету... Наше золото банк храиил. Власть баик забрала — нету деиег, иету золота.

При обыске в трех домах купцов Агафуровых нашли около двух пудов золотых слнтков, ие меиьше серебра и шестиадцать редких брнллнаитов. Все было точио взвешеио. Под актом подпнсались Агафуровы и Юровский. Он поручил Никулиину с отрядом доставить областному комиссару снабжения реквнзироваииые цениости, а сам пошел в ювелириый магазин Нехида.

Увндев иа пороге Юровского, Нехид замер. Но чекист был один, и это успокоило ювелнра.

— Здравствуй, Яша! Ты такн друг, если ие брезгуешь миою. Давно тебя не вндел... Ну, что ты стоншь? Саднсь, рассказывай, как жнвешь. Мие почему-то кажется, что тебе тоже иесладко.— Ои смотрел на выпнрающий кадык Юровского, на чериую косоворотку с обтрепаиным воротом и иезастегиутой верхней пуговицей.

— Сидеть мне иекогда, Борис... Я зашел по делу.

— Ну, я слушаю...

— Исполком Совета постаиовил конфисковать золото.

— Золото? У меня?! Ты же зиаешь, что ювелир без немиожко золота все равио что корова без выменн.

— Пойми, Борнс, рабочне голодают, а еще требуется новую армию вооружнть, чтобы способиа была остаиовить иаступающих иемцев. Откуда возьмем деньги? Ты можешь дать, н такие, как ты.

Нехид волчком закружил по магазнну.

— Не я лн тебя спас? Не я ли три года ждал, пока ты выплатишь мие долг?..

Ои остаиовился, и руки его перестали жестикулировать. Застывшие, с полусогнутыми пальцами руки, как и глаза Нехида — узкне, потемневшие, с сумасшедшиикой,— умоляли вспомнить то, что ои сделал в двенадцатом году для Юровского.

— Ну, коиечно, ты ие забыл... Ты ие заберешь у меня последнее — я же сам работаю!

Мниуту-другую Юровского подмывало желаиие уйти, не отиимать у Нехида, может быть, действительно последнее, необходимое для работы золото н серебро. Но Нехид вдруг сказал:

— Ты пришел без чекистов — спасибо... У тебя туберкулез, масла не на что купить. Я с тобой поделюсь — масла дам, немного денег... Ай-ай, что ты на меня так смотришь?!

Нехид никогда не видел в глазах Юровского такого презрения.

— Взвешивай все золотые и серебряные вещи!

Дрожащие пальцы Нехида клали на весы драгоценности. Когда все было взвешено и сложено, у него вырвался стон:

— Душегуб! Рви мои жилы!.. На!.. На!..— и стал сбрасывать на пол золотые и серебряные изделия.

У Юровского дрогнула бровь.

— Соберешь все до пылинки, все, что ты взвесил, и отнесешь в Чека.

Нехид опустился на четвереньки, шарил руками по полу.

— Зачем в Чека? Забирай ты. Я же все отдаю!

— Ты сам придешь в Чека и скажешь, что принес золото по доброй воле.

2

Мария Яковлевна заболела сыпным тифом.

Возвращаясь к рассвету из ЧК, Яков Михайлович сменял у постели жены семидесятилетнюю мать, Римму или Шуру, давал им выспаться, набраться сил. Он не увозил жену в больницу — все больницы города были переполнены тифозными. Он надеялся спасти ее хорошим уходом дома, взвалив на себя обязанности и сиделки, и врача.

Юровский много думал в те дни о грозившей Советской Республике беде, стараясь разобраться в сложившейся обстановке. После срыва Троцким переговоров о мире в Бресте немецкие войска перешли в наступление. Что делать? Принять унизительные и тяжкие условия мира или — революционная война?..

Рассудок не воспринимал, как можно подписать договор — ультиматум немецкого командования. Немцы оккупируют земли с сорока шестью миллионами человек. Эти губернии дают почти четыре десятых урожая, три четверти угля... Как могут Ленин, Свердлов настаивать на подписании такого мира?.. Верно, отступающая, демобилизующаяся армия не хочет сопротивляться нем-

цам, силы иссякли. Но создается же новая, революционная армия, рабочие готовы сражаться... За кем же правда?..

Даже на оперативных выездах, в перестрелках с бандитами такие мысли не отпускали Якова Михайловича. Но у постели жены сердце сдавливала одна боль: как спасти Марию.

В ночь кризиса Яков Михайлович безотлучно был возле жены. Он держал тонкую прозрачную кисть ее руки — пульс был учащенный, мягкий. Прикладывал ухо к горячему телу — слышал глухие тоны сердца и перебои. «Аритмия... Надо предупредить врача...»

Температура была на пределе — около сорока. Мария Яковлевна бредила. Слова словно перегорали, испарялись на ее губах. Лишь отдельные фразы доходили до его слуха. «Не бери Шурика, Римма! Стрелять?.. В кого?..» Она, наверное, слышала, что Римма собирается на фронт. Мария Яковлевна боялась, как бы тринадцатилетний Шурик не убежал за сестрой.

«Вот так же мечется в тифу страна,— думал Юровский.— И главное сейчас — спасти. Спасти любой ценой, не дать загасить огонь Революции. А все остальное приложится...» Именно в эту бессонную ночь Яков Михайлович пронзительно ясно понял: Ленин и Свердлов правы, мир с Германией остро необходим. Враги революции криками «Позор!», «Кошмарный мир!» лишь прикрывают затаенное желание восстановить с помощью немецких завоевателей свергнутую власть.

...25 февраля 1918 года в Тобольске бывший самодержец Николай Второй записал в своем дневнике:

«Сегодня пришли телеграммы, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унизительных условиях германского правительства, ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем!»

В Тобольске семья Романовых почти не чувствовала себя в неволе. Приезжали из центра монархисты, свободно обсуждали с Николаем планы побега, и Николай настолько верил в удачу, что рассчитывал в скором времени расплатиться с большевиками за нанесенные ему обиды.

Но Москва в те дни приняла меры, предотвратившие побег. Президиум ВЦИК, заслушав доклад Филиппа Голощекина о недопустимо вольной жизни царской семьи

в Тобольске, решил до народного суда над бывшим самодержцем держать его под надежной охраной пролетарского Екатеринбурга.

Якову Михайловичу Юровскому выпало на долю возглавить эту охрану.

3

Военная академия генерального штаба — одна из опор Николая Второго в годы его царствования — была переведена из Петрограда в Екатеринбург в начале апреля 1918 года. Едва в академии начались занятия, как из Тобольска доставили бывшего царя с семьей.

Совпадение было случайным. Когда Высший военный совет республики решил эвакуировать академию на Урал, никто не мог предвидеть, что она окажется в одном городе с Николаем. Теперь избежать нежелательного соседства уже было невозможно. Пришлось принять предупредительные меры.

В телеграмме Филиппу Голощекину председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов предложил взять академию под особое наблюдение. Чекистам прибавилось забот. Юровскому удалось устроить слушателем академии большевика — бывшего прапорщика Колесника, незадолго перед этим прибывшего в Екатеринбург. Вторым секретным агентом ЧК в академии стал Григорий Никулин.

Узнав, что ему предстоит наняться домашним работником к начальнику академии Андогскому, Никулин по-медвежьи топтался на месте и обиженно смотрел на Юровского.

— Дуться не за что, сынок! Тебе поручено ответственное дело да еще связь с Колесинком.— И Яков Михайлович предупредил Никулина, что появляться ему в ЧК категорически запрещено, что приходить с отчетами надо на засекреченную квартиру по Болотной улице.

Недели через две чекисты узнали, что Андогский и настоятельница Ново-Тихвинского женского монастыря обменялись визитами. Епархиальное училище, в котором расположилась военная академия, монастырь и дом Андогского находились в самом близком соседстве — на юго-западной окраине Екатеринбурга. Появление игуменьи в доме Андогского и его ответный визит мож-

но было рассматривать как проявление вежливого добрососедства, но Юровский видел в этих визитах другое.

— По агентурным данным центра, в Екатеринбург выехали два близких к Николаю Романову человека. Возможно, они уже устанавливают с ним связь через монастырь и академию. Следите за игуменьей и Андогским и за их встречами с новыми людьми,— напутствовал Яков Михайлович Никулина.

Несколько дней супруги Андогские будто состязались в том, кто больше загрузит безотказного работника: он натирал полы, пилил и колол дрова, копался на огороде. И вдруг ему приказали поехать в деревню за мукой, яичками и маслом. Ничего подозрительного Никулин в этом не усмотрел бы, если б госпожа Андогская не велела отправиться поездом, хотя любой экипаж из конюшни академии был в распоряжении хозяина и на лошадях Никулин обернулся бы в два раза быстрее.

Перед уходом Никулин заглянул на кухню — госпожа хлопотала у плиты рядом с кухаркой, чего раньше не бывало. Подозрение усилилось — хозяева неспроста выпроваживали его в деревню.

Сделав крюк в обход особняка, Никулин огородами вернулся во двор, забрался в сарай, на сеновал. Сквозь щели в крыше можно было увидеть подходы к парадному крыльцу и большую часть двора, обнесенного кирпичной оградой.

Ждать пришлось долго. Когда начали спускаться сумерки, во дворе показался Андогский. На нем была генеральская форма без погон, с пуговицами, обтянутыми красным материалом, чтобы не видно было двуглавого орла. Брюки навыпуск, с лампасами — эти брюки Андогский на службу в академию не надевал. Он раскрыл ворота, и в ту же минуту, свернув с дороги, влетел во двор крытый экипаж.

Из него вышел рослый поджарый человек в темном штатском костюме. Экипаж тотчас же развернулся и выехал со двора. Андогский закрыл ворота и приблизился к гостю. Тот приподнял котелок над головой, обернулся, и Никулин увидел бритый череп и квадратный сильный подбородок. Пожав друг другу руки, Андогский и гость четким твердым шагом, как истые военные, направились к черному ходу. «Не этот ли из центра?» — заворошились мысли у Никулина.

То ему хотелось бежать к ближайшему телефону звонить в ЧК, чтобы выслали отряд, то подмывало пробраться в дом через крышу и чердачное окно или вынуть стекла в окнах веранды и проникнуть в столовую, подслушать разговор, хотя это могло ему стоить жизни. Но в памяти билось предупреждение Юровского: «Только без азарта и поспешности. Ты не имеешь права на провал...»

Никулин решил дождаться выхода гостя и следовать за ним.

Он бодрствовал всю ночь. Ни скрипа двери или окна, ни каких-либо иных звуков не слышал. В двух местах сквозь щели ставен просачивались в черноту тонкие, как лезвия сабель, дорожки света. Потом и они погасли.

Около восьми часов утра подъехал пароконный экипаж за Андогским. Он вышел один. Вскоре дородная хозяйка прошествовала с кухаркой в сторону базара. Никулин пробрался в дом, осмотрел комнаты, чуланы, чердак и подвал — поджарый будто улетучился через дымовую трубу.

Ругая себя, Никулин побежал к Юровскому, надеясь в утренний час застать его дома. Открыла ему мать Якова Михайловича. Она горестно покачивала головой.

— Яшу ранили, в Березовском. В больницу привезли. Так надо же ему сбежать!..

— Куда?

— Конечно, в Чека, куда ж еще!

Никулин стоял в замешательстве: идти в ЧК запрещено. Как же доложить Юровскому о случившемся?

4

С группой чекистов Юровский и Валуйских выехали на подавление кулацко-эсеровского мятежа в Березовском. Более двухсот вооруженных бандитов окружили в поселковом Совете горсточку коммунистов и красногвардейцев. Те стояли насмерть, пока не подоспела помощь из Екатеринбурга. Несколько чекистов были в схватке ранены, у Юровского пуля прошла через мякоть левой руки навылет. Во время боя он не обращал внимания на рану и потерял много крови. Валуйских наказал врачам не отпускать Юровского из больницы, пока рана не заживет.

Но Яков Михайлович на второй день появился в ЧК.

— Думаешь, без тебя Чека распадется? — вспылил Валуйских, но тут же подсунул Юровскому бумагу, подписанную другими членами коллегии.— Раз ты пришел, подпиши постановление и марш в больницу, иначе нажалуюсь на тебя Голощекину и Малышеву.

Юровский прочитал постановление, недоуменно уставился на Валуйских.

— Расстрел? — Он опустился на мягкое, с фигурной спинкой кресло, оставшееся в комнате Валуйских от гостиничной обстановки.— Вчера же никаких финнов у нас не было.

— Сегодня утром их привел товарищ Станс. Я тебе говорил о нем. Он на той неделе приехал из Петрограда и уже помог Исаеву выловить контру.

Юровский попросил следственное дело.

— Опять волынка! — не удержался Валуйских.— Неужто перепроверять вздумаешь?

— Если надо будет, двадцать раз перепроверим вместе с тобой.

— Боюсь, Яков, мы потеряем Советскую власть, пока ты рассусоливаешь с каждой контрой,— зло бросил Валуйских, но сел за стол и позвонил Исаеву.

Исаев появился с видом триумфатора. Он провел следствие за каких-нибудь два часа, и члены коллегии, за исключением одного Юровского, подписали составленное им постановление.

— Явные заговорщики! — Подавая Якову Михайловичу папку, Исаев спешил обратить его внимание на то, каких крупных врагов ему, молодому чекисту, удалось выловить.— Они создавали белую гвардию. У них куча денег для закупки оружия.

Юровский дважды прочитал протокол допроса.

— Кто их арестовал? Какие основания?

— Станс. На заводе Злоказова работает. Крепкая наша опора... Он за этими двумя финнами несколько дней наблюдал. Они его в лодке катали по пруду, угощали обедами в «Поплавке»... Вот тут в показаниях товарища Станса все изложено.

Юровский поморщился.

— Не вижу, чтобы допрос подтвердил показания Станса.

— Не совсем, но...— споткнулся Исаев,— вид у финнов стопроцентно буржуйский и повадки тоже буржуй-

ские. Признались со скрипом, что имеют много тысяч.

— Что значит — со скрипом?

Валуйских продолжал сидеть за массивным, с фигурными ножками письменным столом бывшего владельца гостиницы. Он уставился взглядом в роскошный, мастерски выточенный чернильный прибор из красного дерева, но сейчас ему было не до искусной резьбы на башенках прибора. Он нервничал, злился на болтливого Исаева, на Юровского, а больше всего на самого себя — надо же было так беспечно поверить...

— Я спрашиваю, что означает «со скрипом»? — повторил Юровский.

— Они плохо говорят по-русски. Я думаю, это маскировка.

Предупредив Валуйских, что дело финнов он берет на себя, Юровский пошел к выходу.

— Товарищ Исаев, прикажите конвою привести их ко мне!

Рана жгла руку. Голову кружило. Потянуло прилечь на кушетку, но раздался стук в дверь, и конвойные ввели финнов. На них были синие костюмы добротного английского сукна. Лица усталые, но выбритые и спокойные. Они как будто не понимали, что их ожидает, или притворялись непонимающими. На предложение Юровского объясниться по-немецки финны закивали обрадованно. Назвали свои имена и заявили, что из Совнаркома им дали письмо на имя председателя Екатеринбургского Совета об оказании им содействия, но председатель был в отъезде и они письмо хранили у себя, чтобы лично вручить ему, когда он вернется.

Юровский спросил, не при них ли письмо. С ответом заторопился толстенький финн.

— Станс взял его у нас. Мы ему рассказали, что не застали адресата, и он взялся отнести письмо в комитет большевиков. Хотел и нам показать комитет, но зачем-то привел сюда.

Другой, высокий, представительный, пытливо глядел умными глазами на чекиста. Допрос, который вел Юровский, настолько отличался от предыдущих, что это насторожило, вызывало неуверенность. Постепенно неуверенность исчезла, и финн добавил к показаниям новые подробности:

— Мы дали Стансу пять тысяч рублей в крупных купюрах. Он обещал разменять. Мы нуждаемся в мел-

ких денежных знаках для выдачи эвакуированным на Урал финским товарищам.

Юровский вышел из комнаты к Исаеву.

— Финны говорили вам о письме из Совнаркома в Екатеринбургский Совет? О пяти тысячах говорили?

— Они многое присочинили, товарищ Юровский!

— Почему этого нет в протоколе допроса?

— Станс их высмеял — он ни письма, ни денег не видел.

— Он здесь?

— Пишет подробные показания, как вы велели.

— Пойдемте к нему.

Станс — человек лет тридцати пяти, с самоуверенным голосом и грубоватыми манерами — повторил историю, как он на днях увидел финнов на городской плотине, возле «Поплавка», как разговорился с ними (он прилично знает финский), согласился пообедать в компании и покататься на лодке. Исподволь выведал, что у финнов тысячи рублей на приобретение оружия.

— Они меня втягивали в заговор, но я пролетарий и знаю, как надо поступать с врагами рабочих и крестьян.

— Они вам давали письмо к председателю Екатеринбургского Совета?

— Выдумки, дорогой товарищ.

— А деньги?

— Что вы, товарищ! — без малейшей заминки отвечал Станс.— Если бы я согласился идти с ними против Советской власти, они денег, конечно, дали бы. Наверно, деньги и оружие припрятаны на квартире у того, высокого, он, безусловно, главный из них.

Юровский приказал задержать в ЧК Станса, взял конвой, высокого финна и поехал на его квартиру. Никакого оружия там не оказалось, а деньги — двадцать тысяч рублей в крупных купюрах — действительно хранились у финна, что он не отрицал с самого начала. Это были деньги для бежавших от разгула финской реакции.

Выяснилось, что Станс привел в ЧК друзей Советской Республики,— то были борцы финской революции. Юровский следил за событиями, знал, что если б не вторжение войск Вильгельма, жить бы да жить пролетарской революции в Финляндии! Но финская реакция с помощью немецких штыков задушила добытую народом свободу. А тут двое пробившихся в Советское го-

сударство финнов-революционеров оказались вдруг в ЧК по обвинению в заговоре... «Кто этот Станс? — размышлял Юровский.— По ошибке ли привел он финнов в ЧК? А письмо к председателю Совета почему забрал? А деньги?..»

Вернулся Юровский в ЧК ночью, велел секретарю оповестить членов коллегии о срочном заседании. Пока собирались, продолжал допрос Станса.

В разгар допроса вошел Никулин — запрет показываться в ЧК не мог помешать ему увидеть Юровского. Сделав два шага от порога, он застыл, потрясенный. Юровский перехватил растерянный и яростный взгляд чекиста в сторону Станса и вызвал конвойного:

— Уведите арестованного!

После доклада Юровского коллегия ЧК решила финнов освободить, принести им извинения.

Валуйских просил коллегию строго наказать его и Исаева и настаивал на немедленном расстреле Станса. Юровский возразил.

— Он не Станс и не петроградский металлист — это уже ясно. Я думаю, финны — не единственное его преступление. К счастью, ко мне сейчас пришел Никулин. Он вчера видел этого «пролетария» на квартире у Андогского.

— И что же? — горячась, не понял Валуйских.

— А то, что следствие только начинается.

В ДОМЕ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

1

Семья Романовых располагалась в четырех комнатах верхнего (над полуподвалом) этажа каменного особняка, в котором после выезда хозяина — богача Ипатьева осталась нетронутой почти вся обстановка: мебель красного дерева, драпировка на окнах, ковры.

Два окна комнаты, которую заняли Николай и его жена, глядели на зеленый переулок, сбегавший круто вниз до городского пруда, и два — на Вознесенскую площадь. Отсюда взору открывались справа — Вознесенский проспект, прямо — площадь с бело-золотым фасадом церкви Вознесения, слева — фасад величественного, с колоннадой, Харитоновского дома.

С противоположной, западной стороны к особняку примыкал сад. В нем Романовы ежедневно гуляли полтора часа.

С царской семьей и порядками в доме особого назначения Юровский познакомился в конце мая в связи со следствием по делу Станса.

Допрашивая его, Юровский стремился установить, для чего он приходил к начальнику военной академии Андогскому, зачем Стансу понадобилась провокация с финнами, если он легко мог завладеть их деньгами, не прибегая к риску появления в ЧК. Подследственный, вынужденный признаться, что хотел присвоить деньги финнов, выдавал себя при этом за обыкновенного уголовника. Юровский чувствовал ложь и уловки опытного конспиратора. Но без веских доказательств не заставишь Станса раскрыть себя и своих сообщников.

Чекисты не спускали глаз с военной академии. Колесник и Никулин узнали, что туда тайно приходил профессор медицины, лейб-хирург Владимир Николаевич Деревенько, лечивший Алексея Романова и прибывший вместе со своим подопечным из Тобольска.

Этот след и привел Юровского в дом особого назначения, где содержались под арестом в ожидании суда Николай Второй и его семья.

О приходе Юровского Николай сделал запись в дневнике 26 мая 1918 года: «Погода была та же, снег лежал на крышах. Как все последние дни, В. Н. Деревенько приходил осматривать Алексея. Сегодня его сопровождал черный господин, в котором мы признали врача».

Подробный документ о первом появлении Юровского в доме особого назначения оставил Деревенько. Год спустя он писал в своих показаниях колчаковскому следователю в Томске:

«В одно из посещений, зашедши в комнату, я увидел сидящего у окна субъекта в тужурке, с черной бородкой клинышком, черные усы и волнистые, не особенно длинные, зачесанные назад волосы. Черные глаза, полное скуластое лицо, чистое, без особых примет. Плотного телосложения, широкие плечи. Короткая шея. Голос чистый, баритон. Медленный, с большим апломбом, с чувством собственного достоинства. Осмотревши больного, Юровский, увидев на ноге наследника опухоль, предложил мне наложить гипсовую повязку и обнаружил этим свое знание медицины. При выходе я спросил Авдеева:

«Что это за господин?» Последний ответил: «Это Юровский». Какую роль играл Юровский, он не сказал, но я знал, что Юровский играл очень, очень важную роль».

В тот холодный майский день восемнадцатого года Деревенько был совершенно уверен, что перед ним врач, пришедший по поручению исполкома Совета проверить состояние больного Алексея. Спокойная внешность «черного господина» скрыла от Деревенько бурю, которая поднялась в душе Якова Михайловича, когда он оказался лицом к лицу с Николаем.

Весь день провел Юровский в особняке на Вознесенской площади. Он проверял организацию постов, состояние оружия и сигнализации, дисциплину среди бойцов внешней и внутренней охраны. В наружном карауле, которым командовал сысертский рабочий, большевик Павел Медведев, соблюдался строгий порядок. Хуже было во внутреннем карауле. Там нарушались самые элементарные правила содержания заключенных.

...Кто-то позвонил у калитки, и караульный, ничего не спрашивая у пришедших, впустил за ограду двух девиц, нагруженных корзинками, как будто они приехали на Ирбитскую ярмарку. Дойдя до крыльца, девицы начали выставлять из корзинок на гранитные ступени кульки с яйцами, свежими огурцами и редисом, четверть с молоком и бутылку со сливками, ватрушки, пироги и даже табак в фирменной упаковке. Юровский на минуту лишился дара речи, увидев такое изобилие в голодное время.

— Зачем вы их впустили? Кто разрешил? — спросил он наконец караульного.

— Комендант. Завсегда он или помощник вот тут с крыльца и забирают. Носят каждый день, уж, верно, с полмесяца.

— Откуда?.. Вы кто такие? — подошел Юровский к девицам.

У девицы помоложе, что постреливала масляными глазами в молодого караульного, затряслась рука с кульком, и из него посыпались, звонко барабаня и подпрыгивая по ступеням, грецкие орехи.

— Мы — послушницы... Антонина и Мария. Матушка игуменья повелела, мы и носим.

— Ах вот что: монашки из монастыря! Что ж обрядились в гражданское? И кому столько продуктов?

— Императору и императрице, княжнам и наследнику, Алексею-то.

В эту минуту раскрылась парадная дверь, и на крыльцо вышел комендант Авдеев. Увидев послушниц с Юровским, а у его ног продукты, Авдеев смутился, но быстро овладел собой и велел послушницам уходить. Мелкими шажками они попятились к калитке.

— Пищу арестованным из столовой доставляют? — спросил Юровский Авдеева.

— Два раза в день.

— Кто же разрешил?! — сердито показал Юровский на бутылки и кульки.— Рабочие без хлеба, а вы подкармливаете этих!

— Исполком же дал согласие. И Алексей больной...— оправдывался Авдеев.

— Больному бы и носили. Караульный, верните монашек!

Послушницы возвратились. Испуганно таращили глаза на Юровского.

— Забирайте все, кроме молока. С завтрашнего дня разрешается носить только молоко для Алексея Романова.

Через резные парадные двери Авдеев и Юровский вошли в дом, поднялись в вестибюль и свернули в первую комнату налево — в комендантскую.

Под неотрывным взглядом Юровского Авдеев ерзал на стуле, как провинившийся мальчишка. Одно время, накануне Октября, они сблизились, хорошо понимали друг друга. Авдеев командовал красногвардейским отрядом на заводе Злоказова, Юровский часто выступал там на митингах от Екатеринбургского комитета.

— Я вас знаю как честного большевика, Авдеев,— начал Юровский,— и жду откровенного ответа: часть монастырских продуктов съедали бойцы внутренней охраны? Принесенный табак они раскуривали?

Авдеев потупился.

— Думаете, наверно, придирка к мелочам, а такие мелочи ведут к разложению людей.

Авдеев стал объяснять, почему разрешили монастырю доставлять семье Романовых продукты.

— Через них мы имеем возможность следить за планами монархистов.

Открыв сейф, Авдеев вынул копию письма, написанного неким «офицером» на кусочке пергамента и спря-

танного в пробке бутылки с монастырскими сливками. Автор писал Николаю, чтобы он и его семья дали согласие на побег, приготовились и ожидали появления преданных людей. Сняв копию с письма, Авдеев положил кусочек пергамента обратно в пробочное гнездо и передал сливки Николаю. Через день Авдеев опять же в пробке обнаружил ответ Николая, в котором говорилось, что он, Николай, и члены семьи готовы бежать при условии, если риск для их жизни будет невелик.

То, что рассказывал Авдеев, было хорошо известно Юровскому.

— Этой перепиской далеко не исчерпываются планы заговорщиков. В исполкоме уверены, что комендант принял меры к отражению возможного вооруженного нападения. А вы? Сигнализации нет, пулеметы неисправны, ваши подчиненные не умеют из них стрелять. И совсем уж скверно, когда обо всем, что творится у вас, заговорщики узнают в тот же день, а может быть, и час.

Авдеев вскинулся:

— Оговаривать меня и моих товарищей не позволю!

— Какой оговор! Деревенько обитает на частной квартире, ежедневно бывает не столько с Алексеем, сколько с Николаем, один на один, без вас или вашего помощника.

— Так он же доктор!

— Не думал я, что революционер Авдеев может быть наивным человеком. Лейб-хирурга Деревенько все знают как монархиста. Лучшего связного с теми, кто намерен похитить и увезти Николая, нарочно не придумаешь.

2

Весной семнадцатого года два этажа особняка известного в городе миллионера Поклевского занял Совет рабочих и солдатских депутатов.

До болезни Марии Яковлевны огромный дом был постоянно переполнен солдатами и трудовым людом. Теперь особняк притих. Ушел на фронт почти весь партийный, советский и комсомольский актив во главе с Иваном Малышевым. К Екатеринбургу подступали белогвардейские части.

Несмотря на запрет врачей, истощенная тифом Мария Яковлевна пришла в особняк Поклевского, подня-

лась по крутой лестнице в мезонин, где раньше был партийный комитет. Здесь в коридорчике, за столом в углу, тогда хозяйничали председатель и секретарь юношеской организации — Римма и Маруся. Какой задорный шум был тогда в этом коридорчике! «Милые ребятки... Возвратились с дутовского фронта будто для того только, чтобы пройти по городу в первомайской колонне со своим плакатом «Даешь мировую революцию!» — и опять под огонь... Почему Римма не пишет?.. И другие тоже. Не до писем, или...»

Неожиданно перед Марией Яковлевной возник эсер Горин. В поношенном костюме, который висел мешком, он напоминал неряшливого старьевщика. И казалось, пыль забила ему горло, так хрипел и шипел его голос.

— Не вам ли, товарищ Юровская, поручили вывезти архив? Сказали: эвакуируем в Пермь, одним вагоном... А кто за ваш архив отвечает, выяснить не мог.

— Я выясню.— И Мария Яковлевна заспешила вниз.

Через день, вернувшись из поездки по прифронтовым уездам, Яков Михайлович не застал дома ни жены, ни сыновей. Он нашел их в здании на Вознесенском проспекте, в партийном комитете, за переноской заполненных бумагами ящиков.

— Вижу, запрет врача на тебя не действует,— расстроился Яков Михайлович.

— Архив...— она показала на кипы папок и пустые ящики.— Некому... Ты же знаешь. А Женя и Шура хорошо мне помогают... Я их возьму с собой,— сказала Мария Яковлевна, как только дети вышли.

— Когда едешь? Какое направление?

— Сегодня. На Невьянск. Первым пойдет поезд с ценностями — за него отвечает Парамонов. За Парамоновым — наш поезд с женщинами, детьми и архивами.

— Путь ненадежный. В Невьянске автомобилисты. Колобродят. Похоже, им не по душе Советская власть... Поговорю с Голощекиным о маршруте, а потом забегу домой или на станцию.

Но ни домой, ни на железнодорожную станцию Юровский уже не смог прийти в тот опаснейший для судьбы Екатеринбурга день — 10 июня.

До обеденного времени он задержался в ЧК — допрашивал двух подозрительных типов, задержанных

при попытке проникнуть в сад за домом Ипатьева. Юровскнй уже решил было устроить арестоваиным очную ставку со Стаисом, когда в комнату вбежал Исаев. Его рыжнй чуб был мокрым.

— Антисоветский митинг иа Успеиской площади! Тысяч пять, если не больше.

— Звоиите в казарму Ардашеву! — приказал Юровский.

— Сволочь он! Переметнул эскадрои к вражннам. Думает, они уже нас слопали.

Эскадрон под командованием бывшего прапорщика Ардашева был едииственым воинским подразделением, не ушедшим из города на Златоустовский фронт. Предательство Ардашева отияло у Екатеринбургского Совета подавляющую часть боевых снл — в немногочисленном красногвардейском отряде Петра Ермакова люди были хуже вооружены и хуже обучены.

— Где Ермаков?

— Там. Но что он сделает с одним пулеметом и двадцатью коиииками?

— Чекистов — по тревоге! Здесь останетесь вы с усиленным караулом. Сообщите Голощекину, что я выехал на Успенскую.

Задача Исаева была не из легких. Большинство оперативных сотрудников находилось в отъезде. Оголить ЧК было бы преступлением — в любую минуту мог иалететь тот же эскадрон Ардашева н освободнть заключенных. Исаеву удалось послать вслед Юровскому всего семь человек. Когда они прибыли на Успеискую площадь возле Верх-Исетского завода, многотысячная толпа уже зажала в тнски Голощекина, Юровского и пробивающего им дорогу к трибуне Петра Ермакова.

Тот был взбешен. Он стрелял бы прямо в орущих, еслн б Голощекин не сдерживал его.

— Вот оии, комиссары! — гудел чей-то бас, густой, как у дьякона из Кафедрального собора.

— Громи их, супостатов! — подхватывали голоса из толпы.

Неистовый Ермаков и с иим человек пятнадцать рабочих завода прикрывали прншедших товарнщей. Чекисты ввинтились в толпу, пробираясь к подстрекателям. Арестовать их тут же иа площади нельзя было, но оттеснить их чекисты сумели.

Голощекин увидел нескольких человек, которые при-

ходнли к нему утром этого дня с требованием выдать оружие якобы для защнты Советской власти. Он почувствовал иеладное и выставнл пришельцев нз военного комнссариата. «Хотели вооружить толпу,— понял сейчас Голощекни.— Готовнлнсь заранее. И предательство Ардашева, н этот на трнбуие... Не он лн главный?..»

С трнбуны говорнл неизвестный в очках.

— Вся власть Учреднтельному собраиию! Долой комнссародержавцев-большевнков!— провозглашал он резкнм голосом.— Сегодня оин вывозят золото, чтобы голодом задушнть Екатернибург. Вы — иарод. Ценности — ваши! Так чего вы ждете?

— Заткну ему глотку пулей!

— Не место, Петр!— отрезал Голощекнн, а Юровскнй уже пробнрался в тыл трнбуны, чтобы не дать оратору уйтн незамеченным.

То лн очкастый заметил опасность, то ли просто решнл, что он свое сделал н пора ему скрыться, ио не успел Юровскнй прнблизнться, как тот ыриул с возвышення в толпу, смешался с ией. А на его месте у перил уже стоял угловатый человек в замаслеииой рубахе.

— Это слесарь верх-исетский, Петухов,— сказал Ермаков Голощекнну, надеясь, что рабочнй, бывший фроитовик, даст отпор провокатору в очках. А вышло по-другому. Костлявой рукой Петухов подиял выше головы рваный мешок, пьяиым голосом закричал:

— Во чем кормят иас большевнкн!— н тряхнул пустым мешком.— Хлебиой крошкн детям нашим иету. Заводы порушены. Золотншко вывозят. Не надобио нам таких!

— Кого же вам надо, Петухов?!— броснл пьяному рабочему подннмающнйся иа трнбуиу Голощекин.— Может быть, Нноколая Второго вам подать? Так тут, в толпе, я сейчас слышал, как монашкн зовут ндти скопом к дому Ипатьева вызволять императора. Иднте, Петухов! Самодержавный царь вас дожндается. Он с удовольствнем опять сядет на рабочую шею. И иакормит вас, как накормил девятого января пятого года петербургскнй люд, как накормнл в двенадцатом году рабочнх Ленскнх прннсков.

В военной гнмнастерке, в сннus брюках галнфе, заправл...ных в сапогн, Голощекнн казался на трнбуне выше ростом, будто виутреинний огонь вздымал его.

— Или вернуть вам на Верх-Исетский завод хозяев прежних с прихлебателями? Так вот они, я их вижу на паперти,— показал он в сторону Успенской церкви. На паперти, чего-то выжидая, стояла группа хорошо одетых людей.— Не они ли вместе с провокатором в очках науськали вас повторять чепуху про большевиков и золото?.. Да, мы решили из Екатеринбургского банка вывезти ценности. Для того решили, чтобы народное добро не попало в руки белогвардейской сволочи, которая идет на Екатеринбург.

Трезвея под взором Голощекина, Петухов переметнул за спину мешок, попятился к ступеням трибуны и свалился бы, если б Ермаков не схватил его.

...Митинговали до глубоких сумерек. Говорили Юровский, Ермаков и снова Голощекин. И безбоязненная большевистская правда подействовала на людей, оторвала их от тех, кто не оставлял мысли уничтожить Советы.

Поздно ночью с десятого на одиннадцатое июня банды контрреволюционеров напали на советские учреждения. Там их встретили чекисты и группы вооруженных рабочих. К утру удалось арестовать зачинщиков антисоветского выступления в Екатеринбурге.

3

Трудно сказать, насколько мятеж автомобилистов в Невьянске был связан с десятым июня в Екатеринбурге. Но оба события произошли с разрывом всего в один день.

Автомобилистами уральцы называли технический персонал и охрану военизированных автомобильных мастерских, которые эвакуировались в Невьянск в феврале восемнадцатого года. Командовали ими затаившиеся белогвардейские офицеры. Это они пошли на сговор с меньшевиками и правыми эсерами, подняли мятеж против Советской власти в городе в тот момент, когда семьсот коммунистов и рабочих ушли на фронт.

Восстание началось с убийств лучших рабочих и интеллигентов Невьянского завода, руководителей и рядовых членов Совета. Разбой на заводе и в поселке шел одновременно с разбоем на железнодорожной станции, куда отряд вооруженных мятежников прибыл в первые же часы восстания.

В этот момент подходнл к Невьяиску поезд из Екатеринбурга. В вагоие с архивами иаходились Мария Яковлевиа Юровская с сыновьями и левый эсер Гории. Поезд виезапио и резко затормозил: дальше рельсы были разобраиы. Мария Яковлевиа подалась к окну. Оиа заметила поднимающуюся на насыпь, беспорядочио стреляющую цепь полувоеиных людей с армейскнми виитовкамн, револьверами н пулеметами.

— Почему оии стреляют? Надо выйти, крнчать, что здесь иет иикакнх воеиных, что это мирный поезд!— обернулась оиа к Горину.

— Выйдешь — пулю получишь!— побелевший Гории отошел к большим ящнкам с эсеровскимн докумеитами, сплошь закрывшнм противоположиое окно.— Не иашлн бы ваш брауииг...

Мария Яковлевиа сжалась от обжигающей тревогн за сыиовей н жеищии с детьми, за доверенный ей архив, сжалась в горячнй комок решимости: «Спастн!».

Она увидела Жеию.

— Шура где? У него брауиинг!

— У проводинка...

Минут десять иазад Шура выпроснл у матерн пистолет, чтобы разобрать его н вычистить. Шура умел это делать — отец иаучнл.

— Беги! Пусть спрячет пистолет. Из вагона не выглядывать!

С этнмн словамн Марня Яковлевиа шагнула в тамбур, открыла наружную дверь.

Цепь была уже на иасыпи. Ближе всех к Марни Яковлевие — краснолицый, с винтовкой иаперевес.

— Перестаньте стрелять! Здесь дети, жеищнны!— закричала Мария Яковлевна, вытянув вперед руки, чтобы вндели, что оиа безоружиа.

— Комнссар пусть выйдет!— потребовал краснолнцый.

— Какой комиссар? Нет инкакого комиссара. Почтовый же поезд. Зачем стрелять? Может быть, вашн матерн здесь нли сестры.

В цепн произошла замннка. Залегшне иа насыпн перестали стрелять.

До Марнн Яковлевиы долетели раздраженные, злые голоса.

— Те обманулн, или эта брешет?..

— Может, золота и вправду нету.

Она поняла: мятежники ожидали «золотой поезд». «Узнали... Прав был Яков... Хорошо, что изменили маршрут...»

Ей уже казалось, что минуло самое страшное, что они повернли ей, но краснолицый приблизил острие штыка к ее груди.

— Будет хоть один выстрел из вагона — заколю. Показывай золото!

Она уже хотела идти в вагон, но мысль, что Шура может кинуться спасать ее, может выстрелить, подвести себя и других, заставила ее еще минуту стоять грудью к штыку и напрячь голосовые связки, чтобы Шура ее услышал.

— Какое у нас может быть золото?.. Хорошо. Идемте. Сами увидите — ничего нету.

К моменту, когда мятежники вслед за Марией Яковлевной вошли в вагон, Шура успел снова разобрать уже вычищенный и собранный браунинг. Части его и патроны он спустил на дно бака, заполненного водой.

Юровский не знал, что произошло с семьей в Невьянске. Получив сообщение о мятеже, он попросил товарищей в обкоме партии и областном Совете разрешить ему выезд в Невьянск с группой оперативных сотрудников ЧК. Но дела в Екатеринбурге, и особенно в доме Ипатьева, требовали безотлучного присутствия Юровского в городе. С группой чекистов в Невьянск выехал Валуйских. Вместе с рабочими Невьянского завода чекистам удалось подавить мятеж.

В эти же дни на заседании исполкома областного Совета Юровский докладывал о состоянии внутренней охраны дома особого назначения, о беспечности коменданта дома — Авдеева. Меры по усилению охраны дома были приняты решительные. Исполком отстранил Авдеева от обязанностей коменданта и назначил на этот пост Юровского. Ему разрешили взять во внутреннюю охрану людей по его собственному выбору. Юровский взял несколько человек из отряда латышских стрелков и чекистов. Среди них был Григорий Никулин. Он стал помощником коменданта.

4

Новые бойцы внутренней охраны открыто говорили между собой, что дожидаться народного суда бывший

царь должен в одной из тюрем, выстроенных по его повелению для революционеров, для рабочих и крестьян, и режим для него и для его близких должен быть такой же, как и для других врагов народной власти.

Юровский знал об этих разговорах и решил с самого начала объяснить бойцам всю сложность обстоятельств, предупредить их, чтобы не поддались чувству мести.

Они собрались в просторной комнате полуподвального этажа, где было мало света и тепла, где было их жилье и откуда они поднимались наверх только на дежурства. На грубо сколоченных скамьях и табуретах сидели, зажав между ног винтовки, русские и латыши, бородатые и безусые, обстрелянные фронтовики в полинялых гимнастерках, рабочие-красногвардейцы и молодые чекисты в черных и желтых кожанках. Они слышали над собой строевой, как у служаки-фельдфебеля, шаг бывшего самодержца, и колючие взоры исподлобья раскрывали Юровскому мысли бойцов, суровые, как приговор.

Он смотрел в глаза латышским стрелкам — старший среди них, революционер-политкаторжанин, переводил им непонятные слова и фразы. Он перехватил удивленные взгляды сысертского рабочего Александра Стрекотина и семнадцатилетнего Виктора Нетребина. Они будто спрашивали его: «На кой дьявол мы охраняем Николая, если никакого другого приговора, кроме смертного, суд народа палачу не вынесет?!» То, что Романовы продолжают жить в хоромах, что им все еще прислуживают лакеи, личные врачи и повара, справедливо казалось этим людям кощунственной насмешкой над жертвами революции.

— Вас возмущает,— говорил Юровский,— что они живут в роскошных комнатах, питаются несравненно лучше вас и ваших семей, что сараи и кладовые переполнены их вещами. Некоторые из вас думают: зачем такое великодушие?.. Но мы с вами большевики, чекисты. Мы не дадим своим личным чувствам взять верх над законами Советской власти, над революционной целесообразностью. Будет суд, вынесет приговор Николаю Романову, и, если прикажут нам, мы с твердостью солдат революции исполним народный приговор.

Раскрыв товарищам планы заговорщиков, стремившихся освободить семью Романовых, Юровский предупредил:

— Всякий из нас, кто нарушит дисциплину, потеряет пролетарскую бдительность, вступит в общение с арестованными, будет караться беспощадно.

Из дома особого назначения Юровский отлучался только по вызову в областной Совет и на допросы Станса — он их вел в ЧК. Возвращаясь поздно ночью, Юровский заходил в бревенчатый дом в Вознесенском переулке, обходил с Павлом Медведевым посты внешней охраны, потом с Никулиным проверял внутренние посты. Если все было в порядке, он перед сном осмысливал результаты допросов.

В одну из июльских ночей Юровский размышлял, сидя на краю покрытой солдатским одеялом койки, на которой он и Никулин поочередно спали по два-три часа в сутки. Свет от электрической лампочки под высоким потолком падал на густые волосы Юровского, окрашивал их в цвет поблекшей меди.

Никулин вышагивал от сейфа к книжному шкафу. Его чистое круглое лицо то хмурилось, то прояснялось.

— Наверное, Станс выдал финнов Чека не для присвоения денег...

— Правильно,— Юровский был доволен смышленостью молодого чекиста.— Если бы чекисты поддались на провокацию, лишили бы жизни двух финнов, то, возможно, заговорщикам удалось бы восстановить против Советской власти эвакуированных на Урал участников финской революции. Меня не удивляет, что Станс сегодня в этом признался.

— Почему не удивляет, Яков Михайлович?

— Стансу нужно, чтобы мы поверили, что он действовал один. По-моему, он надеется отвлечь наше внимание от главной своей цели. В чем она состояла?.. Он хотел войти к нам в доверие и для этого привел финнов в Чека. Станс рассчитывал стать чекистом, попасть в охрану дома Ипатьева, а тут он совершил бы все чисто.

— Хитер, подлец! — воскликнул Никулин, негодуя и одновременно словно бы даже восхищаясь смелостью Станса.— А сегодня он что?

— Выкручивался. Хочет утаить связи со вторым посланцем из центра.

Юровский подошел к столу, стал рисовать на листе бумаги схему обнаруженной связи заговорщиков. По краям, сверху и снизу листа появились квадратики

с именами, адресами подпольных явок, а в центре — большой загадочный ноль.

— Запомнил?

Никулин не отрывал взгляда от схемы.

— Запомнил.

— Эта схема есть в Чека, но тебе следует хранить ее в памяти. Если придется кому-то остаться вместо меня, то это пригодится.— И, чиркнув спичкой, Юровский подпалил край бумаги.

— А почему — вместо?

— Подстрелить могут,— ответил Юровский таким тоном, каким говорят о самых заурядных вещах.

До этого дня Юровский не думал и не говорил о личной опасности. Он единственный из охраны дома Ипатьева выходил в город, чаще всего ночью. Но в эту июльскую ночь, когда он возвращался из ЧК, его обстреляли с промчавшейся пролетки. Это было предупреждение. Яков Михайлович не мог не считаться с ним, поэтому и показал Никулину схему. Тот понял больше, чем сказал Юровский.

— Может быть, я смогу продолжать допросы Станса? Вам бы не надо по ночам выходить!

— Станса нельзя никому перепоручать.

— Так арестуйте Деревенько! Он, наверно, натравливает убийц.

— От свободного Деревенько сейчас больше пользы, чем вреда. Арестуем его, и не найдем следа к руководителю заговора. Брать надо всех, в один час! — Он подошел к койке, сел с края.— Ну, иди, сынок, пора менять постовых.

Когда Никулин вернулся, Юровский спал. Голова уперлась в верхний боковой прут койки. Чтобы не разбудить спящего, Никулин не стал снимать с него сапог, поднес к койке табурет, положил на него ноги Юровского, осторожно опустил его голову на подушку. Прислушался к дыханию — в груди хрипело. Холодным потом покрылся лоб. «Туберкулез, язва... Как он выдерживает? Что я отвечу Римме, когда она возвратится?..» Перед отъездом на фронт Римма рассказала Никулину о болезнях отца и попросила позаботиться, чтобы отец ел хотя бы раз в день и то, что ему можно.

Однажды Никулин осмелился отлить для Юровского полстакана молока из бутыли, доставленной из монастыря. Яков Михайлович рассердился.

— Пустяк же,— оправдывался Никулин.— Вы больной, а Алексею много...

Но ему пришлось обещать, что подобного больше не допустит.

В эту ночь, глядя на спящего Юровского, Никулин в который раз думал о том, как нелегко этому человеку — отзывчивому, доброму по натуре — быть крутым, жестким даже к своим товарищам, если они забывают о революционном долге. И вдвойне суровым — к врагам.

В первый же день исполнения обязанностей коменданта Юровский обнаружил у заключенных драгоценности, которые им не разрешалось держать при себе. У Александры — жемчужную нить и золотую иконку, подарок Распутина, у Николая и дочерей — бриллиантовые браслеты, золотые кольца. Собрав эти драгоценности и составив опись, Юровский сложил их в романовскую шкатулку, опечатал ее и оставил у Николая на хранение. Каждое утро он с Никулиным приходил на проверку арестованных и заодно проверял шкатулку. Александра возмущалась, посылала ходатаем к коменданту доктора Боткина.

— Ее величество настаивают,— с апломбом придворного медика говорил Боткин,— чтобы проверки приурочивались к ее вставанию. Она не привыкла столь рано подниматься с постели.

— Передайте гражданке Романовой,— ответил Юровский,— что она не императрица, а заключенная, и, как любого арестанта, ее могут проверять в любое время дня и ночи!

Романовы пытались расположить к себе караульных. Николай выходил в приемную комнату и на прогулки в починенных сапогах. Девицы часто пристраивались возле раскрытых дверей прихожей, на глазах у постовых штопали чулки, чинили белье и, улыбаясь бойцам, пытались завязать с ними беседу. Все свидетельствовало о том, что Романовы и те, кто готовился их освободить, могут использовать любую оплошность охраны, чтобы осуществить побег.

Пожалуй, никто, кроме Никулина, не замечал в Юровском признаков душевной бури. Комендант дома особого назначения был холодновато-медлительным, неизменно строгим и требовательным ко всем, но без раздраженности и повышенного тона. Внешне он ка-

зался замкнутым, отрешенным от человеческих страстей. Но сейчас, во сне, Юровский не волен был скрывать свои переживания — он вздыхал, разговаривал с женой, звал Степана Валуйских.

Степан погиб в последний день мятежа в Невьянске, куда он выехал с группой чекистов. В него бросили бомбу — и ничего, что можно было бы предать земле, не осталось от Степана...

Возвратившись в Екатеринбург, чекисты ходили с опущенными головами, будто они виноваты были в смерти друга Юровского. И о семье Якова Михайловича им нечего было сказать. Станционные рабочие рассказали о маленькой женщине, вышедшей из вагона на штыки мятежников, чтобы не дать им стрелять в пассажиров. Говорили, что на третий день мятежа поезд ушел в сторону Перми. «Где Маня, дети? — думал Юровский.— Живы ли?»

Наступил день, когда Юровский предъявил Стансу прямые улики в связи с Аидогским, вынудил его выдать явку заговорщиков, подготовлявших нападение на дом Ипатьева. Несколько человек было арестовано. У них изъяли оружие. Чекистам удалось установить, что человек, присланный в Екатеринбург для организации побега Николая, живет под именем Ивана Ивановича Сидорова, что последний создал «боевой резерв» для освобождения Николая Романова и его семьи. Силы ЧК и красногвардейцев были брошены на розыски этого резерва, но тщетно. Пришлось Юровскому принять дополнительные меры предосторожности.

11 июля Николай сделал запись в своем дневнике: «Утром около 10 1/2 часов к открытому окну подошли трое рабочих, подняли тяжелую решетку и прикрепили ее снаружи рамы — без предупреждения со стороны Юровского. Этот тип нам нравится все менее!»

Еще через день он записывает: «Вестей извне никаких не имеем».

Эта запись Николая оказалась в дневнике последней.

Учитывая, что фронт белогвардейцев и белочехов подошел вплотную к Екатеринбургу и уцелевшие в городе заговорщики стремятся во что бы то ни стало вырвать из рук Советов коронованного палача, исполком Уральского областного Совета решил: Николая Ро-

манова, повинного перед народом в бесчисленных кровавых преступлениях, расстрелять.

В ночь с 16 на 17 июля тысяча девятьсот восемнадцатого года Яков Юровский, Григорий Никулин, Павел Медведев, Петр Ермаков привели приговор в исполнение.

Через день, 18 июля, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов постановил: признать решение Уральского областного Совета правильным и одобрить его действие.

ПО ЗАДАНИЮ ДЗЕРЖИНСКОГО

1

К вечеру на измученный зноем город подул ветерок. Подставив лицо под освежающую струю, Яков Михайлович быстро шел в северном направлении, к Мотовилихе, где ему обещали дать людей для погрузки ценностей, свезенных в пермский банк из городов Урала. «Злополучный поезд...» — думал Яков Михайлович, вспоминая, как отправляли в Москву золото и драгоценности из екатеринбургского банка и как эти ценности застряли в Перми. Две преграды одолел тогда «золотой поезд» — благополучно выбрался из Екатеринбурга, миновал Пермь, а Ярославль не отважился пройти. На железной дороге бесчинствовали мятежники, и поезд повернул обратно в Пермь.

Повернув за угол, Яков Михайлович увидел идущих навстречу двух девушек в полинявших гимнастерках, с медицинскими сумками на ремнях.

— Римма! Маруся!

Римма вздрогнула и бросилась к отцу. Он так часто вспоминался ей в дни, когда она с полком вырывалась из вражеского окружения, шла через болота и горы. А сейчас она не сразу узнала отца. Бородки нет. Морщины, точно ножом косо врезанные вниз от носа... Набрякшие мешки под глазами. И глаза какие-то другие — огромные, глубокие, свет в них суровый и печальный...

— С мамой что?! Как ребятки?!

— Идем, сейчас ты их увидишь.

Она прижалась к нему. Он гладил коротко остриженную голову, а другой рукой обнимал Марусю.

— Трудно меня узнать, девушки?.. Это хорошо. Я ныне не Юровский, я Орлов.— Краешки губ улыбались, а в глазах не было и тени улыбки, и это поразило Римму.

Она не знала, что после ее второго отъезда на фронт отец стал комендантом дома особого назначения и был в числе тех, кто привел в исполнение приговор, что областной Совет, приказав Якову Михайловичу изменить на время фамилию и облик, направил его секретным курьером в Москву. Он привез туда дневник Николая, его тайную переписку, документы о заговорах контрреволюции, стремившейся освободить Романовых. Там, в Москве, ему и поручили доставить из Перми «золотой поезд».

...Темной августовской ночью активисты большевистской организации Перми и с ними Мария Яковлевна Юровская, Римма, Маруся и Шурик вынесли из подвалов пермского банка и погрузили на автомашины, а потом в вагоны специального поезда холщовые мешки с платиной, золотом и серебром — четыре тысячи пудов. Специальный поезд из четырех вагонов охраняли бойцы, вооруженные винтовками, гранатами и пулеметами. Во главе отряда комендант поезда Юровский поставил чекиста Григория Никулина.

— Москва велела доставить поезд за двое суток, а дорога опасная,— предупредил Яков Михайлович.

Ночью в пути спал один малолетний Женя. Мария Яковлевна, Шурик, Римма и Маруся Жеребцова (девушки были командированы политотделом армии на неделю в Москву) составляли вооруженный револьверами маленький гаринзон последнего, служебного вагона. Окна в этом вагоне были закрыты и занавешены, двери на запорах — никто не имел права ни выходить, ни показываться у окон. В двух пульмановских вагонах и одном обычном, четырехосном, находились бойцы охраны и драгоценности.

До станции Вятка поезд прошел с двумя короткими остановками, а тут задержался, чтобы набрать воды. В эти несколько минут, пока состав стоял в Вятке без паровоза, и произошло неожиданное.

То ли по головотяпству служащих станции, то ли по злому умыслу белогвардейцев, учуявших в маленьком

составе большую добычу, кассиры стали продавать билеты на специальный поезд. Пока десятки пассажиров столпились у окошек касс, сотни бросились к поезду.

Над волнами толпы плыли сундучки, мешки, ребятишки с испуганными лицами. Предупредительные возгласы Юровского, Никулина и бойцов, охранявших тамбуры и ступеньки, терялись в истошных выкриках. Люди полезли на ступеньки и в тамбуры.

— Бей!

— Лезь в окна!

Обычными мерами остановить это было уже невозможно. Но Яков Михайлович не мог приказать открыть огонь. «Женщины... А если ворвутся в вагоны?..»

Босой парень, подбежав к последнему вагону, подпрыгнул, ухватился за наличник окна, у которого стояла, чуть откинув занавеску и сжимая в руке браунинг, Мария Яковлевна. Грязные пальцы ног парня по-обезьяньи ловко цеплялись за выступы. Еще минута — и он вышибет окно. Свесившийся с крыши боец стукнул парня прикладом, и тот сорвался. На несколько мгновений стихли крики. И в этой тишине впервые за долгую жизнь с мужем Мария Яковлевна услышала от него хлесткую матерщину.

— Назад!.. Вагоны набиты взрывчаткой! Прикажу взорвать состав!

Голос Якова Михайловича сразу же утонул в злобном реве. Но его угрозу подкрепила пулеметная очередь Никулина поверх толпы. Сорванная пулями штукатурка вокзальной стены посыпалась на перрон. Толпа застыла в замешательстве. Возможно, она снова пошла бы на приступ и не избежать бы тогда кровопролития, но машинист успел подогнать паровоз. Зазвенели буфера. Состав рванулся на запад.

С невероятной для тех лет быстротой — за 36 часов — «золотой поезд» прошел от Перми до Москвы.

2

Каждую пятницу Владимир Ильич Ленин выступал на рабочих митингах. Появляться на них было небезопасно. После убийства Володарского в Петрограде и мятежа левых эсеров в Москве друзья просили Ленина временно прекратить посещения многолюдных собраний. Ленин не уступал: «Вы хотите меня в коробочку

спрятать?! Кто я, по-вашему,— министр буржуазного государства?..» Что было делать родным Владимира Ильича и его друзьям?! Они прекрасно знали — ему необходимо было общение с рабочими и крестьянами, он должен был чувствовать их настроения, слышать вопросы, знать их мысли.

И от охраны Ленин отказывался по тем же причинам — она затрудняла ему общение с рабочим людом. Он ухитрялся выйти из дома незамеченным, быстро исчезал в автомобиле и, щуря глаза, смеялся: «Удрал... Они надеялись обставить старого конспиратора, а он хитрый... Пожалуйста, Степан Казимирович, прибавьте скорость, а то, ей-ей, догонят».

Чтобы в какой-то мере обезопасить Владимира Ильича во время его выступлений, газеты не писали, где именно он будет на митинге. Но москвичи нередко угадывали место и сотнями собирались туда задолго до начала.

Так было и в пятницу 23 августа 1918 года.

Едва раскрыли двери Политехнического музея, как вместительное помещение было переполнено.

Юровский, узнавший от Свердлова, где выступает Ленин, привел сюда Римму и Марусю Жеребцову и усадил в первом ряду. Ему хотелось, чтобы дочь и ее подруга, отправляющиеся снова на фронт, увидели и услышали Ленина. Сам он не торопился занять место, стоял и поглядывал по сторонам. Свердлов предупредил его, что надо во время выступления Владимира Ильича быть начеку.

И на этот раз Ленин пришел без охраны. Он появился из-за кулис с Надеждой Константиновной Крупской, усадил ее за стол, а сам — к авансцене, к людям, которые с его появлением вскочили, приветствовали, аплодировали. Ленин поднял руку, с трудом утихомирил зал.

— В чем наша программа? — начал он.— В завоевании социализма.

Голос Ленина накалялся с каждой фразой.

— Отменяя собственность на землю, национализируя предприятия, банки, которые занимаются в настоящий момент тем, чтобы организовать промышленность, мы имеем окрики со всех сторон, что творим массу ошибок. Да, но рабочие сами творят социализм, и каких бы мы ошибок ни наделали — на этой практике мы учим-

ся и подготовляем почву для безошибочного искусства делать революцию.

Вот почему мы видим такую бешеную ненависть!..

Мысли эти были и в других речах и статьях Ленина, которые читал Юровский. Но здесь он ощутил, как ленинская мысль шлифуется, приобретает новые грани, наливается силой от общения с рабочей массой. И еще появилось такое чувство, будто Ленин заглянул в его душу и отвечает именно ему, Юровскому, как следует поступить ему сейчас, в дни смертельной схватки Красной Армии с белогвардейцами на его Урале, в его Сибири.

— Вся буржуазия, все бывшие Романовы, все капиталисты и помещики — за чехословаков, ибо мятеж последних они связывают с возможностью падения Советской власти. Об этом знают союзники, и они предпринимают одну из серьезнейших битв.

То ли Владимир Ильич действительно посмотрел в глаза Юровскому, то ли это ему показалось, но слова Ленина о том, что судьба революции решается сейчас на Восточном фронте, прозвучали для Юровского словно бы укором.

«Засиделся в Москве. Плохо настаивал на возвращении... Если Свердлов опять откажет, попрошу вас, Владимир Ильич...»

Но обращаться к Ленину не пришлось. Свердлов уступил просьбе Юровского и назначил ему прием на вечер 30 августа для подробного разговора о выезде на Восточный фронт.

Переступив порог кабинета, Юровский увидел Свердлова стоящим к нему спиной возле маленького столика. Голова клонилась к листу бумаги, рука лихорадочно быстро писала. Свердлов не слышал шагов Юровского. Он шепотом произносил слова, которые ложились на бумагу крупными нервными буквами: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

Юровский знал, что утром этого дня убили председателя Петроградской ЧК Урицкого и что Ленин предложил Дзержинскому немедленно выехать в Питер. В первый момент Юровский подумал, что слова эти вызваны террористическим актом в Питере, но Свердлов распрямился, обернулся:

— Ленин... опасно ранен...— и добавил тут же: — Центральный Комитет посылает вас в ВЧК. Вас ждет товарищ Петерс. Он допрашивает террористку Каплан.

3

Член президиума ВЧК Петерс включил Юровского в оперативную группу, которой было поручено арестовать правых эсеров, подозреваемых в связях с Каплан. На допросах Каплан призналась, что была анархисткой, потом примкнула к правым эсерам, но называть своих сообщников отказывалась. Она твердила, что покушалась на жизнь Ленина одна и ничего не слышала об организации террористов.

Друзья Ленина и приступившие к следствию чекисты представляли себе, кто мог вложить револьвер с отравленными пулями в руку террористки. В подписанном Свердловым воззвании ВЦИК по поводу ранения Ленина говорилось: «Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов...» На самом деле, когда в 1922 году преступление раскрыли до конца и вожаки правых эсеров предстали перед Верховным трибуналом Советского государства, суд неопровержимо доказал, что покушение на Ленина готовилось под руководством и контролем центрального комитета партии правых эсеров и было осуществлено по его постановлению.

А тогда, в начале сентября 1918 года, был сделан лишь первый шаг к раскрытию тайны. Среди тех, кто сделал этот шаг, был новый следователь ВЧК Яков Михайлович Юровский.

...Дзержинский получил телеграмму о покушении на Ленина, как только сошел с поезда в Петрограде. Он тотчас же возвратился в Москву, с вокзала помчался на машине в Кремль... Владимир Ильич был без сознания. Врачи сказали, что одна пуля раздробила плечевую кость, а другая, попав в спину, пробила лопатку и легкое, вызвав обильное кровотечение в плевру. К счастью — это был редчайший случай — разрывные пули не разорвались, а сильнейший яд кураре, которым, как выяснилось, были отравлены пули, потерял свои свойства от нагрева при выстрелах. И все же тогда, в первые дни после покушения, состояние Владимира Ильича было крайне тяжелым.

На другой день Дзержинский вызвал к себе Юровского.

Феликс Эдмундович сидел на стуле, согнувшись, не сняв фуражки. «Неужто нет надежды?» — ужаснулся Яков Михайлович.

Дзержинский решительно поднялся.

— Работать... Работать!

Он быстрым шагом прошел к письменному столу, на ходу спрашивая Юровского, знаком ли он с Виктором Эдуардовичем Кингисеппом, следователем Верховного трибунала ВЦИК.

— С Кингисеппом поедете на завод Михельсона, установите обстоятельства покушения. Свидетели противоречат друг другу. Требуется произвести следственный эксперимент, сделать фотоснимки. Найдите фотографа.

— Он здесь, товарищ Дзержинский.

— Уже нашли?

— Я фотограф.

— Сумеете? Аппарат у нас громоздкий и старый.

— Думаю, справлюсь. Аппараты знаю.

На завод Михельсона следователей доставил на личной машине Ленина Степан Казимирович Гиль. Как очевидец покушения, Гиль уже давал показания Кингисеппу, но сейчас на заводе он должен был помочь восстановить в малейших деталях те обстоятельства, которые ему, шоферу Ленина, были известны лучше, чем другим. Правда, давая показания, он иногда противоречил сам себе.

— Владимир Ильич шел от дверей цеха, где был митинг, прямо к автомобилю. На середине пути к нему подошли две женщины и стали с ним разговаривать.

— Вначале, товарищ Гиль, вы утверждали, что к Ленину подходили три женщины, возможно, вы не могли разглядеть,— мягко сказал Кингисепп. Он не осуждал Гиля: очевидцы были настолько потрясены покушением на жизнь Ленина, что кое-что невольно путали.

Смущаясь и кося глазами на Кингисеппа, сидящего рядом с ним на переднем сиденье, Гиль уточнял:

— Не к Ленину три,— ко мне. Они подошли к машине, когда Ленин еще находился в цехе, и спросили, кого я привез. Я ответил: «Не знаю». Одна из них, блондинка, рассмеялась: «Узнаем...» Эта блондинка потом

и иагнала Владнмнра Ильнча н стала о чем-то его спрашнвать. Говорят, она спрашнвала, почему мнлнционеры, вопрекн декрету, отбирают в поездах муку. А Ленинн сказал ей: «Этого не может быть». Она, коиечно, сообщннца злодейкн, она задержала Владимира Ильнча, чтобы Каплан успела прнцелиться...

Юровский, прижимая к грудн огромный фотоаппарат, виимательно слушал рассказ шофера. Если Попова — та самая блондиика, о которой говорнл сейчас Гнль,— действнтельно отставала немного от Леннна н шла от него по правую руку, а автомобнль был от него слева, как показывала она н некоторые свндетелн покушеиня, то Попова ие могла загороднть Леиниу дорогу н, следовательио, ннчем не помогла террорнстке Каплан... Но еслн подтвердятся показання очевндцев, что Каплан появнлась на заводе минут через пять после прнезда Леннна, когда ои уже выступал, это будет означать, что кто-то вызвал террорнстку на завод, что она действовала не одна, как пытается доказать, а в составе группы... Рабочий Титов сообщнл иа допросе, что вндел Каплаи иа мнтииге, что к ней якобы подошла другая женщина и сказала тихо: «Ну, неудача». Найдутся подтвержденя этому — надо будет немедленно искать ту женщнну...

Гнль остаиовнл машиiу возле домнка завкома. Отсюда пошлн по гранатному цеху, где выступал Ленни, потом — по заводскому двору. Сопровождали следователей Нколай Иванов, председательствовавшнй на мнтннге, и члеи партни Сндоров — оба очевндцы покушеиня. С их помощью и с участием Гиля Книгнсепп н Юровскнй деталь за деталью восстанавливали картину покушеиия. Вот на этом бугорочке Леннна догнала Попова, ио ее разговор ие задержал его н не облегчнл действнй террористке Каплан, иаходнвшейся у передннх крыльев автомобнля. Машниа стояла здесь, мотором к воротам — так оин н сейчас ее поставнли. С этой нменно точки произвела Каплаи трн выстрела — одна пуля попала в руку Поповой, две — в Ленниа...

Участинкн следствеииого экспериметa иисцеинровалн главные эпнзоды покушення. Устанавлнвая то на одном, то иа другом месте громоздкнй фотоаппарат на треноге, Юровскнй пронзводнл съемкн.

Здесь, иа заводском дворе, заиово пережнвая пронсшедшее, Юровскнй почувствовал и за собой безмер-

ную вину. Не он ли, слушая Ленина в Политехническом музее, говорил себе, что нельзя отпускать вождя на митинги без охраны? «Почему же на другое утро не пошел к Свердлову, к Дзержинскому, не настоял, чтобы мне разрешили охранять Владимира Ильича?.. Почему не пришел сюда? Я мог предупредить выстрелы или прикрыть собою Ленина...»

День следственного эксперимента на заводе Михельсона навсегда запал в душу Юровского как урок жизни, как напоминание о его личной ответственности за все, что происходит в стране.

4 сентября 1918 года газета «Известия» сообщила о расстреле Каплан по постановлению коллегии Всероссийской чрезвычайной комиссии.

Охрана Владимира Ильича Ленина была усилена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГУБЧЕКА

1

На вторую ночь после того как белогвардейцы захватили Екатеринбург, была арестована семидесятилетняя мать Юровского.

...Она все еще ждала, что за ней придет товарищ, о котором говорил Яков, когда зашел попрощаться. Она все еще надеялась, что товарищ этот доставит ее в деревню, к хорошим людям, и ей будет у них покойно, как сказал Яков. После того как Эстер Моисеевна проводила сына до ворот, она больше не переступала порога дома, даже кровать не стелила — ждала того товарища, не зная, что он убит в последнем бою за город. Когда ночью застучали в дверь, она вышла одетая по-дорожному, в накинутой на плечи пуховой шали, с баульчиком, приготовленным для поездки в деревню. Испуг длился минуту-другую, пока не стали добиваться от нее, где сын и его жена. «А-а, не нашли их...» — подумала она с облегчением.

В контрразведке ее допрашивал начальник карательного отряда подпоручик Ермохин.

— Что твой сын говорил об императоре Николае Александровиче и о доме Ипатьева?

— Что за Ипатьев? Какой дом?.. И откуда мой Яков мог знать о царе?

— Будешь притворяться — жилы вытяну!.. Отвечай, где прячется твой сын? Ну, скажешь?!

Она молчала. От удара кулаком о стол двухвостая со свинцовыми наконечниками нагайка подпрыгнула выше головы Ермохина. Словив нагайку на лету, он кинулся на Эстер Моисеевну.

После ночи пыток старую женщину бросили в тюремную камеру и больше на допросы не вызывали. Комендант Екатеринбурга Домантович приказал подпоручику Ермохину сохранить жизнь Эстер Моисеевне до ареста Юровского, чтобы заставить его заговорить,— они хотели пытать мать на глазах сына. Белогвардейцы искали Юровского на Урале, в Сибири, а он в те месяцы возглавлял районные отделения ЧК Москвы, очищал столицу от шпионов, саботажников и спекулянтов. Когда же Красная Армия в июле 1919 года приблизилась к Екатеринбургу, Центральный Комитет партии по рекомендации Феликса Эдмундовича Дзержинского направил Юровского на Урал председателем губернской ЧК.

Судьба матери ему была неизвестна. Он думал, что ее успели увезти в деревню. Но когда 15 июля Яков Михайлович с эскадроном красной конницы из дивизии Азина ворвался в екатеринбургскую тюрьму, он увидел мать...

— Я чувствовала, что ты придешь,— шептала Эстер Моисеевна, когда он поднял ее с цементного пола. Даже плакать она не могла — столько пережила, так исстрадалась за этот страшный год.— Замучили, изрубили шашками Марию Авейде и Антона Валека. И девочку Соню Морозову, и мальчика туберкулезного Илюшу Дукельского — всех убили.

По углам двора сбились женщины — они все еще не верили, что это свобода, что они могут выйти через распахнутые ворота. В момент, когда колчаковцы погнали из тюрьмы семьсот заключенных к последнему уходящему на восток эшелону, надзиратели тюремной больницы замешкались со сборами. Задержка спасла больных — удар Красной Армии оказался внезапным и ошеломляющим.

Отделившись от группы освобожденных, к Юровским бросилась молодая женщина. Зеленая вязаная кофточка резко оттеняла болезненную желтизну ее худого лица.

— Сима!.. Доченька... Жива...

Эстер Моисеевна и Сима — они познакомились здесь, в колчаковском застенке — обнялись как родные.

Так вот какая она — Сима Дерябина, отважная подпольщица! Это о ней царские жандармы писали, что она занимает у большевиков генеральское положение. Яков Михайлович не знал ее лично, но не раз слышал о ней на Урале, а потом в Москве. Там говорили, что Симу и ее подругу Марию Оскаровну Авейде — тоже активную участницу революционного движения на Урале с 1905 года — оставили на подпольной работе в занятой белыми Самаре. Белогвардейцы их арестовали, отправили эшелоном смерти в Сибирь, но обе бежали: Авейде — когда поезд проходил Урал, а Дерябина — возле Иркутска. И обе возвратились в родной Екатеринбург. Только тут Яков Михайлович узнал, что к моменту приезда Дерябиной Авейде уже была казнена колчаковцами, что Сима продолжала подпольную работу, а когда ее арестовали — колчаковцам не удалось установить ее роли в большевистской партии.

...В опустевшем, с распахнутыми настежь дверями и выбитыми окнами здании колчаковской контрразведки не выветрился дым. Еще тлели груды сожженных бумаг. Дерябина и Юровский извлекли не успевшие полностью сгореть документы, отделяли сохранившиеся обрывки.

Из второй городской тюрьмы — там к моменту бегства колчаковцев оставалось еще меньше заключенных, чем в первой,— спасенные разбрелись по домам. В настежь раскрытых камерах и коридорах — тишина. Но откуда-то доносились слабые стоны. Юровский и Дерябина побежали в подвал, ломом вырвали окованную железом дверь карцера — на каменном полу лежал исполосованный старик. В больнице, когда его удалось ненадолго привести в чувство, он настойчиво повторял какое-то слово, в котором явно слышалось два начальных слога: чу-жак...

— Чужакин?..— добивалась Дерябина, и ей казалось, что старик последним вздохом подтвердил ее догадку.

— В этой тюрьме зверствовал надзиратель Михаил Чужакин,— сказала она Юровскому.

Весь остаток дня ушел на поиски адреса колчаковского надзирателя. Дом его нашли, но опоздали. Сосе-

ди говорили, что Чужакин зашел на полчаса, дождался наступления сумерек и с каким-то мужиком в желтой, явно с чужого плеча кожаной куртке исчез огородами.

Установленная за родственниками Чужакина слежка привела Юровского и группу вооруженных рабочих в пригородный поселок возле Уктусских гор. В домепятистенке, стоящем на опушке леса, после перестрелки были арестованы Чужакин и человек в желтой кожанке — в нем недавние узники узнали сотрудника колчаковской контрразведки Смородинцева.

Это были первые колчаковцы, арестованные председателем губчека, первый шаг к выполнению задания Дзержинского.

2

Накануне выезда Юровского на Урал его вызвал к себе Феликс Эдмундович.

В здании ВЧК на Лубянской площади стояло короткое затишье. Обычно в такой ранний час Феликс Эдмундович отдыхал на железной койке за ширмой в своем кабинете. Чекисты знали: если на рассвете вызван кто-нибудь из них, значит, разговор ожидается крайне важный. Но Юровский не застал Феликса Эдмундовича. Помощник председателя ВЧК сказал, что Дзержинский просил подождать его возвращения.

— Поздно ночью приезжал Владимир Ильич. Феликс Эдмундович знакомил его с делом «Национального центра». Уехали вместе в ЦК.

Органы ВЧК в те дни начали широкое расследование преступных замыслов и действий контрреволюционной организации «Национальный центр». Ее первый след, ее связи с генералом Юденичем чекисты обнаружили в середине июня 1919 года во время подавления антисоветского мятежа на Красной Горке. Через некоторое время милиционер Слободской уездной милиции Вятской губернии задержал подозрительного человека, у которого были изъяты два револьвера и большая сумма денег. На допросе в Вятской губчека задержанный, назвавшись Крашенинниковым, признался, что деньги он получил в колчаковской разведке и вез их в Москву кадету Щепкину. Обыском в доме Щепкина руководил Феликс Эдмундович. Чекисты обнаружили в тайниках списки заговорщиков, донесения Щепкина гене-

ралу Деникину — агент генерала был задержан тут же, вместе с хозяином дома.

Несколько позже, после ареста других главарей «Национального центра», ВЧК полностью раскрыла далеко идущие планы заговорщиков. Они собирались поднять восстание в Москве, арестовать Ленина, завладеть телеграфом, оповестить фронты о падении Советов, вызвав этим панику и разложение в армии. Деньги для осуществления переворота заговорщики получали от империалистических государств через английского шпиона Поля Дюкса.

Накануне выезда Юровского на Урал клубок «Национального центра» еще не был размотан до конца. Но уже тогда лично руководивший следствием Дзержинский предполагал, что заговорщики теснее всего связаны с Деникиным и хотят приурочить начало восстания к приближению его армии к Москве.

«Возможно, предположение Дзержинского подтвердилось,— думал Юровский.— Не потому ли Ленин решил лично познакомиться с материалами следствия?.. И вот — газета...»

На столике, к которому подсел Юровский, лежала только что доставленная из типографии «Правда». Бросались в глаза крупные жирные литеры курсива: «ВСЕ НА БОРЬБУ С ДЕНИКИНЫМ!» Это было письмо ЦК РКП(б). В нем говорилось, что наступил один из самых критических моментов социалистической революции. «Конечно, это писал Ленин. И пришел к Дзержинскому ночью... Наверно, острие работы ВЧК должно быть направлено на юг, против Деникина. А я еду на восток... Может быть, Дзержинский изменил свое решение?..»

— Извините, товарищ Юровский, что я заставил вас ждать,— сказал Феликс Эдмундович, войдя в приемную и пригласив Якова Михайловича в кабинет.— Сидите, пожалуйста. Не обращайте внимания, если я буду бегать.

Но тут же Феликс Эдмундович сел рядом на стул.

— Отпускать вас из Москвы не хотелось, но... Слишком тяжело будет на Урале... В среде военных и в Совнаркоме все больше голосов за снятие с Восточного фронта наших войск для обороны Москвы от Деникина. Сегодня мы говорили об этом с Владимиром Ильичем. Он решительно против. Он требует добить Колчака,

который еще очень опасен. Недооценка этой опасности, ослабление наших сил на Востоке может дорого обойтись. Колчаковцы не только зверствуют, они оставляют после себя недоверие к рабоче-крестьянской власти, оставляют сомнения в среде колеблющихся. Не забывайте о решении Совнаркома: сообщайте в газетах имена расстрелянных врагов и причины применения к ним высшей меры наказания. И еще посоветовал бы вам отчитываться на массовых собраниях рабочих и крестьян. Если вашу деятельность одобрит народ, значит, работаете правильно.

Дзержинский обошел стол, достал из ящика папку и протянул ее Юровскому.

— Это допросы агента «Национального центра». Читайте самый последний лист — вчерашние его показания.

Юровский стал читать. Заговорщик признавался, что главари «Национального центра» намеревались войти в непосредственные контакты с агентурой Колчака, оставленной на занятых Красной Армией территориях. На вопросы Дзержинского, кого хотели послать или послали на такие связи, подследственный то ли не желал, то ли не мог ответить.

— Вам следует установить,— сказал Дзержинский,— удалось ли «Национальному центру» наладить связи на Урале и кто его посланцы.

3

Коллегия ЧК заседала всю ночь. Разговор шел о белом терроре на Урале.

Первой докладывала Герта Штальберг — заведующая отделом разведки и контрразведки.

По заданию советского командования отважная латышка шла из-под Перми до самого Екатеринбурга вместе с отступающей армией Колчака, была свидетельницей страшных зверств колчаковцев. И ее удивило, что Юровский, выслушав ее доклад и доклад Тунгузкова, говорил не только о непримиримости к контрреволюционерам, но и о недопустимости расправ с захваченными белогвардейцами.

— Месть — не наше оружие,— сказал Юровский.— Советская власть никогда не руководствовалась и не будет руководствоваться местью, тем более людям,

попавшим к врагам по несознательности, а теперь приходящим с раскаянием.

Тут уже не выдержал Тунгузков — молодой заместитель председателя губчека, недавний моряк.

— Я начинаю сомневаться, товарищ Юровский, чекисты ли мы... Может, бесхребетники, всепрощенцы?!

— Нет, товарищ Тунгузков, не всепрощенцы. Но мы против самочинных арестов, расправ, самосудов, к которым, к позору нашему, кое-где прибегают работники уездных ревкомов. Совершать расправы — преступно. Революционная власть пролетариата не может карать только за темноту. Смешение в кучу рьяных контрреволюционеров с несознательными личностями чревато опасными последствиями для рабоче-крестьянского государства...

— А Чужакин? А Смородинцев?— перебил его Тунгузков.— Их, надеюсь, вы все-таки причисляете к рьяным. Отчего же мы с ними валандаемся?

Тунгузков положил на стол перед Юровским список погибших от руки Смородинцева. В списке — семьдесят одна фамилия.

Штальберг колебалась. Ей казалось, что не совсем прав Тунгузков, что он по вспыльчивой натуре своей может потерять голову и тогда способен подписать и невинному смертный приговор. Но Чужакин, и особенно Смородинцев...

Перехватив взгляд Юровского, Штальберг подошла к окну, раскрыла створки, впустив ночную прохладу.

— Вот так и разговаривать легче,— улыбнулась она мужчинам.— Честно признаюсь, я не вижу особых оснований для спора по поводу Смородинцева и Чужакина. То, что они заслужили расстрел, не вызывает ни у кого из нас сомнения. А срок... Мне бы хотелось, товарищ Юровский, знать причины, почему мы сегодня не можем вынести решения.

— Мне кажется, Смородинцев не все нам сказал, он многое скрывает. Как выяснилось вчера, он был весьма близок к начальнику контрразведки капитану Иванову и если в Екатеринбург явился посланец «Национального центра», то Смородинцев мог знать его или слышать о нем.

— Это не обязательно,— вмешался Тунгузков,— опытный агент не станет себя афишировать. Не только

Смородинцев, но и сам Иванов мог не знать его — тут было начальство и повыше.

— Верно, конечно. И все же Смородинцев начинает вилять, как только спрашиваем, почему он не бежал с Ивановым, а остался в Екатеринбурге. И еще больше настораживает вот это...

Юровский положил на обломок настольного стекла одну из обгорелых бумаг, найденных им и Дерябиной в здании контрразведки.

— Берите лупу, иначе не разберете эти иероглифы...

Через полчаса часовой ввел Смородинцева в кабинет председателя губчека — там остались Юровский и секретарь. Перед секретарем лежали листы чистой бумаги. Смородинцев исподлобья, с откровенной ненавистью глядел на Юровского:

— Я вам вчера говорил, гражданин председатель, что никаких больше показаний давать не буду, потому что я все сказал.

— Тем хуже для вас,— сказал Юровский, возвращаясь от сейфа к столу.

— Мне ни хуже, ни лучше не будет,— и Смородинцев зевнул, прикрыв волосатой рукой рот.— Говорят, у вас виселицы не в почете и шомпола тоже. Значит, и так и этак — пуля.

— Я вас вызвал, чтобы уточнить,— Юровский положил перед Смородинцевым мелко исписанную страницу.— Чья это рука?

— Капитана Иванова — начальника контрразведки.

— А эта?— другой лист лег перед Смородинцевым.

— Не знаю.

— Вы писали свои признания, и не надо быть экспертом, чтобы установить полное сходство почерков. Постарайтесь вспомнить слова, которые уничтожены огнем — вы же сжигали эти документы!

— Мне незачем вспоминать!— сказал Смородинцев.

— Хорошо, с этим повременим... А не знакомы ли вы с таким документом?— Раскрыв папку, Юровский подал ее секретарю.— Читайте вслух!

Секретарь поправил пенсне, начал читать отмеченные Юровским абзацы:

— «По получении сведений о бежавшем карательная команда немедленно отправляется на его родину и в случае поимки бежавшего немедленно расстрелива-

ет его, донося по команде. В случае же необнаружения бежавшего команда уничтожает его имущество, убивая и отравляя скот, сжигая платье и деньги.

Необходимо при уничтожении имущества убивать кого-нибудь из близких бежавшего — лучше всего мать, записывая имя и фамилию в графу «Ка́ра».

Смородинцев слушал безучастно и по окончании чтения произнес безразличным тоном:

— Это широко распространенная инструкция верховного правителя адмирала Колчака карательным командам воинских частей по борьбе с дезертирством. Не пойму, зачем это читаете мне?

— Затем, что вы информировали некое лицо об исполнении этой инструкции в Екатеринбургской губернии — о количестве расстрелянных солдат, бежавших ранее из вашей армии, и убитых карательными командами матерей. И еще вы информировали это лицо о подготовке группы террористов.

Юровский не спускал глаз с колчаковца. По заспанному лицу сперва пробежало едва заметное волнение, потом задрожали отечные щеки.

— Назовите кличку, имя и фамилию человека, которого вы информировали!

— Не знаю его, не знаю! — впервые за все дни допросов закричал Смородинцев, потеряв власть над собой.

— Вы информировали агента под кличкой Угорь. Вот восстановленный текст доклада, подписанный вашей рукой.

Юровский подошел вплотную к подследственному, приблизил к его глазам обгоревшие, склеенные листки, в которых были одни клочья слов и фраз, а потом другой лист, с восстановленным до единой буквы текстом. Смородинцев в эти минуты совершенно забыл о Чужакине, которому он имел неосторожность назвать подпольную кличку агента, забыл, что Чужакин сидит в соседней камере и его тоже вызывают на допросы. Смородинцеву показалось, что Юровский читает его мысли...

— Теперь вы нам скажете, откуда и с чьими заданиями прибыл Угорь. Его фамилию, место работы, явки!

Безвольно, как загипнотизированный, смотрел Смородинцев в черные глаза Юровского и молчал. И это молчание, растерянность сами по себе подтверждали догадки председателя губчека, что агент находится в

Екатеринбурге или где-то близко к нему, что он не местный житель, а приехал издалека, скорее всего из средних или западных областей России, иначе незачем было контрразведчикам снабжать его документами, о которых знал чуть ли не каждый колчаковец.

— Будете говорить?

И вдруг Смородинцев подумал, что может спасти себя... «Надо подавать Угря мизерными, голодными порциями... Обманом нельзя — Юровский чует ложь за версту. Надо выиграть время!..» Не мог Смородинцев поверить, что Колчак оставил Урал навсегда, что былое не возвратится, и заинтересованность Юровского в Угре давала ему единственную возможность оттянуть время.

— Фамилию Угря не знаю. Видел его один раз — он пришел ко мне, и мы разговаривали с полчаса. Второе свидание он тоже назначил в моем доме, но вы меня арестовали минут за двадцать до условленной встречи. Я думаю, он и перестрелку нашу с вами слышал и удрал, наверно, куда-нибудь подальше.

Смородинцев предполагал, что после его провала Угорь или уехал из Екатеринбурга, или скрылся в городе так надежно, что даже дотошному Юровскому потребуется много времени на поиски.

— Мне еще известно, что Угорь намерен был устроиться на незаметной должности в каком-нибудь учреждении. Просил подыскать ему подходящее место, предпочитал по торговой части.

Юровский дал возможность арестованному высказать все, что он хотел, и повернул на самое существенное.

— Следствию необходимы точные и детальные описания Угря: характер, внешность, возраст, говор!..

4

Через неделю после освобождения Екатеринбурга Яков Михайлович пришел к уполномоченному ЦК РКП(б) Николаю Николаевичу Крестинскому просить опытных коммунистов на работу в ЧК. Он застал у Крестинского Павла Быкова, Симу Дерябину, Анатолия Парамонова и Марию Уфимцеву — первые четверо уговаривали Марию Николаевну возглавить губсобес.

— Не могу я, товарищи, заведующим,— доказывала Мария.— Посудите сами: какой военный со мной

посчитается, кто уступит занятые помещения под приюты или дома престарелых? За четыре дня поступило восемьсот заявлений от больных стариков из одного только Екатеринбурга... Заместителем останусь, а заведующего дайте!

— Кого мы тебе дадим, Мария Николаевна?— спрашивал Крестинский.— Не Симу же — она кроме женсовета по горло занята восстановлением партийной организации. Парамонов — голова трибунала и готовит выборы в Совет, скоро, наверно, будет его председателем. Ну, перебери всех... Не забирать же Быкова из ревкома или Юровского из ЧК!— Прищуренные из-под стекол очков глаза Крестинского улыбнулись: мол, дела у Якова пострашнее, чем в твоем собесе...

Но Уфимцева приняла шутку всерьез:

— Юровского... Как это я раньше не подумала! Приемом людей и перепиской мы с Большаковой будем заниматься — справимся. А вот бюрократов уломать, продукты, одежду, деньги доставать у буржуев Юровский сумеет. Он чекист — за ним сила.

Эта идея появилась у Марии Николаевны так внезапно, что Юровский даже не отреагировал. А Крестинский продолжал:

— Мы не могли послать в ЧК опытных людей. Юровскому еще надо молодых чекистов воспитывать. Что ты, Мария, думаешь, Яков — семижильный?!

Мария Николаевна не спорила с Крестинским. Она знала, как трудно Юровскому в ЧК. Да и дома: Эстер Моисеевну после выхода из тюрьмы разбил паралич. И сам Яков болел: обострилась язва желудка и туберкулез. Мария Николаевна подошла к нему.

— Прости, Яков Михайлович, что я так. Я же знаю... Но я подумала, что для детей ты способен сделать больше любого из нас.

И он поддался — никогда не умел отказывать в помощи товарищам.

В какой-то мере положение облегчила его предусмотрительность — он разместил собес в соседнем с ЧК здании — иначе никак бы ему не справиться...

В воскресное утро 3 августа 1919 года Яков Михайлович стоял у окна своего кабинета в губчека, смотрел на огромный квадрат площади с торговыми рядами и Кафедральным собором. На паперти толпилось мно-

жество ннщих, калек, юродивых, будто ветер выдул нх сюда из всех городскнх подвалов. Золотой купол многократно отражал солнце, а они пелн, гнусавили, оголяли язвы, вымалнвая у прихожан подаянне.

В северо-западном углу площадн нзвнвалась длинная очередь. Здесь людн молчали нли тихо переговарнвалнсь. Безрукне, безногне солдаты, старухн, потерявшие на фронтах кормнльцев, молодые вдовы с сосунками иа руках тяиулись к крыльцу собеса. «Чем им помочь? Как иакормнть?.. Солн иет даже для прнютов. Спичкн на рынке — двадцать рублей коробок. Фунт черного хлеба — трндцать...»

Переходя площадь к собесу, Яков Михайлович на мниуту остановнлся у рекламной тумбы, за тесной группой людей в рабочей одежде. Молодая женщнна вслух чнтала только что наклееииую на тумбу газету «Уральскнй рабочий»:

— «Первое слово нашей возрождающейся газеты мы посвящаем светлой памяти иезабвеиных товарищей иашнх — вождей, друзей н соратинков, погнбшнх на славном посту... Какие богатыри духа — Свердлов, Малышев, Толмачев, Цвиллннг, Вайиер, Хохряков, Шейнкман, Большаков — н сколько еще другнх!.. Рабочнй Урал оснротел. Он обескровлеи. Но иет борьбы без жертв — нет победы без борьбы. Борьба еще впереди. Никто нз нас не зиает, чья очередь наступает погибнуть за великое дело коммуннзма...»

Голос звучал прнглушенно н скорбно. Одна нз женщнн, державшая за руку сынишку, всхлнпывала...

Несколько часов Яков Мнхайловнч прниимал людей из очереди: иаправлял больиых в нивалндиые дома, определял размеры пособнй, вместе с Марней Николаевной распределял креднты уездиым отделам собеса на содержанне приютов, на оказанне помощи семьям красиоармейцев и пострадавшим от коитрреволюцнн.

В полдень ему принеслн жалобу нз екатерннбургской детской колонии, н он не откладывая выехал на место.

Эта колоння иа окранне была запущена донельзя. Горы мусора во дворе, грязь в жнлых н учебных комиатах, выбитые стекла, вырваииые рамы, соломенные матрацы. Под рваньмн одеялами — ннкакого постельиого белья.

— Губсобес отпустнл деньгн на одежду, постельное белье, на стекла. Почему вы иичего не прнобрелн, не

застеклили окна? Осень скоро, холода...— говорил он заведующей тихо, чтобы не привлечь внимания детей. А они высовывали головенки из всех углов и поедали дядю трахомными голодными глазами. Ему казалось, насупленные и насмешливые взгляды спрашивают его: «Что толку, что ты пришел?..»

— Извините, товарищ Юровский, я на той неделе только поставлена сюда,— растерянно бормотала пожилая заведующая.— Кладовщик деньги получил, кое-что приобрел, а стекол не отпускают: говорят, нету... И дети бегут — голова моя раскалывается.

Мальчишка шмыгнул через приоткрытую дверь и неожиданно звонко врезался в разговор.

— Лучше нас на войну пошлите, дяденька! Там, говорят, щи даже с мясом бывают и сахарину — сколь хошь. Мы в разведку во как ходить умеем!

Раздутый животик выпирал из-под короткой разорванной рубашки. Глаза парнишки — не по летам серьезные и недоверчивые.

— Сколько ж тебе лет, товарищ разведчик?

— Одиннадцать.

Яков Михайлович хотел сказать мальчишке, что на войну ему спешить незачем, что и здесь скоро будет борщ с мясом и даже сахар вместо сахарина, но слова застряли в горле. «Взял на себя ответственность за таких, как ты, а накормить тебя и одеть не сумел».

— Где находится ваш склад, где кладовщик?— И, попросив заведующую его не сопровождать, Яков Михайлович спустился в полуподвальное помещение.

Здесь все оказалось добротным. Стеллажи вдоль стен и поперек большого помещения. Печка-буржуйка с трубой-змеей, уходящей от колена в окно, прикрытое изнутри железными створками. Все по-хозяйски разложено: на одних полках — картонные ящики, на других — тюки. За столом между окном и печкой сидел кладовщик и что-то писал. Услышав шаги, он поднял голову. В свете керосиновой лампы хорошо стал виден тяжелый вопросительный взгляд, оттопыренные уши. Плечи у кладовщика были широкие, покатые, сильные.

— Здравствуйте! Вы кладовщик Михаэлис?

— Да. Федор Иванович Михаэлис. А что вам угодно?

Юровскому показалось, что кто-то рассказывал ему о человеке, у которого такие же большие, смешно оттопыренные уши...

— А вы что-с — с ревизией?.. Из какой организации?

«Да, да... Что-то знакомое... Нет, не помню... Мне мерещится, видно, от бессонницы...» Юровский подошел к столу, попал в полосу света от лампы.

— Я заведующий губсобесом — Юровский.

— Ах вот кто!— качнувшись, любезно сказал кладовщик.— Так садитесь, дорогой товарищ!

Юровский продолжал стоять.

— Почему дети ходят в рваной одежде? Где белье, обувь, одеяла, что вы получили по нарядам собеса?

— Так я же мало получил, думал — лучше подождать, пока на всех...

— Раскройте тюки! Покажите коробки!

В коробках и тюках было много детской обуви, постельного белья и новых одеял.

— Здесь, пожалуй, на всех хватит.

— Далеко не на всех — документы подтвердят...

«Уши... Любезные манеры...» И вдруг озарило: «Смородинцев так Угря описывал!»

Половина сотрудников ЧК, коммунисты Екатеринбурга и рабочие, помогавшие чекистам, проверяли на заводах, фабриках, в учреждениях всех, поступивших в последнее время на работу. Но человека, похожего по описаниям на Угря, не было. Ночные облавы тоже ничего не дали. И вдруг — здесь, в детской колонии, кладовщик!.. «Да, похож... И наречие среднерусское — так саратовцы и самарцы говорят...»

Сомнений у Юровского почти не осталось, когда он перехватил тревожный блеск в глазах кладовщика. «Он знает, что я из губчека... Если это Угорь, он попытается сейчас ускользнуть — ходов здесь несколько...»

— Вы садитесь, садитесь, товарищ Юровский. Я сию минуту принесу накладные и отчеты — они наверху...

Он сделал два широких шага к выходу.

«Он, конечно, он... Или нет?..»

— Мне не нужны отчеты... Именем Советской власти я пришел арестовать вас, Угорь. Руки вверх!

Это был он. На секунду раньше агента Юровский выхватил из-под пиджака наган и, сильно ударив им по кисти с кольтом, выбил оружие из руки «кладовщика».

Вскоре «Уральский рабочий» — с интервалом в несколько дней — опубликовал два сообщения под рубрикой «Карательная деятельность губ. ЧК». Так как

рубрика эта с начала августа 1919 года помещалась в газете регулярно и уральцы привыкли к ней, читатели ничем особым не выделили сообщения о возмездии врагам, тем более что губчека в интересах следствия не могла еще прямо сказать о контрреволюционной организации «Национальный центр» и ее агентах.

В первом сообщении говорилось, что «по постановлению губчека расстреляны: Смородинцев Александр Сергеевич — за службу в белогвардейской контрразведке и убийство свыше 70 советских работников и Чужакин Михаил Александрович — за избиение политических заключенных в бытность его надзирателем екатеринбургской тюрьмы № 2».

Второе сообщение было и того короче:

«По постановлению губчека расстрелян гр. Михаэлис Федор Иванович — за организацию белогвардейской дружины в гор. Николаевске Самарской губернии и за преступления по должности в детской колонии».

ДЕВЯТНАДЦАТЬ МИНУТ

1

Год минул с той поры, как Якова Михайловича отозвали из Екатеринбурга в Москву, в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции.

4 мая 1921 года Центральный Комитет партии направил Юровского в Государственное хранилище ценностей РСФСР (Гохран) на должность организатора сортировки и учета ценностей. Его прямые обязанности имели ограниченные рамки, но Яков Михайлович с первого же дня стал вникать во все дела Гохрана.

Странное учреждение. В субботу 14 мая отец попросил Шуру зайти к нему, и Шура увидел там, в большом особняке, уютно расположившемся в Настасьинском переулке, словно сошедших со страниц бальзаковской книги гобсеков — глаза настороженные, руки жадные.

«Зачем послали отца в это учреждение? Копались бы старорежимные псы в серебре и золоте, какое дело отцу?..»

Яков Михайлович был один в своей комнате. Смотрел на Шуру, а думал не о нем. Он протянул заклеенный конверт:

— Скажешь Лидии Александровне Фотиевой, что я прошу передать письмо Владимиру Ильичу как можно скорее. Тебе заказан пропуск у Троицких ворот.

На одном дыхании слетел Шура с третьего этажа — что-то случилось в Гохране, если отец решил беспокоить Ленина.

Два месяца назад партия на десятом съезде утвердила новую экономическую политику, без которой невозможно было выбраться из нищеты, разрухи и голода. Начинать предстояло с торговли — внутренней и внешней. Но чем торговать? Где доставать золото для закупок хлеба? Откуда брать ценности для товарообмена с заграницей, для закупок продовольствия и угля?.. Значительные средства мог дать Гохран, но какие именно — не знали точно даже в Наркомфине.

В сейфах Гохрана лежали вклады и заклады в ссудную казну царской России. В его главном здании, на его складах в Москве, Петрограде и других городах хранились огромные ценности, конфискованные и реквизированные советскими органами у княжеских фамилий, у дворян, капиталистов, спекулянтов. И эти богатства лежали чуть ли не открыто.

Главное здание Гохрана рядом с Тверской напоминало проходной двор. Ювелиры, контролеры и чернорабочие приходили и уходили в любое время дня. Никого при выходе не проверяли. Не только серебряные и золотые вещи, но и бриллианты выдавались оценщикам, без веса и без отчета находились у них неделями. Когда Яков Михайлович заставил оценщиков сдать находящиеся у них на руках бриллианты и сравнил содержимое сейфов с бухгалтерскими книгами, то излишек бриллиантов оказался в 4 тысячи 135 карат!

Обычная сдержанность изменила Юровскому. Он ворвался в кабинет управляющего Гохраном Левицкого.

— Двойная бухгалтерия!— Яков Михайлович положил акт перед управляющим.— В любой момент могли вынести неучтенные бриллианты. Это же сотни миллионов рублей!

Самоуверенный, как Ротшильд, Левицкий и до революции служил в этом здании — в ссудной казне. Он выслушал Юровского и взял акт с таким безразличием, даже брезгливым видом, точно речь шла о пропаже нескольких монет.

— Хорошо. Разберусь. Оставьте.. Зачем вы, собственио, бриллиаитами заиялись? Для проверок существуют коитролеры РКИ.

— Я сюда прислаи ие для того, чтобы стать равиодушным свидетелем хищений.

И Яков Михайлович изложил свои требоваиия: прекратить доступ в здание без пропусков, обыскивать каждого выходящего, включая и контролеров и руководителей Гохраиа.

Левицкий побагровел.

— Вы забываетесь, Юровский! Здесь вам не ЧК! Если поймали жулика, это ие дает вам права подозревать всех...

Жулика, о котором вспомиил управляющий, Яков Михайлович задержал с поличиым в первый же деиь своего появления в Гохране. Им оказался ювелир, служащий Гохраиа.

На следующий день сотрудиики шепотом передавали друг другу, что взятые из баульчика арестоваииого бриллиаиты оцеиеиы в полмиллиоиа рублей и что ювелиром заиялся следователь ВЧК.

В другой раз Яков Михайлович обратил виимание на то, что коитролер перед уходом с работы положил печать от сейфов в кармаи. Печать была массивиая, с большой ручкой.

— Покажите, пожалуйста,— попросил Яков Михайлович.

Коитролер неохотно передал печать.

— К чему такая большая? Может быть, пустотелая? Проверим ради иитереса.

— Не имеете права! Я вам не подчиияюсь,— заволиовался контролер.— Ответите за самовольство!

— Отвечу.

Ручка была искусио выдолблеиа изнутри. В ией контролер выносил бриллиаиты и золотые изделия.

Выясиилось, что дельцы из Гохраиа заиимались грабежом и под видом закоиных сделок с заграницей, оцеиивая бриллиаитовые, золотые и серебряиые вещи в половиију, а то в четверть действительной стоимости на мировом рыике. За приличную мзду гохрановские оцеищики сообщали заграничиым фирмам, куда отправляют партию бриллиаитов, и те иаживались иа покупках.

Обо всем, что увидел в Гохраие, Юровский докладывал руководителям наркоматов. Но одии работиики

не верили, что разоренная страна владеет таким богатством. Другие отмахивались ссылками на то, что беспорядки есть и в более важных учреждениях. Третьи посмеивались, считая золото и бриллианты лишними для пролетарского государства.

А если написать Ленину?..

Сразу решиться на это Яков Михайлович не мог — понимал, сколько у Ленина дел. Но когда иссякли надежды иными путями пробить стену безразличия, Яков Михайлович написал письмо.

В ту же субботу, когда Шура передал письмо Фотиевой, Якову Михайловичу сообщили, что Ленин назначил ему прием на понедельник, 16 мая.

2

Едва Яков Михайлович переступил порог ленинского кабинета, Владимир Ильич поднялся из-за стола и пошел навстречу.

— Здравствуйте, товарищ Юровский. Знаю вас, знаю...— Ленин пожал руку Якову Михайловичу и указал на кожаное кресло.— Садитесь, пожалуйста.

Обогнув обтянутый зеленым сукном стол, он опустился в простое плетеное кресло, раскрыл папку, вынул письмо Юровского.

— Читал. Возмущался.— Ленин ткнул пальцем в подчеркнутые красным карандашом строчки.— Грабеж! Как это допустили?!— И тут же заинтересовался, казалось бы, мелочью.— Это не описка — «с четвертого мая в Гохране»?

— С полдня четвертого мая.

— Это хорошо, что вы часы считаете.

Ленин перелистнул письмо, испещренное его характерными «NB», «Верно», восклицательными и вопросительными знаками.

— Что может Гохран незамедлительно дать Красину для закупки хлеба на внешнем рынке?

— К концу мая постараемся отобрать ценностей миллионов на тридцать или сорок.

— Хорошо бы, товарищ Юровский. А за год, скажем, сколько может государство извлечь ценностей из Гохрана для внешней торговли?

— Больше, Владимир Ильич, чем все наши платиновые и золотые прииски добудут за пять — это без-

всякого преувеличения, а может быть, и за десять лет.

— Так мы же богачи! Вы меня обрадовали...

— Богачами будем, если наведем порядок. А не сумеем — разграбят все. По счастливой случайности мы в Гохране избежали налета. Два десятка молодцов с бомбами могут в любое время взять из кладовых самые крупные ценности — о них знают даже поденные рабочие. Наш Гохран без охраны, Владимир Ильич.

— А ВЧК? Там же ваши старые друзья?

— Товарищ Бокий один раз дал мне группу чекистов для засады по Тверской и по Малой Дмитровке. Обыскали выходивших с работы сотрудников Гохрана и контролеров. У одного нашли золотой портсигар с бриллиантами. А контролера задержали на вокзале с чемоданом, набитым бриллиантовыми и золотыми вещами на сумму в семь миллионов рублей.

В голосе Ильича зазвучал гнев:

— Мерзавцы!.. Вам надо добиться ареста и предания суду всех жуликов. Куда смотрел Наркомфин?!

Ленин встал и возбужденно стал вышагивать от стола к окну и обратно. Позвонил члену коллегии ВЧК Г. И. Бокию.

— Товарищ Бокий?.. Почему вы не дали Юровскому постоянной охраны?.. Медлить преступно. Вы лично должны возглавить комиссию и архидетально расследовать в Гохране все по вашей линии. Письмо Юровского направляю вам.

Положил трубку, сел, откинулся на спинку кресла.

— Так-таки нет в Гохране честных работников, товарищ Юровский? Ей-ей, не поверю.

— Есть. Но мало...

— А вы их — на свет божий. С ними вместе двигайте свои предложения.— Ленин снова перелистал письмо.— Мысли толковые... Но с чего вы будете начинать?

— Надо, Владимир Ильич, на две недели остановить все работы, и за это время найти людей, чтобы потом работать не в одну, а в три смены. Да побыстрее создать комиссию из представителей Госплана, ВСНХ и всех заинтересованных наркоматов.

Ленин стал что-то записывать на листе бумаги. Когда же Юровский сказал, что работы Гохрана следует признать первоочередными, горячо подхватил:

— Абсолютно согласен — первоочередными, ударны-

ми! Чтобы все учреждения, все наркоматы под личную ответственность руководителей в двадцать четыре часа исполняли вне очереди требования и заявки Гохрана. Такое постановление проведем через Совет труда и обороны.

Слева за спиной Ильича приоткрылась дверь комнаты телефонного коммутатора, и телефонистка сказала, что на проводе заместитель наркома внешней торговли Андрей Матвеевич Лежава.

Ленин оживился, взял трубку.

— Кстати позвонили... Я вам писал в конце апреля, что ни гроша больше ассигнованной суммы не сможем дать в этом году на продовольствие и топливо... Это можно будет пересмотреть... Закупайте где угодно, не стесняясь ценою. Покупайте пока хотя бы небольшие партии пшеницы и ржи... Золото?..— взглянув на Юровского, Ильич хитро прищурил правый глаз.— У меня сидит знаменитый банкир. Соглашается дать нам без процентов сотни миллионов золотом.

Назвав Лежаве имя «банкира», Владимир Ильич рассмеялся.

— Помогите Юровскому в комиссии по Гохрану — мы ее как раз создаем,— а он вас не подведет...

Закончив разговор по телефону, Ленин обратился к Юровскому:

— Сколько потребуется коммунистов, чтобы превратить Гохран в советское учреждение?

Яков Михайлович медлил, не осмеливался назвать то количество, которое считал необходимым. Вспомнились слова Ленина на X съезде партии: *«...мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека — а из рабочих втройне,— мы берем обеими руками. Но у нас таковых нет».*

— Трудно подсчитать?— подтолкнул Ленин.

— Если и постоянных и временных — для контроля и внезапных ревизий, то около двух тысяч.

Сказал и испугался. У Владимира Ильича вскинулись брови.

— Запрос большой.

Заметив смущение Юровского, приободрил его.

— Нет-нет, понимаю, что глядеть надо в оба за каждым оценщиком и на каждом складе, и не только глядеть, но и работать... Обсудим на Политбюро. Думаю, дадим максимум возможного.

Поднялся. И Яков Михайлович, чувствуя, что прием закончен, встал. Ленин подошел совсем близко, заглянул в глаза.

— То, что вы хороший чекист, я слышал от Феликса Эдмундовича. Но откуда в вас, батенька, тонкости мастера золотых дел?

— Я же часовщик и ювелир, Владимир Ильич. Имел свой магазин в Томске.

— Капиталист, значит?— рассмеялся Ленин.

— Да, жену и дочь нещадно эксплуатировал...

— Жену вашу знаю по секретариату ЦК. Куда это мы ее перевели?

— В Комитет помощи голодающим, Владимир Ильич.

— А не ваша ли дочь была секретарем ЦК комсомола?

— Да.

— Добрая у вас семья.— Ленин протянул руку, прощаясь.

В секретариате Яков Михайлович посмотрел на часы — девятнадцать минут он беседовал с Ильичем.

Когда Лидия Александровна Фотиева зашла в кабинет к Ленину, Владимир Ильич разговаривал по телефону с Дзержинским:

— Ваш протеже, Феликс Эдмундович, сию минуту вышел от меня... Очень доволен. Обнаружил два клада... Э, батенька, вы недогадливы — не только гохрановский, но и человеческий...

3

20 мая секретариат Ленина переслал Г. И. Бокию письмо Юровского о положении в Гохране. 28 мая Бокий ответил Ленину телефонограммой, в которой утверждал, что сведения Юровского якобы сильно преувеличены и что совместно с ВЧК принимаются меры, чтобы довести хищения в Гохране до минимума. На следующий же день Владимир Ильич написал Г. И. Бокию:

«Получил Вашу телефонограмму. Совершенно неудовлетворен.

Так нельзя.

Вы должны расследовать дело детально и дать мне точные сведения, а не такой «взгляд и нечто»: «преувеличены»... «полное прекращение кражи невозможно» (??!!)

Это безобразие, а не доклад».

Прошло еще несколько дней, и Политбюро по предложению Ленина постановило мобилизовать около двух тысяч коммунистов для посменной работы в Государственном хранилище ценностей.

Но наркоматы бездействовали.

Гохрановские дельцы, уверенные в провале усилий Юровского, посмеивались за его спиной, а в глаза заискивали:

— Ваши старания похвальны. Никто до вас не мог освободить здание от посторонних канцелярий.

— Хорошо, что дают рабочих для трехсменной работы. Но специалистов? Нигде же не найдете специалистов!..

Искать их пришлось и в Москве, и в других городах.

— В Ростове-на-Дону живет мой родственник,— как-то сказала Юровскому Софья Борисовна Бричкина, управделами ЦК.— Если хотите, напишу ему. Человек он честный и ювелир опытный.

— Пожалуйста, Софья Борисовна, уговорите его приехать.

Ростовскому ювелиру не понравились строгие правила, установленные по настоянию Юровского в Гохране: служащие переодевались перед работой и после работы, подвергались обыску при выходе из Гохрана.

— Унижать свое достоинство не позволю. Не доверяете — уезжаю.

Но и ростовчанина, и других честных специалистов Яков Михайлович сумел убедить, что без строжайшего контроля и военной дисциплины в Гохране не обойтись.

Куда труднее было со старыми кадрами Гохрана. Поощряемые Левицким, они действовали исподтишка, но иной раз бунтовали и открыто, грозясь покинуть Гохран, если не будут отменены жесткие, ограничивающие их «свободу» правила.

2 июня Юровский написал второе письмо Ленину:

«Многоуважаемый товарищ Владимир Ильич!

...16 мая я был у Вас, 19-го я лично роздал доклад и план проекта реорганизации дела, но до сегодняшнего дня меня никто не вызывал, доклад не рассматривали... Ввиду того что Вы уже введены в курс дела и Вами назначено срочное следствие, я считаю себя связанным в своих действиях и варюсь в собственном соку. За исключением принятых мною (вынужденно) ряда полу-

мер, в одном случае прекративших хищения совсем, в другом сведенных до минимума, в третьем неизбежно продолжающихся, дело остается на том же месте...

Фактически я связан по рукам и ногам и на каждом шагу встречаю массу препятствий, мешающих мне работать. Вот почему я считаю необходимым просить Вас ответить мне на следующие вопросы: следует ли мне успокоиться на том, что Вы уже в курсе дела и Вами будут приняты соответствующие меры не только по части следственной, но и по части производства, или по этой последней части я свободен действовать через другие высшие учреждения (СНК, СТО, ЦК, печать). В зависимости от Вашего ответа я буду действовать».

Ответа Юровский ждал с нетерпением. О чем он только не передумал за те восемь дней, пока не получил письма Владимира Ильича. Оно разрешило сомнения.

«т. Юровский!

Ваше письмо от 2/VI я получил, по ошибке секретаря, только сегодня, 10/VI.

Действуйте через все учреждения (ЦК особенно), внося точные предложения о наилучшей постановке дела.

Вы участник. Вы и в ответе.

Плохо дело — исправляйте, внося формальные предложения.

Отнюдь недостаточно того, что мне Вы уже сказали.

С ком. приветом ЛЕНИН».

Два напряженнейших года прошли после этого письма. И все это время Юровский ощущал руку Ленина, хотя лично к Владимиру Ильичу он больше не обращался.

В 1922 году Верховный Суд разбирал дело о хищениях в Гохране. Главным свидетелем обвинения выступил Яков Михайлович Юровский. Уличенные в хищениях преступники понесли заслуженную кару.

Вскоре Совет Народных Комиссаров учредил в составе валютного управления Наркомфина отдел по реализации, действующий самостоятельно, по специальному положению Совнаркома. Председателем правления, которое руководило всеми операциями отдела, назначили Я. М. Юровского — надежнейшего коммуниста, как назвал его Ленин в письме заместителю народного комиссара финансов.

Вместо эпилога

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО СЫНОВЬЯМ

В июне 1938 года, за полтора месяца до того дня, когда в кремлевской больнице оборвалась жизнь Якова Михайловича Юровского, он написал последнее письмо сыновьям:

«Дорогие Женя и Шура!

3-го июля по новому стилю мне минет 60 лет.

Так сложилось, что я вам почти ничего не рассказывал о себе, особенно о моем детстве и молодости. Сожалею об этом. Римма может вспомнить отдельные эпизоды революции пятого года, арест, тюрьму, работу в Екатеринбурге, но и она представления не имеет, как я рос, воспитывался, какова была моя юность.

Несколько раз брался я за перо, чтобы написать книжечку воспоминаний,— мне кажется, кое-что полезное могла бы молодежь из них вычитать. Увы, не смог. Болезни, скудное образование, отсутствие навыка писать да неумение правильно распорядиться временем — вот, пожалуй, причины провала моих намерений.

Много прожил и мало успел...

В семье отца росли десять детей и вместе с ними росла бедность, граничащая с нищетой. Вырваться из нее не удавалось, хотя дети начинали работать у хозяев с десятилетнего возраста, а отец и мать трудились до изнеможения.

Припоминаю, что в самый тяжелый год (было это после наводнения) мать умолила отца податься в «обетованные земли». Распродали нищенский скарб, купили клячу, и потянулись мы — детей тогда было семеро — за развалюхой-телегой, на которой одна малютка Панночка лежала возле сундука да мать спала ночами. Мы же, «мужики» — от шести до пятнадцати лет (мне исполнилось двенадцать) — помогали отцу стеклить окна деревенских хат. Так шли мы тысячи верст искать счастья, а когда достигли Украины, оказалось, что там, в убогих, скученных местечках черты оседлости (только там разрешалось нам поселиться), жить было тяжелее, чем в Сибири. Перезимовали мы среди дьявольской нужды, едва выжив, и ранней весной пошли снова тонуть в расейском бездорожье. За Уралом пала лошадь,

заболела мать... Если бы я стал вспоминать, сколько горя людского видел во время нашего странствия, то страниц исписал бы столько, сколько километров от Украины до Томска. В тот год я научился думать, спрашивать себя и всех: «Почему?..» Отец и мать говорили: «Так угодно богу. Грех спрашивать...» Старшие братья обходились проще — подзатыльником.

Семья наша страдала, мне кажется, меньше от постоянного голода, чем от религиозного фанатизма отца. В праздники и будни дети обязаны были молиться, и не удивительно, что первый мой активный протест был против религиозных, националистических традиций. Я возненавидел бога и молитвы, как ненавидел нищету и своих хозяев. У портного я в десять лет заработал чахотку. Хозяин-часовщик нажил богатство на страданиях рабочих подростков — я работал у него до девятнадцати лет, не ведая, что значит сытно поесть. Зато меня сытно накормили после забастовки — выкинули как зачинщика, без права поступления в часовые и ювелирные мастерские города.

К тому времени относится мое знакомство с политической литературой. Мне ее давали студент технологического института по кличке Жук и сосед-переплетчик. Я думал, это настоящие революционеры, а позднее узнал, что они стали предателями. Мой арест, очевидно, дело рук переплетчика, а Жук, как мне стало известно потом в Москве, докатился до должности колчаковского начальника тюрьмы. Так-то мне везло в юности на «воспитателей»!

Томск в конце прошлого века и в первые годы нынешнего был глубоко мещанским городом, он не имел подлинно заводского пролетариата — это отражалось на рабочем движении, питало меньшевизм, соглашательство. Мне было скверно, будто меня держали за горло и не давали глотнуть чистого воздуха. В поисках настоящего революционного дела и работы часовщика я на время уехал из Сибири.

Передряг в моей молодости было, как видите, немало. И если я выстоял безработицу, сумел вырваться из нужды, а главное, с октября пятого года ни на день не прерывал работы в партии, то за это я больше всего благодарен вашей маме — другу моему и верному товарищу.

Естественно, как человек дышит, несла она груз подпольщицы. Делала со мной поддельные печати, паспор-

та, прятала преследуемых товарищей в нашей квартире. Накануне революции и после Октября мы работали с ней на износ, а она ни разу не пожаловалась на усталость. Хочу, дети, пожелать вам быть такими добрыми, отзывчивыми, честными и скромными, как ваша мама.

Последние годы в Томске были для нас, пожалуй, самыми трудными...

Сережу Кострикова — Кирова и Валериана Куйбышева я близко не знал. В 1910 году приехал Михаил Герцман. Вы его знаете по Уралу и Москве, когда он работал в ЦК партии. Преданнейший большевик, никогда не знавший разногласий с партией. Но во время нашего знакомства, в годы реакции, он, как и я, не имел еще достаточного политического опыта, чтобы суметь покончить с томским разбродом и шатанием. Сейчас Михаил лежит рядом со мной. Он умирает от рака желудка, знает об этом, а мысли его не о себе, а о вашем поколении.

Таких, как он, друзей, истинных большевиков нашел я во множестве в Екатеринбурге — Голощекина, Малышева, Вайнера, Быкова, Хохрякова. В грозе Октября судьба повернулась ко мне самой светлой стороной — много раз я видел и слышал Ленина. Он принял меня, беседовал со мной и, как никто другой, поддерживал в годы моей работы в Гохране. Мне посчастливило близко знать вернейших учеников и соратников Ильича — Свердлова, Дзержинского, Орджоникидзе, работать под их руководством, соприкасаться с ними и по-семейному.

Кажется, с вами обоими зашли мы попрощаться с Яковом Михайловичем, когда надежд на выздоровление уже не стало. Помните, он смотрел долго на вас, хотел что-то сказать вам, дети.

...Признаюсь, не по сердцу мне была работа в Гохране, но когда мне сказали: «Вас рекомендовал Дзержинский», разве мог я пренебречь его доверием?!

Знаете, ребята, что меня сильнее всего другого хорошего тянуло к этим истинным моим учителям жизни — их преданность рабочему классу, кругозор, их богатейшие знания...

Вдумайтесь, дети. Разве в состоянии был бы Феликс Эдмундович — карающий меч революции — стать еще и народным комиссаром путей сообщения и Председателем ВСНХ, не обладай он обширнейшими знаниями во всех областях науки, истории, культуры? Разве мог бы

Серго Орджоникидзе так блестяще поднимать индустрию социализма, не будь он эрудирован в проблемах современной техники и организации производства, не сумей он повести за собой и корифеев науки, и инженеров, и рабочих вдохновенным полетом мысли творца советского склада и размаха?!

К чему я клоню, вы, конечно, догадались и, возможно, как в детстве, надуетесь на меня: «Отец опять нотации читает...» Если бы вы могли представить себе, какие муки я претерпел из-за скудных знаний, вы никогда не подумали бы так. Я истязал себя в Гохране — грамотный человек подсчитал бы за десять минут то, на что я тратил ночи. Я выбивался из сил, будучи заместителем директора завода «Богатырь» и директором Государственного Политехнического музея в Москве. Мне передавали отзыв Серго: «Юровский превращает музей в рассадник передового опыта». А я смог бы вчетверо больше сделать, если бы окончил хотя бы техникум. Вы видели, учился я, сколько позволяло время, перегруженное революционной работой, но нагнать утерянное за сорок лет оказалось невозможным. Скрывал... Ученый секретарь Политехнического музея не раз уговаривал меня сдавать на ученую степень, не зная, что весь багаж директора — год приходской школы!

Не думайте, я не ропщу. Судьба меня не обидела. Если человек прошел три бури с Лениным и ленинцами, он может считать себя счастливейшим из смертных.

Я себя таким и считаю.

Вы — молодые большевики, и этим многое сказано. Я одобрил ваш выбор, когда вы добровольно избрали путь во флот и в армию, и верю: Юровские при любых испытаниях останутся коммунистами до конца.

Надеюсь, мое письмо прочтет и Римма. Она все прекрасно поймет...

Подрастут внуки (пусть их будет трижды пять да к ним — рота правнуков) — познакомьте их с моим письмом. Может быть, найдут в нем что-либо ценное для себя.

Хотя я смертельно устал от моих болезней, мне все еще кажется, что вместе с вами буду участвовать в грядущих великих событиях.

Обнимаю и целую вас, Римму, жен ваших
и внуков моих —

ОТЕЦ».

Через несколько дней Яков Михайлович переслал записку своему «сынку» по работе в ЧК, Григорию Петровичу Никулину:

«Друг мой!

Жизнь на ущербе.

Надо успеть распорядиться последним, что у меня осталось.

Тебе передадут список основных документов и опись моего имущества.

Документы передай Музею Революции.

Книги и денежные сбережения — Мопру.

Револьвер — Жене.

Часы — внуку Вове.

Инструмент и бинокль — Шуре. Он человек хозяйственный.

Ты мне был как сын, и обнимаю тебя, как сыновей своих.

Твой ЯКОВ ЮРОВСКИЙ».

И еще хочется привести одно лишь слово партийной анкеты, заполненной Яковом Михайловичем в период его работы посланцем ЦК в Гохране.

В графе «Положение в организации» рукой Юровского написано: *«Рядовой»*.

1966—1968 гг.

СОТВОРЕНИЕ БРОНИ

Часть первая

ТОВАРИЩ СЕРГО

ИСПЫТАНИЯ

1

Весенним днем тридцать третьего года два легковых автомобиля промчались через контрольно-пропускной пункт подмосковного танкодрома. Дежурный предупредил по телефону все службы:

— Товарищ Ворошилов проследовал к полосе препятствий, товарищ Орджоникидзе — к северной роще.

Командир сводного батальона построил полтора десятка средних и тяжелых машин перед опушкой, к которой приближался, блестя на солнце черным лаком, открытый «паккард» Орджоникидзе.

Как только автомобиль остановился, раздалась команда: «Батальон, смирно!» — и комбат приблизился к Серго.

— Товарищ народный комиссар! Танкостроители и танкисты заканчивают тренировки и подготовку машин к параду войск на Красной площади. Старший испытатель боевой техники командир сводного батальона Жезлов!

Пожав руку комбату, Серго продолжал пристально в него вглядываться — очень уж знакомыми были кряжистая фигура, упрямый подбородок и брови-щетки над серым прищуром глаз.

— Как будто Петр Жезлов воскрес... Не родственник?

— Сын, товарищ нарком. Фрол Жезлов.

— Тот мальчишка, что упросил отца взять его в эскадрон? Тот, что обещал «рубать белых не хуже любого конника»?

«Ну и память!» — мысленно поразился Жезлов.

— Тот самый, товарищ нарком.

— То-то гляжу — вылитый батя!

И перед строем танкистов и рабочих обнял комбата, похлопал его по широченным плечам.

— По доброй воле сменил коня на танк?

Жезлов помедлил с ответом. Хотелось рассказать наркому, как он попал в бронеотряд конармии Буденного и оседлал броневичок вместо скакуна, как окончил военное училище, а недавно — танковые курсы в Ленинграде. Но произнес лишь две фразы:

— Время заставило, товарищ нарком. После курсов надумал в испытатели пойти.

— Похвально. Ну, показывай свое войско, Фрол Жезлов!

Серго и Жезлов обходили экипажи. Нарком был в полувоенной форме — фуражка с красноармейской звездочкой, защитный френч, заправленные в сапоги брюки галифе. Он по-командирски громко здоровался с танкистами и рабочими.

У бойцов Серго выяснял, как ведут себя средние и тяжелые танки на полосе препятствий и в дальних пробегах, случались ли непредвиденные остановки и по какой причине — из-за слабости ли мотора, несовершенства ходовой части или по неопытности водителей. Когда командир одной из машин вздумал ответить за смутившегося красноармейца, Серго остановил его:

— Боец сам скажет...

Жезлова поражало, как свободно ориентируется нарком в конструкции новых танков, какие тонкие замечания делает сборщикам и заводским испытателям — будто вместе с ними создавал эти машины,— как он радуется малейшей новинке.

Из-за крайнего в строю танка показался длинный, худой, одетый в синий рабочий комбинезон начальник КБ Ленинградского опытного завода Семен Гинзбург. Веснушчатое лицо выражало досаду — опоздал к появлению наркома.

— Где ты, Семен, прятался?

— В танке, товарищ Серго. Сказали, топливный насос сплоховал... Проверил — все в порядке.

— Гляди, если на Красной площади промашка выйдет — не пощажу!

Но то, как он это произнес, как положил руку на острое плечо конструктора, ясно говорило, что нарком не сомневался в Гинзбурге, что он не случайно доверил ему руководство центральным конструкторским бюро по

танкам, а когда пустили опытный завод в Ленинграде, послал туда начальником КБ. Спроектированный ленинградцами однобашенный, пушечный Т-26 стал подвижной лабораторией и одним из самых массовых танков Красной Армии. На шасси Т-26 были сделаны три образца самоходных артиллерийских установок. Но сейчас наркома интересовала главная новинка опытного завода.

— Когда будет готов проект? — спрашивал он Гинзбурга.

— В мае, товарищ Серго.

— Оптимальная толщина брони?

— Шестьдесят миллиметров.

Жезлов догадался: речь идет о проекте первого танка с противоснарядной броней. Но ответ конструктора показался ему фантастичным. «Оговорился, наверно. Мыслимо ли на среднем танке ставить такую, если лобовая броня тяжелого танка и та тридцать миллиметров?!»

Жезлов подумал, что мешает конструктору откровенно поговорить с наркомом, и нашел предлог отойти подальше.

— Ты что хотел мне сказать, Семен? — спросил Серго.

— Конструкторов не хватает. Нам трудно уже сейчас, что же будет дальше? Путиловскому и Южному заводам дают студентов — присылают на практику по тракторам, дизелям, паровозам. Они имеют возможность изучить молодежь, отобрать лучших для будущей работы в танковых КБ. А нам отказывают даже в практикантах. Вы, говорят, опытный танковый, а мы танкостроителей не готовим...

— Жаль, что я раньше не знал.— Серго подергал ус.— Когда практика студентов Ленинградского политехнического?

— С июня по август, товарищ нарком.

— В этом году получишь старшекурсников.

Серго посмотрел на синевато-серую дымку, скрывшую восточный сектор полигона, и попросил Гинзбурга провести всю группу средних и тяжелых танков на дальние трассы, туда, где находился Ворошилов.

— Спросит Климент Ефремович, где я, скажи: задержался с Жезловым. Скоро вас нагоним на командирском танке.

2

Колониа машин удалилась. К оставлениому возле лесной опушки Т-28 подошли комбат и нарком. Жезлов в глубине души надеялся узнать у Серго подробности гибели отца. Однополчаиин рассказал, как белые налетели иа штаб, как отец бился бок о бок с Серго и прикрыл его своим телом от сабельного удара белогвардейского офицера. Фрол в это время валялся в госпитале — был ранен в разведке...

— Ну, покажи, испытатель, каков мотор, какова машина.

«Нет, не время спрашивать».

Не успел Жезлов заиять место за рычагами управления, как услышал позади возню и, обернувшись, увидел Серго, который спустился к нему через башенный люк и занял место стрелка.

— Заводи! Полиые обороты давай!

— Не имею права! Запрещеио посторонним...

— Это я пос-то-рониий?!

Жезлов растерялся. Вправе ли он примеиять к наркому и члену Реввоенсовета строгую инструкцию для испытателей таиков? Но пока ои думал, как поступать, Серго потребовал:

— Танкошлем давай — вот это будет по инструкции.

Жезлов подал иаркому шлем стрелка.

— Застегиитесь.

Включил стартер и, троиув танк с места, скосил глаз иа Серго. Тот, иемного привстав, подался к смотровой щели и, увидев, что таик параллельной ровной трассой обходит полосу препятствий, кольиул усом щеку Жезлова:

— Не хитри! Поворачивай иа эскарп!

Третий год Жезлов испытывал новиики советской броиевой техники. Ему попадались на испытаниях и более удачные и менее удачные конструкции, и каждую нужио было по многу раз провести через препятствия, создавая предельное напряжение иа все узлы машины. «Испытатель не наездиик,— внушал Фролу его наставник.— Ищи малейшие коиструктивиые слабости. Мотай машину до тех пор, пока не вскроешь: вот они где, вот что меиять необходимо». И Жезлов, берясь за рычаги, давал максимальиые нагрузки мотору, рискуя часто и

находящейся в его руках машиной, и собственной жизнью.

Но на испытаниях рядом с ним никого не было. А тут — нарком! И он требует брать эскарп...

Сколько Жезлов ни преодолевал это сложное препятствие, ни разу не бывало, чтобы его бросило в жар, как сейчас, в момент критического подъема машины. И когда эскарп остался позади, у него непроизвольно вырвалось:

— Все!

Лучше откусил бы язык. Жезлову показалось, что именно это слово и распалило Серго.

— Давай рычаги! — потребовал нарком. Но, увидев, что Жезлов упрямо сцепил губы и замотал головой, продолжал уже не так настойчиво, даже просительно: — Чего боишься? Я не раз машины водил. Мне интересно сравнить, какая легче управляема — эта или «двадцатьшестерка»... Спроси моего шофера, он мне доверяет, а ты боишься.

Должно быть, желание испытать своими руками этот танк заставило Серго дипломатично умолчать о спорах с шофером. Все семь лет, что тот был с наркомом, он то уступал настойчивости Серго, то клятву себе давал больше в жизни не делать этого. Как только Орджоникидзе клал руки на баранку, так взрывался его южный темперамент, все обещания соблюдать осторожность мгновенно забывались, улетучивались, и автомобиль мчался вихрем. Если бы Жезлов хоть краешком уха слышал об этом или о том, что начальник полигона лишь однажды позволил наркому провести Т-26 несколько метров, да и то по ровному месту, разве уступил бы?

— Что, клятву тебе дать, что ли? Поведу осторожно, на позорной скорости...

И случилось то же самое, что не раз случалось в кабине автомобиля. Только сел на место Жезлова, как мальчишеский азарт одолел, мотор лихорадочно стал набирать обороты, а Серго было все мало. Он громко засмеялся, должно быть, от ощущения власти над машиной, и уже не было силы, которая в эти минуты могла удержать его от рывка к препятствию. Жезлов пытался перехватить рычаг, остановить танк, да куда там — Серго спиной, боками отталкивал комбата.

3

В районе дальних танковых трасс возле кустарника, опоясывающего огромное поле, Гинзбург остановил машины, поднялся с биноклем на высокую спину Т-35, чтобы разобраться, где искать Ворошилова и начальника полигона.

Он увидел их на холме по другую сторону поля — Ворошилова впереди, а начальника чуть сбоку, в группе командиров. Все следили за двумя легкими танками, продвигающимися к противотанковому рву в центре поля. Один такой танк никогда не сумел бы преодолеть трехметровый ров, а состыкованные друг с другом — нос к корме — они легко взяли его, потом разомкнулись, сблизились и замерли борт к борту.

Экипажи вышли из машин, построились в ожидании наркома. В это время и подоспел Гинзбург. Он смотрел, ощупывал каждый выступ, каждое звенышко немудреного, но не известного ему до этих минут механизма.

То была автоматическая сцепка. На каждой машине два приваренных к листовой броне кронштейна: на корме — с выступом-ловушкой, на носу — с отверстием. Механик-водитель задней машины сближался с передней след в след гусениц, и сцепка происходила автоматически. Разъединение производил со своего места водитель переднего танка.

Обогнув длинный ров, автомобиль наркома подъехал к экипажам. Ворошилов принял рапорт командира взвода, пожал руки танкистам и, заметив Гинзбурга, подошел к нему.

— Нравится, Семен Александрович?.. Вот на что способны мои изобретатели!

Гинзбург не мог не признать, что замысел любопытен и механизм сам по себе удачен. Правда, он тут же подумал, что бой на таком вот ровном поле будет явлением редким, да и стыковаться под огнем врага ой как непросто. К тому же для преодоления танковых рвов можно применять менее сложные приспособления, а для эвакуации подбитых танков имеются тягачи. Может, быть, правильней оснастить подобной автосцепкой именно тягачи? Но все это надо было еще продумать, и Гинзбург не стал пока подробно высказывать наркому свои соображения.

Услышав, что замысел любопытен, Ворошилов за-

улыбался и помахал рукой танкисту, только что подъехавшему с начальником полигона.

— Николай Федорович! Конструктор хочет с тобой познакомиться!

Плотный, бронзоволицый, лет двадцати шести танкист с двумя кубиками в петлицах гимнастерки вскинул черную кудрявую голову и, беря под козырек, хотел отрапортовать по-уставному, но нарком уже представлял его Гинзбургу.

— Зампотех танковой роты Цыганов. Это он сделал автосцепку.

Ворошилов взял из рук адъютанта обтянутую красным плюшем коробочку, раскрыл ее и протянул Цыганову сверкнувшие на солнце золотые часы. На крышке их было выгравировано:

Лучшему изобретателю Красной Армии
Николаю Федоровичу Цыганову
от наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова
Москва, май 1933.

— Почему я не вижу Серго? — спросил Ворошилов Гинзбурга, вручив подарок.

— Задержался с комбатом в его танке.

— В танке? — почему-то заволновался Ворошилов и, усадив Гинзбурга в свою машину, приказал шоферу ехать вдоль полосы препятствий к северной роще.

Они нагнали Т-28, когда Жезлов, наклонившись, вырвал наконец рычаги из рук Серго и остановил машину невдалеке от взятого только что эскарпа.

В люке водителя показалось разгоряченное лицо Орджоникидзе.

— Ты сам?! — догадался Ворошилов.— Вопреки указанию Политбюро!

— Так мне запретили автомобили водить, а тут танк...— Серго спрыгнул на землю.— Эта машина столбов не боится...

— Плохие шутки, Серго!.. А вы что же, испытатель, не знаете, что полагается за нарушение инструкции? — грозно спросил Ворошилов.

В другое время тон наркома обороны, не предвещавший ничего доброго, встревожил бы Жезлова, но сейчас он испытывал чувство облегчения: «Серго невредим, он шутит, он доволен... Но я — я отвечать обязан».

А Серго, видно, почуяв намерение Жезлова взвалить

на себя чужую вину, метнул на него сердитый взгляд:
— Комбат ни при чем! Я его силой заставил отдать рычаги — не драться же ему с наркомом! А управляет он своим войском и водит танк классно. На твоем месте, Климент Ефремович, я наградил бы Жезлова... Конечно, после парада. Если и на параде будет так же уверенно действовать, как здесь.

И чтобы окончательно отвести опасность от комбата, поманил кивком Гинзбурга:

— Имею претензии к конструкторам.

— Слушаю, товарищ нарком! — Худощавая фигура Гинзбурга стала еще выше и прямей.

— Скажи-ка нам, Семен Александрович, какую силу затратить нужно, чтобы взять на себя рычаг управления на Т-28?

— Требуется сила, необходимая для подъема груза в сорок килограммов.

— Вон сколько! Я минут пятнадцать повертел рычагами — и весь мокрый. Каково же водителю?.. Ему же ворочать их много часов каждый день! Не пора ли вам, уважаемые, на все горазДые, облегчить танкистам работу?

— Думаем над этим, товарищ Серго.

— А энергичней думать можно?

НА КУММЕРСДОРФСКОМ ПОЛИГОНЕ

1

Он молча стоял перед портретом, но тот, кто смог бы озвучить в эти минуты его мысли, услышал бы своего рода рапорт. Рапорт сына отцу.

...Вас можно поздравить, обер-лейтенант Фридрих Гудериан! Первого апреля тысяча девятьсот тридцать третьего года вашему старшему сыну Гейнцу присвоено звание полковника рейхсвера. Приказ подписан военным министром фон Бломбергом и высочайше утвержден президентом фельдмаршалом фон Гинденбургом.

Предстаю перед вами сегодня с меньшим трепетом, чем двадцать пять лет тому назад, когда, окончив военное училище, прибыл двадцатилетним лейтенантом для прохождения службы к вам, отец,— командиру Ганноверского егерского батальона.

С детских лет вы рассказывалн мие и Фрнцу о иаших предках, прусских помещиках и юристах, о нашем роде Гудериаиов, верином оплоте троиа. Вы, первый кадровый офнцер в иашем роду, хотели видеть и сыиовей своих военион опорой кайзера Вильгельма, солдатами лучшей иации мира. И я с чистой совестью отчитываюсь перед вами в деиь своего торжества. Ваш Гейиц приiадлежит ныне к высшему кругу иемецкого офицерства.

Как и вы, отец, я воспитываю своих сыиовей, Гейица, Гюнтера и Курта, преданнымн богу, армни, знаменн древиих тевтоиов.

Как н вы, отец, я делаю все, чтобы немецкая армня восходила к зеииту славы.

С тех пор как вы покинули иас, иаступилн времеиа униженйй. Многне ие вытерпелн. Я — выстоял. Вы, иаверио, иазвали бы себя счастливым, что не дожили до бегства кайзера Вильгельма в Голлаидию, до военного поражения фатерланда. Немецкая армия стала жалким осколком иаших прежиих вооружеиных снл. Нам запретилн нметь военио-морской флот, авнацию, таики. Мы были лишены возможности производить воениые материалы, вести воениые исследоваиия, и, чтобы втайне обойти запреты, иам прншлось иа чужой земле создавать свои учебные центры.

Вы могли бы меия спросить, откуда у меия, пехотинца по образованию, позиаиия в технике. Но в страие слепых н одиоглазый — король. Я прослыл в генеральиом штабе специалнстом по моторнзации войск, после того как позиакомился в Швеции с последиим образцом иемецкого таика прошедшей войны н иесколько лет прослужнл в Баварском автомобнльиом батальоие — там было несколько иеуклюжих броиемашнн, разрешеиных нам по Версальскому договору...

Да, чем только ие заиимался ваш Гейиц после войны!

В начале двадцатых годов подразделения, которымн я комаидовал, разгоияли забастовщиков в районах Хальдесхейма, Дессау и Биттерфельда. Я спрашивал себя: как вы, образец человека и солдата, поступили бы, оказавшнсь иа моем месте? И отвечал: обер-лейтенант Фрндрих Гудериан приказывал бы своим егерям расстрелнвать смутьяиов-буитарей, как бешеных собак, точно так же, как приказываю я...

Я вспомиил день незадолго до вашей коичнны. Гиев сорвал вас с постели, когда вы услышалн о депутате

Либкнехте, голосовавшем в рейхстаге против военных кредитов. К концу войны Либкнехт сколотил из плебеев партию коммунистов. Эта партия на прошлогодних выборах в рейхстаг получила шесть миллионов голосов избирателей. Безликая чернь возомнила себя вершителями судеб страны. Революция охватила бы Германию, не явись вождь с железной рукой. Он бросил в тюрьмы изменников нации. Он ценит армию как избавительницу от грозящей беды. Его имя — Адольф Гитлер.

Несколько дней назад Гитлер пригласил генералов и старших офицеров генштаба в гарнизонную церковь Потсдама на открытие рейхстага, который принял спасительный для государства закон о чрезвычайных полномочиях правительству. Я сидел наверху, за пустым креслом императрицы, рядом с престарелым фельдмаршалом Макензеном. С этого почетнейшего места я мог слышать ораторов, любоваться старинными картинами на стенах и статуей Фридриха Великого. А сегодня мне выпала честь представить рейхсканцлеру мои моторизованные подразделения. Конец фанере и жести! Ваш Гейнц смело возьмет свой Рубикон!..

Гудериан еще раз вгляделся в портрет; ему показалось, что отец смотрит на него живым просветленным взглядом.

Гудериан повернулся и подошел к высокому зеркалу на противоположной стене.

Он нравился самому себе. Новая полковничья форма празднично сидела на подтянутой прямой фигуре. Широкое лицо выбрито до синевы. Голос сдержан и почтителен.

— Господин рейхсканцлер! Офицеры генерального штаба поручили мне поздравить вас, друга рейхсвера, с назначением главой правительства и поблагодарить за посещение Куммерсдорфа. За полвека лишь два канцлера удостоили Куммерсдорф такой чести: железный Бисмарк и вы, великий фюрер великой нации...

Тонкая нижняя губа пренебрежительно вытянулась при последних словах. Они прозвучали фальшиво, в них было что-то унижающее полковника генштаба, до недавнего времени не принимавшего всерьез ни Гитлера, ни его «Майн кампф». «Как ты можешь, Гейнц, ставить рядом мудрого Бисмарка и выскочку-ефрейтора?»

И все же стоило потренироваться перед зеркалом: желание Гитлера увидеть механизированные подразде-

леиия рейхсвера льстило Гудернану, открывало замаичивые перспективы.

Впервые он увидел и услышал Гнтлера иа автомобильной выставке в Берлнне — это было через неделю после прихода нацистов к властн. Пронзнося речь там, на выставке, Гнтлер о рейхсвере не обмолвился. Но не он ли назначнл фон Бломберга военным мнннстром, а генерала Рейхенау начальником канцелярнн мнннстерства! Цвет генштаба. Они не станут прнкрывать бездеятельность ссылками на Версальскнй договор. Они поннмают значенне бронетанковых войск н будут за тебя, Гейиц... А может быть, н Гитлер?.. Не генералам — тебе поручил рейхсканцлер представить ему таики н бронеавтомобили. Так выше голову, Гейнц!

2

До каждой травиикн знакомый Куммерсдорфский полигон под Берлином в тот весенний солнечный полдень показался Гудериану мрачным. По обочинам шоссе, ведущего к плацу торжественных маршей, выстроилнсь штурмовнки. У каждого поворота они бесцеремонно останавлнвалн «мерседес», наглымн глазамн смотрелн на полковника, проверяя его пропуск. Гудериан отвечал им молчалнвым презреннем.

Возле главной трибуны уже находились генерал-полковник фон Бломберг, генерал-майор фон Рейхенау н Беккер — начальинк управления вооружения рейхсвера. Оказаться среди высшего армейского командовання было лестно, ио опасенне, что кто-ннбудь нз генералов вдруг захочет докладывать Гитлеру вместо иего, беспокоило и сковывало Гудериана.

Вскоре показались машнны с почетным эскортом. Плац взревел тысячами глоток. Среди вышедшнх навстречу Гнтлеру и Герннгу был фон Бломберг. Он представил рейхсканцлеру приглашенных генералов н офнцеров. На Гудериана Гнтлер кинул сверлящнй оценнвающий взгляд, протянул руку с вывернутой кверху липкой ладонью, мигом отнял ее н под крнкн «хайль!» взбежал на трибуну. За ннм, пыхтя, поднялся Гериг, следом — три генерала, Гудериан н охраиа.

Скованность Гудериана несколько уменьшнлась, когда фон Бломберг кивнул ему, н полковннк дал условный зиак. В ту же минуту телефонист передал прнказ Гуде-

рмана командиру сводной колонны, застывшей на опушке леса, и боевые машины отозвались шумом моторов.

К трибуне подходил мотоциклетный взвод, следом — взвод танкеток. Замыкали колонну легкие и тяжелые бронемашины.

Гудериан, стоявший позади рейхсканцлера, следил и за машинами, и за жилистой шеей Гитлера. Ему казалось: шея багровеет, возмущенная малочисленностью и слабостью машин, особенно танкеток, пригодных только для учебных целей. «Гитлер не знает, с каким трудом мы закупили у англичан эти маломощные танкетки. Он думал, наверно, что я покажу пригодные к бою танки, а увидел карликов...»

Между тем танковый взвод поравнялся с трибуной. Машины шли четким строем, как будто были связаны друг с другом. И, должно быть, красота равнения и стремительность покорили Гитлера. Он повернулся к военным:

— Вот это мне и нужно! Я вами доволен, полковник Гудериан!

Забыв на минуту, что в присутствии высшего командования нельзя проявлять избыток рвения ни перед кем — даже рейхсканцлером,— Гудериан вытянулся и произнес почти те самые слова, которые два часа назад, у зеркала, показались ему фальшивыми:

— Наш Куммерсдорф, герр фюрер, посетил Бисмарк. Никто из последующих канцлеров не был здесь, не интересовался новым вооружением. Только вы, единственный из рейхсканцлеров нынешнего века, удостоили Куммерсдорф подобной чести...

— Бисмарк?! — переспросил Гитлер.

— Он оставил запись о посещении.

Беккер вспыхнул, как от удара хлыста. Видел же Гудериан в его руках книгу почетных посетителей, обязан был догадаться, что он, Беккер, сам вручит ее Гитлеру в удобный момент и скажет о Бисмарке...

— Герр фюрер! — Беккер сделал шаг вперед, раскрыл книгу на странице с записью Бисмарка.— Железный канцлер словно предвидел, что придет еще один достойнейший и встанет рядом...

Почерк Бисмарка, его подпись! Гитлер читал и наслаждался мыслью, что это символ, признание неба. Он выбросил вверх сжатый кулак:

— Отто Бисмарк железом и кровью объединил Гер-

манию. Я кровью и железом подниму ее к недосягаемым вершинам.

И, позируя перед фотографом, нацелившим на него аппарат, написал изломанным, нервным почерком:

Германия будет иметь лучшие в мире танки.
Адольф Гитлер

Спускался он с трибуны на полшага впереди Германа Геринга. Гудериан следовал за ними в надежде, что рейхсканцлер еще раз обратится к нему, и тогда он, Гудериан, попросит разрешения доложить свой план организации вермахта. Но Гитлер не оборачивался.

— Вы, Герман, отвечаете передо мной за господство немецкой авиации в воздушном пространстве всего мира.— Он возвысил голос, вероятно, для того, чтобы приближенные услышали.— Я отвечаю перед историей и рейхом за танки, за господство на земле, за великое будущее арийской расы!

РОТ ФРОНТ, УРАЛМАШ!

1

С тридцатого года цех-первенец давал стальные конструкции монтажникам Уралмашиностроя и магнитогорских домен. С тридцать второго работали два литейных и кузнечно-прессовый. Набирал силы механосборочный корпус, а официальный пуск завода все откладывался.

У строителей, которые выкорчевывали пни, рыли котлованы, возводили корпуса и, обучившись новым профессиям, только что встали к станкам, молотам и вагранкам, это вызывало недоумение. А кадровые рабочие, прибывшие с других заводов, нередко возмущались: такой великан возвели, а его, выходит, не признают... Не излишне ли придирчив секретарь Уралобкома Кабаков? Чуть ли не каждый день недоделки на участках высматривает...

Не удержался начальник строительства — позвонил наркому. Но в последнюю минуту не хватило мужества заговорить о пуске, и он стал жаловаться на срывы поставок оборудования.

— Разберусь. Оборудование получишь,— пообещал Серго.— Что еще?

— Все, товарищ нарком, у меня все...— Начальник строительства так и не осмеливался сказать о главном.

— А я думал, приставать будешь, чтоб прислал правительственную комиссию.

— Пора бы, товарищ нарком!

— А что ты комиссии покажешь?

— Заготовительные цеха, механосборочный корпус, конечно,— воспрянул духом строитель.

— Советую сперва показать жаровни.

— Как-кие ж-жа-ровни?..

— Те самые, что все еще греют рабочих механического вместо отопительных батарей! Великолепный цех, триста импортных станков — и допотопные жаровни... Скажу, чтобы поместили на тебя карикатуру в газете. Стыдно?.. А за импортное оборудование, которое ржавеет у тебя на складах, не стыдно?..

В полночь Серго вызвал по телефону прямой связи директора завода. Поздоровавшись и выслушав, как работали цехи за прошедшие сутки, Серго спросил, не пришло ли время объявить, что Уралмаш не фикция.

Вопрос смутил директора, он не ответил.

— Я не случайно спрашиваю... Один английский журнал высмеял нас с тобой. Пронюхал, что за год твой коксовый грохот не то чтоб грохотать — пищать не научился. И вывод сделал: если русские не могут собрать простейший аппарат для домны, значит, большевистский план производства тяжелого машинного оборудования окончательно провалился... Ясно тебе? О-кон-ча-тель-но!

«К чему он клонит? Мало ли ядовитых строк появляется в буржуазной печати?» — думал директор, не понимая, зачем нарком говорит об этом, если сам поддержал перед ЦК и правительством ходатайство уральцев об отсрочке пуска.

— Есть же решение, товарищ Серго! Коллектив все делает, чтобы новый срок не был сорван. Первый грохот не получился — второй идет лучше. К пуску завода соберем его и пушку Брозиуса, она уже обставляет грохот.

— Ай да комсомолята славные! — весело забился в трубке голос Серго.— Что я тебе говорил: не бойся, доверяй молодым! А скиповая лебедка как?

— Есть надежда и на лебедку...

2

История с коксовым грохотом Гризли и пушкой Брозиуса могла бы вызвать безобидную усмешку, если б не обнажила с такой неумолимостью неумение уралмашевцев...

Начали с грохота преднамеренно: что может быть проще этой машины для сортировки кокса?! Но Гризли оказался с норовом.

Отлили и обработали за год множество боковин, валов, роликов, а годных для сборки почти не было. Литье шло с песочными и газовыми раковинами. Редкая деталь получалась у станочников по чертежам. Недавние фабзайчата и вчерашние строители иной раз даже боялись включать станки — того и гляди, не только опять брак выдадут, но еще и кисть отхватят, скулу своротят железные вражины: кто знает, может, там, в Германии или в Англии, в них что-то вставили вредительское...

Да и сборщики, отобрав из сотен деталей единицы годных, никак не могли осилить этого Гризли.

Привезут боковины грохота на сборку, станут проверять — оси отверстий не совпадают. Начнут их перетачивать, делать по ним вкладыши подшипников, а те не входят или, наоборот, болтаются. Доработались до того, что мастер приказал ставить под вкладыши жестяные подкладки.

— Старые портянки в новые сапоги надеваем,— над собой же смеялись сборщики.

И с пушкой Брозиуса — тоже вроде бы неказистой, но все же более сложной машиной — изрядно намаялись.

Поначалу эту пушку для забивки лётки доменной печи доверили собирать старым, опытным слесарям — молодых и близко не подпускали. Чтобы посмотреть, как бородачи колдуют над цилиндрами пневматической пушки, ребята забирались на крышу будки мастеров или на краи, но учиться нечему было — даже единицы годных деталей и те по вине самих сборщиков часто превращались в брак...

Взыграло тут юношеское самолюбие: «Неужто не сможем?!»

Секретарь комсомольской организации механического цеха слесарь Анатолий Федоров возглавил ударную бригаду сборщиков. В заготовительных цехах появились посты «легкой кавалерии» для контроля за продвиже-

нием деталей. Их отливали и обрабатывали комсомольцы. Передовикам вручали красные знамена, бракоделам — рогожные. Огромные плакаты вывешивались на участках, виновных в задержках и браке:

«Я, девятый по счету цилиндр, выброшен на свалку из-за песочных раковин. Когда этому будет конец? Если и новые отливки пойдут в брак, то нам, цилиндрам,— вечная ржа, вам, бракоделам,— вечное бесславие».

Наконец несколько цилиндров получились годными.

Федоровцы с головой ушли в работу, забыли, когда день, когда ночь. После смены на сборку приходили молодые плотники и клепальщики, кузнецы и сварщики, просили Федорова: «Дай, Толя, пособить...» И в такие минуты малорослый, едва видный среди других парней Толя самому себе казался на голову выше.

Почему-то именно пушка оказалась в центре общего внимания, хотя тут же неподалеку собирали второй коксовый грохот, а краны проносили над головой огромные металлические заготовки для скиповой лебедки — самой сложной из трех начатых сборкой машин. Командовал сборщиками лебедки недавний сорвиголова Игорь Мальгин, не на шутку напугавший однажды жителей поселка.

...Достраивался первый трехэтажный дом. Жильцы землянок и бараков с нетерпением следили, как штукатурили фасад, вставляли окна и двери, настилали крышу. Заселения ждали, как великого праздника: за этим домом пойдут другие, такие же добротные, и переселят в те дома рабочий люд, прежде всего, конечно, из землянок.

И в этот праздник ожидания, предчувствия лучшей жизни ворвался негаданно-непрошенно Игорек Мальгин.

На рассвете выходного дня жителей соседних бараков разбудил будто с неба падающий гул и треск. Выскочившие на улицу обнаружили, что шум несется с крыши незаселенного дома.

Слесарь Коля Плесконос, ловко вскарабкавшись на сосну, увидел на крыше что-то вроде самолетных крыльев с пропеллером.

— Там штука дьявольская — сорваться может!..— закричал он, предупреждая стоящих внизу.— На крышу, мужики, не то беда!

Самоделка с фанерными крыльями и корпусом тряслась всем телом, стучала по кровле маленькими, долж-

но быть, снятыми с тачек колесами. Изношенный мотоциклетный мотор визжал, стрелял, захлебывался кашлем. За деревянными бортиками ящика-кабины виден был мальчишка в черном матерчатом шлеме. И по этому шлему, больше, чем по лицу — грязному и, казалось, испуганному собственной дерзостью,— Николай узнал Игоря Мальгина.

Мальчишка увеличивал подачу топлива — это подтверждал усилившийся грохот. Вдруг левая рука Игоря вскинулась, застыла с растопыренными пальцами. Плесконос догадался: Игорь командует мальчишкам, чьи головы видны на гребне крыши. В их руках, как вожжи у возниц, были зажаты веревки и брезентовые пояса. Концы узлами завязаны на скобах корпуса, чтобы до сигнала удержать на скате крыши подпрыгивающего, нетерпеливого деревянного коня, который, как они надеялись, взовьется и полетит.

— Хлопчики! — во всю силу легких закричал Плесконос, уже теряя надежду, что люди успеют подняться на крышу до того, как случится непоправимое.— Крепче держите веревки! Крепче! Не отпускайте! Иначе рухнет, погибнет Игорек...

Его услышали. Один мальчуган перестал разматывать веревку. Другой начал отползать назад, на противоположный скат, натягивая брезентовый ремень, как струну.

— Мальгин! — срывая голос, орал Николай.— Выключай мотор! Сорвешься!

Но Игорь, оглушенный грохотом двигателя, ничего не слышал. Его рука с растопыренными пальцами резко опустилась вниз, схватилась за руль.

Весь напрягшись, мальчишка ждал, когда освобожденная от пут машина пробежит на колесах два-три метра ската. В эти мгновения он должен дать двигателю максимальные обороты, чтобы полететь...

Несколько секунд протянулись как вечность — машина продолжала трястись на одном месте.

Игорь обернулся, чтобы повторить приказ своим помощникам, и увидел на гребне крыши мужчин, перехвативших у ребят веревки и ремни.

...После неудавшегося полета Игорь стал быстро взрослеть. Окончив семилетку, попросился на завод учеником слесаря. Трех лет ему хватило, чтобы достичь шестого разряда, с отличием защитить диплом на вечернем

отделении индустриального техникума и стать бригадиром слесарей на сборке скиповой лебедки. Но когда бригадирство уже совсем было на лад пошло, Игорь неожиданно решил уступить свое место немцу, присланному фирмой из Германии.

Это возмутило бригаду и больше всех старейшего слесаря Назарыча.

— Нам горбатить — германцу на нашей шее сидеть?!

Не сумев убедить Игоря, Назарыч позвал мастера соседнего пролета Власа Никитича Мальгина. Тот выслушал старого приятеля, насупился, но рта не раскрывал.

— Чего усатую губу сосешь? Поди, не спрашивал у тебя совета племянник твой. Втемяшь ему, что не на ту дорожку сворачивает.

Но Влас Никитич продолжал молчать.

В шестнадцатом году на русско-германском фронте отравили газами отца Игоря, и мать вскоре умерла. Кому растить Игорька, если не ему, Власу Никитичу? Баловал он парнишку, прощал ему шалости, которые не прощал и родным детям. И от души радовался, когда Игорь успевал и в работе и в учебе. Специально на сборочный участок подался из механического, чтобы быть ближе к парню, подсказать что, если потребуется, молодому бригадиру.

— Не сплеча ли рубишь, Игорь? — спросил наконец Влас Никитич под требовательными взглядами Назарыча.— Не во вред ли делу твоя затея?

— На пользу! — доказывал Игорь.— Вейганд — друг, коммунист, а какой он сборщик, вы знаете не хуже меня. С таким бригадиром лебедку соберем к Первому мая. Мы график с ним прикинули, завтра со всеми обсудим.

— Выходит, упряжку ты ему уже сторговал?

— Не намекнул даже, хотя вижу: Вейганд справится лучше, чем я.

— Допустим,— кивнул Назарыч.— Но как его бригада поймет? Как начнет талдычить по-русски, будто в ступе печенку молотит. А по-немецки никто у нас, кроме тебя, не кумекает.

— Я буду переводить. И Вейганд учится — скоро все его будут понимать.

Русский язык Вейганд начал изучать самостоятельно еще на родине, но разговаривать там ему было не с кем.

Только на Машинострое, куда фирма направила его с двумя сборщиками, ему повезло на учителя.

Игорь сразу понравился Курту. С ним интересно было говорить, тем более что учеба была «перекрестной». Вечерами часто ходили в городскую библиотеку — семь километров туда, семь — обратно. По дороге разговаривали по-русски, а там, в отделе иностранной литературы, читали немецкие газеты, технические журналы, и тут уж помогал Вейганд.

Курт согласился возглавить сборщиков скиповой лебедки, если Игорь поделит с ним обязанности, и начальник цеха дал добро — в большой бригаде стало два бригадира. Игорь больше занимался с поставщиками деталей, инструментов, приспособлений, Курт обучал сборщиков сложным операциям, которые поначалу выполнял с немецкими рабочими.

Те двое, что приехали с Куртом в Советский Союз, тоже были сборщиками первой руки, не ленились в рабочее время, но что-то большее отдавать производству — нет! Курт вместе с русскими товарищами в ненастье идет на субботники достраивать цеха, разгружать уголь, а те и в добрую погоду исчезают, если бригада берется за неоплачиваемую работу. По утрам, появляясь в цехе, оба «спеца» едва заметно кивнут сборщикам и губ не разомкнут, а бравый тенорок Курта слышен и федоровцам за два пролета:

— Рот фронт, Уральмаш!

Ребятам из бригады Толи Федорова нравился Курт Вейганд, но не нравилось то, что произошло у соседей в конце апреля, когда чуть ли не за одну ночь разрозненные узлы лебедки срослись во внушительную шестидесятитонную махину, по сравнению с которой трехтонный Бромнус выглядел карликом. Как же так? Что скажет завод, если бригада Вейганда — Мальгина настигнет их, федоровцев, или хуже того — обставит у самого первомайского финиша?.. Сколько звенели плакаты, что первая уралмашевская машина ими собрана, что всего-то и осталось раз-другой вывернуть, опробовать пушку, и можно ее покрасить и провезти во главе заводских колонн по улицам и площадям праздничного Свердловска. А тут на соседнем пролете внезапный и неслыханный шум — электродвигатель погнал барабан гигантской машины. Со всех станочных и сборочных пролетов механического и других цехов бегут люди: лебедка заработала!

Не удержались и ревнивцы из бригады Толи Федорова — подошли посмотреть, пощупать, нет ли обмана...

Николай Плесконос, заметив изъян в подгонке одной детали, обрадовался:

— Пригоночных работ хватит и на лето.

— Твое лето — наша ночь...

— Да не будет у вас к празднику лебедки, не будет! — И, размахивая полупудовыми кулачищами, Плесконос зашагал прочь.

К ночи федоровцы покрасили пушку, краном подняли ее на кузов трехтонки. Вася-маленький выводил на листе фанеры красные, с синей обводкой буквы:

ПУШКА БРОЗИУСА
ПЕРВАЯ МАШИНА УРАЛМАШСТРОЯ
СОБРАНА КОМСОМОЛЬСКОЙ БРИГАДОЙ
АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВА

— Можно и по домам — никто уж не обгонит.

Но едва успел Вася произнести эти слова, как увидел подбегающего Федорова.

— Живее, ребята! Помочь надо! Инструмент бери!

— К Игорю? — спросил Плесконос.

— Догадливый ты, Коля...

Последний штурм настолько увлек сборщиков лебедки, что они заметили соседей, лишь когда те пристроились рядом и взялись за работу. Плесконос оказался плечом к плечу с Мальгиным.

— Не боишься, Николай, что обгоним? — подковырнул Игорь.

— Вы и так и эдак отстали — пушечка вон, готовенькая... Чего ж не пособить...

Вместе с семьями пришли сборщики первомайским утром на площадь Первой пятилетки. Молодежь Машиностроя встретила победителей песней, точно как раз для них прилетевшей только что из Москвы:

Гудит, ломая скалы,
Ударный труд,
Прорвался песней алой
Ударный труд.

Вслед за знаменосцами двигался трехтонный грузовик с пневматической пушкой. Одиннадцать сборщиков комсомольской ударной стояли в кузове трехтонки по бокам простой, неказистой на вид, а для них — самой

бесценной машины. Толя Федоров — впереди, возле кабины. Одна рука на ее крыше, другая — на гладкой овальной поверхности пушки. И скажи ему сейчас: двигай, Анатолий, с пушкой прямиком Московским трактом до Красной площади — не было бы человека счастливей его.

С интервалом в шесть метров за грузовиком шагали с транспарантом Игорь Мальгин и Курт Вейганд. На транспаранте — огромная натруженная рука, сжатая в кулак, и надписи по бокам на немецком и русском: «Рот фронт!»

Когда свернули с улицы Карла Либкнехта на центральную улицу Ленина, Игорь, Курт и с ними все сборщики интернациональной бригады запели революционный марш Ганса Эйслера:

Заводы, вставайте,
Шеренги смыкайте,
На битву шагайте,
шагайте,
шагайте!

3

Демонстрация свердловчан близилась к концу, когда в Москве начался военный парад.

Торжественным маршем по Красной площади прошли слушатели военных академий, моряки-балтийцы, пехота и кавалерия Московского гарнизона. Не успели еще конники скрыться за Василием Блаженным, как в небе загудели самолеты, а на земле — танки.

Быстрым ветром пронеслись по брусчатке танкетки, легкие «бетушки» и «двадцатьшестерки». Потом, с двух сторон обойдя Исторический музей, к Мавзолею и Спасским воротам двинулись новые трехбашенные средние танки Т-28 и пятибашенные тяжелые танки Т-35. Земля, закованная в камень, затряслась под тяжкой, грохочущей поступью этих впервые появившихся на параде сухопутных дредноутов. Они двигались медленно и внушительно, сощурив смотровые щели на ликующие трибуны.

Лишь маленький островок с края правого крыла трибун оставался оледеневшим. Послы, консулы, военные атташе иностранных держав стояли тут в важной спесивости, как будто происходящее не имело к ним никакого отношения. И вдруг точно гром сорвал с них спесь —

островок заволновался, качнулся в стороны и вперед. Куда девались неприступная важность, натренированная сдержанность особ дипломатического корпуса. Толкали друг друга локтями, щелкали фотоаппаратами, стараясь зафиксировать на пленках танки и со лба, и с боков.

Серго, стоявший на левом крыле Мавзолея рядом с Калининым, обратил внимание на дипломатический муравейник.

— Гляньте, Михаил Иванович, как их ошпарило. Начинают, видно, соображать, что шутить с большевиками дело вовсе не шутейное... А Жезлов молодец — хорошо ведет свое войско.

ДОКЛАД РЕЙХСКАНЦЛЕРУ

1

Чрезмерное усердие перед Гитлером в Куммерсдорфе восстановило против Гудериана не только Беккера, но и военного министра фон Бломберга и генерала Рейхенау — они перестали вызывать его с докладами, при встречах едва отвечали на приветствия. Прежде подобная отчужденность главных армейских начальников больно ущемила бы самолюбие полковника, теперь же она его не особенно беспокоила. Он обнаружил прямую выгоду: меньше у начальства на глазах — больше можно заниматься планом. «Даже лучше, что они пока не будут ничего знать. Представлю план Гитлеру — только бы случай подвернулся».

Вечерами в тиши домашнего кабинета, наедине с книгами и записками, Гудериан обдумывал и шлифовал свой проект плана организации нового вермахта.

Ему было с кем советоваться — Клаузевиц, Мольтке, Шлиффен... Кто лучше, чем они, гении немецкой военной мысли, могут подсказать, как надо развивать вооруженные силы рейха? У фельдмаршала Мольтке — самого выдающегося начальника генерального штаба за целый век — глубокий ум стратега, полководца, выигравшего три войны. Он, а за ним Шлиффен на рубеже столетий предвидели скачок военной техники. Это они разработали основы блицкрига — войны, продиктованной особым географическим положением Германии и ограниченностью ее материальных ресурсов...

Гудериан снова и снова вспоминал Шлиффена: «Отные Европа представляет собой одну семью, поэтому трудно какому-нибудь члену семьи оставаться в стороне от семейных раздоров, особенно если его квартира расположена в середине дома». Эти слова Гудериан часто повторял молодым офицерам генштаба, раскрывая им свое понимание Шлиффена. И сейчас он говорил то же самое себе, еще и еще раз утверждаясь в логичности вывода, что географическое положение страны диктует немцам необходимость участвовать в любом европейском конфликте. Народ Германии живет в «середине дома», и у него к тому же урезанные природой ресурсы сырья, материалов, без которых невозможно вести продолжительные войны. Значит, истинная мудрость заключается во всесторонней и незамедлительной подготовке вермахта к блицкригу, в планировании генштабом такой войны, которая дала бы в максимально короткие сроки полную военную победу. В прошлом веке эта задача умело решалась государственной политикой Бисмарка и стратегией Мольтке-старшего. «Понимает ли Гитлер значение блицкрига и решающую роль танков в современной войне? — спрашивал себя Гудериан.— Оценит ли он главное направление моего плана? А я — сумею ли я достичь в нем ясности и убедительности, отличавших ваши планы, граф Шлиффен?!»

На письменном столе лежали раскрытыми и Наполеон, и Фуллер. Англичанин увлек было Гудериана проповедью превосходства чисто танковой войны, в которой даже малочисленные, полностью механизированные армии способны достичь крупных и окончательных побед. Как это было заманчиво для послеверсальской Германии с ее всего лишь стотысячной армией. Но теперь, когда Гитлер готов перечеркнуть Версальский договор и торжественно написал в Куммерсдорфе, что Германия будет иметь лучшие в мире танки,— теперь ему, Гудериану, уже видятся иные масштабы, чем Фуллеру и тем более французам, забывшим военные заветы своего великого корсиканца и застрявшим в традициях позиционной войны. Новая эпоха рождает новые принципы! Русские это поняли раньше, чем англичане и французы.

Гудериан подходил к книжным шкафам во всю стену, хранящим не менее двух тысяч томов. Раскрыв дверцы и выдвинув одну из полок на себя, отводил в сторону легко скользящую в своей выемке тыльную

фанерку. За ней был тайник с книгами Фрунзе, Тухачевского, Триандафиллова...

Эти книги, как и вырезки из журналов и газет, спрятанные тут же в коричневых кожаных папках, привозил Гудериану военный атташе Германии в Москве. Они дружили с давних пор, и, приезжая в Берлин, генерал непременно приходил в гости, и всегда не с пустыми руками. Жене и сыновьям друга — русские сувениры, а самому Гейнцу — статьи из открытой советской печати и военную литературу, добываемую с немалым для атташе риском. Не раз Гудериан ловил себя на том, что читает этих русских с той же нетерпеливой жадностью, с какой когда-то впервые проглатывал Клаузевица, Мольтке и Шлиффена. И они, эти русские, о которых он прежде слышать не хотел, вызывают в нем и удивление и зависть: «Прелюбопытнейшая, черт возьми, теория!.. Где они набрались смелости ума, образованности, глубины?» Проглотив за одну-две ночи все, что привозил в очередное посещение атташе, обычно веселый в кругу семьи и сослуживцев, Гудериан становился угрюмым, раздражительным. Даже от любимых сыновей и близких товарищей по генштабу прятал он то, что прочитал: упаси бог, чтобы кто-нибудь проник в его тайну, прикоснулся к тому, что стало ему доступно, может быть, раньше, чем военному министру.

Перечитывая извлекаемые из тайника книги и военные документы советских военачальников, Гудериан искал ответа, как это получилось, что он в середине двадцатых годов, находясь в России, видел в ней одну нищету, отсталость, невысокий уровень подготовки военных кадров. А прошло совсем немного времени — и в двадцать девятом ему привозят книгу «Характер операций современных армий» заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии, Триандафиллова, где фундаментально, талантливо обосновывается теория маневренной войны, применения в ней танков. С того года военный атташе в каждый свой приезд доставляет ему все новые свидетельства того, что советская военная мысль лидирует в разработке теории маневренной войны и основного вида боевых действий — глубокой наступательной операции.

Мозг отказывался это признавать, но как опровергнуть попавшую недавно в его, Гудериана, руки инструк-

цию, которая буквально жжет пальцы, жжет глаза? Это уже не только теория — это практическое руководство, действующее у русских на маневрах и учениях с тридцать второго года. Тут главные положения теории глубокой наступательной операции в условиях маневренной войны: роль танков, прорыв фронта обороны противника на всю тактическую глубину и ввод эшелона подвижных войск для превращения тактического успеха в успех оперативный... «Да, русские нас опередили, похоже, что наш генштаб в последние годы оказался в обозе теоретического мышления. Но это не отрицает основополагающих элементов теории войн, разработанной Клаузевицем, Мольтке и Шлиффеном, не отрицает силы твоего аналитического ума, твоей дальновидности, Гейнц Гудериан!»

Эта мысль возвращала душевное спокойствие. Гудериан садился к письменному столу, придвигал к себе бумагу и чернила. Четко исписанные листы опять представлялись ему полями сражений, по которым мчатся армады его танков, оставляя позади себя поверженные и плененные армии противников рейха.

2

Это может показаться странным, но желанную для Гудериана встречу ускорила Москва.

Получив шифровку о военном параде на Красной площади 1 Мая 1933 года, Гитлер вызвал для доклада германского военного атташе.

Перед тем как отправиться к рейхсканцлеру, атташе встретил в генеральном штабе Гудериана, рассказал ему о параде и дал свою оценку новой советской боевой технике. Генерал видел в Гудериане лучшего в рейхсвере знатока механизированных войск и не стал от него скрывать, что встревожен растущей бронетанковой мощью русских.

— Фон Бломберг мне сообщил, что Гитлер почему-то настроен против меня,— проговорил в заключение военный атташе.— Кто знает, не окажется ли мой первый доклад ему последним в моей дипломатической карьере...

Гудериан, насколько мог, успокоил генерала, рассказал о хорошем впечатлении, которое Гитлер произвел на него на Куммерсдорфском полигоне. Они рас-

прощались. Но не прошло н часа, как самого Гудернана вызвалн в рейхсканцелярню.

Он ждал в приемиой, тревожась за геиерала и поругнвая себя, что не заехал домой за планом — когда-то еще представнтся случай положнть перед рейхсканцлером плоды свонх расчетов н иочиых раздумий... Тут распахнулись двери, н громкий недовольный голос словно вытолкнул нз кабниета воеииого атташе.

— Плохо...— произиес генерал, проходя мнмо Гудериана.

Быстрый, бесшумный, словно немой, адъютант проскользнул в кабннет с бумагамн. Выйдя, он сделал знак Гудернану.

Гнтлер был в кабниете одии. Ои вышел навстречу полковнику, проводнл его до стола н с полуулыбкой иа тонкогубом одутловатом лице показал на кресло:

— Я слышал, вы бывалн в Росснн, полковиик?

— Да, мой фюрер...

Непреднамеренно, случайио вырвалась у полковиика прннятая в кругу нацнстов высшего ранга форма обращення к Гитлеру, но вольность эта явно прншлась по душе канцлеру, и, заметнв вспыхнувшее в его глазах одобрение, Гудернан обрел уверенность. Он стал рассказывать, как через четыре года после Рапалльского договора, установившего иормальные днпломатнческне отношеиия между Германией и Советским Союзом, комаидованне рейхсвера с разрешення русских создало на Волге небольшой полнгон для обучення группы иемецкнх солдат и младшнх офнцеров танковому делу.

— Русские, конечно, воспользовалнсь вашнмн знаниямн и опытом?

— Не думаю, мой фюрер. Там мне прншлось обучаться самому н учнть молодых немцев на деревянных макетах. Сначала онн обтягивалнсь сверху парусниой и перемещались монмн солдатамн, потом делались из жестн н передвнгалнсь снлою мотора.

— Деревяииые макеты?.. Вот она, сущность России! — нстолковал Гитлер по-своему слова Гудернана, но тот уточннл, что ведет речь ие о русскнх, а о немецких макетах.

— Когда я уезжал из Россин, она уже иачала производить и оснащать войска легкими танками, скопированными с «Рено». Их иасчнтывалось в армнн около

двух десятков. На одном из таких танков обучались курсанты Казанского танкового училища.

— Единицы, да и те собирали из готовых французских узлов и деталей...— заметил Гитлер.— Мне хочется услышать, каковы сейчас силы большевиков: сколько еще машин они успели скопировать с «Рено» за прошедшие годы — сотню, две? А то некоторым паникерам мерещатся целые бронированные армады.

«Атташе...» — понял Гудериан. За несколько мгновений, которые отделяли вопрос от ответа, он успел подумать, что если потворствовать иллюзиям Гитлера, уменьшить цифры танковой мощи России, то его, Гейнца, план ускоренного развития броневых сил рейхсвера лишится главной мотивировки. «Скрывать истину невыгодно, говорить ее канцлеру небезопасно, а хуже всего хитрить с ним. Эти холодные проницательные глаза не простят...»

— В России насчитывается не менее пяти тысяч танкеток, танков и бронемашин, мой фюрер! Большинство из них — русских конструкций.

Гитлер встал, забросил руки за спину и пошел, все убыстряя шаг, вокруг стола, вбивая в Гудериана, как гвозди, полные иронии фразы.

— Тысячи танков... У России? Да она напоминает колосса, идущего по болоту и, чтобы не завязнуть с головой, опирающегося на плечи цивилизованных государств. Россия все берет у Германии, Англии, Соединенных Штатов — берет машины, берет инженеров, берет технологию. Без нас она ничто... Отказать бы России во всем, заявить ей: создавайте сами свой рай,— вот тогда весь мир увидел бы, как она сломает себе шею!

Без всякой видимой связи канцлер перескочил на то, что офицерский корпус, скованный обветшалыми традициями, плохо его понимает, но скоро поймет, потому что он, Гитлер, освободит Германию от оков Версаля, уничтожит безработицу, политические склоки партий, создаст армию, которую никогда не имело и никогда не будет иметь ни одно государство мира.

«Кто не мечтал об этом? — думал Гудериан.— Видимо, неожиданный выход Гитлера на авансцену политики тем и объясняется, что его цели совпадают с желанием элиты немецкой нации».

А Гитлер, остановившись и устремив взгляд в пол-

ковника, продолжал говорить о том, что он сделает армию всемогущей, что она испепелит всех, кто поставил Германию на колени, и спрашивал, понимают ли офицеры генштаба угрозу России, где скот, зараженный бациллами большевизма, вырвался из хлева.

Гудериан каждым нервом ощутил: надо вклиниться с планом сейчас, другого такого момента может не быть. «Докладывай по памяти, она тебя никогда не подводила...»

И он изложил свой план рейхсканцлеру пункт за пунктом, слово за словом.

— Все, мой фюрер, это все...— выдохнул с облегчением Гудериан.

Только тут он заметил, что Гитлер слушал его, вжавшись в кресло и опустив голову. Еще минуту рейхсканцлер сидел, что-то, должно быть, обдумывая, потом сказал, что доволен совпадением своих мыслей о решающей роли механизированных войск со взглядами первого танкиста Германии, и стал уточнять организационный раздел плана.

— Вы говорите, дивизия, корпус... А сколько машин потребуется для каждого соединения, какое время для их создания?

— Дивизия должна иметь около двухсот танков, корпус — в три раза больше, мой фюрер. Если наши фирмы начнут их выпускать через год, то года через два — два с половиной я смогу вам показать на маневрах полнокровную дивизию.

— Танки будут скорее, чем вы думаете, полковник! Столько, сколько необходимо для уничтожения любой коалиции противников рейха,— любой! — провозгласил Гитлер, добавив, что наделяет Гудериана правом лично установить деловые контакты рейхсвера с руководителями фирм, которых назовет ему директор крупповских заводов Мюллер.

— Разрешаю вам, господин полковник, сообщить высоким представителям фирм наш план развития танковых сил, согласовать совместные действия армии и промышленности на этот и предстоящий год.

Гудериан уходил из рейхсканцелярии гордый и счастливый. Никогда в жизни он не верил так в свою восходящую звезду, как сейчас.

ПЯТИЛЕТКА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Первый пятилетний план строительства Советских Вооруженных Сил, утвержденный ЦК ВКП(б) и Советским правительством в 1928 году, разрабатывался Реввоенсоветом СССР и штабом РККА с таким расчетом, чтобы обороноспособность государства ни в коем случае не отставала от общего хозяйственного роста страны.

Развитие экономики в первые два года 1-й пятилетки показало, что контрольные цифры плана значительно перекрывались. Это позволило Центральному Комитету ВКП(б) и Советскому правительству пересмотреть и увеличить многие задания и контрольные цифры пятилетнего плана развития Вооруженных Сил.

История второй мировой войны, т. 1. М.: Воениздат, 1973, с. 257—258.

3039 ТАНКОВ И ТАНКЕТОК ЗА ОДИН ГОД

В кратчайшие сроки молодые советские конструкторские коллективы под руководством и при участии Н. В. Барыкова, С. А. Гинзбурга, Н. Н. Козырева, И. А. Лебедева, К. Н. Тоскина, А. О. Фирсова и других создали танки, по тактико-техническим данным не уступавшие соответствующим заграничным образцам, а по отдельным характеристикам даже превосходившие их.

...Однако массовое производство отечественных танков удалось наладить не сразу. В 1929 г. план по производству танков был выполнен только на 20 %, в первом квартале 1930 г.— на 65 %, а во втором и третьем кварталах — лишь на 20 %. Причины этого — острая нехватка квалифицированных кадров, слабое обеспечение танкового производства высокосортными сталями, инструментом, опоздание со специализацией и кооперированием автотракторной промышленности с танкостроением.

Переломным в работе танковой промышленности стал 1931 год. За годы первой пятилетки танковая промышленность выпустила 3949 танков и танкеток, из них 3039 в 1932 году.

Существенными недостатками бронетанкового вооружения являлись многотипность боевых машин, большой удельный вес танкеток и легких танков, сравнительно слабая огневая мощь и недостаточная броневая защита.

Быстрое развитие танковой техники в основных капиталистических странах требовало создания в СССР новых, более совершенных типов танков.

История второй мировой войны, т. 1, с. 260.

НАРКОМ И ТАНКОСТРОИТЕЛИ

С первого же дня своего прихода в ВСНХ товарищ Серго огромное внимание стал уделять оборонной промышленности, в частности танкостроению. Лучшие силы машиностроения были привлечены к созданию новых систем танков советской конструкции, которые должны были заменить имевшееся в то время у нас небольшое количество танков старых европейских систем. Под руководством Серго создана танковая промышленность, дающая на оборону страны танки нашей конструкции от амфибии-«пигмея» до сухопутного дредноута.

Ни один образец танка не внедряется в производство, пока с ним лично не ознакомится тов. Серго. Не раз при осмотре новых образцов тов. Серго усаживался за рычаги управления, выяснял, насколько удобны сиденья для водителей. Пушки и пулеметы в танке, смотровые приборы, качество резины, взаимодействие отдельных частей — ничто не ускользает из поля зрения тов. Серго.

Но всего больше интересуется нарком качеством брони танка и особенно башни. Это диктуется заботливостью тов. Серго о людях, о сохранении их жизни. При малейшем сомнении в качестве хотя бы незначительного агрегата Серго приостанавливает производство танка. Нарком ежедневно, как бы он ни был перегружен, интересуется ходом выполнения программы по танкам.

...Не раз, видя, что какой-нибудь работник озабочен, тов. Серго начинает его расспрашивать, предлагая свою помощь. И мы помним его слова: «Ко мне всегда, в любой час, каждый может и должен прийти и сказать о своих заботах, о своих трудностях в работе. Ваш нарком вам всегда поможет».

ГУТНОВ Б., директор танкового завода.

Правда, 28 октября 1936 года.

И ГОРЫ ЗАСТАВЯТ ДВИГАТЬСЯ

Замечательные люди встают перед глазами...

Вот недюжинный изобретатель лейтенант Цыганов, в недавнем прошлом чернорабочий, не знавший ничего, кроме щебня и лопаты. Вот орденоносец Дудко, великолепный водитель сухопутных броненосцев, вышедший в люди из мрачных закоулков беспризорной жизни. Вот Фомиченко, член ВЦИК, командир машины, снайпер танкового огня...

Люди познаются по их делам. А дела наших танкистов поистине изумительны.

Водитель Гегечкорн подводит свой танк к стремительной реке, глубина которой превосходит допустимую для танка норму. «Если река не подходит к нормам,— решает Гегечкорн,— то наши нормы

должны подойти к реке». Он смело врезается в реку и переходит ее.

Совсем как в библейском сказании, река расступается перед ним.. Не беда, если в щели люка хлынет вода. «Представьте, что это грозовой ливень!» — говорит Гегечкори.

Командир машины Павлов вел танк по льду. Вдруг ледяной покров не выдержал тяжести машины и рухнул. Танк очутился в воде. Павлов не растерялся. Он включил вторую передачу, машину рвануло вперед, куски льда шарахнулись в стороны. Кроша лед подобно ледоколу, танк благополучно вышел на берег.

Когда понадобилось проверить качество машин, пять танкистов — Владимиров, Кузнецов, Юдин, Юрченко и Бакуревич — совершили тысячекилометровый скоростной пробег на танках. Они летели на своих многотонных машинах в грохоте и лязге металла по проселкам и оврагам, сквозь пыль и туман, и сделали в первый же день 500 километров! Испытание прошло превосходно.

Верно сказал комиссар-краснознаменец Богаткин:

— Такие люди не только танки — горы заставят двигаться...

Правда, 20 ноября 1936 года.

МИХАИЛ КОШКИН

1

С гулким треском плясал по автомобильной крыше дождь. Захлебнулись и застыли щеточки-«дворники» на ветровом стекле. Шофер почти уткнулся в него носом, подруливая к серому зданию политехнического института.

«Может быть, отсюда пошлю еще несколько отрядов»,— подумал Киров.

Две недели он разъезжал по районам Ленинградской области, и сейчас перед глазами стояли поля, исхлестанные ливнями, помрачневшие лица колхозников: «Опять несытый год».

Киров сдал на вешалку не по погоде тонкий плащ, насквозь пропитанную влагой фуражку, расстегнул крючок ворота синего френча с накладными карманами и, вытирая платком мокрую, натертую докрасна шею, поднялся по лестнице на второй этаж.

Двери большинства аудиторий были раскрыты, в них, как и в коридоре,— ни души. Признаки жизни обнаружились лишь в приемной директора. Когда Киров

вошел, полная женщина в белой с закрытым воротом шерстяной кофточке и темной длинной юбке бросила стучать на машинке и с поразительной для ее комплекции быстротой пошла ему навстречу.

— Ох, какой гость! Отчего не позвонили, Сергей Миронович?.. Директор на собрании студентов. Говорят, еще два курса поедут в деревню... Нонсенс! Разве можно так изматывать студентов?! Институт же, и не какой-нибудь — политехнический.

Киров глядел на знакомую секретаршу, но видел не ее полное белое лицо, а почерневшие лица и руки деревенских женщин и слышал их растерянные голоса: «Скотину прокормить и ту нечем будет, Мироныч...»

— От хлеба без карточек вы, надеюсь, не откажетесь,— сказал Киров.

— Это правда? Это же мечта!

— А мечту ведь добывать надо...

Он произнес это едва слышным, усталым голосом, а секретарша от этих слов сразу огрузла, обмякла, потеряла свой решительный вид. На секунду мелькнуло видение: настал счастливый день, она по дороге домой покупает на Невском хлеб без карточек и даже сдобу великолепной ленинградской выпечки для внука; мелькнуло — и исчезло.

— Притомились вы, Сергей Миронович, в районах были, наверно...— догадалась и посочувствовала женщина, вглядываясь в обветренное лицо Кирова.— Отдохните, а я скажу директору, что вы здесь.

— Повремените,— остановил ее Киров.— Вам знаком студент Кошкин? Я получил от него письмо, а к себе вызвать не мог — в деревню уехал.

— Как же! Михаила Ильича Кошкина знает весь институт. Меня его доклады о международном положении просто восхищают. Читала его документы и поражалась: как он мог поступить в институт, если учился всего три года в сельской школе.

Возможно, она еще долго распространялась бы на эту тему, если бы Киров не попросил документы Кошкина.

— Я познакомлюсь с ними в кабинете директора, а вы найдите Кошкина, скажите, что хочу его видеть.

...Анкета двадцать первого года. Вопрос: «Ваше отношение к Советской власти?» Рукой Кошкина ответ:

«Бился за нее не щадя крови. Пойду за нее на плаху». Первые строки автобиографии тех лет: «Я родился 21 ноября 1898 года, а если настоящей мерой мерить, то 7 ноября Семнадцатого».

Чем дальше листал Киров папку с документами тридцатипятилетнего студента, тем тверже у него складывалось убеждение, что эти фразы не пустышки, не жест, что они выстраданы жизнью.

...Родился в деревне Брынчаги Угличского уезда Ярославской губернии в бедной крестьянской семье. Оставшись без отца, одиннадцатилетним уехал на заработки в Москву, чтобы помочь матери-батрачке прокормить сестру и меньшего брата.

...Юношей взял винтовку, чтобы выбить врагов революции из Кремля. Воевал на Царицынском и Архангельском фронтах. Там принят в партию. Избирался секретарем партячейки военной железнодорожной бригады.

...Демобилизован по ранению. Работал на Красном Сормове. Окончил Коммунистический университет имени Свердлова.

...Директор Вятской кондитерской фабрики. Заведующий совпартшколой. Заведующий агитпропотделом Вятского губкома партии, член бюро губкома.

...Командирован в 1928 году в Ленинградский политехнический в счет парттысячи.

Порадовали Кирова листы оценок. То, что Кошкин отлично выполнял все виды производственной практики — слесарную, кузнечную, литейную и станочную, сборку и монтаж, то, что директор Нижегородского автозавода поручил практиканту работу мастера дефектного отдела и высоко оценил его труд по укомплектованию одной тысячи машин — это в общем-то не казалось неожиданным — жизнь сделала коммуниста Кошкина тружеником и незаурядным организатором еще до того, как он поступил в институт. Но сплошные пятерки по всем теоретическим предметам у человека, окончившего три класса, убедительно говорили об одаренности.

Недоумение Кирова вызвала переписка института с Нижегородским автозаводом и наркоматом. Почти за год до защиты диплома волжане просили закрепить за ними Кошкина. Управление вузов Наркомтяжпрома тут же прислало соответствующее предписание. «Что

за спешка?» — подумал Киров, и в это время в дверь постучали.

Вошел поджарый, слегка сутулый шатен среднего роста в ношеном, но аккуратно выглаженном сером костюме. Карие глаза вопросительно глядели на Кирова.

— Мне сказали, что вы хотели меня видеть, Сергей Миронович.— Голос был глуховатый, с хрипотцой.

— Поговорить хочу по поводу вашего письма.

Киров вышел из-за стола, подал руку, усадил Кошкина на диван, сел рядом.

— Почему, Михаил Ильич, вы решили идти именно в танкостроение?

Говоря это, Киров зорко отметил и грустинки в больших, чуть навыкате глазах, и землистость кожи, и впалость щек, и острый кадык. «О-о, дружище! Спишь, наверно, совсем мало и питаешься плохо...»

— Давняя история, Сергей Миронович...

Кошкин помедлил и начал с гражданской войны, с того, что воевал в пехоте, а перебрался на бронепоезд, когда услышал о призыве Ленина к коммунистам усердно обучаться броневому делу.

— Попал в госпиталь после второго ранения, в Нижний Новгород. Комиссия сняла с военного учета. Куда идти, как не на Красное Сормово,— там же с девятнадцатого готовились чертежи, технология и шасси для первых советских танков?! Повезло мне — попал на сборку как раз в те дни, когда ижорцы прислали броневые листы, а с завода АМО — двигатели и узлы трансмиссий. И при мне из ворот Красного Сормова вышел первый наш танк «Борец за свободу товарищ Ленин».

Киров слушал и думал о том, что Кошкин, судя по всему, из той породы людей, которые и сами без остатка отдаются любимой работе, и умеют увлечь за собой других. Вот только не преходящее ли его увлечение?

— Сужу по характеристике волжан — вы хорошо проявили себя на сборке автомобилей. Значит, нравилось, значит, и огонек присутствовал... А если в танкостроении, как там, разонравится? — вдруг спросил Киров.

Он словно заглянул в душу Кошкину.

После практики на Нижегородском заводе в тридцать втором году Михаилу казалось, что он нашел

свое инженерное призвание. Но увлечение автомобилестроением сохранилось только до следующего лета, до преддипломной практики на опытном заводе. Там его, единственного из группы студентов, познакомили с планом проектирования танка с противоснарядной броней, и Кошкин уже не мог думать ни о какой другой машине. Загорелся: сделать темой дипломного проекта один из узлов нового танка. А тут преграда, да такая, что не по силам преодолеть ни ему, ни институту,— категорическая, не оставляющая надежд на пересмотр бумага из наркомата: «М. И. Кошкина по окончании института направить на Нижегородский автозавод. Тема дипломного проекта — шасси автомобиля».

— Я чувствую, Сергей Миронович, таки не мимолетное мое увлечение — это навсегда. Только... Захотят ли в наркомате пересмотреть свое распоряжение? Мне кажется, что оно прислано без ведома товарища Серго. Я слышал, как он относится к кадрам, тем более молодым... И с нами, наверно, поговорил бы, если б знал, что вся группа дипломников мечтает о танкостроении, да и на опытном заводе в нас заинтересованы...

— Верно,— кивнул Киров,— опытный завод нуждается в кадрах, танкостроители возьмут вас с удовольствием. Но народному хозяйству позарез нужны автомобили — производство не удовлетворяет и сотой доли потребности. Представляю ту тысячу машин, которой вам пришлось заняться, чтобы в брак не пошли. Тысяча!.. Имей Ленинград возможность выделить сейчас колхозам хотя бы еще две сотни грузовиков, как они бы выручили!

Кошкин нервничал. Ему неловко было повторять то, о чем он писал в письме Кирову. Но как можно упустить возможность, может быть, единственную, изменить решение наркомата?..

— Простите, Сергей Миронович, может быть, я чего-то не понимаю, но если вы имеете в виду причины сегодняшних бед автомобильных заводов, в том числе и Нижегородского, то они не столько в нехватке инженеров, сколько в неумении с толком их применить. Я знаю инженеров-волжан, которые практиковались у Форда,— даже им часто подходящего места не находят. И столичные институты шлют и шлют в Нижний Новгород специалистов... А танкостроителей кто готовит? Не может товарищ Серго командировать даже одного

инженера на военное производство к Виккерсу или Рено — на пушечный выстрел не допустят; а в наших институтах никто и не помышляет включить в программу курс танкостроения. Откуда же танковая промышленность возьмет кадры, если ленинградцев из нашей группы, стремящихся попасть на опытный, и тех поворачивают на Волгу? Это же, Сергей Миронович, несправедливо!

Беспокойные пальцы Кошкина то потирали тяжелый подбородок, то теребили мочки ушей, а он ничего этого не ощущал, охваченный одним желанием: убедить Кирова в своей правоте.

2

Ежедневно Серго Орджоникидзе разговаривал с главными промышленными центрами Советского Союза — с каждым после двенадцати ночи по поясному времени.

Начинал с Кузнецка и Магнитогорска, Уралмаша и Нижнего Тагила. Потом наступал черед Баку, Поволжья и, наконец, индустриальных гигантов Ленинграда и Украины.

Разговор с Ленинградом, с Кировым, был лучшей разрядкой после напряженного дня.

— Алаверды, Кирыч! — летел по проводу специальной связи голос Серго.— Ну как ты там? Что хорошего сотворили ленинградцы?

От добрых вестей, от того, что он слышит Сергея Мироновича, светлело лицо наркома.

Зинаида Гавриловна, жена Серго, называла их близнецами. Да разве не близнецы на самом деле!

Оба родились в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. Оба — приземистые, могучие дубки. Оба великодушные, щедрые, кипучие натуры. Какое имеет значение, что один родился в Приуралье, а другой за Эльбрусом?!

Когда Центральный Комитет партии решил отозвать Кирова из Закавказья, Серго и радовался за друга и огорчался, что его не будет рядом.

В январе двадцать шестого года Серго писал ленинградским товарищам:

«Дорогие друзья! Ваша буза нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень

большая потеря, но зато вас подкрепили как следует. Уверен, что вы его окружите дружеским доверием. От души желаю вам полного успеха». И тут же приписка:

«Ребята! Вы нашего Кирыча устройте как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды.

Целую всех. Серго».

В том же году осенью Орджоникидзе перевели на работу в Москву, и снова они стали часто встречаться, особенно после назначения Серго народным комиссаром тяжелой промышленности. Один-два раза в год Серго посещал Ленинград, по нескольку раз в месяц Киров приезжал в Москву. Да еще чуть ли не ежедневные разговоры по телефону!

После разговора с Кошкиным в Ленинградском политехническом Киров позвонил Серго, не дождаясь ночного звонка наркома.

— Что-нибудь случилось? — забеспокоился Серго.

— Хорошее, очень хорошее — я нашел самородок...

И рассказал о парттысячнике Кошкине, студенте выпускного курса, влюбленном в технику и увлекшем за собой молодых товарищей.

— Душа его пела, когда он говорил о танках. Но ему дорогу закрывают.

— Ты в Ленинграде хозяин — заступись!

— Есть распоряжение наркомата.

— Какого?

— Твоего. Человек только берется за дипломный проект, а его судьбой уже распорядились вопреки его желанию и интересам государства.

— Недоразумение.

— Сам бумагу читал. Из твоего ведомства. С печатью и неразборчивой подписью-закорючкой. Читал и глазам верить не хотел. Чтобы в таком деле тебя обошли! Ты же раньше молодых инженеров к себе вызывал, каждого сам направлял на заводы...

В телефонной трубке забился громовой голос:

— Ах, какой бюрократ, какой обманщик!.. Прибежал за полчаса перед моим выездом в Грозный: «Ленинградцы на автозавод хотят» — и просьбу волжан подсунул, мол, обе стороны согласны...— Акцент усилился — гнев Серго нарастал.— Расправлюсь с нечестивцем и заодно себе всыплю, чтобы впредь ушами не хлопал.

— Не думаю, что это по злому умыслу,— попытался успокоить Киров.— Да и поправить можно. Хорошо бы

в ЦК обсудить проблему кадров для танкостроения. Я выступлю по Ленинграду, ты — по другим заводам. Не возражаешь? Вместе и подготовим проект решения.

Мысль понравилась Серго.

— Так и сделаем. Приезжай накануне заседания — чертовски хочется с тобой поболтать! И Зина ноет: подай ей Марию Львовну и тебя. Вот как раз подскочила, трубку вырывает...

И Киров услышал низкий грудной голос Зинаиды Гавриловны:

— Приезжай, Сережа! «Кировка» по тебе соскучилась. И самовар без тебя и Маши ворковать перестал...

Как члену Политбюро ЦК партии и Президиума ЦИКа СССР, Кирову приходилось едва ли не каждую неделю приезжать в Москву, и всегда, так же как и во время съездов, конференций и пленумов, он останавливался в кремлевской квартире Серго, в бывшем архиерейском доме возле Троицких ворот. Дом был древний, не очень благоустроенный, отапливался дровами, но зато в квартире просторно: большой кабинет, примыкающие к нему библиотечная комната, уютная столовая, спальня и комнатка, которую Зинаида Гавриловна называла «кировкой».

В этой шестиметровой, облюбованной Сергеем Мироновичем комнатушке вместились полумягкая, с чехлом, кушетка, миниатюрный столик, этажерка с книгами. Возле этажерки с томиком в руках и застал Серго своего друга поздним вечером накануне заседания Политбюро.

Они обнялись. Серго заметил припухлости под глазами Кирова:

— Не нравишься мне.

— Устал немного...

— Есть хочешь?

— Зина уже потчевала меня.— Киров отложил томик, присел на кушетку.— Тухачевский знакомил тебя с планом книги?

— Интересный замысел!— Серго навалился крутой грудью на овальную спинку венского стула.— Проблемы будущей войны; стратегия Советского государства; как ближайшая мера укрепления обороны — создание специальной промышленности, способной не только насы-

тить танками и самоходными орудиями дивизии и корпуса, но и сформировать целые танковые армии. По его расчетам, мы можем и должны иметь через три-четыре года несколько танковых армий, оснащенных новейшей броневой техникой.

— А твое мнение по этому поводу?

— Крупные танковые формирования, конечно, нужны в будущей войне, значит, необходимо и развитое танкостроение. Что же касается сроков создания танковых корпусов и армий, строительства новых танковых заводов, тут придется сто раз взвешивать реальные возможности. Есть над чем головы ломать. Но хорошо их «ломать» вместе с Тухачевским — у него в мозгу столько дельных идей!

Киров покачал головой.

— Где мы возьмем специалистов для новых танковых заводов, когда на существующих задыхаемся от нехватки людей? Вчера я весь день пробыл на опытном. Понравились эскизы «сто одиннадцатого» и броня для него — снаряды не могли пробить даже с близких дистанций. Но если мы не дадим Гинзбургу хотя бы еще столько же инженеров-конструкторов и технологов, сколько он имеет сейчас, отличная машина в трубу вылетит. Кадры, кадры нужны заводу! Студент, о котором я тебе звонил, Михаил Кошкин, ощутил это острее, чем мы с тобой. Он рвется на опытный и однокурсников туда тащит. Но это капля в море, да и каплю нам приходится отстаивать. Что же будет с кадрами для целой отрасли?

Серго успокоил Кирова: вопрос о дипломниках политехнического решен.

— И дальняя перспектива с кадрами обнадеживающая — через три года Военная академия механизации и моторизации начнет нам давать солидное количество инженеров высокой выучки, и технические вузы трях нем — пусть понемногу, но ежегодно пополняют танкостроение. Обо всем этом завтра — разговор в ЦК. Тухачевский отчитывается о реорганизации высшего военного образования.

— Вот так новость! И я узнаю накануне заседания! — возбужденно заходил по комнате Киров. — Не твоей ли милостью?

— Угадал. Настоял на безотлагательном обсуждении. И еще попросил включить в повестку дня вопрос о

крупных танковых формированиях и танкостроительной промышленности.

— Докладчики?

— Тухачевский, Ворошилов и я.

Киров круто остановился и, на каждом слове отбрасывая руку с вытянутым указательным пальцем от себя к Серго, отчеканил:

— Нет, первый — ты, второй — Ворошилов, а Тухачевский пусть выскажется в прениях, лучше последним.

— Чего ты боишься, Кирыч?

— Если предложения будут исходить от Тухачевского, их может постигнуть участь тех, что он обосновал в докладной записке двадцать восьмого года о перевооружении армии. Ты же знаешь, что Сталин с неприязнью относился к нему, да и теперь...

Большие руки Серго легли на плечи Кирова.

— Все сводить к неприязни тоже нельзя. В те годы были и объективные причины: крайняя отсталость металлургии, машиностроения; оборонная индустрия — почти нуль. Это сейчас нам по плечу осуществить тогдашние предложения Михаила Николаевича.

— Но не таким же способом надо было доказывать Тухачевскому, что он «перепрыгнул» реальные возможности, не снятием же с поста начальника штаба...

— Ну, тут кое-что уже исправлено.

— Вот именно «кое-что»...

В той докладной записке двадцать восьмого года Тухачевский писал, что вооружение нашей армии устарело и необходимо полное перевооружение ее автоматическим оружием, насыщение танками и самолетами. Когда записка была отвергнута, Тухачевского освободили от обязанностей начальника штаба Красной Армии, направили командующим Ленинградским военным округом. Правда, позже его вернули в Москву, утвердили заместителем председателя Реввоенсовета, но это были полумеры, и они не могли удовлетворить ни Серго, ни Кирова.

— Нам сейчас многое по плечу,— заключил Серго.— И о танкостроении завтра будем говорить в полный голос. Пора развертывать его по-настоящему!

В другой половине квартиры допоздна вели свои разговоры Зинаида Гавриловна и Мария Львовна. Потом заснули ненадолго. Зинаида Гавриловна вскинулась пер-

вая, оделась, прошла к «Кировке». За дверью слышался охрипший голос Серго. Зинаида Гавриловна постучалась громко, но когда увидела смущенные лица друзей, пожурила их слегка:

— Нехорошо, близнецы, всю ночь не спать. Попейте чаю и вздремните часок-другой.

ВЫБОР

1

Итак, желание исполнилось: после защиты дипломных проектов отличники выпускного курса пойдут работать на опытный танковый завод.

Как такое не отметить!

В выходной день группа дипломников политехнического института гурьбой ворвалась в комнату Кошкиных на четвертом этаже дома по каналу Грибоедова.

— Верочка Николаевна! Михаил Ильич! Гостей принимайте — пировать будем!

Каким-то чудом ребята достали марочный «Токай», девушки запаслись винегретом из столовой, мукой, добытой на талоны хлебных карточек, купили шестилетней Лизе и трехлетней Тамаре молочных карамелек, и все это богатство — на стол.

— Припасы наши — руки ваши!

— А ну-ка, Миша, покажи, каков ты кондитер!

Кухня была одна на двадцать с лишним семейных комнат, и женщины, орудовавшие у плиты, встретили ватагу с нескрываемой враждебностью.

— Куда претесь?!— заворчала толстая тетка, встав в боевой позе перед плитой.

— Зачем, тетенька, серчать? Мы вас такими пирогами угостим — цари не кушали.

— Не ты ли, пустобрех, испечешь?

— Я не я, но мой друг, первейший московский кондитер. Входи, входи, Михаил Ильич!

Тетка ахнула, увидев на пороге Кошкина в фартуке и поварском колпаке.

Женщины расступились, освобождая место за плитой для соседа, которого они все очень уважали, но видели крайне редко, тем более на кухне. Если заглянет поздним вечером согреть чайник, то тут же вокруг него

соберутся домохозяйки и не отпустят, пока не ответит на все вопросы — и продуктовые, и жилищные, и международные. И вдруг — колпак, закатанные рукава, обнажившие мускулы, и ловкие, как у женщины, руки, легко замесившие тесто и слепившие симпатичные пирожки...

Вера Николаевна со студентками сервировала в комнате стол, когда распаренный кухонной жарой Михаил Ильич в сопровождении институтских друзей торжественно внес на одолженном у соседки блюде подрумяненные ароматные пирожки.

Все ели их и нахваливали. Но о том главном, что переполняло сейчас завтрашних танкостроителей, по молчаливому уговору никто не заговаривал. Болтали о пустяках, шутили, смеялись.

— Слушай, Михаил, ты как в кондитеры-то попал?— спросил кто-то.— Рассказал бы хоть!..

— Как попал? — Кошкин поглядел куда-то в окно.— Ну, тут издалека надо начинать...

Зимним полднем девятьсот девятого года обшарпанный, с облезлыми боками поезд остановился у перрона московского вокзала. Впервые в жизни увидевший городские здания одиннадцатилетний Миша Кошкин жадно приник к вагонному окну, но его тут же подхватил, понес за собой поток пассажиров, кинувшихся к выходу.

На весу, так что ноги мальчишки не в состоянии были нащупать ни одной ступеньки, его вынесло на перрон, закрутило в человеческом водовороте, а потом какой-то центробежной силой отбросило вбок от плотной людской волны. Миша угодил в сугроб. Когда он вылез оттуда, мешочка в ладони не было.

В том тряпичном, сшитом матерью на дорогу мешочке лежали два серебряных гривенника и адрес дяди Никифора, дальнего родственника по отцовской линии. Давным-давно еще отец нацарапал на бумажке номер дома и улицу с двойным мудреным названием, но как ни старался сейчас Миша, вспомнить тот адрес не мог. Угораздило же его вынуть из-за пазухи злополучный мешочек! Хотел облегчить себе, подумал, что надо сразу же показать кому-нибудь тот адрес, расспросить, как найти дядю Никифора, который, мать надеялась, снизойдет к ее горюшку, даст парнишке угол и работу...

Миша не мог сообразить, в какой момент он разжал кулак — в тамбуре ли или уже тут, в сугробе?

Поезд куда-то запропастился — да если и найдешь его, разве пустят мальчишку в вагон искать пропажу? А на истоптанном тысячью подошв перроне мешочка из белого холста не было. Миша исползал весь перрон, прощупал его вершок за вершком — нет и нет, наверно, колеса поезда искромсали мешочек вместе с адресной бумажкой и двумя гривенниками.

Купить обратный билет не на что — и на эту поездку мать наскребла последнее. Откуда взяться деньгам, если отец второй год не возвращается с отхожих промыслов, и весточки нет — жив ли, запропал ли в шахте или в гиблой тайге могучий и незадачливый Илья Кошкин?..

Миша, конечно, не побоялся бы и зайцем добираться, товарняком доехать до далекой станции, а там — пешком до своей деревни. А маманя! Она-то ничего ему не скажет, но ночами будет плакать: ртов много, есть просят... Сам же он клятву себе дал, что так, без ничего, ни за что не возвернется домой, что навестит мать только после того, как обучится городской работе, рубли за нее получать начнет и на те рубли накупит родным гостинцев, и самый главный — мамане. Третьего дня у вагона, пальцами трогая его губы, она шептала:

— Все может случиться... Но ты, Михаил Ильич, не распускай нюни. Ты же мужик головастый, в отца крепкий!

...Выпрямился Миша не по собственной воле. Бородач саженного роста, с метлой и желтой бляхой на фартуке поднял его за шиворот. Затрещал воротник латаного-перелатаного пальтишки, и Миша, чтобы спасти единственную одежонку, завопил не своим голосом:

— Отпустите, дяденька! За-ради Христа отпустите!

Верзила дворник потешался. Длинной лапой поднимал он Мишу все выше, пока парнишка, отчаявшись, не стал дрыгать ногами и скорее нечаянно, чем умышленно, угодил бородачу в зубы. От неожиданности и боли дворник выпустил Мишу, и тот мигом влетел в здание вокзала. Бычий рев дворника нагонял его. Сидевшие на лавках, мешках и ступеньках бесчисленных лестниц люди, обалделые, должно быть, от долгого ожидания, принимая Мишу за вора, пытались преградить ему путь, награждали с ходу тумаками. Вобрав голову в плечи, Миша кружил, искал выхода, пока не оторвался от гонителя, не выскочил на привокзальную площадь и пере-

сек ее. Только тут, почувствовав себя вне опасности, поднял мальчишка глаза на Москву.

В этот миг он забыл даже о злополучном мешочке, забыл все страхи и обиды. Площадь показалась ему больше, чем вся его деревня. Кругом — высоченные дома, разукрашенные ярче, чем дворцы в книжках, которые давала ему домой учительница. Миша замешивал клейстер, вклеивал оторванные неряхами страницы, соображал из картона обложки и после многократного чтения как новенькие возвращал в школу. «Уж нагляжусь досыта,— подумал мальчишка.— Портянки бы только сменить — от пота чавкают...» Он свернул в подворотню, зашел в подъезд, присел на ступеньку лестницы. Сбросить с плеч втрое исхудавшую за дорогу котомку, достать свежие портянки, скинуть подшитые войлоком валенки и вытереть их изнутри,— все это заняло не больше минуты. Но Мише казалось, что прошла целая вечность, он холодел от мысли: войдет кто-нибудь или спустится по лестнице, и дом загалдит истошно: «Вор!»

Переобувшись, сунул в рот пахнувший материнским теплом сухарь и пошел по улицам, пугавшим, но и притягивавшим сильнее, чем прохладная речка в знойные летние дни, когда он до одури работал с матерью в поле.

Петляя, Миша миновал один и другой переулок, а когда догадался, что вокзал остался далеко позади и никто ему не угрожает, вышел на перекресток широченных улиц.

«Народу-то, маманя, тьма-тьмущая. Гудят, как мельничные жернова, толкутся, как в церкви в престольный праздник.— Ему чудилось, что мать идет с ним рядом, слышит его.— Ходи, гляди сколь хошь... Лавки-то! За стеклом вкуснятина — всю деревню от покрова до рождества закормить можно...»

А коньки — лучше бы на них не глядеть! Солнце в них отражается, дразнит: «Купи, купи...» — «И куплю с первого же заработка, недоем, а куплю. Заявлюсь в деревню, выброшу свои деревяшки с проволокой — на этих всех обставлю».

Он вздрогнул, услышав цокот копыт по очищенной от снега брусчатке, и увидел царственно восседавшего на козлах пароконных саней извозчика. Перехватив его подозрительный взгляд, Миша шарахнулся в сторону. «Еще подумает — слямзить коньки хочу...»

Он шел и шел, и все ему казалось, что вот за той уж кирпичной стеной или теми воротами непременно покажется поле, лес или деревня — ведь есть же конец этому городищу?! Но конца не было.

Невдалеке от Сухаревской башни внимание мальчишки привлекла шарманка. Разноцветный попугай горбоносым клювом вытаскивал из деревянного узенького ящичка бумажки со «счастьем». Человек в рваном замасленном пальто, вертя ручку, извлекал из чахоточной шарманки не то песню, не то молитву. Миша не заметил, как шарманка стала куда-то отплывать и его поглотил круговорот рынка. Мужики в овчинах, визгливые торговки в цветастых юбках и кофтах затолкали, завертели парнишку. Голова пошла кругом — он потерял из виду и стены, и даже верхушку Сухаревской башни.

Гибкими ящерками проскальзывали в толпе мальчишки в лохмотьях — они были увлечены карманами торгашей и покупателей и не замечали Мишу. И вдруг рыжий, без шапки парень вынырнул прямо на него, вцепился голодными глазами и пятерней в котомку с последними сухарями и бельишком, рявкнул:

— Продаешь за грош аль меняешь-пропадаешь?!

Кричать опасно — обоих поднимут за уши. Хватать за горло тоже не резон — паренек года на два старше, крепко сбит, да начнешь драться в этом густосеве подкованных сапожищ, еще, чего доброго, задавят, и не глянут даже хозяева смазанных дегтем голенищ, кого на тот свет отправили...

— В подворотню пойдем поторгуемся. Лапы вниз — не на робкого напал! — громким шепотом строго, как, бывало, отец, предупредил Миша и рывком вывернул котомку с плеча на грудь.

То ли рыжего оттеснили и он потерял Мишу из виду, то ли нашлась добыча посолиднее, чем худосочная котомка,— парнишка исчез. Пробившись сквозь толпу и увидев, что он один, Миша успокоился.

На часть уцелевших медяков купил горячий пирожок с ливером, бутылку квасу и, захмелев, присел на бульварной скамейке под липой, разукрашенной морозной паутинкой. Наверно, задремал бы, согревшись, если б не появилась на бульваре стайка голосистых мальчишек. Они вели снежный бой. Миша с гордостью превосходства отметил, что ребята менее ловки, чем его деревенские друзья.

«Сейчас покажу, как нужно!» — раззадорился было он, но его остановила форма на подбежавших мальчуганах: фуражки с черными блестящими козырьками, строгие, совсем как на взрослых, шинели с двумя рядами серебряных пуговиц, а на поясной квадратной, тоже серебряной пряжке — выпуклые буквы «МГ». «Сынки стражницкие аль подмастерья ихние...» — подумал Миша, вспомнив налет конных стражников на деревню, арест чахоточного учителя, брошенного на подводу и увезенного куда-то на сибирскую каторгу. «Ишь, вырядились». С ненавистью глядя на играющих, он сжал кулаки и пошел прочь. И не ведал деревенский паренек, что встретил обыкновенных гимназистов и ужасное в его воображении «МГ» означает «московская гимназия».

Через Китай-город, охваченный старой стеной аршинной толщины и набитый, как подсолнух семечками, торговыми рядами, будками городовых и конурами нищих, Миша вышел на Красную площадь.

Черным ручьем по белому снегу тянулась процессия монашек на поклонение «чудотворной» Иверской. Мальчишка пристал к черному хвосту и, как только миновал ворота, побежал ошалело к царь-пушке, от нее к царь-колоколу и дальше — в большие и малые церкви. Он прятался за колонны, в уголках, чтобы его преждевременно не выставили, и сколько душе угодно наслаждался чудесами.

Вышел из Кремля вечером, и сразу же мороз, круто шагнув к тридцати градусам, залез под ветхое пальтецо, перешитое матерью из отцовского. Заколотило от холода и еще хлеще от мысли, что он так глупо проморгал светлые часы, не попытался найти ночлег и какую ни на есть работенку хотя бы на день-два.

В неверном тусклом свете фонарей нависающие каменные громады выглядели чудовищами. Мишу лихорадило. Тело наполнилось чугунной тяжестью, она клонила голову, сгибала ноги, и не упрись мальчишка лбом в стекло витрины, рухнул бы, наверно, на обледеневший тротуар.

На витрине забавными пирамидами возвышались калачи и булочки, а хлеб лежал такой вкусный, что желудок зацарапали колики. За шесть грошей, которые остались в кармане, можно было купить фунт хлеба и стакан чая, но только он шагнул к двери булочной, как из нее выкатилась барыня в меховой шубе и лисья морда

воротника злобно ощерилась, будто предупреждая: «Ничего, кроме тумаков, здесь не получишь».

Миша отошел от кондитерской, опустился на ступеньку темного безлюдного подъезда и, поджав под себя ноги, уткнул лицо в колени, впал в теплое забытье.

Он замерзал. Ему приснилась накаленная печка, рядом возникла мать. Она обнимала его, спрашивала: «Ладно те у дяди Никифора? Молись за него, Миша...»

В темноте наткнулся на полузамерзшего парнишку Герасим Мохов, рабочий с кондитерской фабрики. Принес его на руках в свой домик на московской окраине, отогрел, пристроил в пекарню — мальчиком на побегушках...

Поздно вечером разошлись друзья.

— Как хорошо было!— подошла к мужу Вера Николаевна, уложив девочек спать.— И ты у меня молодцом — я и не знала, что умеешь так рассказывать. Приглашал бы их почаще, а?

— Может быть, Верочка, постараюсь, Верочка,— обещал Михаил Ильич, а сам, уставясь раскрытыми глазами в темноту, размышлял. О том, что от темы дипломного проекта «Шасси автомобиля», которую вынужден был взять, надо решительно отказаться, пока она не затянула, пока еще не поздно; что немедля надо пойти на опытный завод, к Гинзбургу, попросить у него тему, связанную с новым танком, со «сто одиннадцатым»,— вот здорово было бы!

Надежда была слабенькой, как едва слышное сопенье дочурок. «Если бы речь шла о модели, схожей с прежними, еще можно как-то надеяться. А тут — конструкция с противоснарядной броней, и принципы конструирования такой машины не могут оставаться прежними. Для такого дела нужны талантливейшие танковые конструкторы. Не хватит их в Ленинграде — Серго пришлет из Москвы, с Украины. Нет, не возьмет меня Семен Александрович в святая святых, да и не имеет права!..»

И все же на следующее утро Михаил Ильич явился к Гинзбургу.

То была скорее рабочая комната для конструкторов, чем кабинет руководителя КБ. Два простых стола, две чертежные доски. У стен — железный сейф, книжные стеллажи, шкаф, набитый папками из темно-серого

картона. Михаил Ильич, старший группы студентов в дни практики, заглядывал сюда чаще, чем другие, приходил к Гинзбургу с вопросами, которыми не обязательно было заниматься начальнику КБ,— а он ими занимался, не отмахивался. И эта доброжелательность Гинзбурга помогла сейчас Кошкину перебороть скованность, заговорить о том, на что почти не надеялся.

Гинзбург слушал внимательно, терпеливо, и Михаил Ильич спохватился, лишь когда увидел, что с момента, как он вошел, минутная стрелка ходиков обежала полкруга.

— Простите, Семен Александрович, заговорился.

— Ничего-ничего, ваши доводы логичны: молодые конструкторы в такой группе действительно были бы не лишними, но, к сожалению, штаты ее крайне ограничены и нет у нас возможности ее расширить.

— Конечно... но... Если что-то параллельно...— Голос Кошкина от волнения сел, фразы вырывались какие-то усеченные.— Не для производства — для дипломной работы... Хочу почувствовать этот танк. Пожалуйста, Семен Александрович, прошу вас...

Что повлияло — упорство ли студента или сметливость и хватка Кошкина, отмечавшаяся всеми в месяцы практики на заводе, четкость и быстрота, с которой он справлялся с самыми сложными заданиями в цехах?..

Семен Александрович подошел к сейфу, вынул трубку ватмана и, возвратившись к столу, развернул его перед Кошкиным.

— Эскиз агрегата «Г», его поручили старому конструктору. Могу предложить сделать свой вариант. Пусть это будет ваш дипломный проект.

2

Конструкторов, не вошедших в группу «сто одиннадцатого», обидело решение Гинзбурга, и, как только из командировки приехал его заместитель Галактионов, посыпались жалобы.

Поздним вечером, когда они остались вдвоем в КБ, Галактионов заговорил о ропоте и обидах:

— От кого угодно мог ожидать такой несправедливости, но не от тебя, Семен. Золотых ребят оставил за бортом, втиснул в группу неоперившегося студента. Не

собираешься ли еще передать Кошкину руководство проектированием?!

— Не кипятись, выслушай.

— Простительно, если взял бы настоящего конструктора. А он? Малость соображает и чертит — таких найдем сотни. Да к тому же подкатывает к возрастному пределу — диплом получит в тридцать шесть лет!

— А ты забыл, что древние греки называли период сорокалетия «акме» — годами расцвета? Иван Михайлович Губкин получил диплом инженера в сорок лет, но это не помешало ему стать академиком, богом нефти.

— Губкин гениален!

— Вот мы с тобой — обыкновенные смертные и тоже подкатываем к возрастному пределу. И все же на свалку нас выбрасывать как будто не собираются.

Галактионова оскорбило сравнение.

— Мы занялись танками чуть ли не первые в Союзе. Скинь эти восемь лет и ты заметишь, что наши ячейки памяти были тогда свободны от мусора устаревших подходов, традиций и привычек.

— Как знать, может быть, ячейки Кошкина находятся тоже в первозданном виде.

— Набиты философией, экономикой, политикой. Шпарит у себя в институте доклады о международном положении! Вряд ли для конструкторской мысли остается место.

— У меня есть друг Максим Галактионов... Когда он измотан работой на заводе до последней степени, то до рассвета глотает Льва Толстого. Куда только глыбы толстовские вмещаются, если клетки мозга лопаются у того Максима от расчетов? Примолк... Не потому ли, что сам на себе испытал этот феномен: Толстой, Бальзак, Уэллс расширяют ячейки памяти, делают их эластичнее, что ли? Нет, не стоит беспокоиться из-за возраста Кошкина и его эрудиции.

— Но ты же знаешь,— пустил Галактионов в ход последний козырь,— Форд увольняет конструкторов после сорока — сорока пяти лет, даже незаурядных. Не дурак же он! Мы с тобой успели кое-что сделать в танкостроении, а что Кошкин успеет до предельного возраста?

— О-о, сколько еще сделает, и не только до фордовского предела! Знаешь, что Серго Орджоникидзе ответил одному мудрецу, который спел ему такую же

песию? Что большевики раскрыли секрет молодости, никому больше не ведомый.

— Какой еще секрет?

— И простой, и сложный: не хотят, не могут, не имеют права творчески стареть — и не стареют, вот какая диалектика!

Галактионов усмехнулся:

— Авторитетами загнать в угол хочешь? Я против Кошкина ничего не имею — человек он, наверно, стоящий. И то, что по решению ЦК выпускники политехнического будут посланы к нам,— прекрасно. Но надо дать им созреть. А вы с директором ошарашили всех, включив Кошкина в группу «сто одиннадцатого». Ты знаешь, что в КБ об этом говорят?

— Догадываюсь.

— Не думаю.

— Говорят, что Гинзбургу, видать, важен партийный билет, а не опыт.

— И посолонее...

— Что Кошкин ничего путного для машины не делает, иначе главный не прятал бы его от коллектива. Так?

— Вот тут, Семен, ты в самое яблочко попал. Кажется, и от меня этого уникума прячешь.

— Зайди, пожалуйста, в механический.

— Ты завел третью смену?

— Полуночник объявился, потерял счет времени. Посмотришь, а потом я готов слушать тебя хоть до утра.

Токарный станок исполнял ночное соло. Единственная включенная лампочка в шестьдесят ватт освещала станок и крупную, с густой курчавой шевелюрой голову Кошкина. Пепельно-серой выглядела рубаха, вспученная большими лопатками на согнутой спине. Сильные, оголенные по локоть руки и сухая шея казались бронзовыми.

Почувствовав человека за спиной, Михаил Ильич остановил станок и снял деталь.

— С приездом, Максим Андреевич!

— Спасибо... А почему не рабочие?— спросил Галактионов, подойдя ближе и беря деталь в руки. Она была сложного профиля, обработанная на токарном и зуборезном станках.

— Станочники перегружены, пришлось бы долго ждать. Конечно, они лучше бы сделали...

— Не уверен. Обработана отлично. А главное, легка!

— На сто шестьдесят граммов меньше, чем предполагали. На узле сэкономим несколько килограммов.

Как было Кошкину не сказать об этом Галактионову, если предстояло примирить трудно примиримое: при едва не трехкратном утолщении брони на «сто одиннадцатом» сохранить тот же вес, который имел его предшественник, тоже средний танк! Правда, проект предусматривал одну башню вместо трех, имеющихся на предыдущем танке, и все же одно это не могло дать нужную экономию. Требовалось еще и еще снизить вес. А добиться этого можно было только критической оценкой всех сечений и конфигураций, поисками в каждой детали возможностей снижения массы, но без малейшего ущерба для боевых качеств машины.

— Надежность, думайте прежде всего о надежности!— не преминул напомнить Галактионов.— И учтите: она прояснится не здесь, а на длительных испытаниях в жару, в мороз, и не на одном образце — на партии машин!

По заснувшему Ленинграду мчался автомобиль Галактионова. Подобной марки не существовало ни в старом, ни в новом свете, хотя каждый автомобильный король при желании смог бы, пожалуй, найти в ней части едва ли не всех типов машин, когда-либо вышедших из ворот его предприятий и давно заброшенных на свалки.

Рядом с Галактионовым сидел Кошкин. При крутых поворотах его кидало то на дверцу, то в сторону Галактионова, и Кошкин вцепился пальцами в скобу впереди себя, растопырив ноги для устойчивости.

Разговаривать в грохоте машины было невозможно, и Кошкин думал об этом крутом в суждениях человеке, о чудачествах и причудах которого говорили, пожалуй, не меньше, чем о его недюжинном таланте.

Уже третье поколение студентов кончало политехнический после Галактионова, а все еще из уст в уста передавалось, как он в двадцатых годах сконструировал аэросани, носился на них вокруг Ленинграда и по льду Финского залива, а потом неведомо как собрал этот единственный в своем роде автомобиль, не раз остав-

лявший на спортивных гонках позади себя даже «форды» последних выпусков. Наверно, и аэросани, и этот автомобиль, думал Кошкин, помогают Галактионову искать, находить то, что никто не находил... Создал с коллективом танк Т-26 и в дальнейшем, вместе с Гинзбургом, проводил его модернизаций — вплоть до испытаний на шасси этих машин гаубицы ста пятидесяти двух миллиметров. Утверждают, что идею подсказал Тухачевский,— но не другому же подсказал, а ему, Галактионову...

Галактионов вдруг вспомнил тонко обработанную Кошкиным деталь.

— Вы не токарем работали в молодости?

— Нет, только на первой институтской практике.

— А ваша рабочая специальность?

— С детства и до службы в армии — кондитером.

— Ну и ну,— уже совсем по-дружески рассмеялся Галактионов.— Кондитер танковые деликатесы выпекает...

ТАЙНЫЙ СГОВОР

1

Пушки — Крупп.

Моторы — Крупп.

Военные корабли — Крупп.

И танки — тот же Крупп.

Ни один король не был столь всемогущ, как Густав Крупп фон Болен унд Гальбах.

Более ста промышленных фирм в Германии и десятки за ее рубежами принадлежали концерну Круппа. Накануне первой мировой войны он продавал орудия уничтожения тридцати странам мира — Карл Либкнехт разоблачил его в рейхстаге как провокатора дипломатических и военных конфликтов.

В годы первой мировой войны сто восемнадцать тысяч рабочих крупповских заводов в Эссене производили ежемесячно три тысячи полевых орудий да еще сверхдальние пушки «Колоссаль», которые обстреливали Париж.

Поражение Германии и Версальский договор не усмирили Круппа. На глазах у представителей союзной

контрольной комиссии его заводы выпускали молочные бидоны, дверные замки, машины для перевозки мусора и ремонта дорог, а втихомолку — запрещенные договором полевые и морские орудия. Вскоре Крупп возобновил производство паровозов, грузовых автомобилей и тракторов, а контролеры не замечали или не хотели замечать, что шасси грузовиков в любой момент могут превратиться в орудийные лафеты, тракторы — в легкие танки, что патенты на свои новейшие орудия Густав Крупп обменял в Швеции на огромное число акций арсенала «Бофорс» и танкостроительной фирмы «Ландсверк», постепенно прибирая к рукам предприятия этих военных фирм. Даже «Большую Берту», пушку-великаншу, магнат сумел замаскировать под заводскую трубу, сохранив ее как символ непокорности, неистребимости династии Круппов.

Никто из монополистов Германии не сумел так ловко опутать контролеров западных держав посулами, взятками, лестью. Никто не был так хитер и беспощаден к рабочим, к промышленникам, оказавшимся хотя бы чуть слабее в конкурентной борьбе. Мольбы о пощаде не оказывали на Круппа никакого действия.

...До 1906 года, когда Берта Крупп, единственная наследница всех богатств фирмы, купила себе в мужья тридцатишестилетнего аристократа Густава фон Болена унд Гальбах, связанного родством с американскими миллионерами Боленами, тот занимал пост секретаря германского посольства в Вашингтоне. Получив специальным указом кайзера Вильгельма имя Крупп фон Болен унд Гальбах, которое отныне должно было переходить к старшему из его будущих сыновей, главе фирмы и наследнику, недавний дипломат очень скоро начал диктовать свою волю самому Вильгельму. В пятнадцатом году, когда военная победа Германии казалась немецким монополистам несомненной, Густав вручил кайзеру меморандум о создании под главенством Германии Срединно-Европейской империи. Он предлагал включить в нее Австро-Венгрию, Бельгию, Голландию, часть Франции, Швейцарию, все скандинавские государства и Россию как сырьевой и аграрный придаток Германии.

Европейской империи не получилось. Но и сегодня, почти два десятилетия спустя, Крупп был так же всемогущ, как при Вильгельме. И это вызывало у Гитлера серьезные опасения. Он знал: от Круппа можно ждать

любых неожиданностей. Чего доброго, вознамерится поставить главой правительства Альфреда Гугенберга, бывшего директора своих заводов, вождя «немецкой национально-народной партии», созданной им, Круппом, в девятнадцатом году как партия реванша... Нет, необходимо убедить пушечного короля, что только фашизм способен вырвать Германию из экономического хаоса, спасти западную цивилизацию от революционных взрывов. Но как это сделать, если Крупп каменно неприступен и загадочен, как сфинкс?

Гитлера бесила его выжидательная позиция и непрекращающееся покровительство Гугенбергу. Не очень щедрые субсидии Круппа нацистской партии меньше беспокоили Гитлера — взносы «И. Г. Фарбениндустри», Флика, Тиссена и других монополистов покрывали его расходы сполна. Но даже Тиссен, Флик, магнаты «Фарбениндустри» не могут сравниться с Круппом фон Болен унд Гальбах. От него, руководителя имперского Союза промышленников, больше, чем от любого из монополистов, зависит в конечном итоге его, Гитлера, взлет или падение.

За год до того как он стал рейхсканцлером, Гитлер выступал в Дюссельдорфском клубе промышленников. Он обещал рурским магнатам в случае своей победы на выборах в рейхстаг разорвать Версальский договор, завалить концерны заказами на вооружение рейхсвера новейшим оружием и боевой техникой, обуздать Англию и Францию и открыть немецким монополистам все дороги на мировой рынок.

Ему громко аплодировали Тиссен, Флик, Стиннес — все хозяева Рура, за исключением Круппа. Тот и бровью не пошевелил, безучастным оставалось его сухое, пергаментно-желтое, скуластое, как у японца, лицо. Гитлер уловил на нем иронию — она появилась в ту секунду, когда прозвучало слово «обуздать». Видно, вспомнил Крупп недавний тридцатый год, Эссен, митинг безработных, разоренных ремесленников и мелких торговцев. Там, на площади перед воротами крупповского завода, Гитлер повторял в разных контекстах и вариациях слово «обуздать», вдалбливая его в головы людей, потерявших работу, хлеб, надежду. Он обещал этим тысячам обуздать промышленные монополии, гигантские концерны и торговые фирмы, покончить навсегда с безработицей и голодом, не допускать насилия над ремеслен-

никами, мелкими и средними торговцами — теми, кто больше всего страдает от кризиса. «Круппу, конечно, донесли о моих угрозах монополиям. Но он же дипломат, не должен принять их всерьез...» — думал Гитлер, глядя на невозмутимое лицо магната. И, распалясь и войдя в экстаз, Гитлер клялся уничтожить марксизм в Германии и Европе, раздавить Советскую Россию, открыть эру тысячелетнего господства рейха над миром. Он знал: это заветная мечта Круппа, но ирония не сходила с лица железного Густава.

2

Новый канцлер Германии ненавидел Альфреда Гугенберга и тем не менее терпел его на посту министра экономики. Да и как иначе, если этого пожелал Крупп — для него, некоронованного кайзера немецкой промышленности, не только это пришлось сделать.

Потребовал Густав Крупп держать рабочих в страхе, и в мае тридцать третьего правительство ликвидировало профсоюзы, снизило монополистам суммы подоходного налога, освободило их от взносов на социальное страхование.

Чтобы уцелеть от засилия концернов, небольшие союзы германских работодателей создали свое объединение. Правительство по настоянию круппов и тиссенов слило их с имперским союзом монополистов — акулы проглотили рыбешек!

Жестоко расправился Гитлер с им же созданным «Боевым союзом промысловиков». Когда нацистам требовались голоса на последних выборах в рейхстаг, Гитлер клялся владельцам мелких предприятий в горячей поддержке, возвещал, что мелкое и среднее сословие воплощает в себе истинно германское, народное начало. Пока это служило его цели завоевания власти, он и слова не произнес против программного пункта «Союза промысловиков» о возвращении Германии к средневековым порядкам с их цеховой системой. Но только вручили ему телеграмму о попытке главарей магдебургской организации союза осуществить на машиностроительном заводе «Крупп-Грузон» программу раздела, как все клятвы и заверения были забыты.

Под аршинными заголовками «Фюрер объявляет революцию законченной» фашистская печать опубликовала

экстренное сообщение: Гитлер предупреждал, что любая попытка «внести разлад» в экономику будет караться беспощадно. «Боевой союз промысловиков» был распущен, а те, что посмели поднять руку на собственность Круппа, приговорены к смертной казни. Репрессии шли рядом с передачей под контроль монополий десятков тысяч мелких и средних предприятий.

Именно в те дни Гитлер получил из Магдебурга — второй промышленной столицы Круппа — телеграмму: железный Густав приглашал канцлера к себе.

«Уязвлен сделкой с Тиссеном?..» — думал Гитлер, когда его автомобиль и машины с личной охраной проскочили мост через Эльбу, промчались мимо кирпичных оград «Грузонверке», главного производителя крупповской броневой стали, «Крупп-Грузона», где та сталь превращалась в пушки, корабли и танки.

С благословения канцлера Тиссен, вступивший в нацистскую партию в двадцать девятом году, за бесценок купил у правительства государственный пакет акций «Ферейнигте штальверке» и становился полным хозяином могущественного стального треста — главного соперника Круппа в производстве брони. «Гугенберг, конечно, тут же донес... Густав встанет на дыбы».

Гитлера охватило беспокойство. Нет, он чувствовал себя сейчас достаточно сильным. Но даже сильному не стоит ссориться с Круппом. С ним надо договориться, чего бы это ни стоило.

Машины вырвались из городских окраин, проехали лесом, затормозили возле трехэтажного дома с колоннами за высоченной оградой. Гитлеру показалось, что великан камердинер, проводивший его в дом, произнес «Битте шён» как-то сухо, бесстрастно, словно без особого почтения к нему, рейхсканцлеру. Показалось, или это была сухость, заказанная хозяином?

Погруженный в размышления, Гитлер почти не глядел на солнечные люстры богемского хрусталя и зеркала, не оценил изящества мебели красного дерева. Но в огромном зале второго этажа что-то заставило его поднять голову. С портрета в золоченой раме на гостя смотрел Фридрих Крупп.

Должно быть, художник стремился выразить в морщинистом лице непреклонность, фанатическое упорство человека, превратившего небольшой сталелитейный завод «Гусштальфабрик Фрид. Крупп» в величайший

военно-промышленный концерн Германии. Гитлер с детства знал, что Фридрих Крупп поставлял железо и сталь армии Наполеона, что на его заводах отлили первые в мире орудийные стволы не из бронзы, а из тигельной стали — такой крупповский ствол демонстрировался на Всемирной выставке в Лондоне в 1851 году. Знал Гитлер и о том, что эти старческие губы провозгласили принцип: «Капиталист — абсолютный хозяин в своем доме», имея, наверно, в виду не столько дворцы, сколько заводы свои в Эссене, Магдебурге да, возможно, и всю Германию. «Тот, кто хочет править рейхом, должен ладить с Круппами»,— думал Гитлер, поднимаясь следующей лестницей и увидев еще одно полотно, поражавшее размерами и обилием красок.

То была копия с фотографии времен империалистической войны, в мельчайших деталях повторяющая оригинал. В открытом крупповском автомобиле кайзер Вильгельм в каске, с толстыми усами скобами вниз, повернулся тучным телом ко второму пассажиру. Этот второй, небрежно опустив шляпу в руке, возлежал спиной и затылком на кожаной подушке сиденья и глядел куда-то мимо кайзера. То был Густав Крупп фон Болен унд Гальбах.

Моложавый рядом с потускневшим толстоусым кайзером, Густав держался с той же властной надменностью, с какой глядел с портрета на нижнем этаже основатель фирмы, король стали и пушек Фридрих Крупп.

Справа открылась дверь, и в ней показался хозяин. Услышав шаги, Гитлер сделал полуоборот. Камердинер незаметно для обоих осклабился — уж очень занятно было наблюдать изящного, с узкой талией и гордо вскинутой лысой головой шестидесятитрехлетнего хозяина рядом с сутулым сорокачетырехлетним Гитлером, который то ли забыл, то ли не посчитал нужным снять с себя в вестибюле надвинутую на глаза, скрывающую лоб фуражку с высокой тульей. Первый, с аристократической небрежностью отделив правую руку от бедра и чуточку приподняв, вынес ее на несколько сантиметров вперед; второй, склонившись к меньшему ростом хозяину, обхватил большими мясистыми пальцами его маленькую кисть и разулыбался.

Минутой позже хозяин и гость уже сидели в комнате деловых встреч. В этой комнате, в отличие от других,

не было ничего, что подчеркивало бы богатство Круппа: никаких картин на стенах, крашенных под серый мрамор; никакой позолоты на камине и на мебели, добротной, но простой. За стеклами шкафа светлого дуба — иллюстрированные журналы с фотографиями крупповских шахт, верфей, заводов и их продукции. В противоположном углу — журнальный, покрытый лаком столик и два полумягких стула. На них, друг против друга, сели рейхсканцлер и магнат.

— Крупп доволен,— заговорил о себе Густав в третьем лице,— созданием основы для стабильного правительственного фундамента, устранением препятствий, которые постоянными колебаниями тормозили экономическую инициативу.

Гитлер не терпел словесных туманностей, но эта тяжеловатая фраза прозвучала для него предельно ясно и значительно, как четкий шаг колонн штурмовых отрядов, проходящих мимо него на парадах. Еще бы: королю стали и пушек по душе пришлось все, что он, Гитлер, делал, чтобы ублаготворить монополистов.

— Крупп готов возложить на себя великую миссию: привести индустрию в соответствие с экономическими и политическими целями третьей империи. Экономикой, как и политической системой, следует управлять диктаторски. Все взывает к одному человеку, к сильной личности, обладающей достаточным капиталом, даром, предвидения и опытом управления.

Последнюю фразу хозяин произнес, глядя, как на картине с кайзером Вильгельмом, куда-то мимо Гитлера. А тот отлично понял Круппа. И мысль мгновенно откристаллизовалась в решение: чтобы не оказаться в проигрыше в неминуемых схватках на Олимпе рейха, надо иметь Круппа всецело на своей стороне, и это должно произойти сегодня.

— Идею фюреров в экономике история причислит к величайшим жизненным идеям века! — воскликнул Гитлер, так резко закинув голову назад, что зачес со лба переместился к макушке.— Я вижу вашу идею отчеканенной в формулах двух правительственных декретов — о виртшафтсфюрерах и Генеральном совете немецкого хозяйства; оба института будет возглавлять Густав Крупп фон Болен унд Гальбах!

И очень скоро он стал их возглавлять. Крупп стал «фюрером» группы горного дела, производства железа,

цветных металлов и руководителем Генерального совета германской промышленности, являвшимся единственным посредником между правительством и всеми предпринимателями Германии. Решения Генерального совета немедленно утверждались Гитлером и получали силу закона.

А той летней ночью в своем магдебургском дворце Крупп отплатил Гитлеру за предстоящий подарок подарком немедленным и не менее ценным. Он объявил о принятом по его инициативе решении: рурские монополисты создали для Гитлера фонд немецкой индустрии. Суммы, поступившие в фонд, шли сверх огромных субсидий промышленников нацистской партии.

3

Когда Гитлер и Крупп обсуждали в ту ночь военные планы рейха, расхождений между ними не было: оба мечтали уничтожить Советскую Россию, повергнуть марксизм на землю, как выразился Гитлер. Но оценка результатов советских пятилеток оказалась разной. У Гитлера преобладали представления о России двадцатых годов — Крупп давно отбросил их. Он допускал к себе на практику в Эссен молодых советских инженеров не только потому, что за это платили золотом, но и потому, что ему хотелось посмотреть, каковы они, понять, откуда у России, так отставшей от промышленных стран Европы, взялись материальные ресурсы, кадры, энергия, способности, чтобы за одну пятилетку совершить фантастический прыжок от средневековья к современной индустрии.

Одного из практикантов, Тевосяна, Крупп наблюдал с ревнивым интересом. Тот был сверстником его сына, Альфрида, который должен был в недалеком будущем вступить в права главы концерна, но не имел ни той деловитости, ни того стремления обогащать свои знания, которые отличали молодого советского инженера.

Немецкие мартеновцы называли Тевосяна «Шварцер Иван» за шевелюру цвета вороньего крыла и антрацитово-черные глаза. Приехав в Эссен, Тевосян напросился сталеваром на мартен, затем на электропечь, а потом — в бригаду разливщиков. На каждом месте работал по нескольку месяцев, а сталеваром электропечи — год; научился мастерски плавить и разливать

самые высококачественные марки стали — Крупп был уверен, что в большевистской России о таких еще даже не слыхали.

Было это в тридцатом году, а в тридцать первом Круппу сообщили, что Совнарком назначил Ивана Тевосяна руководителем объединения заводов качественных сталей и ферросплавов и что заводы те уже дают машиностроению и военным предприятиям трансформаторную, подшипниковую, быстрорежущую и инструментальную стали. А еще через два года Густаву Круппу прислали изданную в Москве книгу Тевосяна с блестящим разбором достижений европейской металлургии, и прежде всего его, крупповской, в области разливки качественных и высококачественных сталей. «Моему Альфриду такую бы хватку»,— завидовал Крупп.

Дожидаясь той ночью в Магдебурге прибытия к нему Гитлера, старый Густав читал в переводе речь Серго Орджоникидзе, опубликованную в газете Наркомата тяжелой промышленности «За индустриализацию». Крупп нередко брал под сомнение достоверность газетных публикаций, но в точности цифр и фактов, приведенных советским наркомом, не сомневался — их подтверждали возвращающиеся из России специалисты концерна. К тому же Орджоникидзе в широко публикуемых выступлениях с поражающей Круппа откровенностью обрушивался на неумелых руководителей, недостатки организации, бескультурье на тех или других предприятиях. И в этой откровенности, безбоязненной прямоте критики ощущалась непоколебимая, ненавистная Круппу уверенность.

В речи, перевод которой лежал перед Круппом, Орджоникидзе не упустил случая напомнить об охотниках втянуть Россию в войну, ворваться на ее территорию, захватить ее земли, ее заводы. Эти строки Крупп пробежал бегло, а другие читал, не пропуская и запятой. «До чего самоуверен: Россия через год не будет импортировать ни одной тонны качественной стали... Хвастовство? Но факт остается фактом: Европа и Америка в аварийном состоянии, а в России строят и строят! У Магнитной горы на Урале за три года возвели четыре домны, коксовый комбинат, мартеновский цех, смонтировали блюминг, крупносортный стан и освоили его проектную мощность быстрее, чем аналогичный стан у меня в Эссене накануне кризиса. Россия наливается

опасной силой. Возможно, прав комиссар Орджоникидзе, что очень скоро все ей будет доступно...»

Именно эти мысли заставляли Круппа с особой настоятельностью говорить в ту ночь Гитлеру:

— Главный враг Германии не западные державы, а Россия. Либо мы с вами, рейхсканцлер, сожжем в моих печах оковы Версаля, вооружим в кратчайшие сроки рейхсвер лучшими пушками, танками, самолетами и задавим Россию, либо она превзойдет Европу по металлу, машинам, технике войны, и тогда не мы ее, а она нас поставит на колени.

Ни одной эмоции на лице. Сдержанно, иной раз с полуулыбкой на краях тонких губ Крупп подавал Гитлеру сгустки, должно быть, долгих размышлений — какими способами покончить с зависимостью Германии от мирового рынка в снабжении сырьем, главным образом легирующими материалами, нефтью и каучуком; какими темпами развивать военную промышленность, чтобы года за четыре или пять после начала перевооружения армии она была полностью готова к войне.

— После короткого периода пуска и освоения новых производственных мощностей концерн Круппа будет готов вооружить рейхсвер небывалой техникой. Мы намерены вложить большие средства в строительство двух танковых заводов, самолетосборочного и комбината синтетического бензина. В Магдебурге концерн налаживает исследования новых марок броневой стали...

Крупп смело раскрывал свои карты, дожидаясь от Гитлера признания главенствующей роли его концерна в подготовке войны и полной поддержки всех своих начинаний.

Гитлер заверил Круппа: правительство предоставит его концерну главные военные заказы, значительные государственные субсидии для строительства новых заводов и реконструкции старых.

КРУПП ГОТОВ

Я никогда не сомневался, что в один прекрасный день наступят перемены. И это сознание позволило мне сделать практические выводы огромного значения. Если Германии суждено возродиться и она сможет сбросить цепи «Версаля», заводы Круппа должны быть готовы...

После прихода к власти Адольфа Гитлера я с удовлетворением мог доложить фюреру, что Крупп готов начать перевооружение Германии.

Из статьи Густава Круппа. Берлин, март 1942 года.

Цит. по кн.: Овсяный И. Тайна, в которой война рождалась. М.: Политиздат, 1971, с. 37.

ГОВОРИТ ОРДЖОНИКИДЗЕ

...Сегодня нет такого предприятия, такого завода, такой фабрики, которые мы не сумели бы спроектировать и построить своими собственными инженерными и техническими силами... Времена, когда мы, сложив бумаги в чемоданы, отправлялись в Европу и Америку для проектирования наших тракторных и автомобильных заводов,— эти времена бесповоротно прошли. Мы также спроектируем и построим своими силами любую гидроэлектрическую станцию, любую тепловую станцию.

План пятилетки в четыре года мы по тяжелой промышленности, входящей в Наркомтяжпром, выполнили на 108 процентов.

...Я нарочно взял в Совнаркоме решение, которое было принято в конце 1928 года. Я работал тогда в РКИ. Обследовали мы сельскохозяйственное машиностроение и пошли в Совнарком с предложением поскорее соху ликвидировать. Тогда было, знаете, какое решение: «Соху ликвидировать в течение трех лет». Что тогда писали? «Замена сохи плугом есть одно из проявлений прогрессивных течений в сельскохозяйственном машиностроении (смех) и не может быть разрешена особняком и вне связи с общим вопросом о развитии машиностроения в сельском хозяйстве, а потому включена Госпланом в общую программу работы по составлению перспективного плана сбыта сельскохозяйственных машин» (смех).

Самые горячие головы в нашей партии не могли тогда еще думать о том, что нам удастся так выполнить пятилетку,— мы тогда от сохи шли. Вот чем были мы тогда вооружены.

Теперь, когда мы вооружены прекрасными тракторами, тракторными плугами и сложными сельскохозяйственными машинами, когда мы имеем передовое машиностроение, теперь, товарищи, никаких сомнений не может быть в том, что наша партия, ленинская партия, все затруднения опрокинет ко всем чертям и с развернутыми знаменами пойдет на штурм второй пятилетки!

Из речи Серго Орджоникидзе на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 10 января 1933 года.

Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи, т. 2. М.. Политиздат, 1957, с. 433—435.

НЕВИДАННЫЙ СКАЧОК

В 1934 году был совершен невиданный скачок в истории мировой металлургии. За год производство металла в СССР возросло на 40—47 процентов.

В 1934 году было выплавлено 10,4 миллиона тонн чугуна, 9,7 миллиона тонн стали, произведено 7 миллионов тонн проката.

История СССР, т. 9, с. 88.

ГЛАВНЫЕ СТРОЙКИ ДЕРЖАВЫ

Съезд считает необходимым особое внимание сосредоточить на следующих важнейших стройках.

В машиностроении — окончание начатых строительством в первой пятилетке Уральского завода тяжелого машиностроения мощностью в 100 тысяч тонн и Краматорского в 150 тысяч тонн продукции; Уральского вагоностроительного завода на 54 тысячи четырехосных вагонов...

В черной металлургии — завершение строительства Магнитогорского завода на 2,7 миллиона тонн чугуна, Кузнецкого, Запорожского, Нижнетагильского...

Урало-Кузнецкий комбинат должен дать в 1937 году треть продукции черной металлургии, больше четверти общей угледобычи страны, одну шестую производства электроэнергии районными электростанциями и около 10 процентов продукции машиностроения.

Из резолюции XVII съезда ВКП(б).

КПСС в резолюциях. М.: Политиздат, 1953, ч. 2, с. 756—759.

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

I

Задумчиво стоял Серго у окна салон-вагона. Мимо проносились живописные лесистые горы, чистые, как капли росы, озера; и среди этой южноуральской красоты — прокопченные веками недоростки домны и вросшие в землю черные, как сама земля, корпуса мартеновских и прокатных цехов.

Сколько таких заводиков на Урале! Первоклассный выплавляют чугун на древесном угле и сталь добротную, но мало, безбожно мало. А металла требуется все больше и больше. Правда, эти заводики немного увеличивают производство после реконструкции, но это капля в

море. Главная нагрузка падает на новые гиганты — и прежде всего на Магнитку...

Магнитка! Дня не проходило, чтобы Серго о ней не думал, не занимался ею.

К первому его приезду сюда в тридцать третьем году в строительство комбината уже было вложено полмиллиарда рублей, а стали, проката — ни тонны. На доменных печах — авария за аварией. На электростанции, в цехах, в бараках поселка — невероятная грязь. Это возмущало Серго: новейшая техника, ее освоить нужно как можно быстрее, а тут ни чистоты, ни элементарной производственной культуры.

Что же он увидит сейчас?

От работников наркомата, которые непрерывно сменяли друг друга на Магнитке, Серго знал, что происходило на объектах. Он каждую ночь разговаривал по телефону с директором комбината, нередко с начальниками цехов, иной раз и с рабочими. По общему впечатлению, дела шли лучше. И блюминг работал, и крупносортный стан «500», и шесть мартеновских печей. Доменщики приближались к американским коэффициентам использования полезного объема своих агрегатов. Но Серго чувствовал себя словно бы виноватым, что лично не мог вникнуть в здешние дела, порой очень трудные и сложные.

Что же он увидит сейчас, летом тридцать четвертого, через год после первой встречи с Магниткой?..

Старший консультант американской фирмы «Мак-Ки» мистер Харингтон возвращался с трехдневной охоты. Километрах в двадцати от поселка иссякло горючее. Харингтон оставил шофера дожидаться, пока он пришлет бензин, и налегке зашагал к заводу.

С перекинутой за плечи двустволкой, в кожаной куртке с молнией и высоких с отворотами сапогах, он шагал пружинисто, насвистывая песенку своей юности. Голова под синим беретом была вскинута, загорелое сухощавое лицо выражало удовольствие.

Чем ближе к поселку, тем гуще застилали небо желтовато-красные, бурые, пепельно-серые дымы. Сквозь их рваные клубы Харингтон различал бочкообразную громаду газгольдера и стену коксовых батарей. Еще километра два, и американцу показалось, что он находится в окрестностях родного Питсбурга. Как и там, небо под-

пирают четырехугольные короны домен, круглые шапки башен каупера, острые свечи труб мартеновских печей. Как и там, металл хлещет в ковши и воздух плавится от жарких всполохов. И домны, самые лучшие в мире домны, здесь, как и там, возведены при его, Харингтона, непосредственном участии. «Незаменим, в обоих полушариях незаменим!» — подумал он горделиво и громко рассмеялся.

Из высокого ковыля взметнулся ястреб. Харингтон вскинул ружье, но гашетку не нажал; хищник с размашистыми, гибкими, словно из пружинной стали, крыльями круто подался к синеющей на горизонте дымке гор.

За спиной раздался захлебывающийся от нетерпения сигнал. Харингтон посторонился, увидел директорский «линкольн». Качнув продолговатым овальным корпусом, автомобиль остановился. Директора в нем не было. Рядом с шофером сидел широкоплечий человек в белом кителе, белой фуражке военного покроя с красноармейской звездочкой на околыше. С живостью и быстротой выскочил он из машины.

— Мистер Харингтон?!

— Мистер Орджоникидзе?!

Они улыбались друг другу с искренней доброжелательностью.

Познакомились они в начале 1932 года, когда Серго пригласил Харингтона в Москву, чтобы поблагодарить за участие в пуске домны и поздравить с награждением советским орденом. В других обстоятельствах Харингтон вряд ли удостоился бы подобного приема: он, как и другие иностранные инженеры, получал от Советского государства большие деньги, и консультировать строительство и пуск домны было его обязанностью. Но Харингтон выполнял свои обязанности в условиях необычных, в какой-то мере исключительных. Вице-президент компании «Мак-Ки» — главный ее представитель на строительстве металлургического гиганта — считал недопустимым задувать печь зимой, предсказывал гибель домны и снял с фирмы всякую ответственность за пуск. Поначалу Харингтон колебался: не простое это дело — идти против своей фирмы. И все же пошел. Эксперимент привлекал его отважностью, верой русских в свои силы и в печь. Шесть домен такой мощности пускал Харингтон в Соединенных Штатах — пускал всегда в теплое время. Кризис потушил их, и если б не стройка седьмой

такой домны в России, Харрингтон, вероятно, оказался бы на положении полубезработного. Мог ли он отказаться от участия в пуске? Это было бы предательством по отношению к самому себе. И Харрингтон пренебрег запретом вице-президента. Когда в морозный январский день домна дохнула на людей живым пламенем, он ликовал вместе с русскими — не мог, не захотел сдерживаться, хотя это как будто и не к лицу респектабельному инженеру почтенной американской фирмы.

С любопытством оглядывая Серго, Харрингтон заметил рыжие пылинки в его усах.

— Вы посещали вредный шамотный цех? — Харрингтон уже неплохо объяснялся по-русски.

— Говорят, вы тоже бываете там.

— Я инженер, вы — государственный деятель. Американский министр не ходит на вредное производство.

— Американский...— Серго переменил тему.— Удачно охотились?

— Удачно, очень удачно,— обрадовался Харрингтон возможности повторить часто встречающееся в разговоре русских слово.— Пять тетеревов, три утки.

Глаза Серго блеснули мечтательно.

— Встретил бы вас на Кавказе, обязательно на горную косулю и кабана пошли бы. Эх я охотился когда-то! Молод был, джигитом был.

— Джигитом? Как понимать — джигитом? — И, не дождавшись объяснения, Харрингтон извлек из накладного кармана куртки миниатюрный русско-английский словарь. Перелистал, такого слова не нашел и вопросительно уставился на Серго.

— Джигит — хороший наездник, ловкий человек,— объяснил Серго.— А где ваша машина, мистер Харрингтон?

— Там, у озера.— Американец показал на северо-запад.— Бензин кончился.

— Сеня, слетай! Одна нога здесь, другая там!

«Линкольн» развернулся, помчался к озеру.

— Одна нога здесь, другая там — как это можно, мистер Орджоникидзе? — И Харрингтон заулыбался во весь широкий рот, узнав, что это означает «как можно быстрее».— Великолепный язык! Я охотно изучаю русский язык!

— Не боитесь американской прессы, мистер Харрингтон? Узнают, что увлекаетесь русским языком, снова

придерутся. Слышал, газеты поругивали вас за домну и наш орден.

— О-о, глупая пресса. Писала: Харингтон не работает на фирму «Мак-Ки», работает на фирму Орджоникидзе.

Оба засмеялись, неторопливо пошли в сторону завода.

— Протеста американской прессе не посылали?

— Нет. Мне нравится служить фирме «Мак-Ки» и фирме Орджоникидзе. Фирмы надежные.

— У нас говорят: одной рукой два арбуза не поднимешь; вероятно, вам нелегко угодить двум фирмам сразу. Не так ли произошло у вас с мартенами? — намекнул Серго на недавние неприятности между советскими организациями и владельцами «Мак-Ки».

Советский Союз попросил спроектировать не стодвадцатипятитонные мартеновские печи, как было предварительно согласовано, а стопятидесятитонные. Разница не столь большая, и за рамки контракта просьба не выходила. Все же владельцы фирмы отказались, доказывая, что стодвадцатипятитонные печи являются самыми экономичными и производительными. Харингтон понимал: это отговорка, хозяева просто не желают поставить русским более мощные мартены, чем имеют США. «Понимал и молчал,— подумал Харингтон.— Боялся вторично идти против фирмы, боялся, как бы не скинула с руки бархатную перчатку, не показала железный кулак... Куда бы ты девался в кризис, Харингтон?»

Серго прервал затянувшуюся паузу.

— Как вы находите проект мартеновских печей и строительство цеха, мистер Харингтон?

Американец остановился, закурил трубку, сделал несколько глубоких затяжек — видно, нелегко давался ему ответ.

— Хочу говорить честно. Русский проект — хороший проект. О строительстве пока не могу говорить, надо время.

Серго снял фуражку, уважительно наклонил голову.

— Ваша оценка мне очень приятна.— И как школьник, получивший долгожданную пятерку, подкинул фуражку, поймал ее на лету, досказал весело: — Выходит, по мощности мартеновских печей Советский Союз оставил позади Соединенные Штаты. Вам не кажется, мистер Харингтон, что Соединенные Штаты в последние

годы ходят в узких брюках н боятся иормальио шагать, как бы брюки по швам ие лопнули?

Харннгтоиа позабавилн н вспышка мальчишеского восторга, и жнтейское сравненне. Так же полушутливо-полусерьезио он ответил:

— Пожнвем немножко — посмотрнм, у кого лучше брюки...

Онн подошли к заводскому пруду, мниовали мостик через узкую в этом месте реку и оказались иа плешине небольшого холма. За спниой осталась степь. Перед глазами лежала вывороченииая наизиаику земля. На путников наступали стальиые каркасы, горы песка, глииы, щебеики. На дие котловаиа копошились людн с тачками. Надрывалась, беря подъем, полуторатонка. Мнмо иее протопал облезлый, тяжело иагружеиный верблюд.

— Последняя соломника ломает спииу верблюда,— философски заметил Харингтон и продолжил свою мысль: — Узкие брюки Россни: дикнй верблюд, неграмотность, перманентные аварнн.

— Одолеем отсталость, одолеем! — восклнкнул Серго, легко беря с разбега толстое бревно, преградившее им путь.

Перепрыгнув, обернулся, дождался Харингтоиа.

— Правда, не все рабочие в состоянии угнаться за новейшей технмкой, порой ломают, портят. Зато миогие берут старт, как рекордсмены-спринтеры. Во время вашей охоты сталевар Аврутии сварнл плавку в сто девяносто тоии. Давно лн фирма «Мак-Ки» считала сто двадцать пять рекордиой производнтельностью?

— Случай, мнстер Орджоиикидзе!

— Закономериость, мнстер Хариигтои!

Недалеко от работающих цехов «линкольн» и «форд» нагнали путннков. Харингтон раскрыл багажннк своей машины, показал подстрелеиную днчь. Серго похвалил охотиика, хотел распрощаться, ио тут к иим подбежала девушка в светло-зелеиой, цвета ее встревоженных глаз, косынке.

— Извииите... Мие иужио...

Серго узиал дочь сталевара Аврутнна — Любашу — он бывал в этой семье. Но решимость, с которой девушка бросилась к машине, исчезла после первых же слов. Растерявшись, оиа нервио дергала рукав.

— Что-ибудь с отцом? — Серго коснулся пальцами дрожащей рукн.

— Авария... Всю вину на Горнова...

— Авария?! А кто такой Горнов?

Любаша напомнила наркому, что он в прошлом году был свидетелем неблаговидного поступка Алексея Горнова в барачном поселке.

— Кулачный бой с моим отцом затеял...

— А, русый молодец! Первый подручный, кажется?

— Уже больше полугода сталевар. Подвел мастер. Металл немного ушел...

— Зачем же волноваться? Разберутся, раз не виновен.

— Не хотят. Отца не выслушали, а он все видел. Плавка — двести сорок тонн...

— Двести сорок?! — Серго подумал, что девушка спутала цифры.

— Чуточку даже больше. Все в цехе знают, как Леша...

Любаша защищала Горнова наивно и трогательно. Проглатывая слова, повторялась, нервничала еще больше.

Ей вдруг показалось, что Серго слушает рассеянно, но на самом деле ее путаный рассказ поразил наркома. Было над чем задуматься. Вчера мартеновцы считали тяжеловесную плавку сталевара Аврутина вершиной возможного, а сегодня Горнов перекрыл проектную мощность печи не на сорок — почти на сто тонн. Но авария... Почему? Кто виноват — печь или человек? А может, действительно — нерасторопность мастера?.. И тут же в голову лезло: «Только что похвалился американцу спринтерами, и вот уже один из них пропахал носом гаревую дорожку...»

Неловко себя чувствовал и Харингтон. Слушать разговор, к которому не имел отношения, не хотел, уехать, не попрощавшись, — неприлично. Он выжидал удобного момента, чтобы раскланяться, но Серго долго к нему не оборачивался. Из лихорадочной речи девушки Харингтон лучше всего разобрал слово «авария». И это всегда враждебное ему слово неожиданно приобрело иной оттенок. «Потуги безграмотных рабочих перечеркнуть технически обоснованные нормы приводят к авариям...» Но тут он почувствовал что-то похожее на стыд: «Пожалуй, я сейчас напоминаю мстительного обывателя, который смеется над шрамами солдата».

Серго спросил Любашу, где она оставила Горнова. В голосе девушки дрожало отчаяние.

— У пруда. Меня прогнал. Боюсь за него...

— Садитесь в машину!

2

Алексей сидел на краю плотины, скрестив ноги. Не скажи Любаша — она осталась на взгорке,— что это Горнов, Серго вряд ли узнал бы парня. Русого чуба как не бывало. Вместо вьющейся шапки волос — плешина с оранжевыми пятнами. Брови и ресницы опалены. Алексей что-то черкал в тетрадке, развернутой на коленях. В воде плавал скинутый бинт.

— Здравствуй, товарищ Горнов! Зачем перевязку снял? В больницу надо с ожогами.

Алексей поднял голову. Узкие серые глаза уперлись в Серго. Осознав, что перед ним нарком, вскочил.

— Душу ожгли, товарищ нарком. На душу перевязку не наложишь! — По привычке поднял пятерню к темени и тут же ожесточенно опустил руку.

— Жалко кудрей? — понял жест Серго.

— Что мне кудри... Из цеха выставили.

— Крепись, Горнов, не вешай носа!

Серго взял Алексея за локоть, усадил, опустился рядом на гладкий, нагретый солнцем камень.

— Краем уха слышал о твоей ночной плавке. Правда двести сорок?

— Верная правда. За семь часов сорок минут сварилась.

И Горнов рассказал, как с бригадой и сменным инженером все обдумал, подсчитал, как работалось здорово до самого почти выпуска. Несчастье случилось потому, что не подали вовремя ковша. Пока он бегал на разливочный пролет, ругался с неповоротливым мастером, пересидевшая в печи сталь подточила заднюю стенку. Вокруг выпускного отверстия образовалось бордовое кольцо. Металл разъел кирпич, стал прорываться на разливочный пролет. На редкость добрая, небывалая по тоннажу плавка одичала, стала угрожать жизни работающих внизу разливщиков. Увидев опасность, Алексей рванулся с подручным закрыть вымоину у задней стенки. Схватили железный лист, подступились к вымоине, сквозь которую, шипя, выползала огненная змея, разрубили ее листом. Когда подоспели рабочие других

печей, на первом подручном горели вачеги, у Алексея — чуб.

— Боли не чуял — злость одну...

Серго нахмурился.

— Худо, что плавка пропала, но совсем худо будет, если свой почин позволишь угробить.

— Не угробят, не дам!

Распахнул тетрадку, ткнул пальцем в последние записи:

— Аврутин и мои подручные в этих каракулях разберутся. В цех меня не пустят — не на ветер расчеты пойдут.

— Ерунду городишь: не пустят. Отлупить тебя, братец, некому! Дай-ка тетрадь!

— Нате, если вам интересно.

Оказалось — что-то вроде дневника. В мельчайших подробностях Алексей описал рекордную плавку Кондрата Аврутина и свою последнюю, тяжеловесную. Самая свежая запись — о причинах провала и советы тем сталеварам, которые «не сдрейфят, башку не пожалеют, а подтвердят, что можно дать и двести сорок, и двести шестьдесят тонн».

«Ишь ты какой! — с лаской посмотрел Серго на Горнова.— Выставили, а ты продолжаешь драться за мечту».

— У тебя какое образование, Алеша?

— Семь классов да служба танкистом. Курсы сталеваров собирался окончить...

— Окончишь курсы и дальше учиться будешь. В промышленную академию пошлем. Передышки не дадим, так и знай!

Длинными и короткими гудками шофер напоминал Серго, что его давно дожидается с обедом Зинаида Гавриловна. Серго поморщился. Что еда, если наткнулся на такого парня. И язык как бритва. «Не терплю постные рожи,— вспомнил он запись из тетрадки.— Так и кажется: заморозят плавку».

— Наркома ты, Алеша, еще не критиковал?

— Нет еще.

— Если заслужу, критикуй, только не исподтишка. Не люблю, когда исподтишка.— Серго поднялся.— Силенок хватит, чтобы завтра повторить?

— Хоть сейчас, товарищ нарком! — быстро встал Алексей.

— Вот и договорились: спи крепко, с утра — на смену.

У Алексея перехватило дыхание.

— Я... то есть мы... то есть первый подручный обжег руки.

— Найдется для тебя первый подручный.

3

Минут за двадцать до сменного рапорта Алексей пришел в цех, но опередить Серго не сумел. Тот успел уже побывать на шихтовом дворе, обойти печной и разливочный пролеты и удалиться с начальником цеха в его кабинет. Сменного инженера попросил, как только покажется Горнов, прислать его к начальнику.

В полутемном коридоре пахло сырым, только что вымытым полом. В секретарской четвертушке — никого. Через приоткрытые двери отчетливо доносился возбужденный, гортанный голос Серго:

— Мастер тебя обманул, говоришь? А ты не разобрался и подмахнул приказ — выкинул, как шлак на свалку!

Гулкие сердитые шаги, и тот же голос:

— Глаза прячешь? Стыдно? Хорошо, что совести немножко осталось. А дать себя кругом обдурить не стыдно?

Пауза. Потом приниженно-глуховатый голос начальника цеха:

— Двое суток с аварии не вылезал. Имею я право ночь поспать?

— Кто тебя заставляет ночевать в цехе? Думаешь, подвиг сутками на авариях сидеть, носиться по цеху небритым, в грязной спецовке? Какой ты начальник, если неделями не бреешься и одежда на тебе хуже, чем на подручном? Заведи хотя бы две спецовки и в кабинете надень лучшую, а то смотреть на тебя тошно. И запомни: чтоб на печах тебя больше четырех часов не видели. Остальное время думай, как организовать производство, читай книги наши и зарубежные. Честно скажи: читал в последний месяц?

— Начал... Понемногу...

— Понемногу... Не крути! В тридцать два года дряхлым стариком становишься. Скоро не то что молодые инженеры — сталевары тебя по технике обставят. Ты же

ничего не сделал, чтобы опыт Аврутина применить на других печах.

— Я советовался с главным инженером.

— Что ты мне главного под нос суешь? Если с одним главным будешь подсчитывать-увязывать, путного не будет. По таким делам и с рабочими советуйся. А сегодня смотри Горнову не мешай. Иди побрейся и обеспечь, чтоб шихту вовремя подавали, чтобы разливочные ковши находились у печей к моменту выпуска.

Алексею совестно было стоять под дверьми, и уйти нельзя — нарком велел показаться перед работой. «А печь? Подходит время принимать... Зайду».

Постучал, услышал «Войдите», шагнул в комнату начальника. Серго ответил на приветствие, но продолжал говорить инженеру:

— Вы, мартеновцы, в некотором смысле главная сила рабочего класса. К вам самое бережное отношение. Но если будете дремать, чесаться, а не работать как следует — отшлепаем немилосердно.

Тут Серго обернулся к Алексею, заметил припухлость век.

— Почему не выспался? Нервничал?

— Ничуть. План продумывали со сменным инженером.

— Значит, тяжеловесную?

— Да, товарищ нарком!

Начало смены взбодрило Алексея: задняя стенка печи была хорошо отремонтирована, первым подручным прислали хваткого парня, а сменного инженера освободили от забот по мелочам, и он имел возможность чаще подходить к Алексею. На что занозистым бывал мастер — и того подхлестнуло: состав с шихтой подогнал вовремя. Но совсем обойтись без ругани не мог. Заметив, как круто повело стрелку на приборе подачи топлива, расшумелся:

— Чо фордыбачишь? Свод сожгешь. Сбавь газу!

Спорить Алексей не стал. Поднял заслонку у среднего окна, упросил мастера взглянуть на свод.

— Ежели подгорело — сбавлю.

Мастер и так и этак глядел в печь, но придраться ни к чему не смог — свод оставался без единой сосульки, вовсю грелась шихта. И все же, встретив сменного инженера, не упустил случая себя застраховать:

— Горнов газу неслыханно гонит. Меня не слушает.

— Правильно дает! — зычным голосом отсек инженер, едва достигавший макушкой груди мастера.— Не мешайте Горнову, просил же нарком.

Горновская печь была шестой и находилась как раз посередке между работающими и строящимися мартенами. На седьмой печи каменщики возводили свод, ее будка управления была завершена и служила временной конторкой прораба строительного участка. Несколько раз заходили сюда Серго и директор, обсуждали с прорабом возможности сокращения сроков ввода новых мартенов. Облюбовал Серго прорабскую неспроста — отсюда можно было, не мозоля глаза бригаде Горнова, следить за ее работой и кое-чем незаметно помочь. Постоит Серго у остекленной стенки, повернет лицо, освещенное зарницами плавки, и директор видит, как нарком волнуется.

— Сталевары совершают революцию, да-да, революцию в своем деле. Если Горнов подтвердит, что можно давать двести сорок, за ним пойдут мартеновцы всех большегрузных печей страны. Мы получим миллионы тонн стали дополнительно!

Округлый жест снизу вверх, пальцы рук сгибаются, словно уже держат эту массу сверхплановой стали.

В промежутке между завалкой шихты и заливкой чугуна Серго заметил, что подручные и сталевар зачастили к кадке с водой. Подойдет Алексей, сдерет войлочную шляпу, окунет обгорелую голову по шею, отряхнется и, не вытираясь, обратно к печи. А там, как приблизится к раскрытому окну, печь обдает его дыханием в тысячу градусов и вода мгновенно испаряется с поверхности кожи. Людей изматывала жара, а еще пуще газ, который просачивался с какой-то печи и стал проникать во все щелки. Едва Серго почувствовал его, вышел из прорабской, разыскал мастера:

— Откуда газ?

— Должно быть, с первого или со второго мартена, товарищ нарком.

— Не гадайте! Выясните и немедленно прекратите утечку.

— Бегу, товарищ нарком! — И мастер понесся ко второй печи.

В виски ударил звон, осиливший глухой рев воздуха в мартенах.

— Бе-ре-гись! — предупреждал, звеня громко, как в церковный колокол, крановщик.

Ослепленный раскаленно-жгучим излучением, вырывающимся через раскрытые окна шестой печи, Серго не мог разглядеть в дымной вышине ни крана, ни механизма подъема ковша. Казалось, черная многотонная громада парит, поддерживаемая плотным струистым зноем.

Поравнявшись с печью Горнова, ковш слегка качнулся и медленно стал наклоняться широченным ртом к желобу. Сперва над желобом запрыгал шмелиный рой искр, и вот уже в мартен хлынула тяжелая малиновая струя.

К концу плавления Серго опять подошел к печи Горнова. Алексей, мастер и сменный инженер сквозь синие стекла глядели в мартен. Мастер поднял кверху руку с растопыренными пальцами, быстро опустил ее вниз. «Пробу бери!» — догадался Серго. Алексей схватил длинную железную ложку, сунул в печь, ловко зачерпнул металл. Опершись о колено, сноровистым движением вылил сталь на плиту. Разлетелись мошкарой искры. Алексей вопросительно посмотрел на инженера.

— Углерод отлично выгорел. Давайте ферромарганец!

Горнов не расслышал слов инженера, но все понял по жесту. До этих минут он и не предполагал, сколько у него друзей. Когда подошла доводка, набежали с лопатами все, кто мог отлучиться от своих печей,— заправщики, подручные, сталевары. С гиком, свистом бросали ферромарганец вместе с горновской бригадой.

Алексей, скуластый, безбровый, в расстегнутой брезентовой куртке и сползшей на затылок широкополой войлочной шляпе, орудовал лопатой впереди. Лицо, глаза, руки — все ликовало. Его лихое вдохновение сорвало с места Серго. Схватил свободную лопату, гребнул ферромарганец, кинул через распахнутое окно в печь.

— Э-эй, товарищ нарком! Поберегитесь! — предупредил Алексей, но в голосе звучало не столько предостережение, сколько гордость: сам народный комиссар встал с ним у печи.

Начали разделывать выпускное отверстие, и Серго залюбовался Алексеем. Четырехметровая стальная пика в его руках походила на рогатину охотника, идущего на матерого медведя. Сильно и метко бил Алексей в серд-

цевину спекшейся корки, пока из мартена не вырвался белый поток.

Когда первая в мире тяжеловесная плавка в двести сорок пять тоин была благополучно выпущеиа и разлита в изложницы, рабочие узнали еще об одной победе — вся смена перевыполнила план.

По цеху шли рядом сталевар и нарком.

— Растем, Алеша, как растем! — приговаривал Серго, похлопывая Горнова по крутым плечам.

Пригласив его в «линкольн», чтобы довезти домой, сел рядом на заднем сиденье, тронул ладонью колено парня.

— Знаю многих искусных сталеваров — и каждый со своей особинкой у мартеиа. А ты, Леша, когда успел навостриться, изюминку свою поймать?

— Сызмала к мартену бегал, в Белорецке, Аврутииу-соседу сталеварить мешал. Когда сюда переехали, он подручным к себе взял. Задержался, правда, в помощииках...

— На старых заводах стояли подручными и по двадцать лет, иные — и всю жизнь, а тебе, юиоше, полиая самостоятельность — не шутка! Такого сталевара, как ты, видел еще в Мариуполе — Макар Мазай, слышал, может? Орел-парень; броневую сталь и ту плавить иаучился.

— Наверно, иа малых печах с «кислым» подом?.. На них броневую сварить — хитрость ие великая. Чтобы броиевая получилась, надо только верные порции добавок давать: хрома или молибдена, ваиадия или никеля...

— О, о, да ты гораздо учеией, чем я думал! — удивился Серго.— Откуда все это зиаешь?

— Интерес появился иа таиковой службе: что броня, как броия? — ответил Гориов иаркому.— А тут уму-разуму учит иа курсах светлая голова, Владимир Сергеевич, смеииый иаш иижеиер. Работал до ииститута где-то в Донбассе. Должио быть, и сам варил сталь для броневых листов, потому что уж очеиь здорово в этом разбирается. Хочу с иим поговорить, иельзя ли попробовать броиевую иа большегрузных, может, какой толк и получится. Вот если б удалось с Бардииым, академиком, посоветоваться — это, говорят, голова!

— Я позвоию Иваиу Павловичу. Хочешь, письмо могу передать.

— Не нужно, товарищ нарком! Не готов я еще к такому, обдумать все надо.

— Думай, Алеша! Всем нам думать над этим нужно. Скоро, совсем скоро много броневой стали понадобится.

4

В кабинете директора Харингтон бывал часто — на технических совещаниях, на деловых встречах иностранных специалистов с руководителями завода и стройки. Места за широким письменным столом обычно занимали директор и его заместители, за длинным столом и вдоль стен — инженеры и техники. Соблюдали субординацию и в обсуждении: начальство выступало с докладами, давало указания, подчиненные слушали и довольно редко высказывались.

На этот раз привычные нормы были сломлены.

Серго, директор и секретарь парткома встречали пришедших у дверей. Серго пожимал руку рабочим, мастерам, инженерам, многих называл по имени-отчеству, словно пробыл с ними не пять дней, а по меньшей мере пять лет.

Когда Харингтон показался на пороге, Серго попросил извинения у рабочих, с которыми разговаривал, приветствовал американца и усадил его возле тучного седоватого мужчины.

— Мне кажется, вам приятно будет соседство главного инженера, мистер Харингтон.

— О да, мистер Орджоникидзе.

Американец окинул быстрым взглядом просторный кабинет с высокими окнами — кроме него, не был приглашен ни один иностранный специалист. Это и польстило и настораживало.

Места на этот раз занимали где кому заблагорассудится. Сталеваров Аврутина, Горнова и сменного инженера-мартеновца Серго провел к постоянному месту директора, а сам пристроился сбоку, возле телефонных аппаратов. Скрестил пальцы рук, подпер ими подбородок и подмигнул директору, сидевшему за длинным столом:

— Привыкай отдавать бразды правления именинникам.— И к сменному инженеру: — Владимир Сергеевич, начинайте!

Те, кто сидел у дверей, едва видели инженера. Его

маленькая фигура терялась между плечистыми сталеварами. Казалось, Серго поручил смешному инженеру руководить совещанием с единственной целью — чтобы его заметили. Тот встал сконфуженный, прокашлялся в кулак, густым голосом повторил то, о чем уже знали весь завод и поселок:

— Вчера сталевар Алексей Горнов установил на шестой мартеновской печи...

Алексею было жарче, чем в цехе во время выпуска плавки. Впервые в жизни он по настоянию Любаши надел новый двубортный костюм и галстук, и они душили его, сдавливали, как в тисках. Когда инженер предоставил ему слово, Алексею казалось, он и единой фразы не сумеет произнести.

— Иди, не робей! — подтолкнул его Аврутин к диаграммам, которые вывесили перед началом заседания.

Диаграммы показывали, сколько давалось шихты, раскислителей, сколько газа на отдельных этапах тяжеловесной плавки, где и на чем удалось сэкономить время. И все равно Алексею не хватало смелости заговорить.

Серго поспешил на помощь:

— Алексей Петрович, конечно, растерялся. Не мудрено — человек впервые докладывает такому собранию.— И взглядом подбодрил сталевара: — Пожалуйста, спокойно. У Аврутина и у тебя могут поучиться многому и я, и директор, и еще кое-кто.

Алексей почувствовал себя увереннее, начал рассказывать. Харингтон подумал: «Кое-кто... Мистер Орджоникидзе имеет в виду меня».

Накануне, узнав о тяжеловесной плавке, Харингтон не удержался от соблазна посмотреть шестую печь. Он был уверен, что увидит сгоревший свод, провалившуюся подину, но нашел печь в хорошем состоянии. Это было чудом, как и то, что молодой сталевар выступал сейчас перед наркомом и крупными инженерами технически грамотно и с той страстью, которую Харингтон уважал в людях. Откуда у русского парня такое знание технологии, теплового режима? Как он отважился держать при завалке полторы нормы газа, если теорией и инструкцией это запрещено?

Размышления Харингтона нарушил бас главного инженера.

Он спрашивал Горнова:

— По-вашему получается, на всех печах можно варить тяжеловесные?!

— Безусловно.

— Бред!

До этой минуты Серго был поглощен рассказом молодого сталевара. Подался к нему туловищем, вытянул шею, приставил ладонь к уху. Он шевелил губами, когда ему хотелось что-нибудь подсказать, но сдерживался, давал возможность Алексею самому отстоять себя. И вдруг — грубый окрик главного инженера. Серго вскочил:

— Это же как камень в лицо, Порфирий Лукьянович! Имеете доводы против тяжеловесных — скажите.

Главный сжал губы, ничего не ответил.

Горнова поддержали начальник мартеновского цеха, сталевар Аврутин и мастер разливочного пролета. Наступила пауза. Серго выждал, не попросит ли главный инженер слова, и, увидев, что тот вперил глаза в пол, обратился к американцу:

— Хотелось бы вас послушать, мистер Харингтон. Я знаю, вы смотрели печь после плавки.

Харингтон ждал, что его попросят высказаться, обдумал, что и как сказать. Признав, что русские инженеры создали печь с резервом мощности, подчеркнул, что на подобных мартенах мало-мальски грамотные рабочие сумеют варить плавки в двести тонн, но если больше, то это будет опасно и для печей, и для людей.

— Я хочу сказать браво русским коллегам,— закончил Харингтон.— Имею мысль: совместно спроектировать мартеновскую печь мощностью в триста тонн. За два-три года. Очень интересно.

Предложение американца многих удивило. Недавно фирма отказалась проектировать стопятидесятитонные печи, а теперь ее старший консультант сам напрашивается на содружество, чтобы создать вдвое большую по мощности. Начальник мартеновского цеха вполголоса внушал соседу, что фирма тут ни при чем, Харингтону еще попадет за своеволие. Сосед качал головой: «Возможно, но все равно лестно: знаменитый Харингтон!»

— А ты что тут скажешь, Алексей? — обратился Серго к Горнову.

— Скажу, что триста тонн законно могу варить на своей печке. Другой мне не надобно. Два-три года ждать — какой резон?

— «Могу...» Одни, что ли?

— И другие. Я не так выразился.

За улыбкой вежливости Харрингтон скрывал обиду. Он ожидал: Серго ухватится за его предложение, в крайнем случае посоветуется с директором, с ведущими специалистами, а тот затеял разговор по сложнейшей технической проблеме с рабочим и как будто соглашается с ним.

— Допускаю, хороший сталевар и триста даст,— проговорил Серго.— Но печь... Без реконструкции?

— Кое-что сделать надо: нарастить пороги, углубить ванну, желоба раздвоить. Ну и вторые ковши поставить

— Сам придумал?

— С Владимиром Сергеевичем мозговали,— показал Алексей на сменного инженера.

Серго потер от удовольствия руки, подошел к Харингтону.

— Мне кажется, сталевар толково рассудил: зачем трехсоттонные печи проектировать, если на этих можно давать столько же?.. Что вы скажете, мистер Харрингтон?

Американец развел руками: мол, что я могу сказать, когда вы приняли решение...

Серго не дал ему отмолчаться.

— Ваша идея совместного проектирования мне нравится, мистер Харрингтон. Может быть тонн на четыреста попробуем, а?

— Надо много думать. Сложнейшая проблема,— уклонился от ответа американец.

— Конечно, конечно...

Обещание американца поразмыслить устраивало Серго — можно было через какое-то время возобновить разговор. Он улыбнулся Харрингтону, закинул за спину руку, зашагал к сменному инженеру.

— Пожалуй, неплохо создать группу реконструкции, Владимир Сергеевич. Возьмитесь! А ты что надумал, товарищ директор?

Выступили директор, сменный инженер и секретарь парткома. Главный инженер буркнул, что о тяжеловесных плавках и реконструкции он напишет в докладной на имя наркома. Это удручило Серго. Он подошел к окну, распахнул створки. Кабинет наполнился неторопливо-властным гулом завода. Голос наркома прорывал этот слитный гул:

— Меня беспокоит позиция главного инженера —

Аврутин и Горнов на мартене, как и лучшие доменщики, прокатчики, приближают нас к будущему. К нему нельзя двигаться с неверием в рабочий класс, оглядываясь назад, как это делает опытный и уважаемый главный инженер. Если уж оглядываться, то не затем ли, чтобы увидеть, какие мы вчера были младенцы? А ведь думали, что большие деятели...

Серго улавливал и увлеченность большинства слушателей, и холодок равнодушия на некоторых лицах.

— Я вас прошу, товарищи руководители, не заставляйте ни меня, ни себя краснеть перед страной. Сумеете сделать массовым начинание Горновых — и вы достигнете на заводе поразительных успехов. К вам приедут за опытом и немцы, и американцы.

Харингтон принял это за шутку. И чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что это шутка, осклабился и произнес самоуверенно:

— Питсбург был и остается Меккой металлургов, мистер Орджоникидзе. К нам в Питсбург приезжали и будут приезжать поклоняться американскому гению.

Сравнение понравилось Серго.

— Мекка металлургов, говорите? Образно, весьма образно вы назвали свой Питсбург, мистер Харингтон. Вам, конечно, нелегко будет согласиться, но Мекка металлургов скоро будет здесь, на этом заводе!

ПО ВОЛЕ КРУППА

— Non progredi, est regredi...— неожиданно для аудитории вклинил в свою речь Гудериан и, не будучи уверенным, помнят ли слушатели латынь, повторил по-немецки: — Не идти вперед — значит идти назад.

Поговоркой древних римлян он хотел оживить внимание аудитории, равнодушно, как казалось ему, воспринявшей экскурс в историю возникновения и развития бронетанковой техники. Может быть, сама комната без единого острого угла: овальные стены и потолок, овальные столики, полумягкие кресла, вертящиеся от малейшего движения тела; может быть, и хозяин этого дачного особняка — веселый, круглый, резвый директор крупповских заводов Мюллер — как-то не располагали к сухому тону и скучным выкладкам, какими начал не то доклад, не то информационное сообщение полковник

Гудериан. Почувствовав это, он поздновато, но все же сумел скорректировать себя.

Уместно вставленная латынь и то, что за ней последовало: не отягощенные лишними выкладками описания танковых клиньев, обходов, окружений, которые, по мнению Гудериана, сумеют решить и судьбы отдельных сражений, и судьбы целых войн, лаконичное изложение плана создания нового вермахта,— плана, для осуществления которого нужны танки, танки и еще раз танки,— все это уже было подано ярко, броско и послужило хорошим трамплином к главному разговору, ради которого и собрались участники секретного совещания.

— Уважаемые господа! Фюрер лично следит за каждым шагом немецкого танкостроения. И его исторические слова, начертанные в Куммерсдорфе: «Германия будет иметь лучшие в мире танки!» — должны стать нашим девизом! Однако, как это ни прискорбно, господа, среди моих коллег-военных, которые, казалось, обязаны быть ревностными исполнителями воли фюрера, имеются рутинеры.

И Гудериан рассказал, как артиллерийское управление рейхсвера упорно противится планам установки на танках пушек калибром свыше тридцати семи миллиметров.

— Пока производство новых артиллерийских систем ограничено Версальским договором — надеюсь и верю, что он доживает последние дни,— нам приходится мириться с такой маломощной пушкой. И все же мне удалось договориться с господином Мюллером, и конструкторы фирмы проектируют на будущий танк рейхсвера башню большего диаметра, чем нужно для пушки калибра тридцать семь. Впрочем, обсудим сначала то, что есть на сегодняшний день.

Мюллер поднялся, подошел к широкой нише, откинул портьеру. В нише стоял стенд с чертежами, а на высокой подставке — макет прошедшего заводские испытания легкого пулеметного крупповского танка Т-1.

— Прошу поближе, коллеги!

Раньше других у чертежей оказались двое с Аугсбург-Нюрнбергского машиностроительного завода. За ними — представители фирм «Даймлер-Бенц», «Хеншель» и директор заводов концерна «Рейнметалл».

Пока гости осматривали чертежи и макет нового крупповского танка, Мюллер сообщал его данные:

— Броня семь — тринадцать миллиметров, вооружение — два пулемета, скорость — сорок километров, вес — пять тонн, экипаж — два человека.

Внимательнее других смотрели чертежи и слушали объяснения Мюллера два баварца — владелец Аугсбург-Нюрнбергского машиностроительного завода и руководитель его секретного танкового КБ. Никто из присутствующих еще не знал, что на Аугсбург-Нюрнбергском заводе приступили к проектированию танка с легкой пушкой двадцатого калибра, броней пятнадцать миллиметров и скоростью сорок пять километров в час. Проектирование находилось в начальной стадии, и завод, боясь конкуренции более мощных фирм, прятал свой секрет.

Мюллер между тем отвечал на многочисленные вопросы. Присутствующих интересовало, какие узлы и детали хотелось бы Круппу получить от их фирм, в какие сроки и в каком количестве. Здесь, у ниши, а затем опять за столиками шел уже практический разговор дельцов о ценах, прибылях, о том, много ли машин закажет рейхсвер в ближайшие год-два. Последнее уже относилось к Гудериану, а он, окончательно решив про себя, что Т-1 по бронированию и вооружению слишком слаб, чтоб надолго на него ориентироваться, не стал называть цифр. Сказал лишь, что цель, которую ставит перед собой генеральный штаб,— сравняться по количеству танков с хорошо вооруженными армиями передовых танкостроительных держав.

— Мы пойдем в недалеком будущем на объединение бронетанковых сил в крупные соединения — дивизии. Заказов будет достаточно, мы загрузим не только нынешние производственные мощности, но и новые танковые заводы, которые — фюрер и генеральный штаб на это надеются — будут построены в кратчайшие сроки!

Гудериан заметил, как загорелись глаза у промышленников: такое услышать в кризисное время! Они забыли о марочном вине на столиках — что-то записывали в блокнотах, что-то подсчитывали,— и этот момент Гудериан счел подходящим, чтобы высказать недовольство качеством танковой брони.

— К сожалению, я не успел уточнить, какой завод прислал на артиллерийский полигон образцы стальных плит для испытаний. Мы их вчера подвергли обстрелу бронебойными пулями из пулеметов. Дистанции были обычными, а плиты легко пробивались.

Все посмотрели на Мюллера и директора «Рейнметалла» — только на их заводах производили в последнее время броню для танков. Мюллер оставался улыбчиво спокойным, а директор «Рейнметалла» побелел, сказал, что его заводы не прокатывали и не отсылали никому подобных плит, и он просит не смешивать его фирму с магдебургским «Грузонверке».

«Грузонверке» принадлежал Круппам, и в другой обстановке Мюллер дал бы достойную отповедь конкурентам, но роль радушного хозяина вынудила его признаться, что плиты на полигон были действительно направлены с «Грузонверке» по ошибке, из забракованной контролерами партии, что виновные наказаны и подобное не повторится.

Чтобы не возвращаться к разговору о плитах, Мюллер сообщил, что модель Т-1 проходит на предприятиях Круппа под названием «сельскохозяйственный тягач ЛаС» и именно так будет фигурировать во всех документах фирм, которые согласились участвовать в кооперации. Тут он увидел входящего в комнату высокого господина и, облегченно вздохнув, поспешил представить его присутствующим:

— Мы пригласили на совещание уважаемого Фердинанда Порше, почетного доктора технических наук, отца «фольксвагена» и спортивных автомобилей мирового класса, конструктора экстрамоторов различных систем. Мы приветствуем вас, высокочтимый доктор Порше! — Несколько хлопков Мюллера были подхвачены участниками совещания.— Мы просим вас помочь представленным здесь фирмам решить сложную дилемму: какие двигатели проектировать и направить в серийное производство для танков вермахта — бензиновые или дизельные.

Порше выслушал эти фразы стоя. Первым, коротким, кивком поблагодарил всех за радушие, вторым, глубоким, сопровождаемым движением рук к груди, приветствовал своих давнишних коллег по фирме «Даймлер».

Во время первой мировой войны Порше стал генеральным директором и главным конструктором фирмы «Даймлер-Моторен», которой верой и правдой служил до этого более двух десятилетий. Он занимался изысканиями и проектированием военной техники, значение которой отмечалось многочисленными наградами дер-

жав Тройственного союза. До Гудериана доходили слухи, что Порше увлекался в те годы идеями конструирования вертолета и танка, но поражение Германии помешало ему разрабатывать новую боевую технику. Порше снова, как и до войны, стал конструировать спортивные автомобили, лично участвовать в гонках и в пятьдесят лет на своей «Серебряной стреле» достиг скорости почти в полтысячи километров в час. Увидев сейчас высокого, хищноносого, точно его «Серебряная стрела», Порше, Гудериан подумал: «Вот такого бы в танкостроение!»

— Девиз конструктора танка, по-моему, тот же, что у конструктора гоночной машины: легкость, обеспечивающая рекордные скорости,— начал Порше и длинной паузой как бы пригласил слушателей насладиться его девизом.— Конечно, танку не придется участвовать, как моему «даймлер-бенцу», в состязаниях с целью превзойти абсолютный рекорд скорости. Ему не потребуется мой двенадцатицилиндровый двигатель с кратковременной мощностью до трех тысяч тридцати лошадиных сил, какой я устанавливаю на «даймлер-бенце». Но двигатель должен быть легким, обеспечивая современному пятитонному танку скорость до восьмидесяти километров в час, и он останется, конечно, бензиновым.

— А дизель? — не удержался от реплики Гудериан.

— Я преклоняюсь, герр полковник, перед великим Рудольфом Дизелем.— Порше будто ждал такого вопроса и заранее подготовил ответ.— Но малых дизельных двигателей, которые соответствовали бы габаритам танков и могли бы при компактности развивать такие мощности, нет и — доверьтесь моему опыту — быть не может. Об этом вам скажут и конструкторы уважаемого Круппа, ставящие дизели на речные суда и огромные тягачи. Этой технике скорости танков противопоказаны, потому там и устанавливаются двигатели на тяжелом топливе.

По поведению промышленников Гудериан чувствовал, кто солидарен с Порше, а кто сомневается в безупречности его доводов. Директор фирмы «Машиностроительные заводы «Аугсбург-Нюрнберг» явно хотел что-то возразить, но Мюллер, словно не замечая его, давал слово сторонникам Порше из «Даймлер-Бенц» и «Хеншель». Причина была Гудериану в общем ясна: патрону Мюллера, Густаву Круппу, невыгодна ломка

производства, тем более он строит самолетосборочный завод и комбинат синтетического бензина... Доказывать Мюллеру, а значит, и Круппу, что у дизелей более прочная конструкция, приспособленность к самым различным видам горючего и меньшая опасность воспламенения, судя по всему, бесполезно,— думал Гудериан.— Попросить подумать о танкистах, которым будет угрожать гибель от пожаров в машинах с бензиновым двигателем? Но они, разумеется, тут же возразят, что главная защита экипажей — скорость, быстрота маневра, которую и обеспечат бензиновые двигатели. У них отлично налажено производство таких двигателей, моторостроительные заводы ждут огромные государственные заказы, зачем же Мюллеру и Круппу тратить время, энергию и деньги на дело, никем не испытанное?!

Но кто-то из промышленников хотел же заняться танковым дизелем, иначе вопрос не вынесли бы на обсуждение. Так почему же они молчат? О чем перешептываются вот эти из «Аугсбург-Нюрнберг»? Опасаются идти против воли Круппа или не хотят раскрывать своих секретов, чтобы не перехватили? Воля Круппа, как плита чугунная, давит здесь на всех — на сторонников его и противников. Это, конечно, они, Мюллер и Крупп, пригласили Фердинанда Порше, уверенные, что конструктор бензиновых моторов будет их отстаивать с той же беспощадной решимостью, с какой на крутых гоночных поворотах прижимает к скалам соперников. Значит, никто... А ты, Гейнц, почему не вступаешь в спор, ты же не зависишь от Круппа?..

Не зависишь? Но Крупп пойдет к Гитлеру, и фюрер конечно же поддержит его, а не полковника Гудериана. Если он еще остается после этого полковником...

И Порше фюрер тоже покровительствует. Вся пресса в фотографиях, в статьях возводит Порше в национальные герои: «Вот он, автор лучшего в мире, самого дешевого в мире народного автомобиля! Каждый немецкий рабочий станет владельцем четырехместного «фольксвагена». Нет, не спорить с Порше, не становиться в позу противника Круппа, а вместе с ними развивать танковое могущество рейха — вот твоя дорога, Гейнц. Пусть пока будет бензиновый мотор. Пройдет несколько лет, и танкостроение, вероятней всего, так или иначе повернется к дизелю. Он, Гудериан, хочет верить в это.

НОЧЬ У НАРКОМА

1

— Кошкин?! Попался, брат... Отвечай за измену Волге-матушке! — перекрыл ровный гул голосов бас директора Нижегородского автозавода.

Кто только не пришел в этот день в приемную наркома! Тут были представлены металлургия, тяжелое машиностроение, автомобильные, тракторные, паровозные, вагонные заводы. Были здесь и не знакомые большинству собравшихся работники танкостроения. Они стояли особняком возле приоткрытой двери наркомовского кабинета, дожидаясь, как и все, прихода Серго из Центрального Комитета партии. Нарком назначил совещание на шесть часов вечера, но что-то его задерживало.

Долгое ожидание отразилось на людях по-разному. Те, кто бывал здесь часто, обрадовались возможности обменяться новостями, предъявить счета неаккуратным смежникам за срывы поставок металла, оборудования. Вспыхивали и гасли споры, слышались перебранка, смех. Танкостроителям, приглашенным сюда впервые, вольности в приемной наркома казались странными. И уж вовсе развязной — выходка волжанина, который бесцеремонно ворвался в их узкий круг и чуть ли не силой увлек конструктора в коридор, а оттуда в пустую комнату напротив приемной.

Второй год пошел, а директор автозавода все еще не оставлял мысли заполучить Кошкина, который отличился у него на студенческой практике.

— Ума не приложу, Михаил Ильич, как ты мог променять наш гигант, и на что? — на келью монастыря! — гудел директор, подойдя к подоконнику.— Жалко тебя, честное слово. У нас был бы на виду, а там такого хваткого мужика никто за воротами завода не знает да и через две пятилетки знать не будет.

— Келья монастыря?..— засмеялся Кошкин.— Пусть. Не всем же при жизни памятники ставить — слишком дорого обошлось бы государству.

— Не смейся. Я знаю, сколько шипов рассыпано на дороге конструкторов твоего профиля, поэтому запомни: случится что — двери моего КБ перед тобой открыты.

— Спасибо за предложение, непременно воспользуюсь им, если танкостроители выгонят за бездарность. Но пока не выгонят, менять свой профиль не стану.

Кошкин посмотрел в окно на площадь Ногина. К ней рядами круто спускались высокие деревья. Их поредевшие кроны пронизывались светом многооконного здания Центрального Комитета, где огни не гасли от сумерек до утренней зари — там и сейчас шло заседание, на котором задержался нарком.

— Вы не знаете, зачем нас вызвали? — спросил Кошкин.

— Понятия не имею,— пожал плечами директор.— Да вообще странно, зачем наркому такая разношерстная упряжка? Что у меня или у работников паровозостроительных или вагонных заводов общего с вами, засекреченными? Вы же своих тайн не раскроете?

— Не о тайнах, видно, пойдет речь.

Директор обернулся к окну:

— От ЦК отошел «кадиллак» — наверно, Серго.

Они вернулись в приемную, но там уже никого не было — помощник наркома разрешил ждать Серго в его кабинете.

Кабинет выглядел строго и просто. Во всю стену справа от входа — две карты: заводы, электростанции, шахты, нефтяные промыслы, возведенные за первую пятилетку, и новостройки тяжелой промышленности, намеченные к пуску в ближайшие годы. Полумягкие стулья вдоль стен. Столы буквой «Т». Посредине длинного, покрытого синим сукном,— модель самолета. На письменном — фигура Маркса каслинского литья, на маленьком столике — макет однобашенного танка, глядящего дульным срезом в верхний переплет окна.

Танкостроители столпились у столика с серебристостальной моделью, каждому хотелось верить, что модель эта отражает поиски его коллектива и поэтому попала в кабинет наркома.

Каждый из четырех представленных здесь заводов считал себя, имея на то немалые основания, пионером советского танкостроения. Ижорский еще в двадцатом году прокатал броневые листы для пятнадцати танков, собранных на Красном Сормове. Опытный завод выпустил несколько образцов боевых машин и разрабатывал сейчас проект первого в мире танка с противосна-

рядной броней, известного среди специалистов по заводскому номеру «сто одиннадцать». «Красный путиловец» и Южный завод тоже начали заниматься танкостроением в первой пятилетке. К концу ее путиловцы запустили в массовое производство средний танк, а Южный начал серию легких колесно-гусеничных БТ — самых быстроходных машин Красной Армии.

Танкостроители, окружив макет, полушутливо подзадоривали, подзуживали друг друга, пока не распахнулась дверь и с порога не раздался громкий гортанный голос:

— Что не поделили, друзья, пышки или шишки?

2

Вместе с Серго пришли Тухачевский, академик Бардин и начальник Главспецстали Тевосян.

Серго пригласил участников совещания занять места.

— Завтра, товарищи, меня в Москве не будет. Потерпим одну ночь?

— Можно и две.

— Мы привыкли...

— Привычка не из лучших, но что поделаешь, если судьба у нас такая — спать человеческую норму большевикам пока нельзя.

Серго встал. И все почувствовали, что разговор предстоит серьезнейший.

— Центральный Комитет одобрил предложения наркоматов обороны и тяжелой промышленности о коренном перевооружении Красной Армии. Вы знаете, наша партия всегда занималась укреплением военного могущества Советского государства, но только сейчас оборонная промышленность, опираясь на новые гиганты металлургии и машиностроения, может и должна дать армии лучшую боевую технику в мире.

Серго не стал говорить, как часто возвращались к проблеме перевооружения ЦК и Политбюро, как скрупулезно изучались и взвешивались различные подходы, предложения, какие разногласия выявились при обсуждении одной из самых сложных частей программы — о танкостроении.

В тридцать третьем году, когда Политбюро заслушало доклад Орджоникидзе и Тухачевского, их взгляды по этому вопросу существенно отличались друг от друга.

Тухачевский считал: только новые, полностью занятые производством танков заводы сумеют обеспечить выпуск боевой техники в масштабах, иеобходимых для формирования танковых дивизий, корпусов и армий. Их формирование, а значит, и строительство заводов, которые должны составить отдельную, самостоятельную отрасль промышленности, следует осуществить в кратчайшие сроки — в два-три года.

Серго доказывал, что если начинать иемедлеино воздвигать большие танковые заводы, то придется перекраивать бюджеты конца второй пятилетки и распылять средства, выделенные иа строительство главиых объектов третьей пятилетки. Это иеизбежно подорвет завершение Урало-Кузнецкого комбината, других металлургических и машиностроительных заводов, без которых немыслимы ни подъем иародного хозяйства, ни осуществление программы перевооружеиия Красной Армии. «Если согласимся с вашими предложениями по танкам, Михаил Николаевич,— убеждал Серго,— новые заводы окажутся без оборудования, а с началом эксплуатации не получат ни одного броиевого листа, потому что его иеоткуда будет получать; старые танковые предприятия и те останутся на голодном пайке...»

Предложения Серго (к иим еще до окончательиого решения присоединился Тухачевский) представляли собой четкий план действий.

Южный, опытный заводы и с ними давно специализированиые цеха «Красного путиловца», Ижорского и Приазовского металлургического, имеющие станы для прокатки броневого танкового листа, значительио увеличивают производство танков всех видов, получая для этого максимально возможиые средства от государства и помощь подключаемых к таикостроеиию заводов — машиностроительных и металлургических.

Эти предприятия, не снижая, а увеличивая выпуск гражданской продукции, переводят иа военное производство отдельные участки, затем цехи, изыскивая для их расширения резервы площадей, оборудования и рабочей силы, чтобы в случае войны немедлеино обеспечить массовое производство боевой техники, освоенной в мирные дни.

Ночное совещание, которое вел сейчас Серго, он рассматривал как иачало работы — очеиь трудиой, не знакомой для большинства собравшихся здесь людей.

И надо было их воодушевить, укрепить в них веру в свои силы, в огромные возможности их коллективов.

Нарком говорил о резервах, скрытых внутри производства и внутри самих людей.

— Я верю, ваши коллективы сумеют подпереть своим пролетарским плечом наших славных танкостроителей и вместе с ними выполнить решение партии и правительства. В позапрошлом году, когда на Дальнем Востоке стало тревожно, Политбюро обсуждало неотложные меры защиты страны. Достаточного количества танков и самолетов армия тогда не имела, надо было как можно скорее расширить их производство. И что же? Мы развили такую бурную деятельность, что за полгода — это не хвастовство, товарищи! — всего за полгода мы сумели обеспечить нашу армию и самолетами, и танками. На Красную площадь в прошлогодний Первомай вышли две группы средних и тяжелых танков и во много раз больше БТ — самых быстроходных танков в мире — и Т-26 улучшенной конструкции. А кто помог коллективу Южного завода освоить новую серию БТ? Тракторостроители Украины помогли. Нелегко было им вытащить собственную программу, но они и тракторы к сроку дали и соседей-танкостроителей выручили. Верно, товарищ Брускин? — призвал он в свидетели директора Харьковского тракторного.

— Правильно, товарищ нарком, а как же иначе?! — поднялся со своего места молодой, с пышной шевелюрой Брускин.

— А я тебя и директора Южного порой так нещадно ругал, что впору теперь прощения у обоих просить, что и совершаю прилюдно.

Наступила пауза. Серго нагнулся к сидевшему вправо от него Тухачевскому, что-то спросил у него и, выпрямившись, объявил:

— Перед тем как мы, работники наркомата, будем держать совет, какую долю внести в техническую реконструкцию нашей армии и как это лучше сделать, предлагаю заслушать доклад Михаила Николаевича Тухачевского. Кому, как не заместителю наркома обороны и начальнику вооружения Красной Армии, рассказать о делах военных, о международной обстановке... Пожалуйста, Михаил Николаевич!

Тухачевский медленно поднялся и начал с главного:

— Международная реакция замышляет против нас

большую войну. Война эта потребует от Красной Армии одновременной, вполне самостоятельной обороны на обоих фронтах, отстоящих друг от друга на десять тысяч километров. Мы столкнемся с коалицией империалистических государств, с миллионными армиями, вооруженными по последнему слову техники. И прежде всего с врагом номер один — с фашистской Германией. Вопреки Версальскому договору она восстанавливает рейхсвер — не для обороны, а для нападения. Германия готовит сильную армию вторжения, состоящую из мощных воздушных, десантных и быстроподвижных войск, главным образом механизированных и бронетанковых сил.

Главное доказательство подготовки войны Германией — ее военно-промышленный комплекс, набирающий силу с каждым месяцем и днем.

Концерн Круппа начал в этом году строить два танковых завода, новый авиационный завод и комбинат синтетического бензина в Ван-Эйкеле. В одном артиллерийском КБ концерна в Эссене работают две тысячи конструкторов — созданные ими орудия большой мощности испытываются на полигоне в Меппене. Создано большое танковое КБ на «Крупп-Грузоне» в Магдебурге. На других предприятиях концерна развернуто серийное производство легких танков, тяжелых орудий для армии и флота, снарядов.

Тесно связанная с концерном Круппа фирма «Рейнметалл» в Дюссельдорфе приступила к изготовлению 75-миллиметровых орудий...

С первых фраз доклада Тухачевский овладел вниманием аудитории. И голос его, и могучая фигура, безукоризненная выправка, округлое волевое лицо с большими спокойными глазами — все словно подчеркивало грозную неотвратимость грядущей схватки.

И все же, слушая Тухачевского, Кошкин усомнился: действительно ли так велика опасность нападения Германии? Захват Гитлером власти осложнил, конечно, отношения, но ведь немецкий рабочий класс не побежден, он борется и будет бороться за пролетарскую революцию. Об этом говорят выборы в рейхстаг. Гитлер замуровал в тюрьмы Тельмана и почти всех деятелей компартии, и все же за нее, поставленную вне закона, ушедшую в подполье, голосовали пять миллионов немцев. Многие участники совещания работают с инженерами и

рабочими немецких фирм — с ними монтируют блюминги, станки, с их помощью осваивают сложные машины. Большинство немцев работают честно, среди них немало настоящих друзей, которые выходят с советскими рабочими на субботники и праздничные демонстрации, вздымают в рот-фронтовском приветствии кулак, поют песни Ганса Эйслера. Этот пролетариат не встанет на колени перед Гитлером!

А Тухачевский уже перешел к вопросам военной теории, обрисовал роль танков при глубоких наступательных операциях. И Кошкин зримо представил, как тысячи бронированных машин столкнулись на поле битвы, как наши танки, прорвав оборону, устремились в тыл противника, и вместе с танками — самоходные орудия... С воздуха танковые армии поддерживаются и прикрываются сотнями самолетов, среди них будут и такие, что поднимут многотонные бронированные машины, высадят десанты в тылу противника. И пехота на бронетранспортерах устремится вслед за танками, закрепляя их успех.

Захваченный нарисованной докладчиком картиной, Кошкин думал о том, как много сейчас зависит от танкостроителей, от практического воплощения конструкторских замыслов. Нужно скорее запустить в производство и испытать экспериментальные образцы «сто одиннадцатого» и мощной самоходки, а главное, они должны быть несравненно лучше тех, которые имеются у противника или могут появиться у него завтра.

Серго облокотился на край стола, втиснул подбородок в ладонь и, откинув седеющую голову, смотрел на Михаила Николаевича. Может быть, сдержанность Тухачевского могла кому-нибудь показаться холодноватой. Но Серго давно открыл в этой сдержанности энергию — ровную, упругую, неистощимую.

— В индустрии социализма заложены гигантские возможности,— заключил Тухачевский.— Наша промышленность может и должна обеспечить Красную Армию современными боевыми машинами. От вас, дорогие товарищи, зависит, как быстро наши планы превратятся в реальность.

3

Во время перерыва в курительной комнате делились впечатлениями.

— А ты, отец заводов, что скажешь? — спрашивал насмешливый голос откуда-то из дымовой завесы, обращаясь к директору Уралмаша.

— Доказательства и выводы, конечно, неоспоримые,— отвечал озабоченный директор.— Но трудно представить, что мы можем еще сделать сверх ковочных прессов, листопрокатных станов, дробилок и кранов. Только проектируем, а план уже на несколько лет вперед. Уже не говорю об освоенной продукции — пушке Брозиуса и...

Насмешливый голос перебил:

— Судили мы твою пушку.

— То есть как?

— А вот так...

С шутками-прибаутками, но не отступая от истины, магнитогорец поведал о старом мастере, который в штыки встретил пневматическую пушку для заделки доменной лётки после выпуска чугуна. Старик кричал: «Выдумки! Вовек не закроем лётку!» И приказал горновым кидать глину в огненное горло лопатами, как сто лет кидали.

— Четыря дня заседал общественный суд — одна смена у домен, две — на суде. Всё чин чином, с защитником, обвинителем. И приговор был по всей форме: «Именем Союза Советских Социалистических Республик считать уралмашевскую пушку невиновной!»

В курилке грянул хохот.

— Уломали упрямца?

— Еще как! Попробуй сейчас кто-нибудь лопатой заделывать лётку — заест.

Проводив Тухачевского, Серго встретил в коридоре Гинзбурга.

— Как ты, Семен, доволен пополнением? Оправдывают твои надежды молодые кадры?

— Полугода не прошло, товарищ нарком. Не рано ли делать выводы?

— Не дипломатничай, Семен, говори прямо.

— Стараются. Но они пока школьники в конструировании — какой с них спрос?!

— А Кошкин? Помнится, вы с Кировым расхваливали его. Или для красного словца?

— Кошкин — прирожденный организатор, хороший коммунист.

Серго поморщился.

— Эти качества у него были, наверно, и до института; меня интересует конструктор Кошкин, понимаешь, Семен,— кон-струк-тор!

— Кошкин хорошо проявил себя на «сто одиннадцатом». Мы хотим поставить его руководителем группы.

— Вот как! А где он? Остался в Ленинграде? Я хотел бы с ним познакомиться.

— Он здесь... Сейчас.— И Гинзбург торопливо ушел в курилку.

Минуты не прошло, как Кошкин стоял перед наркомом.

Серго быстрым взглядом окинул конструктора, заметил в серых глазах напряженность и улыбнулся, чтобы снять ее.

— Мне говорили, вы не жалеете, что напросились на опытный... А однокашники?

— Большинство довольны, товарищ нарком.

— Значит, есть и такие, что недовольны?

— Есть.

— Отчего же? Киров уверял: прекрасные ребята, добровольцы. Что же им не по душе пришлось на опытном?

Кошкин медлил.

— Возможно, вам неловко говорить при начальстве,— подбодрил его Серго,— но если оно, начальство, грешно, скажите прямо — речь идет о кадрах. Будем мы их иметь в танкостроении или не будем!

— По-моему, отсев неизбежен. Некоторые выпускники представляли себе танковое производство менее трудным и более громким, что ли. Один так и сказал: работы по макушку, а хвала даже пятку не щекочет.

— Славу сразу захотел! Пусть ищет ее не в оборонной промышленности. Нам нужны люди, преданные делу, а слава... Нет, будем строги и кадры подберем по принципу — лучше меньше, да лучше!

Лицо его стало жестким, но тут же опять смягчилось.

— Мой помощник предупредил вас о завтрашнем совещании работников оборонной промышленности? К сожалению, не могу быть, но я скоро приеду в Ленинград и вместе с Кировым явлюсь к вам.— Он повернулся к Гинзбургу.— Тогда посмотрим ваш «сто одиннадцатый», так ли он хорош, как товарищи утверждают.

И, обращаясь ко всем, кто находился в коридоре, пригласил в кабинет:

— Пойдемте, товарищи. Попьем чаю.

4

На столах в кабинете наркома появился чай с легкой закуской. Серго угощал товарищей и шутливо знакомил их друг с другом:

— Авраамий Павлович Завенягин!.. Сиди, сиди, не вскакивай, я же не официально... Между прочим, утверждают, что надо мной и Завенягиным пол-Москвы хохочет. Взял, говорят, Орджоникидзе руководящего деятеля Наркомтяжпрома и бросил в глушь, на металлургический комбинат... Пей горяченького, а то ты в глуши похудел, бедненький, и осталось в тебе только восемьдесят килограммчиков...

— Восемьдесят два,— смеялся всех громче полнотелый тридцатитрехлетний Завенягин.

С радостью смотрел Серго на своих молодых соратников, друзей, ближайших помощников. Он знал их давно. Сын машиниста паровоза Завенягин пришел в партию в ноябре семнадцатого, сын портного Тевосян — в восемнадцатом году. Серго тогда спустился с Кавказских гор, чтобы пробраться по Каспию в Астрахань, а оттуда в Москву, к Ленину, и в занятом белыми Баку встретил худенького паренька с огромной черной шапкой волос. «Вано Тевосян. Наш секретарь подпольного райкома партии»,— отрекомендовал руководитель бакинских большевиков.

Едва исполнилось Завенягину девятнадцать — он уже секретарь Юзовского окружкома партии в Донбассе. Позже они с Тевосяном были посланы Центральным Комитетом партии в Московскую горную академию, где Завенягин с первого курса стал заместителем ректора, академика Губкина. После окончания института Завенягин руководил Гипромезом, проектировал металлургические гиганты, чтобы через несколько лет возглавить самый крупный из них... Тевосян блестяще управляет Главспецсталью... Иван Павлович Бардин, тоже из рабочей семьи и сам рабочий, стал в тридцать втором году академиком, с первого дня строил Кузнецкий металлургический комбинат и, построив, уезжать из Сибири не хочет.

После чая Серго встал, поднял руку, попросив тишины. Стало слышно, как дышит за раскрытым окном ночь в шелесте листьев, в шуршании проезжавших по площади автомобилей.

— Вы, конечно, понимаете всю сложность международной обстановки. Необходимо каждому из нас на своем месте сделать все, что в его силах для перевооружения Красной Армии.

Нахмурился, вспомнив что-то.

— Я недавно вернулся с Урала. Многое там изменилось к лучшему по сравнению с прошлым годом. Но есть, есть еще не желающие смотреть дальше собственного носа. Не перевелись беспечные, сверхмирно настроенные, нетворческие люди, не умеющие или не желающие думать. Разговаривал я в первый день приезда в Магнитку с инженером-сталеплавильщиком. Спрашиваю: «Если хорошо продумать, подготовиться, можно на ваших печах варить плавки в двести тонн?» — «Что вы, товарищ нарком?! —отвечает.— И без того аварии одолевают. Проектную мощность в сто пятьдесят тонн вредно перепрыгивать...» А через несколько дней пожилой сталевар Аврутин выплавил сто девяносто тонн, а на другой печи его ученик, совсем молодой сталевар Горнов — двести сорок пять тонн. Если бы сам при этом не был, честное слово, усомнился бы. Вот какой у нас золотой народ! Душа радуется, особенно за молодых. Их взгляды не затемнены закоснелыми традициями. Они смотрят в завтрашний день смело, проницательно. Этот самый Горнов мечтает о том, чтобы на большегрузных печах и броневую сталь варить. Он хотел с вами посоветоваться, Иван Павлович,— обратился Серго к Бардину.

— Приезжал он ко мне в Кузнецк две недели назад, товарищ нарком,— поднялся высокий сухощавый Бардин.— Командировки не добился, так отпуск взял.

— Видите какой: отпуска своего не пожалел! И к чему вы пришли?

— Сложнейшая задача, товарищ нарком. Ученых, инженеров-исследователей и таких рабочих, как Горнов, привлечь надо. Броневое бюро организовать в одном из научных наших центров. Белых пятен много, но проблема, на мой взгляд, перспективная.

Время перешло за полночь. Совещание у наркома продолжалось.

ГЕРМАНИЯ СОРВАЛАСЬ С ЦЕПИ

Международная обстановка действительно скверная. Германия сорвалась с цепи... Германия вооружается, не признавая никаких ограничений.

ЭДУАРД ЭРРИО. Апрель 1935 года.

Цит. по кн.: Овсяный И. Тайна, в которой война рождалась. М.: Политиздат, 1971, с. 52.

Рейхсканцлер снова подчеркнул, что на ближайшие четыре-пять лет главным принципом должно стать: все для вооруженных сил. Восстановление военной мощи Германии должно быть доминирующей мыслью всегда и везде.

Из протокола заседания гитлеровского кабинета от 8 февраля 1933 года.

Там же, с. 36.

Германские промышленники с энтузиазмом идут по новому пути. Они рассматривают великие намерения Гитлера как свои собственные и стали его верными последователями.

ГУСТАВ КРУПП. 1933 год.

Там же, с. 36.

Германский военно-воздушный флот находится в стадии создания. Возможно даже, что при первом подходящем случае Германия поставит мир перед свершившимся фактом и официально объявит, что располагает военной авиацией.

Сообщение разведки второго бюро генштаба Франции. 1933 год.

Там же, с. 55.

ФАШИСТСКАЯ «ЧЕТЫРЕХЛЕТКА»

Благодаря щедрой и разносторонней помощи международного, в первую очередь американского, капитала, фашистская Германия за короткий срок создала мощную военную промышленность. Это позволило гитлеровцам начать планировать войну за установление мирового господства. Осенью 1936 года был принят так называемый «четырехлетний план». Его основные задачи Гитлер сформулировал так:

1. Немецкая армия должна быть за четыре года готова к действию.

2. Немецкая экономика должна за четыре года подготовиться к войне.

Там же, с. 45—46.

В ДЕСЯТЬ — ДВАДЦАТЬ РАЗ

Бюджетные ассигнования рейха на вооружения и армию в 1933—1938 гг. увеличились почти в 10 раз. Производство оружия и военной техники возросло за те же годы в 12,5, самолетов — в 22 раза.

Гонка вооружений стала источником сказочного обогащения монополий.

Рост чистой прибыли концерна Круппа (в марках):

1932 — 1933	6 507 078
1934 — 1935	60 361 350
1937 — 1938	112 190 050
1938 — 1939	121 803 791,

т. е. примерно 2000 % от уровня 1932—1933 гг.

Там же, с. 37.

САМАЯ МОЩНАЯ

Из немногих заводов, разрешенных Версальским договором, выросла самая мощная из существующих сейчас в мире военная промышленность. На сегодняшний день Германия занимает второе место в мире по производству стали после Америки. Производство алюминия значительно превышает производство Америки и других стран мира.

Выпуск винтовок, пулеметов и артиллерийского вооружения превышает в настоящее время производство любой другой страны.

ТОМАС, начальник военно-экономического штаба военного министерства Германии. Выступление перед сотрудниками МИДа. Май 1939 года.

Там же, с. 36.

ПОДТВЕРЖДАЕТ ШАХТ

Крупную роль, которую играли американские монополии в подготовке Германии к войне, подтвердил впоследствии не кто иной, как Я. Шахт, являвшийся правой рукой Гитлера в вопросах финансирования военного производства. Находясь в своей камере во время Нюрнбергского процесса, Шахт рассмеялся, услыхав, что немецким промышленникам будет предъявлено обвинение в вооружении «третьего рейха». «Если вы хотите предать суду промышленников, способствовавших вооружению Германии, то вы должны будете судить своих собственных промышленников. Ведь заводы «Опель», принадлежавшие «Дженерал моторс», работали только на войну».

НОРДЕН А.

Уроки германской истории. М.: Иностранная литература, 1948, с. 186.

СТАХАНОВЦЫ

1

В перерыве между заседаниями Всесоюзного совещания стахановцев его участники заполнили фойе и залы старинного Кремлевского Дворца. Алексей Горнов задержался в Георгиевском зале, где на мраморных досках почти от пола до потолка выпукло золотились названия полков российских, имена и фамилии героев. «Сколько же их сложили головы за Россию?..» — думал Горнов, читая эти нескончаемые списки.

За спиной раздался знакомый голос:

— Алеша?.. Ну, конечно ж ты. Я тебя по опаленной шее узнал! — И так же, как в цехе после рекордной плавки, обняв рукой плечи сталевара, Серго повел его за колоннаду.— Ну, как дела идут? Приблизились немножко к броневой плавке?

За полтора года, прошедшие после второй поездки Серго в Магнитку, нарком пополнел, выпуклый лоб потеснил шевелюру, густо запорошенную серебром, но веселый взгляд молодил наркома, и Алексей не чувствовал былой скованности — словно встретился с давним добрым знакомым. И никак не хотелось огорчать Серго.

— Кое-что делается... Но разве одному инженеру-исследователю, трем лаборантам да мне совладать с таким делом?

Серго уточнил, есть ли связь с исследовательской группой Кузнецка, и, услышав, что Горнов об этом не знает, обещал при первом же телефонном разговоре с директором потормошить его да главного инженера, которому за это отвечать в первую голову.

— А другого, с чем выступить, нету у тебя? Что-нибудь важное для всех стахановцев и для нас, руководителей?

— Есть, товарищ нарком, кажется, есть... Раньше думал, что только наши сталевары еще не полные хозяева у печи, а поговорил тут с днепропетровцем и сталеваром с «Серпа и молота», вижу — у них то же самое. Есть у меня мысль...— И вдруг понял, что идея только замерцала, что с ней выступать нельзя да и с наркомом неловко таким сырьем делиться.— Обмозговать надо, попробовать на одной печи хотя бы, тогда уж...

— Но и не тяни долго, если дело стоящее. Помощь потребуется — напиши. Учишься, как обещал?

— В вечернем техникуме, вместе с женой.

— Не та ли с косами, что тебя защищала?

— Та самая, Любаша.

— Привез Москву показать?

— Не отпустили с работы, людей нехватка в цеховой лаборатории... Будущим летом отпуск вместе возьмем, тогда и покажу Москву. Жаль только, Кремля не увидит.

Серго вынул из кармана белого френча блокнот, написал два телефона, служебный и домашний, и подал листок Горнову.

— Позвонишь прямо с вокзала и приедешь с женой ко мне. Не беспокойся. Зинаида Гавриловна и наша Этери будут довольнешеньки. Покажут и Москву всю, и Кремль. Я тут живу, рядом.

2

Как Алексей жалел, что не раскрыл Серго того, что задумал!

Всю зиму, весну и лето тридцать шестого года вынашивал идею, появившуюся у него на совещании в Кремле. Обдумывал, советовался со сменным инженером, который и на этот раз поддержал Алексея.

В августе начальник цеха уехал в командировку, и оставшийся за него инженер разрешил Горнову в виде эксперимента сварить и выпустить плавку без сменного мастера.

Опыт получился не совсем удачным. Беспокоясь во время доводки и выпуска, как бы мастер не осуществил свою угрозу — не привел к печи заводское начальство,— Алексей начал спешить и не добился точного попадания в анализ.

Правда, плавку разлили и прокатали потом хорошо, но повод для скандала был дан, и им не преминули воспользоваться недруги. Едва успел начальник цеха возвратиться из командировки, как сменный мастер подсунул ему заявление-ультиматум: если Горнов останется сталеваром, он уезжает на другой завод.

Городская газета опубликовала статью начальника планового отдела заводоуправления, доказывающего, что «предложенный А. Горновым метод сталевар-мастер»

противоречит принципам социалистического производства, подрывает авторитет мастера. Обсуждая статью, партийное бюро вынесло молодому коммунисту Горнову выговор, администрация перевела его к другому мастеру, на самую запущенную печь.

Удары, которые обрушились на Алексея, были бы не столь чувствительны, если б не семейный разлад.

— Вечно лезешь, куда не следует, фонари себе набиваешь,— укоряла дома Любаша.— Добился — тебя назвали шарлатаном. Просила же тебя: не озлобляй мастеров — заклюют. Отец тридцать лет сталеварит, в мастера не лезет, а ты?!

Алексей молчал-молчал — и не выдержал:

— Надеешься, что я стану гладенький, что от себя отступлюсь! Зачем замуж пошла? Знала же мою натуру!.. Не согласен я жить, как отец. Сталевар должен быть хозяином печи! Здесь не докажу — на другой завод переберусь, там повторю. Серго перевод даст.

— И разговаривать с таким не станет!

— Поглядим... Отпуск — и еду. А ты как хочешь.

Она покапризничала, но отпуск взяла вместе с Алексеем, и за длинную дорогу до Москвы они помирились.

Заехали к сталевару, с которым Алексей сдружился на совещании стахановцев, побывали в театрах, музеях, в мартеновском цехе «Серпа и молота». Алексей медлил: то хотел звонить Серго, то соглашался с Любашей, что неудобно беспокоить наркома, тем более после провала в цехе. Возможно, Алексей так и не решился бы, но Любаша заболела ангиной, и пришлось поторопиться с отъездом — тут он уже без звонка пошел в наркомат. Серго там не было: врачи предписали ему постельный режим.

— Если, товарищ Горнов, вам лично к наркому, зайдите через пять дней,— сказал помощник Серго.

— Домой спешу, поезд у меня вечером.

— Хотите написать записку?

— Да.

Алексей примостился с края стола, написал:

«Дорогой товарищ Серго!

Жаль, что не мог Вас увидеть. Сегодня уезжаем домой. Любаша себя чувствует не совсем хорошо.

Желаю Вам скорого и полного выздоровления.

Ваш Алексей Горнов».

Из наркомата Алексей поехал на Казанский вокзал, купил билеты, и часа через два молодожены сидели уже в купе мягкого вагона.

Алексея беспокоило состояние Любаши. Ангина обычно протекала у нее не остро. Теперь температура повысилась. Любаша прилегла, попросила расплести косы. Алексей расчесал волосы — тонкое светлое их золото омывало его бугорчатые, в ссадинах пальцы.

— Безмозглый дуралей,— в сердцах ругал он себя.— Надо же было покупать тебе две порции мороженого.

Любаше стало приятно, что он жалеет ее. Ласково взглянула, чтобы успокоился.

— Иди покури.

Он стоял в тамбуре спиной к гудящему перрону, курил глубокими затяжками, когда позади него послышался высокий женский голос:

— Тебя в жизни так никто не искал, профессор. Должно быть, видный человек этот Горнов...

Алексей повернулся, увидел загорелую шатенку в панаме — видимо, профессорская чета ехала с юга.

— Вы, кажется, сказали — Горнов... Кто ищет?

— Не слышали? Уже давно радио надрывается, наверно, важная персона... Вот опять.

На все платформы и залы раздавалось:

— Внимание! Граждане пассажиры и проводники вагонов! Среди отъезжающих на Урал должны быть Алексей Петрович Горнов с супругой. Попросите их незамедлительно выйти из вагона. У дежурного по вокзалу дожидается представитель Наркомтяжпрома.

Последние слова Алексей уже слышал на бегу. Он бежал к Любаше.

3

После рабочего дня помощник поехал к Серго с докладом по неотложным делам. Захватил с собой и записку Горнова. Прочитав ее, Серго стал отчитывать помощника:

— Сколько раз тебе твердил: о приезде ко мне рабочих докладывать без всякой задержки и в любом случае. Ты же ничего у Горнова не узнал, может быть, его жена нуждается в срочной помощи — найди и привези. Сейчас же!

И не успокоился до тех пор, пока не увидел у себя уральцев, не усадил Любашу в кресло.

— Открой рот, не бойся. Ты же знаешь, что я фельдшер... Ух, какой нарыв! Зина, звони хирургу, чтобы пришел. Не нервничай, Любаша, все будет хорошо — станцуем с тобой если не сегодня, так уж завтра обязательно.

После легкой операции боль отступила. Проводив хирурга и увидев, что Любаше стало легче, Серго рассмешил ее историей из своей фельдшерской практики. В далеком якутском селении ему пришлось срочно оперировать заглоточный абсцесс. Он спас больного от удушья, за что шаман объявил ссыльного дьяволом.

— Похож я на дьявола, Любаша? — Серго сдвинул брови, вытаращил глаза, показывая, каким его хотел представить шаман перед якутами.

В чесучовой русской рубахе, в пижамных брюках и в тапочках Серго выглядел домовитым добряком, которому, кажется, интересней всего распоряжаться по семейным делам. Когда Зинаида Гавриловна принесла Любаше теплого молока, Серго воскликнул:

— Ай, Зина, не могла подогреть красное цинандали! Вино для богов и молодых жен.— Задорные глаза посмотрели на Алексея.— Между прочим, и тебе не вредно.

— Любаша не разрешает.

— Совсем?

— На большие праздники и от простуды — подносит.

— Боевая у тебя казачка, славно тебя приструнила.

Все перешли в столовую. Серго раскупорил бутылку цинандали, наполнил бокалы Зинаиде Гавриловне и Алексею.

— Себя зачем обижаете и Этери? — заметил Алексей.

— Извини, дорогой, но для нас с дочкой готовят специальный эликсир молодости, ни с кем делиться не можем...

Нагнулся к нижним дверцам старенького пузатого буфета, вынул бутылку розовой жидкости.

— Этери, дадим ему полакомиться? — спросил он пятнадцатилетнюю дочь.— Все же гость необычный, лучший сталевар Урала!

— Дадим,— прыснула Этери, блестя из-под густых ресниц черными вишнями глаз.

Серго налил Алексею большой, цвета бирюзы бокал. Алексей отпил немного, и лицо его сделалось растерянно-смешным.

— Это же фруктовая водица!

— Не нравится? А мне и Этери лучше не надо. Эскулапы это назвали **легким** напитком наркома **тяжелой** промышленности.

Предложил тост:

— За молодость — надежду государства! За наших уральцев! За ваше счастье, молодожены!

За этим длинным столом с закругленными углами Любаше и Алексею было так хорошо, как в праздники дома с отцом и матерью. Ели искусно сваренную арталу — говядину со специями, потом стол украсил большой, шумный, из сверкающей меди русский самовар. Серго ласково подтрунивал над гостями и Этери, пока Зинаида Гавриловна не сказала, что гостям и самому Серго пора отдыхать.

— Нас с Алексеем не трогай, нам поговорить надо.

— Пойдемте, Любаша,— отступилась Зинаида Гавриловна.— Будут болтать до полуночи.

Мужчины переселились на диван — Серго откинулся на спинку, Алексей устроился с краю. Как оказался с глазу на глаз с наркомом, так потерял мужество.

— Неприятности? — спросил Серго.

— Дегтем меня измазали, чуть ли не врагом объявили.

— За что?

— Испробовал сварить плавку без мастера... Не совсем ладно вышла, и поносить стали.

Алексея прорвало, говорил долго и сумбурно. Серго пожал плечами.

— Странно, я ратую за мастера-воспитателя, ты пошел против меня, и у меня же просишь защиты... Как тебе пришла в голову эта мысль: сталевар-мастер?

— На совещании стахановцев в Москве... Там... Я понял, что сталевар еще не хозяин печи. Начинаю плавку, мастер колдует надо мной, шихту подсчитывает, будто без него не в состоянии управиться. Сварил металл, доводка пошла — не смей без мастера. Выходит, не сталевар я — мальчишка при печке. Плавку варю, а выпускать разрешено только ему... За качество не я — он отвечает. Какой же я хозяин, если командуют мною: начальник цеха — раз, два заместителя, сменный инже-

нер, обер-мастер, смениый мастер — это непосредственио иа моем затылке. Да еще прибавьте иачальство с шихтового двора, миксера, литейиого пролета, которое тоже иос сует к печи.

Энергично распрямил пальцы и руки, будто отбросил от себя все лишнее.

— Года три назад, когда осваивали большегрузные печи, может, так и иадо было. Но мы же выросли! В одиом иашем цехе восемь молодых грамотных сталеваров. И заправочиая машина появилась, и об автоматике поговаривают. Все — вперед, а оргаиизация труда топ-топ иа месте.

Серго встал, иачал ходить по комнате. Из того, что ои говорил, Алексей уловил обрывки: «Сталеварский Гегель... Намудрил...» Потом Серго бросил громко через стол:

— Пойми психологию людей — никто не хочет быть сокращенным. Да не столько в этом загвоздка. Скажи, кто сегодня без мастера может выпустить плавку легированиой стали? Фамилии иазови. Загибай, загибай пальцы!

Алексей растерялся:

— Аврутии. Ну, я. Ну...

— Забуксовал. Получается — из стариков один да из молодых один, а в цехе около сорока сталеваров! А организация? Смениый мастер руководит четырьмя печами, регулирует выпуск плавок. Кто за него сделает, если металл поспеет иа двух-трех печах одиовремеиио?

— Смениый иижеиер.

Не сумел больше Алексей усидеть, поднялся.

— Честное слово, будет сталевар-мастер — качество не пострадает и металла больше дадим. Научится сталевар всему, полиоправиый хозяии у печи будет, а не пешка.

Любопытство и одобреиие смешались в глазах Серго с сожалением.

— Не говори за всех. Половииа сталеваров умела бы вести тепловой режим, как ты,— я тотчас приказ бы подписал: внедрить метод Гориова. Но ты же зиаешь...

— Сегодня, может быть, и рано,— вздохиул Алексей.— А через год-два?

— Дорогой мой Алеша, то, что ты предлагаешь, это, пожалуй, полное слияиие труда умствеииого и физического. При коммуиизме будет такое.

— Через сто лет?

— Зачем так много — куда быстрее сбудется, если война не заставит другим делом заниматься.

Алексей потупился.

— Впустую, значит...

— Не переживай. Смелый человек всегда немножко фантазер. Скажу тебе по секрету: твоя мечта мне нравится. Сталевар-мастер! По образованию это будет техник или инженер. Представляешь себе, Алеша: инженер у печи! — И, смакуя каждый слог, произнес: — Пре-вос-ход-ная мечта!

Но тут же унял свой восторг.

— И все-таки это проблема будущего. Сейчас тебя и меня должно беспокоить другое. В вашем цехе какой средний съем стали?

— Четыре тонны с небольшим.

— А у тебя?

— Бывает семь с половиной, бывает иногда десять.

— Видишь, в два раза больше, чем по цеху. У Макара Мазая в Мариуполе чуть повыше твоего. Я расчет сделал, хочешь посмотреть?

Не успел Алексей ответить, как Серго, положив руку на его плечо, повел в домашний кабинет, к письменному столу, вынул из ящика блокнот.

— Садись. Смотри, что получается.

Производительность всех мартеновских цехов, начиная от гигантов, кончая карликовыми с допотопными печами, была внесена на страницы блокнота. Редкий цех давал съемы выше пяти тонн с квадратного метра пода печи, большинство — четыре, а то и три. Средний съем по стране составлял около четырех тонн.

Серго нагнулся над блокнотом, обвел красным карандашом отдельно выведенную цифру.

— Это средний съем у немцев — к шести приближается. А нам надо обогнать, непременно обогнать фашистскую Германию, не то...

Подчеркнул тремя жирными линиями цифру «шесть», а ниже написал еще одну шестерку с четырьмя нулями.

— Совещался я на днях с учеными-металлургами, сказал им: в сутки нам нужно не сорок пять тысяч тонн, как сегодня, а шестьдесят тысяч. Они мне ответили: «Через два-три года». А ты как думаешь?

Перелистнул блокнот.

— Возьмем твой цех, прикинем, сколько вы можете

выплавлять в сутки на двенадцати печах, скажем, в январе-феврале предстоящего года. Реально, без дутых слов, исходя из того, что вы уже выплавляли.

Выяснилось, что рабочие уже прикидывали, обдумывали и пришли к мысли, что в первом квартале тридцать седьмого года цех может дать по четыре тысячи двести тонн стали в сутки, а ко второй половине года подняться и до пяти тысяч.

— Значит, выйдет! — Серго стиснул плечо Алексея.— Вполне выйдет по стране шестьдесят тысяч!

Алексей чувствовал: в разговоре с ним Серго взвешивал весь государственный план. Вероятно, не с одним из мартеновцев советовался, не сразу появилась эта уверенность. Было любопытно и приятно наблюдать, как Серго открыто, искренне радуется тому, что его мысль совпала с мыслью рабочего.

И тут Алексей увидел под настольным стеклом написанные рукой наркома фразы. Они построились столбиком:

«...**связь** с **массой.**
Жить в гуще.
Знать **настроения.**
Знать **все.**
Понимать массу.
Уметь подойти.
Завоевать ее **абсолютное** доверие».

Алексей не знал, чьи это слова, но спрашивать неудобно было. Чувствовал только: в этих словах — весь Серго!

Нарком стал что-то разыскивать в книжном шкафу, стоявшем позади стола. Пока он рылся в книгах, Алексей осмотрел кабинет. Просторный. С полками томов Ленина и Маркса возле рабочего стола. С портретами на стенах. Справа — с мудрым прищуром Ленин. Близко к нему — Киров, поглядывает дружески. А Сталин — один на противоположной стене. Во весь рост. Идет из заснеженной глубины в шапке-ушанке, то ли в шубе, то ли в длинном пальто. Хотелось подойти рассмотреть, увеличенная ли фотография в продолговатой раме или живопись, но тут Серго отвернулся от шкафа.

— Мы создали в Ленинграде Броневое бюро. Ижора уже катает противоснарядные броневые листы для танков.

— А когда мы с места стронемся, товарищ нарком? У нас на Магнитке пока одни разговоры, и даже не около...

— У вас проблема сложнее — на малых печах и вы бы сумели. Но посмотреть, как на «кислых» мартенах варят эту сталь, тебе не вредно.

— Поработать бы, а не смотреть!

— Что ж, попрошу поставить подручным к хорошему сталевару. Не обидишься? Сколько у тебя осталось отпускных дней?

— Четырнадцать... Но Любаша...

Смеясь, Серго приблизился к Горнову, потрепал его солидно отросший чуб.

— Мне и Зинаиде Гавриловне не доверяешь? Любаша за эти дни отдохнет, поправится, а соскучится по тебе, совсем хорошо — крепче любить будет. В Магнитку отправлю вас самолетом. Согласен? — И провел Алексея в соседнюю с кабинетом комнатку, в которой Зинаида Гавриловна заблаговременно приготовила для гостя постель.— Спи, ты устал, а завтра кроме полета тебе, возможно, еще предстоит смена у печи — я же тебя, неугомонного, знаю.

И, со строгой нежностью глядя в счастливые глаза Горнова, пожелал ему спокойной ночи.

Часть вторая

ЭХО ИСПАНИИ

КБ РОТНОГО ЗАМПОТЕХА

1

Так же, как рабочий класс гордился Алексеем Стахановым и Александром Бусыгиным, а колхозники — Марией Демченко и Марком Озерным,— так гордилась армия Николаем Цыгановым.

Не бывало в тридцатые годы смотров боевой техники и маневров Красной Армии, в которых так или иначе не участвовали бы изобретения зампотеха танковой роты.

Чего греха таить, ему нравилось быть на виду.

Созовут в Москве армейских изобретателей и рационализаторов, Цыганов не постесняется попросить наркома сфотографироваться на память, и будьте покойны — в центре первого ряда, локоть к локтю с Ворошиловым, непременно будет стоять, горделиво вскинув голову с вьющейся шевелюрой, он, Николай Цыганов. Правда, в его горделивости не было и намека на превосходство над кем-нибудь, она мирно уживалась с искренней дружбой с друзьями-изобретателями, приглашенными в Москву, и субординацию он соблюдал на своем почетном месте. Естественными были легкий поворот головы в сторону Ворошилова и чуть косящий на наркома взгляд — уважительный и благодарный.

Но мечты Цыганова были на десять голов выше его невинного тщеславия!

Он мечтал создать легкий танк, который превзошел бы по проходимости и бронестойкости все имеющиеся машины и те, что проектировались на заводах. Ему доказывали, что без инженерных знаний, вне большого конструкторского коллектива, вне завода с новейшим оборудованием подобные мечты неосуществимы, а он приводил в пример самоучку Эдисона, получившего без участия фирм и конструкторских бюро больше тысячи патентов на изобретения.

Цыганов, конечно, не был так наивен, чтобы претендовать на роль русского Эдисона, думать, что можно в одиночку сконструировать принципиально новый танк. Он надеялся на помощь конструкторов и рабочих Южного завода, часто бывал там, рассказывал о своих замыслах, учился у профессионалов в КБ. Но как-то начальник производства затронул в разговоре больное место танкиста — его техническую малограмотность, будто Цыганов виноват в том, что юность свою протопал в землекопах и только в армии познал азы техники... Такой обиды Цыганов простить не мог. И перестал показываться на заводе.

Все мечты о новом танке Цыганов связывал теперь с созданным им в бригаде КБ. Безотказный Жора Каменецкий (до армии он работал чертежником на танкостроительном заводе) превращал наброски его идей в чертежи, а механик-водитель Игорь Мальгин с танкистами — бывшими литейщиками, слесарями, сборщиками — в металл, в детали и узлы задуманной машины. Рабо-

тали в примитивной бригадной мастерской и в маленьких цехах военно-ремонтного заводика, бедного и оборудованием и кадрами.

Встречу с Игорем Мальгиным, бывшим сборщиком Уралмаша, Цыганов считал своей величайшей удачей.

Игорь прибыл в механизированную бригаду после окончания курсов механиков-водителей. На курсах он изучил все имеющиеся на вооружении типы танков. В бригаде Мальгин быстро освоился, стал инструктором вождения, но однажды зашел в мастерскую к Цыганову и признался:

— Соскучился по станку и по сборке...

С тех пор почти все выходные дни и свободные вечера Мальгин работал с Цыгановым и Каменецким.

Начали они с создания на БТ-7 небывалой ходовой части.

Колесно-гусеничные машины всех серий БТ имели одну пару ведущих колес и могли развивать скорость только на отличных дорогах. А свернет водитель с шоссе на мягкий грунт — и нужно надевать гусеницы. Скорость машины резко падала, да и времени на смену ходовой части уходило около получаса. Разве противник позволит столько копаться? Минута задержки и та может стать смертельной!

Цыганов задумал оснастить танк тремя парами ведущих колес. Вскоре экспериментальная машина была готова. Испытания провели на бригадном полигоне и собрались выйти на окружной, но тут случайная находка Игоря Мальгина дала толчок новым поискам.

2

Испытывали листы новой марки стали. Стреляли бронебойными пулями из станкового пулемета.

То ли невзначай, то ли по какому-то наитию Мальгин поставил две карточки — вырезанные из броневого листа четырехугольники — не под прямым углом, а с небольшим наклоном, как бы падающими назад. Удалился в укрытие. С одной и той же дистанции, одинаковым количеством очередей пулеметчик стрелял по каждой карточке. Когда прозвучал отбой, Мальгин с бойцами выбежал из укрытия отмечать попадания.

В двух наклонных карточках не обнаружили сквозных пробоин, только вмятины, а в тех, что стояли, как

обычио, под прямым углом, были и сквозные пробоины и вмятииы более глубокие. Пораженный виезапиой мыслью Игорь вызвал по полевому телефоиу с огиевого рубежа Цыгаиова и Камеиецкого.

Через иесколько мииут втроем считали вмятииы и бороздки, измеряли их глубииу. Ставили под разиым иаклоиом другие карточки, стреляли тем же количеством очередей и с той же дистаиции. Потом опять считали попадаиия, измеряли, записывали результаты...

До глубокой иочи просидели оии в тот деиь в казармеииой комиатке зампотеха. Цыгаиову ие терпелось тут же иайти иаиболее выгодиый угол иаклоиа броиевого листа, ио вычислить его ои ие мог. Камеиецкий предложил обратиться за помощью к заводским коиструкторам и вместе с иими спроектировать корпус с иаклоииой броией.

— Хочешь, чтобы украли иашу идею? Никогда к иим ие обращусь, мы иашли — мы и сделаем!

— В иашей мастерской такое ие собрать,— поддержал Камеиецкого Мальгин.

Цыгаиов слышать иичего ие хотел.

— На ремоитиом соберем. Никому ии слова! Только иаркому иапишу!

Но Цыгаиов то ли ие успел, то ли передумал писать — объявлеииые в округе маиевры заставили отложить иачало работ иад корпусом машииы с иаклоииой броией.

3

Быть готовым в любой обстаиовке продемоистрировать комаидарму иовый колесиый ход!

Столько иапомииали об этом Цыгаиову, Мальгииу и Камеиецкому, что комаидарм мерещился им и иа маршах бригады, и в обороие, и иа выходе к исходиому рубежу для иаступлеиия. Одиажды Камеиецкий даже подиял ложиую тревогу — ему показалось, что с КП комбрига отъехал комаидарм и его машииа движется прямо иа иих. Потом, во время иаступлеиия, иапряжеиие сгустилось иастолько, что уже ие хватало времеии думать ни о чем другом, кроме выполиеиия задач по маиеврам.

На подходе к заиятой «противииком» роще головиой таик взвода разведки иаскочил иа «мииироваииый» участок и, как определили комаидиры-посредиики, «взорвался». Возглавить разведку предстояло теперь Цыга-

нову, и он, скользнув из башни к Мальгину, своему механику-водителю, кратко изложил обстановку: слева от «минированной» дороги — поле, простреливаемое «противником», справа — прикрытая холмом распаханная низина. Мальгину не нужно было объяснять, что по пахоте другие танки не пройдут, пока не наденут гусеничные ленты, а на это экипажи затратят около тридцати минут. За это время «противник» мог перенести огонь из рощи по неподвижным танкам и расстрелять взвод. Пока основные силы батальона, действующего в передовом отряде, не приблизились на дальность действительного огня «противника», надо было скрытно обойти его, двигаясь по скату холма, и атаковать с фланга или с тыла рощи.

— Прикажите замыкающему предупредить комбата: наша машина идет по распаханной низине.

Мальгин знал, как это опасно, но в сложившейся обстановке такое решение было единственно верным.

— Действуй! — согласился Цыганов.

Накануне прошел проливной дождь, чернозем прилипал к колесам, въедался в пустоты. Машина с каждым метром становилась тяжелее, вязла в грязи. Мотор надрывался, и, чтобы он не перегрелся, Игорь вынужден был сбавить скорость.

Сделав полукруг по склону холма, Игорь почувствовал: машина пошла легче. И когда роща оказалась на левом фланге, танк рванулся на холм, атаковал артиллерийские позиции «противника».

Цыганов открыл люк башни, чтобы просигналить комбату ракетой: «Путь открыт! Вперед, по стерне». Но руку не поднял, увидев возле танка командарма. Лобастое лицо с грубоватыми крупными чертами было гневным. Цыганов не знал, что командарм, находившийся на НП, следил в бинокль за их танком и был возмущен дерзостью механика-водителя и командира: как рискнули повести по мягкой пахоте боевую машину на колесах?! «Не иначе, плутовство какое-то, обман на учениях!» — раздраженно думал командарм и, когда танк ворвался на холм, пошел к нему,— он был почти убежден, что корпус и башня этой машины из фанеры, а пушка из жести.

Цыганов соскочил на землю, вытянулся по стойке «смирно».

— Разрешите доложить, товарищ командующий?

Командарм молча и недоверчиво постучал по подкрылкам, броне бортов и башни, поднял руку к пушке и рассмеялся:

— А я-то подозревал липу... Как же ты умудрился не утонуть в трясине?

— Три пары катков сделали ведущими, товарищ командующий! — улыбнулся Цыганов.

— Что ж вы с комбригом скрывали эту машину?

— Только на днях опробовали.

— Ладно, показывай свои три ведущие!

— Здесь, товарищ командующий, не могу...

Командарм понял, что машину надо раздеть, а на НП делать этого нельзя.

— Наведаюсь на этой неделе. Похоже, доброго коня ты армии подарил, товарищ Цыганов!

ЗНАКОМСТВО

1

Игорь медленно шагал по улице. Тело освобождалось от давящей тяжести, ломоты. Глаза, долгими часами зажатые смотровой щелью, обрели свободу, простор, и Игорь наслаждался всем, что попадало ему на пути. Определенной цели у него не было — все равно, куда идти, на что глядеть. И все же потянуло к городскому парку.

Огромнолобый, скорбный Тарас Шевченко бронзово возвышался на трехгранном пилоне, опустив ласково руки к простоволосой Катерине, к братьям своим, крепостным, к рабочему, крестьянину и солдату, шагающим снизу вверх по уступам постамента со знаменем свободы.

В безлюдной глубине парка Игорь наткнулся на заросшую косицами вьюнков беседку. Поднялся на ступеньку, увидел девушку с книгой. Должно быть, она не слышала шагов.

— Не помешаю?

Она оторвала глаза от книги:

— Как бы я вам не помешала — бормочу немецкий.

Он прошел к противоположной от нее стенке, опустился на скамью и, услышав, как девушка переводит текст из учебника, подумал, что она не сильна в немец-

ком и если встретится неточность, то, пожалуй, можно будет поправить ее.

Ждать пришлось недолго, девушка застряла на слове «убан».

— Унтергрунд бан. Буквально — подземный поезд, а по-нашему — метро, гнедигес фрейлейн.

Она улыбнулась.

— Спасибо. У вас уверенное произношение. В школе?..

— На Уралмаше работал с немцем из Берлина — разговаривал с ним часто.

— А у меня через два дня экзамен...

Как у школьницы, вспыхнули щеки и уши, выглядывающие из-под светлых локонов.

— Если не возражаете, попытаюсь вам помочь. Я сегодня свободен до двадцати двух ноль-ноль.

Она поднялась, сказала просто:

— Меня зовут Галя Романова.

— Мальгин,— отрекомендовался Игорь, и протянутая рука утонула в его широченной ладони.

Незаметно пролетел час. Галя спохватилась, когда со стороны танцевальной площадки донеслись звуки джаза.

— Хватит зубрежки?

— Танцевать?..

— С удовольствием!

Но, оказавшись на запруженной площадке, оробела, держалась от кавалера на расстоянии вытянутой руки, боясь, как бы сапожищи Игоря не раздавили красивые носки ее новеньких туфель.

Опасения были напрасны — и быстрый фокстрот, и медленное танго Игорь провел безукоризненно.

Не сговариваясь, они покинули жаркую потную тесноту.

Возле летнего театра с пустыми скамьями и опущенным над сценой занавесом Галину остановила знакомая мелодия. Поначалу непонятно было, откуда льются звуки скрипки и виолончели, потом догадалась: репетируют за кулисами, готовятся к концерту.

— Фибих... Это же Фибих! — зашептала Галя, увлекая Игоря по дорожке меж скамьями к первому ряду.

Он поразился ее восторгу.

— Фибих? Не слышал. Напоминает вальс-бостон.

— Нет-нет, это музыкальная поэма для концертного исполнения...

А сама уже встала, и руки приподнялись, и глаза проверили, не появился ли кто за спиной и достаточно ли четырех рядов паркета между скамьей и сценой, чтобы импровизировать под любимую мелодию.

Она танцевала с наслаждением. Пальцы левой руки Игоря мягко лежали на предплечье девушки, пальцы правой волнующе-ласково, едва ощутимо касались ложбинки меж лопатками. Он вел Галю бережно, уверенно, и не догадываясь, что эта поэма вошла в ее жизнь с первыми детскими радостями.

...Отец приходил с завода переодетый в наглаженную синюю косоворотку и брюки со стрелкой. От его распаренной горячим душем кожи исходил неистребимый запах кузницы. Когда он поднимал высоко на руках Галинку, целовал ее, она дышала вкусным, сладковатым запахом окалины, пропитавшим навечно скуластое лицо отца.

Он часто приносил ей гостинцы — конфеты в разноцветных обертках, пирожные и книжки с картинками, то из библиотеки, то купленные в магазине. Мать укоряла: «Що дытыну балуешь да балуешь...», а сама была довольнешенька, что отец все ее да доченьку старается порадовать и знать не хочет пьяных компаний.

Он неспешно ел наваристый, со шкварками борщ из деревянной вместительной миски и подмигивал Галинке: «Погоди, почитаем вместе». А она сказку послушает и скорее тянется к патефону, ищет пластинку с поэмой Фибиха, и отец не нарадуется, что дочурка любит то же, что и он. Когда подросла Галя, поняла: та пластинка напоминала отцу его юность, странствия из родного Прикарпатья к берегам Влтавы; напоминала, должно быть, славную пражаночку, с которой он танцевал, наверно, того Фибиха. Но любовь свою верную, на всю жизнь, и работу надежную нашел Федор Романов не на берегах Влтавы, а у Днепра — в селе нашел Романково, что слилось с городом Каменское, ставшим Днепродзержинском, городом детства и юности Галины. Там вместе с лаской отца и заботливостью матери в ее жизнь вошел чешский композитор Зденек Фибих.

...Заметив, как смягчилось, похорошело от ласковых звуков лицо Игоря, как вспыхнул в его глазах огонек, похожий на отцовский, Галя только сейчас вдруг догада-

лась, что мать ревновала отца не к девушке той далекой, а к его неизбывной, нерастраченной памяти о ней. «Неужели и этой встрече суждена мимолетность, как той, пражской?» — неожиданно подумала Галина.

— Что с вами?

Она не ответила — сама не понимала, что происходит с ней.

Его большие пальцы успокаивающе, нежно прошлись по косточке на предплечье и опять остались недвижимы; и она так же мгновенно успокоилась, как и взволновалась.

И в семилетке и в фельдшерской школе учились ребята, с которыми ей приятно было и потанцевать и поговорить о том, о чем даже с девчонками не разговаривала. Но едва один попытается стать ей ближе, чем другие, она из какого-то непонятного чувства самозащиты тут же от него отворачивается.

А тут в первые же часы знакомства с Игорем позволяет ему смотреть на себя так, как никому другому не позволяла, и волнуется и делает глупость за глупостью, которые еще вчера осудила бы в любой из подруг.

Голоса скрипки и виолончели растаяли, как последние лучи ушедшего за горизонт солнца, а они продолжали свой вальс, чувствуя нарастающую внутри них мелодию.

Еще три выходных — еще три встречи.

Чтобы не пропало ни минуты из дозволенного Игорю времени, Галина приходила к воротам военного городка раньше, чем появлялись танкисты, получавшие увольнение в город. Увидев Игоря, бежала к нему, будто вечность его не видела. Не замечая в упор глазеющих на нее солдат и более сдержанные взгляды женатых командиров, она брала его под руку, и они сворачивали не вправо, к городу, как все, а влево, к близкому поселку с крытыми соломой хатками и небольшими фруктовыми садами. Невдалеке вилась речушка с ветлами на берегу. В тени деревьев было свежо и тихо, и никто не мешал делиться тем, что росло в душе.

За неделю разлуки у каждого накапливалось столько новостей, мыслей, планов, что не терпелось все выложить, и разговор поначалу выглядел сумбурным.

— Биология?

— Профессор сказал: толковая девчонка.

— Мордочку, поди, отвернешь после второго «отлично»?

— Уже отвернула. И не нужен мне младший командир — подайте командарма!

— А младший уже рапорт написал: мы с будущим врачом Галинкой решили пожениться.

— Поспешишь — свой танк насмешишь.

Она отшучивалась, смеялась, а сама уже мечтала и верила: они будут вместе.

2

С трех сторон ровного, как столешница, плаца колонны охватили трибуну. На ней — знамя бывшей кавалерийской дивизии, ставшей в начале тридцатых годов механизированной бригадой.

Открыв митинг солидарности с борющейся Испанией, комбриг сказал о мятеже генерала Франко против законного республиканского правительства, о неравной схватке народа с фашизмом.

— Советские люди на стороне героической Испанской республики. И не словами, а делом!

Игорь стоял в двух шагах позади комбрига, дожидаясь, когда ему дадут слово от имени комсомольцев. До начала митинга Игорю казалось, что выступить нетрудно. Уже второй месяц газеты печатали сообщения о сборе денег, одежды и продуктов. Игорь говорил с ребятами своей роты — они отчислили месячный оклад в фонд Испании. Он думал призвать к тому же всех младших командиров и бойцов бригады. Но после речи комбрига понял: нельзя этим ограничиться. Испанцам нужны танки и танкисты, не могут они винтовками противостоять итальянским броневым колоннам и немецким «юнкерсам».

В последнюю встречу Галина спросила: «А тебе, Игорек, не прикажут?..» И слышалась в ее голосе боязнь за него. Но когда он ответил, что нельзя посылать регулярные части Красной Армии на край Европы, она неожиданно удивилась: «А как же женщины, дети? Их калечат, убивают...»

Как в полусне он услышал:

— От имени комсомольцев бригады — слово механику-водителю Мальгину.

Он шагнул к краю трибуны, обхватил ладонями перила.

— Прошу командование послать меня в Испанию.

Они условились встретиться в выходной в городском саду, там, где месяц назад впервые увидели друг друга.

Какие только слова не перебрала она в тот час ожидания, чтобы его обрадовать: «Отлично сдала последний экзамен... Принята в институт... Все прекрасно!..» Но, увидев Игоря, почувствовала вдруг: нет слов.

Он был бледен, голос рвался.

— Прости... Уезжаю... Сегодня...

Ответ пришел накануне вечером: рапорты танкистов-добровольцев удовлетворены. Меньше суток оставалось на сборы, а теперь уж до отъезда — несколько часов. И он не может ничего объяснить Галине...

Каблук солдатского сапога высверливал ямку в утрамбованной дорожке.

— Куда?..

Он продолжал, как конь копытом, рушить под собой землю.

— Надолго?..

На лбу у него выступили градины пота.

— До чего ж ты, Игорек, красноречив сегодня,— попыталась Галя пошутить, но ей это плохо давалось.— Писать будешь?

Он беспомощно опустил голову.

— Не буду спрашивать, не можешь — не говори. А я скажу: меня приняли, слышишь, приняли!

В глазах его блеснула радость, но только на мгновение.

В кулачок сжала она два пальца Игоря и, садясь на скамейку, сняла с него фуражку, вытерла пот со лба, провела мизинцем по вздутой синей жилке.

— Насупился... Я же верю, я же буду думать о тебе, писать тебе, если даже адреса не получу. Откладывать буду письма — прочтешь, когда возвратишься... Может быть, скоро?

— Неизвестно...

Он прижал ее к себе, почувствовал, что кости ее хрустнули, взмолился:

— Прости косолапого...

— Медведушка!.. Ты же не можешь мне сделать больно.

— У меня к тебе просьба, не откажи, Галочка... Ты будешь получать переводы по аттестату...

— Нет, нет, ни за что! Мы же не муж и жена! И потом, мне ничего не нужно.

— У меня ж никого нет ближе тебя, а деньги, к чему они мне...

— У тебя же дядя в Свердловске — посылай ему.

Она поняла, что он уезжает куда-то далеко, что он по доброте своей и любви хочет облегчить ей учебу, но что-то не давало согласиться.

— Я боюсь... боюсь тебя потерять...

Они сидели, обнявшись, и шептали друг другу слова, полные тоски и нежности.

В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМАНДИРОВКЕ

1

Бойкий Николай Цыганов, вхожий во все окружные и центральные военные учреждения, и тот не мог ничего узнать о судьбе Игоря — как будто испарился человек.

Единственное, что он услышал: Мальгин в правительственной командировке.

Что сказать Гале?

Он встретил ее в институте после лекций и, провожая по безлюдному переулку к общежитию, говорил непривычно витиевато и таким тоном, словно узнал в Москве что-то обнадеживающее.

— Что значит правительственная командировка? Жив ли, и этого не знают?.. Может быть, Игоря уже нет...

Ее трясло. В пальто из дешевой хлопчатки без ватина было холодно, но еще холодней становилось от отчаяния.

— Игорь жив! Он вернется! Вот увидишь!

Она испытующе глядела в глаза Николая. Его искренняя вера в Игоря успокаивала, но ненадолго.

— Почему же скрывают? Скажите честно: Игорь в Испании?

Она подумала об этом, когда прочитала в газете телеграмму Центрального Комитета компартии Испании с

благодарностью советскому народу за братскую помощь республнке. В ответиой телеграмме Сталнн писал, что трудящнеся Советского Союза выполняют лншь свой долг, оказывая посильную помощь революцнонным массам Испаинн. Они отдают себе отчет, что освобожденне Испанни от гнета фашистскнх реакциоиеров ие есть частиое дело испаицев, а общее дело всего прогресснвного человечества.

В той ответной телеграмме ие было н намека на помощь людьмн и военной техннкой, но ие могло же правительство огранмчнться отправкой продовольствня н меднкаментов. Чьн же танкн и самолеты появнлнсь у республиканцев, еслн не советскне? Какне танкнсты, как передает радно, смертным боем бьют фашнстов, еслн не Игорь и его товарнщн? Он там, только там!

— Я фельдшер, работала в клнннке...— Галя задыхалась и от острого воющего ветра н от волнеиня.— И стрелять умею... Я должна в. Испанню. Попросите за меня!

Обнадежнть?.. Ннколай знал, что девушек не посылали н не пошлют в Испанию. Но зачеркнуть ее мечту не подннмалась рука. А ей казалось, что он может ей помочь, ио жалеет — бонтся как бы не погнбла. И его молчанне оскорбнло Галю. Оиа остановнла Ннколая жестом, чтоб дальше не провожал, н быстро пошла к общежнтию.

Цыганов глядел ей вслед н думал, что вот так, в этом тонком, не для знмы пальто, в этнх резнновых, промерзших насквозь ботнках Галя побежала бы сейчас, еслн б могла, до самой граннцы, а там дальше и дальше до Пнренейскнх гор, за которыми ей мерещнтся Игорь.

2

Двадцать семь танкистов прнбылн в Москву нз разлнчных гарнизоиов. Этнх первых добровольцев свелн в группу Фрола Жезлова, чтобы отправнть к испанскнм берегам.

Задача не нз легких. Одиу боевую машнну, одного человека н то трудно втайне перевезти с одного края континента иа другой. А переправнть с востока Европы иа ее далекий пылающий юго-запад надо было сотнн людей и машии, тысячн снарядов, мнллноны патронов.

Когда знакомилнсь, все былн в воеииой форме. У Жезлова — трн шпалы в петлнцах, у Игоря н его товарищей — треугольннкн младшего командиого состава. К вечеру их повелн не то на склад, не то в магазнн, где не было нн покупателей, нн продавцов, а на полках — любых размеров, расцветок н покроя гражданскне костюмы, верхние рубашкн н обувь. «Выбнрайте что кому иравнтся»,— сказал сопровождающнй.

Трн недели дожндалнсь в южном порту парохода. Из дома почтн не выходнлн. Самостоятельно пыталнсь выучить хоть с полсотнн нспанских слов, необходнмых для первого общения, ио редко кому это давалось. Зиакомнлнсь по переводной лнтературе с иовннками нтальянской и иемецкой военной техннкн. Вечерамн крутнли «Броиеиосца Потемкниа», «Чапаева», «Веселых ребят», искали подходящую замену своих нмен н фамилнй иа испаискнй лад. Но только в Испанин Мишн н Петн сталн Мнгелямн н Педро, а Игоря новые друзья на Пиренеях перекрестнлн в Мальгинно.

В предрассветиый час добровольцы незаметно для посторонинх погрузнлись в стареиькое судио, чей хозяин н экнпаж, жителн Кнпра, представления не имелн, кого оин повезут, н согласнлнсь идти в опасиый рейс, получнв, должио быть, солндный куш.

Одно пренмущество нмел пароходнк перед другнми кораблями: вряд лн в зарубежных водах могло кому прнйти в голову, что иа латаной-перелатаной посудиие стаиут пробнраться в Испанию советскне люди.

Шли через Босфор н Дарданеллы, Мраморным и Средннземным морями, где шныряли фашнстскне пираты, готовые по малейшему подозренню пустнть ко диу любое ндущее в Испанию судно.

Высадилнсь в порту Картахена — там должен был через иесколько дней прншвартоваться теплоход «Комсомолец».

Теплоход подошел ночью. Портовые рабочне занялнсь выгрузкой мешков с зерном н сахаром, ящиков с меднкаментамн, мяснымн консервамн, банкамн сгущенного молока. Танкнстам Жезлова и матросам «Комсомольца» предстояло подиять нз трюмов страииые домнки с подошвой динщ в два слоя дубовых досок.

— Какне-то домикн...— Игорь удивленно посмотрел на Жезлова.— Наверное, перепутали иа погрузке...

Жезлов ухмыльнулся — в тех домнках жнльцамн

были танки Т-26. Он принимал на Ленинградском заводе каждую из пятидесяти машин этой первой партии, направляемой в республиканскую Испанию. При нем в сборочном цехе все пятьдесят обрастали досками: случись перехват «Комсомольца» фашистскими военными кораблями — маскировочные домики могли при обыске обмануть врага. Теперь их со всеми предосторожностями поднимали краном и ставили на ленту транспортера.

— Гляди, Мальгинио, чтобы ни одного удара, чтобы ни одна дощечка не отошла — никто в порту догадаться не должен.

После выгрузки машин в Картахену прибыли группы республиканских милисианос и бойцов Интернациональной бригады обучаться танковому делу.

Игорь обучал механиков-водителей. К нему прикрепили девять испанцев, семь французов, двух итальянцев, венгра и финна. Это были коммунисты, рабочие, хорошо знающие технику, но никто из двадцати никогда не заглядывал внутрь танка, а Игорь не знал ни одного языка своих учеников.

Жезлов подбадривал:

— В теории сами разберутся — грамотные. Натаскивай их практически, чтобы за месяц научились машину водить и мелкий ремонт делать!

На лобовой броне, возле люка, с которого Игорь на весь месяц обучения снял крышку, красуется в форме народной милиции испанец Марсело. Узкая пилотка — как птица, присевшая на миг, чтобы тут же вспорхнуть. Кожаная куртка не достигает талии, стянутой широким красным шарфом. Зеркально блестят полуботинки, штаны перехвачены шнурками на щиколотках.

Во всем облике Марсело — неподражаемая осанка, бесподобная манера испанцев держать себя гордо и броско, даже тогда, когда никто на них не смотрит.

По желтой траве полигона бежит остуженный морем ветер, приподнимается к Марсело, будто хочет вместе с ним заглянуть в люк. За рычагами — Игорь. Позади него, на днище, с которого убрали ящики из-под снарядов, сидит, по-турецки подвернув под себя длинные ноги, венгр Ференц Ковач. Взгляд его прикован к движениям Игоря, который включает и выключает мотор, дает ему разные обороты, показывает, как надо брать на себя

то один, то другой рычаг, чтобы развернуть машину.

Горячий Марсело сует голову в люк. Потоком хлещет его речь — даже испанец с трудом разберется в ней. Но жесты объясняют Игорю: Марсело просится за рычаги, на трассу, на полосу препятствий. Ведь он шофер и милисианос — он все понял, ему можно доверить машину!

3

В те же октябрьские дни итальянский пароход доставил в занятый мятежниками южный порт двести пятьдесят танков «ансальдо» — сто из них были оснащены огнеметами. Германия к этому времени тоже снабдила Франко танками, а также самолетами и новейшей противотанковой артиллерией.

Вооружившись этими фашистскими подарками, Франко начал наступление на Мадрид, рассчитывая сокрушить республиканскую армию и занять столицу не позднее 7 ноября.

26 октября первая линия обороны Мадрида была прорвана.

Через два дня подоспевшие из Картахены танки Жезлова заняли исходные позиции южнее Мадрида.

За рычагами управления сидели двадцать семь добровольцев. Для двадцати трех машин водителей не хватало — нельзя было еще доверить танки бойцам, наездившим всего по нескольку учебных часов.

Игорь остался в танке Жезлова. Заряжающим в эту машину взяли Марсело — он неплохо стрелял из танковой пушки и пулемета.

29 октября республиканцы решили контратаковать наступающих мятежников.

Впереди находилась в спешке сформированная бригада коммуниста Энрике Листера. В бригаде — два батальона обстрелянных дисциплинированных бойцов Пятого полка мадридских пролетариев, остальные пехотинцы прошли всего-навсего двенадцатидневное обучение и только накануне боя получили винтовки.

На высоте, с которой просматривалось плоскогорье с колоннами мятежников, движущимися на Мадрид, стояли Энрике Листер, Фрол Жезлов и переводчик. В бинокль попадали то голова, то хвост колонны марокканцев, то пушки, то танки, замыкающие строй частей.

Молодой, рослый, худощавый Энрике Листер, вытягивая руку в сторону мятежников, говорил, что они всегда наступают плотными густыми колоннами, выдвигая вперед артиллерию и оставляя танки во вторых эшелонах.

— Если случится отход или остановка в наступлении, пехота попадет под свой танковый огонь. Фашисты откровенно предупреждают об этом марокканцев да и своих солдат-испанцев тоже предупреждают.— Листер вынул карту из кармана, опустился на корточки, развернул ее на коленях.— Колонны идут через Сесенью — городок за этой горой. Там, наверно, много танков.

Жезлов всматривался в карту.

— Обойдем колонны с запада. Отрежем танки.— И добавил сдержанно: — Пехоты бы нам немного...

Он не решался настаивать — понимал, что через какой-то час или даже полчаса бригада столкнется с дивизиями врага, а у Листера слишком мало сил. Но уходить танкам далеко без пехоты тоже нельзя.

Листер, снова поднося к глазам бинокль, вглядывался в густеющие черные колонны, которые, видимо, стягивались для атаки.

— Возьмите роту новичков. Обстрелянных мадридцев дать, к сожалению, не могу.

Сесенья. Маленький городок, каких в Испании тысячи. Каждый дом — крепость с каменными метровыми стенами. И к этим крепостям движутся по самой что ни на есть противотанковой местности двадцать семь машин Жезлова с десантом пехотинцев на броне. Метров триста — долина, а там отвесный подъем, скалы, ущелья узкие, а выскочишь из них — открытое обзору поле, и за камнями противотанковые пушки.

Жезлов по радио командует батальону рассредоточиться. Но где это сделать, если за ровным полем — рвы и овраги, скалистые ущелья. Машины взвода разведки подавили две противотанковые пушки, но чем ближе к Сесенье, тем их больше, а пехотинцы-десантники, радуясь приказу Жезлова не маячить на танках, когда те проходят по ровному полю, соскочили и куда-то исчезли. И нет поддержки пехоты ни на подступах к Сесенье, ни на его окраине.

Там, на окраине городка, танкисты разведки обнаружили танки, пополняющиеся боеприпасами и горючим.

Шум вражеских машин возле складов заглушал гул «двадцатьшестерок», охватывающих городок в полукольцо. А когда советские машины подошли ближе, исход боя был предрешен.

На максимальной скорости, ведя огонь из сорокапятимиллиметровых пушек, машины Жезлова подошли к складам. Рвались боеприпасы. Горели немецкие Т-1 и итальянские «ансальдо». А те из них, которые вырвались и начали отстреливаться из пулеметов, не в состоянии были простыми пулями пробить броню «двадцатьшестерок».

Игорь, оглохший от взрывов, от гула и лязга, скорее чувствовал, чем слышал команды Жезлова. В смотровой щели возникали то острый угол машины, то выскакивающие танкисты, и он, беря на себя рычаги, давил гусеницами вражеских офицеров, солдат, технику.

Смертельная опасность нарастала и для наших экипажей. Фашистам удалось втащить две маленькие противотанковые пушки на плоские каменные крыши домов. Невидимые из танков, они открыли огонь. У одной «двадцатьшестерки» пробило башню, на другой — снаряд угодил в моторную группу.

Но бой был победный. Ни один вражеский танк не вышел из Сесеньи. А мятежные войска, схватившиеся с бригадой Листера и оглушенные внезапным ударом с тыла танков Жезлова, повернули вспять.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ГЕРОЙ ИСПАНИИ

Я имею все основания утверждать, что Советский Союз отправлял в Испанию лучшее свое оружие. Что касается танков, то они по своим качествам превосходили германские и итальянские танки мятежников.

В середине октября в республиканскую зону прибыли 50 советских танков. Уже 29 октября испанские танкисты, обученные советскими товарищами и сопровождаемые в бою храбрыми инструкторами, продемонстрировали полное превосходство над врагом и его техникой, нанеся ему тяжелые потери.

ЭНРИКЕ ЛИСТЕР.

Техника — молодежи, 1970, № 2, с. 57.

НА ПОМОЩЬ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

С октября 1936 г. по март 1937 г. более 25 судов СССР, Испании и других стран перевозили оружие для республики. За это

время республиканская армия получила из Советского Союза 333 самолета, 256 танков, 60 бронеавтомобилей, 3181 станковый и 4096 ручных пулеметов, 189 тысяч винтовок, 1,5 млн. снарядов, 376 млн. патронов, 150 тонн пороха, 2237 тонн горюче-смазочных материалов.

Мужественно боролись с врагом советские танкисты: П. М. Арман, К. Я. Билибин, С. М. Быстров, Ф. К. Ковров, С. М. Кривошеин, П. Е. Куприянов, А. В. Никонов, С. К. Осадчий, Д. Г. Павлов, Д. Д. Погодин, Н. А. Селицкий, П. А. Цаплин, М. В. Юдин и другие.

История второй мировой войны, т. 2, с. 53—55.

ПОНЯЛИ ДРУГ ДРУГА

Климат в Испании самый противотанковый... Температура в танке во время движения подымается до 65 градусов, температура масла — до 105! И все же механизмы исправно работают, и люди в танках атакуют фашистские линии, прорывают их, добираются до огневых позиций, ликвидируют их. А ведь одно только вождение танка, одно только пребывание в этой раскаленной металлической духоте,— одно оно достойно преклонения.

Мой собеседник рассказывает:

— Откровенно говоря, мы один раз прямо-таки не выдержали. Чувствуем, что еще немного — и попадаем в обморок, потому что дышать ну прямо-таки нечем. Чувствуем все, но чувствуем в одиночку. А для того, чтобы почувствовали все, нужно, чтобы сказал командир. И вот, после того как мы расстреляли один боевой комплект, командир говорит: «Идем на зарядку воздухом». Мы отъехали метров восемьсот, под оливковое дерево, вылезли из танка и давай дышать. Но как дышали! Никогда в жизни я так не дышал. Прямо-таки роскошно дышали. Около нас легли, совсем рядом, два снаряда, но это нисколько не повлияло на наше дыхание. Затем обратно, заняли места и вернулись в бой. Конечно, это отняло восемнадцать минут, но, уверяю вас, отразилось прямо-таки очень полезно.

...Свою пехоту танкисты тоже долгое время шутя называли противотанковой: очень не ладилось с ней взаимодействие. В атаках пехотные части отставали, нередко даже теряли танки из виду. Не умели закрепляться в местах танкового прорыва, не понимали смысла подвижности и маневренности машин, а воспринимали их только как ходящие вместе с ней, с пехотой, батареи: куда она, туда и они. Если взвод танков или даже одна машина возвращались в тыл для заправки бензином или за снарядами, это воспринималось как отход, и пехота бодро топала назад за танком. Заправится он — и пехота за ним опять бодро топала вперед...

Сейчас положение если не полностью, то в корне изменилось. И в боях, и в дни передышек, на тактических учениях пехотинцы и танкисты договорились и поняли друг друга. Сейчас в танковых операциях пехота часто идет вплотную за машинами.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Правда, 13 августа 1937 года.

СУТКИ В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ

Сегодня спасся экипаж еще одного республиканского танка, из тех трех, которые, как мы писали вчера, застряли в расположении фашистов на подступах к Сарагосе. Чудо не свершилось само — его свершил безграничный героизм бойцов, их упорство и вера в свои силы.

Тройка храбрецов только что добралась до передних линий правительственных частей. Мы их обнимаем — исцарапанных, обожженных. Они рассказывают — медленно, устало, радостно.

Танк был подбит несколькими снарядами. Его окружили фашисты — он отстреливался двенадцать часов, но постепенно враги приблизились и, забросав машину гранатами, насели на нее.

Экипаж заперся и решил не сдаваться живым. Фашисты влезли на танк, стали окликать сидящих в нем. Ребята сидели тихо, притворились мертвыми.

Мятежники вместе с итальянцами решили открыть танк. Начали лазить по нему, стучать молотками, ковырять ломами. Машина была закупорена наглухо, как несгораемый шкаф. Засовы и болты крепко держали изнутри.

После нескольких часов возни фашисты умаялись, решили отдохнуть и пообедать тут же, на танке. Пообедав, легли на танк вздремнули. В этот момент один из танкистов внутри зашевелился. Мятежники моментально ссыпались с машины и возобновили атаку.

Они начали бить зажигательными гранатами по нижней части танка, загорелась резина. «Мы сидели, молчали и курили,— рассказывает командир,— истекал девятнадцатый час боя в окружении».

Огонь погорел и опять потух. До бензиновых баков он не добрался. Танкистам было слышно, как мятежники совещались. Они решили покончить с экипажем раз и навсегда — не верить ничему, пока не увидят воочию трупов и не вытащат их из машины.

Началась новая атака на танк. Теперь надеяться было не на что. Трое бойцов решили покончить с собой в тот момент, когда враги проникнут внутрь машины.

Вдруг они услышали рядом разрыв снаряда, затем другого, третьего и крики раненых. Республиканская артиллерия, а затем республиканские танки после ночной пехотной разведки установили точный прицел и создали вокруг танка огневую завесу.

Стрельба стихла. Фашисты, очевидно, отбежали и попрятались. Наступила решающая минута. Надо было использовать ее немедленно. Это был последний и единственный шанс на спасение.

Командир танка с трудом повернул пушку и сделал три выстрела. Затем снял замок, передал командиру башни и приказал ему бежать. Фашисты открыли огонь по бежавшему. Он упал за пригорком. Командир приставил пулемет к отверстию, дал очередь и приказал бежать водителю. Последним выбежал он сам.

Мятежники направили на них целый ливень пуль. Тройка бойцов лежала за пригорком, крепко прижавшись к земле, пока фашистам не надоело стрелять. Затем сделали новую перебежку, затем третью... Исполнилось ровно двадцать четыре часа их сопротивления.

Они стоят, курят, пьют воду. Подробно и обстоятельно дают они указания другим бойцам, которые сейчас под прикрытием огневой завесы будут на бронированном тягаче вытаскивать их машину...

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Правда, 19 октября 1937 года.

НАПРАСНЫЕ НАПАДКИ

В некоторых современных изданиях встречаются порой замечания, что будто бы те танкисты, которые сражались в Испании, не критически переносили боевой опыт в СССР. В частности, они якобы отрицали самостоятельную роль танковых войск и уверяли, что танки могут лишь сопровождать пехоту. Особенно часто упоминается в этой связи имя Д. Г. Павлова.

Мне хочется защитить здесь его имя. Нападки эти напрасны, а их авторы ставят вопрос с ног на голову. В действительности дело обстояло как раз наоборот. Павлов справедливо доказывал, что те легкие танки, которые были у нас, вроде Т-26, не способны решать крупные задачи; между тем роль танковых войск растет с каждым месяцем, значит, нам необходимо улучшать имеющуюся технику, создавать новые танки, более мощные и более подвижные. Фактически этот тезис и был претворен в жизнь, ибо за него ратовала сама же жизнь. Танки Т-34 и другие, прославившие себя в годы Великой Отечественной войны, являлись не чем иным, как мечтой Д. Г. Павлова, воплощенной в металл.

К. МЕРЕЦКОВ, Маршал Советского Союза.

На службе народу. М.: Политиздат, 1968, с. 200—201.

НЕОЖИДАННЫЙ ВЫЗОВ

1

Накануне первомайских торжеств тридцать шестого года правительство наградило орденами группу ленинградских танкостроителей, среди них и Кошкина, за создание проекта и экспериментального образца «сто одиннадцатого» — первого в мире танка с противоснарядной броней.

Радость омрачала беда, обрушившаяся незадолго перед этим на коллектив опытного завода — начальника КБ Семена Гинзбурга сняли с работы. На его место назначили Кошкина.

Михаил Ильич доказывал, что у него ничтожный стаж и опыт конструирования, что не может он руководить инженерами, знающими больше его, но с ним не посчитались.

Только теперь, оставшись без Гинзбурга, Кошкин сумел сполна оценить организаторскую и конструкторскую одаренность бывшего руководителя. Нетрудно приказом низвергнуть человека, но невозможно заменить талант. И если бы не давний сподвижник Семена Александровича — заместитель начальника КБ Галактионов,— коллектив на какое-то время был бы парализован.

Осенью Серго прислал Кошкину телеграмму-«молнию». Срочный вызов восприняли на заводе по-разному. В цехах решили: нарком желает ближе узнать нового начальника КБ. В заводоуправлении забеспокоились: не связана ли «молния» с задержкой монтажа Т-111. Лишь одна машина была смонтирована и испытана на полигоне. Поступили в сборку детали и узлы еще для двух, но монтаж застопорился — прокатный стан, на котором ижорцы прокатывали шестидесятимиллиметровую танковую броню, вышел из строя. Ремонт и наладка его затянулись.

— Нарком, может, не знает, что ижорцы...

— Не из-за брони вызов.

— Думаете, просчет в конструкции?

На следующее утро Кошкин поднимался в приемную народного комиссара тяжелой промышленности. Он запомнил ее по тридцать четвертому году многолюдной,

шумной, а очутился в строгой тишине, увидел единственного посетителя — военного, сидящего к нему спиной за журнальным столиком. В глубине приемной тихо говорил по телефону помощник наркома.

Военный обернулся, и Кошкин узнал адъютанта начальника управления бронетанковых войск. Подошел к нему. Во время приездов в Ленинград адъютант бывал неизменно улыбчив и весел, как, впрочем, большинство преуспевающих по службе молодых военных. А тут — не свойственная ему серьезность.

— Прилетели?..

— Нет, поездом. Случилось что?

— Неприятность. Ночью узнали...

Адъютант не сказал больше ничего.

В приемную возвратился помощник, передал приказание начальника управления доставить папку переписки по танкам.

— Есть! — щелкнул каблуками адъютант и вышел.

Помощник обернулся к Кошкину:

— Здравствуйте, Михаил Ильич. Простите, у товарища Серго непредвиденные обстоятельства. Позвоните завтра утром из гостиницы — номер вам с вечера забронирован.

Но только Кошкин направился к выходу, помощник остановил его:

— Подождите, пожалуй. Может, буря утихнет.

«Ночью узнали... Переписка по танкам... Буря...» — сопоставлял Кошкин. И от этих загадочных слов, и от тишины, густой и тревожной, у Михаила Ильича возникло и нарастало ощущение, что беда произошла с танками. «С нашими?..»

В конце лета тридцать шестого года на Ленинградский завод поступила шифровка: срочно подготовить к отправке пятьдесят танков Т-26. Такие приказы были делом обычным — десятки партий боевых машин ежегодно уходили с завода в военные округа. Но странным выглядело требование соорудить для каждого танка контейнер, схожий с дачным домиком. «Зачем декорации? К какому спектаклю?» — спрашивали рабочие, а принимавший машины Фрол Жезлов делал вид, что ничего не знает: приказ — и все тут, лучше, мол, не расспрашивать и не распространяться о контейнерах-домиках.

Только через два с лишним месяца, когда газеты

стали писать о танках республиканской армии, о первых удачных танковых рейдах в тылы мятежников и интервентов, ленинградцы догадались: «Наши двадцатышестерки»!..»

И вдруг газеты перестали упоминать о танках республиканцев. «Что произошло?» — думал Кошкин, перечитывая сообщения из Испании.

«Мятежники,— писали «Известия»,— сконцентрировали на Мадридском участке все свои марокканские части и иностранный легион численностью в 15—16 тысяч человек. С утра 9 ноября мятежники усилили бомбардировки Мадрида. Вокруг Мадрида возводятся новые баррикады».

И опять ни слова о танках, так же как и в телеграмме, отправленной 11 ноября корреспондентом «Правды» из мадридского пекла:

«В ночной и сегодняшней утренней атаках республиканцами взято много пленных. Утром республиканская авиация совершила блестящий налет на фашистский аэродром Авила и уничтожила двенадцать самолетов... Вчерашний контрудар, направленный против фашистов в парке Каса дель Кампо, заставил их отступить и остановиться в этом направлении. Мы увидели, что марокканцы умеют удирать не хуже других, когда на них нажимают пулеметами и ружейным огнем, авиацией и внезапной штыковой атакой».

Республиканская авиация... Конечно, наши самолеты! А танки?!

Кошкин все более склонялся к мысли, что беда произошла с машинами его завода.

Из кабинета Орджоникидзе вышли заместитель наркома по оборонной промышленности и начальник управления бронетанковых войск.

— Михаил Ильич, пожалуйста, к наркому! — позвал помощник.

2

Нарком стоял в глубине кабинета, опершись ладонями о стол. Помощник опередил Кошкина, что-то сказал Серго, взял со стола бумагу и, прежде чем выйти, включил обе люстры. Заметив опавшие щеки, болезненную желтизну лица и горечь в глазах наркома, Кошкин подумал: «Другой... Совсем другой...»

Серго взял со стола стопу фотографий, молча протянул их.

Сердце Кошкина пронзила боль — она казалась еще острей, чем та под Царицыном, когда его подкосила пулеметная очередь...

На снимках были искореженные, обгоревшие танки. Вероятно, от прямых попаданий снарядов с одной «двадцатьшестерки» снесло башню, у других — разворочена броня, разорваны гусеницы. В глубине извилистых улочек, отнявших у танков скорость и маневренность, угадывались серые тени каменных зданий.

Видимо, немецкие и итальянские пушки подстерегли Т-26 за частыми поворотами средневековых переулков, а из верхних окон и чердаков мятежники сбрасывали на подбитые, беззащитные машины бутылки с горючей смесью. Какой-то бесстрашный человек рискнул подползти на смертельную близость, чтобы сфотографировать гибель советских танков.

— Что тебе говорят эти снимки? — спросил наконец Серго.

Кошкин молчал.

Что он мог сейчас ответить наркому? Что конструкторы себя не жалели, создавая «двадцатьшестерку», душу в нее вложили? Серго это знал. Как и все, что произошло с этими машинами на испанской земле с первого их боя в октябре под Сесеньей и во всех последующих боях. В броневой защите, силе и меткости огня они превосходили итальянские «ансальдо» и немецкие Т-1, которыми интервенты надеялись сокрушить армию республики. Но броня любого из существующих в мире танков не выдержит прицельного огня противотанковых пушек, только противоснарядная броня «сто одиннадцатого» выдержала бы... Не в том ли Серго видит вину завода, что замешкались с выпуском «сто одиннадцатого», не сумели отправить его в Испанию вместо «двадцатьшестерок»?

Но Кошкин ощутил почти физически, что не одни эти фотографии, не одна трагедия в Мадриде,— что-то еще согнуло Серго. Драматические события второй половины тридцать шестого года многое в мире повернули к худшему, осложнилось и положение внутри страны. «Может быть, что-то личное обрушилось на Серго, не болен ли? Все внутри у него, кажется, клокочет...»

Молчание становилось невыносимым.

— Пошлите меня в Мадрид,— вдруг попросил Кошкин.

— Искупление? За чьи грехи?.. Ты в институте был, когда армия уже имела тысячи «двадцатьшестерок». Да и конструкторы... Разве могли предусмотреть такое? — Поднял со стола фотографии.— Нет, Михаил Ильич, тебе здесь работать, здесь не легче будет, чем в Испании!

Прошел до окна, где в углу стоял глобус, и, тронув его пальцем, заставил кружиться.

Кошкин следил за движениями наркома. О чем думает Серго, глядя на мелькающие континенты? Не о большой ли схватке с фашизмом, которая, похоже, придет вскоре после этой войны в Испании? О том, что еще надо сделать, чтобы во всеоружии встретить большую войну?..

Несколько минут глядел Серго на вертящийся шар, а когда возвратился к рабочему столу, Михаил Ильич заметил в нем перемену. «Кажется, успокоился немного».

— Ворошилов и Тухачевский просят к февралю дать три образца «сто одиннадцатого». Будут армейские испытания новой техники. Подумай, прежде чем сказать,— это реально?

— Один танк испытан, мы вам докладывали. Для двух нет брони, товарищ нарком.

— Посылаю своего заместителя к ижорцам. Броня будет. Справитесь?

— Справимся, товарищ нарком!

— Вот это мне и хотелось услышать.— Серго спохватился, что не пригласил конструктора сесть.— Чего стоим? Садись, Михаил Ильич, рассказывай. Трудно тебе, наверно?

«Скажу: КБ не по плечу мне, Гинзбурга несправедливо сняли. Без него дело страдает». Но не успел рта раскрыть, как в тишину ворвался нетерпеливый телефонный звонок.

Серго снял трубку, выслушал, отвечая односложно: «Нет... Да... Иду...»

Торопливо стал складывать испанские фотографии в портфель и произнес отчужденно, будто речь шла не о нем:

— Попадет сейчас товарищу Орджоникидзе...

«Вероятно, Политбюро»,— подумал Михаил Ильич. Он попытался представить себе, как Серго стоит перед друзьями по революционной борьбе и, не щадя себя и тех, кто имел отношение к посланным танкам, держит ответ за беду в Испании.

Хотел себе представить и не мог.

ПРОВАЛ

1

«Сто одиннадцатый» проходил заводские испытания. И уже на первых этапах обкатки стали выходить из строя ходовая часть и двигатель.

— Ты дал им дикие нагрузки, скорости немыслимые. У самого господа бога сердце лопнет от подобных фокусов! — убеждал Галактионов, так и оставшийся заместителем начальника КБ. Он только что возвратился из Москвы — готовил для показа правительственной комиссии самоходки и в испытаниях Т-111 не участвовал.— Ставь немедля запасные двигатели, получил для опытной партии — и ставь! Дай им нормальные нагрузки, и я убежден: выдержат и наши испытания, и армейские.

Кошкин не соглашался. Он видел причину провала «сто одиннадцатого» в другом: малая мощность двигателя, ходовая часть с узкими гусеницами, недостаточным запасом прочности и большим давлением на грунт не могут обеспечить машине необходимую подвижность и надежность. Да, нельзя было на средний танк ставить броню в шестьдесят миллиметров. Отсюда и неудачи уже на первых этапах обкатки.

— Нет, ни на эти танки, ни на опытную партию ставить такие моторы не будем. Танк без будущего... Пусть лучше умрет в чертежах, на испытаниях, чем в бою! Сделаем другой танк, полегче, и моторостроители создадут мощный двигатель, тогда... Еду в Москву, скажу Серго: «сто одиннадцатого» не будет.

— Сумасшедший! Тебя разорвут. Наш главный военный советник в Испании просит прислать три экспериментальные машины, не дожидаясь выпуска серийных. Серго и Ворошилов намерены поставить вопрос в ЦК.

— Серго же знает о катках...

— Я не говорил.

— Ты же обещал! — Кошкин с удивлением глядел на Галактионова.— Я не писал, не телеграфировал наркому — выходит, скрыл?! Как теперь скажу о моторах?..

Он отвернулся от заместителя, посмотрел, как по глубокому снегу полз на холм танк. Из выхлопных труб вырывались черные, жирные, как деготь, хвосты. Узкие гусеницы лязгали траками, прокручиваясь вхолостую, не в силах втащить машину даже на эту небольшую высоту. Еще немного похрипел мотор и, захлебнувшись, умолк.

Кошкин, ссутулившись, пошел от холма к автомобилю на обочине шоссе, за ним — Галактионов. Сели, молча проехали километров двадцать. Галактионову стало невмоготу сдерживать себя.

— Гордыня тебя заела,— сердито заговорил он.— Забыл, что вырос на этом танке? На свалку «сто одиннадцатый»! А думал ли ты, храбрец, что будет с конструкторами, с Семеном Гинзбургом, наконец, после признания провала?

Кошкин молчал. Он понимал, что приговор «сто одиннадцатому» будет приговором Гинзбургу. Задумал и проектировал танк не Кошкин, а Семен. Мало поклепов, обвинений на голову бывшего начальника КБ, теперь это — самое страшное. Скажут: Гинзбург обманывал наркомат, государство, с умыслом выбрасывал на ветер народные деньги, силы, время. И не подняться тогда Семену, никогда не подняться...

«Это ты, ты, ты!!!» — выл встречный ветер, бросая в лобовое стекло ледяную крупу. Кошкин закрыл глаза. «Не случись несчастья с Гинзбургом, не провалился бы танк. Семен Александрович, наверное, нашел бы выход».

Кошкин старался понять, на каком этапе проектирования допущена ошибка, нет, не ошибка, просчет. Увеличивать броню до шестидесяти миллиметров на среднем танке нельзя.

«Как я мог обещать «сто одиннадцатый» к армейским испытаниям? — проклинал он себя.— Обещал — и провалился!»

Кошкину теперь казалось, что все, чем занимался он, став начальником КБ, было самообманом, цепью заблуждений, оплошностей, просчетов. Ему стало жут-

ко — ощущение такое, словно в кавалерийской атаке он выбит из седла и конь бешеным галопом несет его вниз головой по каменистому полю.

2

Ждал в Москве вторую неделю — нарком не вызывал. Михаил Ильич выехал из Ленинграда без звонка, не спросив разрешения у Серго, и в наркомате его не застал. Помощник наркома посоветовал написать докладную записку о причинах прекращения испытаний «сто одиннадцатого».

— Вернется нарком, пригласит, наверное. Лучше из гостиницы не отлучаться.

И Михаил Ильич не то что на улицу — спуститься поесть себе не разрешал. Пробежит коридором до буфета на своем этаже, возьмет что-нибудь в номер и опять меряет его шагами — пять в длину, три в ширину. И все анализировал, обдумывал, перепроверял в памяти сделанное за этот год, когда вопреки здравому смыслу его назначили начальником КБ.

Каждый час тех семи недель после разговора с наркомом и обещания представить на армейские испытания «сто одиннадцатый», каждый час он безжалостно требовал от себя, от людей в КБ отдать мысли, силы, время — все сполна отдать трем экспериментальным машинам. «Не исключено, что кое-кто из конструкторов предчувствовал провал, но не сказал ни слова. Боялись, наверное, что даже намек на неудачу навлечет на них подозрение, а то и прямое обвинение во вредительстве. Может быть, я сам породил скрытность у людей, боязнь сказать правду в глаза?»

Не вытерпев томительного ожидания, Кошкин однажды все же позволил себе походить по улице. Он поднимался вверх по Тверской, не отрывая глаз от скрипящей под ботинками пороши — так и мерещилось, что идущие навстречу люди замедляют возле него шаг, подсознательно чувствуя в нем тяжко повинного перед ними...

Веселый снежок, морозный воздух не в состоянии были освежить голову, освободить ее от одних и тех же трудных, неотвязных дум.

Вечерами Кошкин, не зажигая света, подолгу стоял у окна, глядел на Красную площадь. Вся жизнь, начи-

ная с того мгновеиня, когда он, одиннадцатнлетний, ступнл на эту площадь, была незрнмо связана с ней. В семнадцатом году прнжнмался к брусчатке, подползая к Спасской башне, где заселн юнкера. Сюда прнезжал с Южного н Архангельского фронтов. Когда учился в Москве, часто прнходнл слушать бой курантов, а потом, заезжая нз Вяткн н Ленннграда, не раз стоял с обнаженной головой перед Мавзолеем!

Ночью он вышел нз гостнннцы на безлюдную Красную площадь. Тысячеголосо ревела метель, неся тучн снега от Васнлня Блаженного к Исторнческому музею. И словно этот снег, метались, сталкнвалнсь мыслн. «За свое лн дело взялся, Кошкнн? Какой ты иачальннк КБ, еслн не сумел вовремя обнаружнть просчеты в конструкцнн, не углядел малый запас прочностн важных узлов н механнзмов, особенно ходовой частн?..»

Когда он поравнялся со Спасской башней, часы началн отбнвать двенадцать. За последннм ударом последовала знакомая пауза, н иад Красной площадью, одолевая вой н свист метелн, возннк н поплыл «Итернацнонал». В этн мннуты Кошкни сказал себе: «Ты не нмеешь права поддаваться отчаянню... Не получилась эта машнна — получнтся другая».

Он не спал вторые суткн. Все время думал о таике, рнсовал в блокноте схемы узлов, сиова н снова перепроверял расчеты, н постепенно сталн вырнсовываться новые решення конструкцнн. Онн н раньше прорезалнсь на мгновення, но таялн в неуверенностн, в текучке дел, а сейчас прнобреталн реальные очертання.

В этом повороте от изматывающего самобнчевання к понскам Кошкнну неожнданно помог справочннк Хейгля «Танкн».

Он прнобрел справочннк незадолго перед выездом в Москву н успел только полистать. Теперь, в гостнннце, прочнтал четыреста страннц убористого текста, не отрываясь, подолгу вглядываясь в каждую нз многочнсленных фотографнй.

В справочннке особых открытнй не было — Кошкнн давно нзучнл все доступные кннгн о танкостроеннн зарубежных государств. Чнтал и два первых издання Хейгля. Но третье, мюнхенское, переведенное весной этого года в Москве, отлнчалось от прежннх шнроким разбором новых броннрованных машин не только в старых танкостронтельных державах, но н в молодых —

Швеции, Японии, Польше, Чехословакии. Лишь о Германии в последнем выпуске не было ни слова.

Уже при чтении начальных глав Кошкин догадался об уловке издателей.

Хейгль умер в тридцатом году — имя его использовали для рекламы. Разнообразный по национальности состав авторов — американец, швед, австриец и немец — понадобился, чтобы, придав справочнику, казалось бы, «универсальный» характер, оставить в тени бронетанковое вооружение вермахта. Военное издательство Москвы в этом плане кое-что исправило, поместив примечания переводчика о немецком танкостроении и несколько фотографий полугусеничных тягачей, трехосных бронеавтомобилей и танков вермахта. Именно эти снимки вызвали у Кошкина наибольший интерес.

...Танки-разведчики на параде по случаю фашистского съезда в Нюрнберге. Некоторые — крупным планом. Своеобразная конструкция гусениц и особенно необычные контуры машинного отделения заставляли Кошкина много раз возвращаться к снимкам.

Машинное отделение было ниже, чем у всех других танков. «Не установлены ли на них дизели?»

Он перечитывал страницы, где говорилось о двигателях. По справочнику получалось, что всюду на танки ставятся стандартные автомобильные и авиационные моторы. Вероятно, дешевизна производства, возможность без дополнительных затрат на перестройку выпускать их в любом количестве сделали промышленников сторонниками бензиновых моторов. Но конструкторы и военные?.. Не могут же они не знать, не учитывать новых веяний и обстоятельств. Автомобильные моторы слабы для средних танков. Авиационные посильнее, но хрупки и легко воспламенимы, и это должно бы восстановить против них танкистов любой армии. Не скрывают ли немцы своих танков именно из-за дизелей? Крупп выпускает любые моторы, в их числе и дизельные. Если они уже вытесняют бензиновые на тяжелых грузовиках, то можно предположить, что дизели монтируются и на средних танках весом в шестнадцать — двадцать тонн. «Иметь бы мощный дизель для «сто одиннадцатого», может, и не провалились бы...»

Как ни больно было ворошить историю «сто одиннадцатого», Михаил Ильич возвращался к ней снова и снова и в конце концов окончательно утвердился в

мысли, что время и силы затрачены не зря — пусть позже немного, но противоснарядная броня на танках будет! Через год, два, может быть, и раньше, появится, наверно, более тонкая, но более крепкая и вязкая броня, чем эта. Не одни ижорцы ищут. И Бардин, и такие, как Алексей Горнов! И пушка подходящая для такого танка, возможно, уже проектируется — люди не спят, работают. Знать бы их, соединить бы с ними свои усилия!

Поздним вечером в гостинице появился директор опытного завода. Рассказал, что его вызвал телеграммой нарком и больше часа расспрашивал о «сто одиннадцатом». Узнав, что Серго возвратился в Москву и что в эти минуты он консультируется с танкостроителями других заводов, Кошкин решил, что не работать ему больше за чертежной доской. Товарищ Серго ему доверял и... ошибся.

Его охватило чувство непоправимости.

СНЕЖНЫЙ ТАНК

1

Почти всю ночь на выходной гостиница гудела: шаркали и топали в коридоре, отбивали чечетку в номере над головой. Кошкин не мог ни сосредоточиться над расчетами, ни заснуть.

Близко к рассвету прикорнул на кушетке.

Его разбудил настойчивый стук в дверь.

Человек, которому он открыл, нетерпеливо переступил порог.

— Кошкин Михаил Ильич?

— Да.

Незнакомец расстегнул две верхние пуговицы длинного кожаного пальто, извлек из внутреннего кармана конверт.

— Вам. И прошу спуститься вниз. Жду вас в машине.

На бланке народного комиссара тяжелой промышленности — наклонный, размашистый почерк Серго:

«Уважаемый Михаил Ильич!

Познакомился с докладной запиской. Обсуждал ее с танкостроителями и военными товарищами.

Одни считают ваши доводы убедительными. Другие их отвергают.

Надо поговорить.

Понедельник и вторник крайне перегружены.

Прошу приехать на дачу. Доверьтесь моему Волчку».

Возле главного подъезда гостиницы «Москва» Михаила Ильича ожидал «кадиллак» — длинный лимузин с серебряным журавлем на капоте. Водитель раскрыл дверцу, показал на сиденье рядом с собой.

Улицы и площади, окружающие гостиницу, были еще в сугробах — не успевали убирать. Но накануне метель утихла, будто призывая Кошкина унять метельную сумятицу в душе.

— Как вас звать-величать?

— Николай Иванович.

— Волчок ваша фамилия?

— Нет, товарищ Серго так окрестил.

Достаточно было понаблюдать, как шофер ловко объезжает сугробы и автомобили, чтобы догадаться, почему Серго так называет шофера.

Видимо, Красная площадь навеяла воспоминания: шофер рассказал, что возил Свердлова, Калинина, а однажды сменил заболевшего Гиля и целый день был с Лениным.

У шлагбаума, на выезде из города, шофер притормозил — скопилось много машин.

— Второй десяток лет работаю с товарищем Серго, но чтобы обидел словом!.. Было однажды, секретарь перепутал время вызова машины, и я опоздал в Сосновку на полчаса. Вижу: нарком нервничает. Ну, думаю, пропал... А он, заметив, как я перетрухнул, сказал только: «Нехорошо... Заседание ЦК...» — «Постараюсь, Григорий Константинович»,— говорю и как рванул! Двенадцать километров от Сосновки до этой окраины пролетел пулей, но вот как ухитрился промчаться кривобокими улицами с милицией на перекрестках — не понимаю. И доставил... секунда в секунду, через семнадцать минут по наркомовским часам.

Кошкин обдумывал, что сказать наркому, а водитель продолжал свой рассказ:

— Как-то помощник попросил меня дня три не возить Серго в Сосновку: сюрприз, говорит... Сошлись на что угодно — на болезнь, на поломку машины. Но как

я мог такое позволить, если никогда не болел? А кивать на машину — все равно что плюнуть себе в лицо... Выходит товарищ Серго из здания наркомата с военным — три шпалы в петлицах, командир пограничной дивизии. Серго торопит: «С ветерком! В Сосновке попотчуем друга. Покажи, на что горазд!»

...Во время обеда слышу стук в стену. Поднялся я тихонько, чтобы не помешать беседе, но Серго тоже услышал стук — и за мной. Входим в кладовку, видим: двое что-то сооружают из жести и дерева. Серго одного узнал: «Изобретатель?! Какого верблюда под ковром прячешь?»

Незадолго перед этим изобретатель демонстрировал в наркомате портативный звуковой киноаппарат. Увидев нас, отступил в угол, а Серго продолжает допрос: «Зачем притащил?» — «Подарок, товарищ нарком».— «Кому?» — «Вам, товарищ нарком».— «Мне?! От тебя, молодого специалиста, никак не ожидал».

Рабочий, пожилой, солидный, пришел на выручку инженеру: «Подарок завода, директора...» — «Не завода, а директора, согласен,— перебил Серго.— Но если бы он спросил рабочий коллектив, можно ли за счет государства делать такие подарки отдельным людям, рабочие наставили бы фонарей и директору, и заодно тебе, уважаемый изобретатель»...

— И чем кончилось? — заинтересованно спросил Михаил Ильич.

— Пригласил инженера и рабочего пообедать и за столом убедил, что больше всех достойны редкого подарка солдаты пограничной дивизии, которые не то что звуковое — немое кино и то смотрят раз в три месяца. И гость наш с тремя шпалами в петлицах на другой же день увез подарок...

Перед Сосновкой шофер вдруг пожаловался Кошкину, что Серго почти и не отдыхает на даче — всегда у него здесь люди. То макеевского доменщика поселил на весь месячный отпуск, то ученого, то директора завода, а группами сколько сюда возил гостей!

— Если бы возможно было,— засмеялся шофер,— Серго, наверное, собрал бы в Сосновку всю свою индустриальную армию, все пять миллионов человек, и всех приветил бы, обласкал. А сам! Впервые в эту зиму появился тут вчера, да и то потому, наверное, что Туха-

чевский приехал, и разговор у них, видать, особо важный был.

2

Разговор Серго с Михаилом Николаевичем Тухачевским действительно был важный и касался штабной игры — предполагаемых военных действий на случай войны с фашистской Германией.

Игра проводилась генеральным штабом по предложению Тухачевского.

Перед тем как представить высшему командованию свой расчет противоборствующих сил, Тухачевский зашел к Серго обменяться мнениями о военно-промышленном потенциале Германии, ее людских ресурсах, темпах роста немецкой армии, особенно танковых и авиационных соединений. Доктрина немецкого генерального штаба предполагала концентрацию максимума сил на главном театре военных действий. Тухачевский считал, что армия вторжения фашистской Германии, выставленная против Советского Союза, составит примерно двести отмобилизованных дивизий.

Серго согласился и посоветовал сделать примечание, что расчет предусматривает вооруженные силы одной Германии без ее возможных союзников в войне против нас.

Когда проходила штабная игра, Тухачевский не бывал у Серго, но как только она закончилась, поспешил к нему со своими тревогами.

Оказалось, генштаб отклонил расчеты Тухачевского, считая, что Германия сможет выставить против Советского Союза всего около ста отмобилизованных дивизий, в том числе к северу от Полесья — на территории, избранной плацдармом штабной игры,— пятьдесят немецких дивизий и тридцать дивизий «союзников». Этой армии ставилась задача овладеть Смоленском, как трамплином для наступления на Москву. Тухачевский настаивал: Германия способна будет сконцентрировать к северу от Полесья не менее восьмидесяти немецких дивизий, не считая «союзников». Генштабисты, однако, отвергли его доводы, построили игру не на превосходстве наступающей фашистской армии, а на равном соотношении сил...

Серго хмуро слушал внешне спокойный рассказ Тухачевского.

— Легко, значит, досталась победа.

— Легко.

Рука Серго скользнула по столу, сжалась в кулак.

— Опасная самоуверенность! Раз наше — значит, лучше, раз наше — значит, больше и сильнее. Откуда берется это высокомерие?

Неожиданно для Тухачевского спросил:

— Слышал, что произошло с танком «сто одиннадцать»?

— Хотел бы знать подробности.

Серго повторил основные положения докладной записки Кошкина, сказал о мнениях танкостроителей и военных специалистов. Не скрыл своих колебаний между позициями сторонников Кошкина, которые считали, что танк бесперспективен, и теми, кто защищал «сто одиннадцатый».

— А вы, Михаил Николаевич?

— Машину бы посмотреть да поговорить с Кошкиным. Мне кажется, его сторонники ближе к истине, чем опровергатели. А конструктор проявил отвагу, рискнув отказаться от одобренной и почти готовой машины.

— Вот где сидит его отважность! — звучно хлопнул себя по затылку Серго.— В Испанию бы этот танк, не горели бы там наши люди. ЦК собирался обсудить, можно ли, нужно ли послать туда экспериментальные машины. А этот Кошкин!..

Тухачевский понимал: раздраженность Серго вызвана не только и не столько докладной запиской Кошкина. Происходили события куда тревожней. Сложности последних месяцев, вспышки подозрительности к работникам Наркомтяжпрома, которым Серго верил, были главной причиной его взвинченности. А тут еще провал «сто одиннадцатого»...

— Допустим, танк в армию не пойдет,— сказал Тухачевский.— Разве это зачеркивает работу конструкторов? «Сто одиннадцатый» сыграл свою роль, доказал, что противоснарядная броня может стоять и будет стоять на будущих танках. Спасибо за это ленинградцам, а тем более Кошкину. И еще спасибо ему за то, что открыл нам глаза на слабость танка.

Тухачевский подошел к стене, нашел на карте Ростов-на-Дону.

— Помните приезд на Южный фронт наркомвоенмора и вашу схватку с ним по поводу резервов? Вы до-

бились приказа о переброске иам еще двух дивизий, а потом сами от иих отказались.

— Не уловлю связи,— приблизился к карте Серго.— Мы решили ускорить иаступлеиие, выступить иа иеделю раньше, ие ожидая резервов, выиграть иа виезапиости, которую Деиикии ие ждал. Это была тактика боя.

— А здесь мы имеем, пожалуй, дело с коиструкторской стратегией. Но речь ие об этом. Там и здесь я вижу мужество призиать свои ошибки и вовремя их исправить. На подобиый риск с таиком и с собствеииой судьбой может пойти человек цельиый, самозабвеииый. Вы тогда предложили отвергиуть разработаииый военным советом и утвержденный высшими иистаициями плаи иаступлеиия крупиыми силами. Выиграло дело? Безусловио. Решеиие Кошкииа чем-то иапомииает ваше, Григорий Коистаитииович.

3

Серго встретил машииу во дворе. Кошкии взгляиул иа иаркома и повеселел. За те два месяца, что мииули после разговора о беде в Испаиии, лицо Серго вроде бы посвежело, движеиия сиова стали порывисто-легки. Ои шутил, радовался солиечиому дию и приезду Кошкииа.

— Здравствуй, Михаил Ильич, здравствуй! Волчок, иавериое, ие дал тебе позавтракать, зиачит, в чьем-то желудке свадьба, а в твоем иет и помолвки... Идем, моим хозяюшкам уже ие терпится показать свое искусство! — И шумио, так что иа втором этаже слышио стало, ввел гостя в дом.

Впустив его впереди себя в столовую, торжествеиио объявил:

— Михаил Ильич Кошкии. Прошу любить и жаловать!

И, зиакомя коиструктора с семьей, по доброму грузиискому обычаю представил сиачала старшей — старушке-кабардиике, ставшей равиоправиым члеиом семьи Орджоиикидзе:

— Лавреитьевиа. Сердечиейший человек. Кого полюбит — закормит. А любит оиа каждого, кто переступит иаш порог.

С той же ласковой шутливостью познакомил с Зииаидой Гавриловиой и Этери.

— Украшеиие дома — ребеиок, украшеиие стола —

гость.— И усадил Михаила Ильича между собой и черноглазой дочерью.

Во время завтрака Серго похвалнвал Лаврентьевну за сочувствие к нему — жертве строжайшей диеты, навязаиной медиками и Зинаидой Гавриловной.

— Ннкто, кроме Лавреитьевны, меня не жалеет. Прошу сацнви — курнного студия, а Зииа твердит: тебе вредио, и лобио — фасоль с орехамн — вредио. А Лаврентьевна тайком подкладывает мне. Пусть здравствует еще сто лет моя Лаврентьевиа!

После завтрака Серго прнглаcнл Михаила Ильича сыграть в бнльярд.

— Не терпится под столом посидеть? — засмеялась Зииаида Гаврнловна.— Придумал: проигравшнй — под стол, а так как почти всем проигрывает, то непрерывио там и сиднт... Уж вы пощадите его, Михаил Ильич!

— Никудышный партнер — это верно,— рассмеялся н Серго,— ио все-такн попытаюсь одолеть — у меня сегодия боевое иастроеиие.

— А я н не помию, когда кнй в руки брал,— признался Кошкин, когда они вошли в бильярдную.

— Человек таикн строит, а прикидывается иеумельцем.

И, засучнв рукава, Серго потуже завязал сииий шиур с кистями, перепоясавшнй чесучовую, иавыпуск рубаху.

— Ставь шары и разбивай! Может, подставишь на счастье мне.

Кошкии ударил — три шара оказалнсь напротив луз.

— Начниаю атаку. Держись!

Два шара одни за другим угодилн в лузы. Видимо, такого иикогда или давно не бывало у Серго — ои возликовал:

— О-го! Фортуна! Ты хорошнй человек, Михаил Кошкии.

Но тут же подозрительио гляиул иа гостя:

— Ты не подыгрываешь? Не люблю!

— Сам ие люблю.

— Выходнт, я слабостью гостя пользуюсь? Нет уж, пользуйся моей.— И легоиько стукиул своим шаром по чужому, чтобы Кошкину иичего не стонло добнть его. Но чужой ыыриул в лузу — ие рассчитал Серго удара.

Первую партию выиграл Серго, вторую — Кошкин.

— Это хорошо, что ничья. Можио иа равиых побеседовать,— сказал Серго.

4

В гостевой комнате, куда они зашли, обстановка и тишина располагали к беседе. Но волнение, которое Серго сумел снять во время завтрака и в бильярдной, опять охватило Кошкина, как только он сел в кресло у круглого столика. Серго это заметил.

— Не беспокойся, Михаил Ильич, ты — гость и защищен от моей горячности. Я только поругаю тебя за тон кающегося грешника в докладной. Зачем? Какой конструктор, если он, конечно, настоящий конструктор, не сомневался, не терзался? Ты имел мужество сообщить правду, и как бы я ни был зол на тебя, на себя, на всех — я сумею все понять, если увижу, что начальник КБ Кошкин рук не опустил, искать не перестал. Прежде всего хотелось бы услышать о твоих ближайших планах.

А у Михаила Ильича, как назло, сумятица в голове. Вспомнил о блокноте, нерешительно вынул его, торопливо стал перелистывать, искать, что-то отрывочно объяснять, поражаясь тому, что нарком не перебивает, а присел на подлокотник его кресла, наклонился к наброскам.

— Что за кубики?.. А пунктиры что обозначают? А расчет почему не окончил? Любопытный же расчет!

Похоже было, Серго догадывался, каких усилий, какой выдержки потребовали эти наметки от человека, у которого с каждым днем двухнедельного ожидания росла тревога за судьбу КБ и свою собственную...

Внимание наркома к наброскам, несколько минут назад казавшимся Кошкину наивными, совсем еще туманными, немного успокоило. Завязался разговор о проблемах, волнующих конструкторов. Каким типам машин отдавать предпочтение, создавая новые образцы? Как найти наиболее удачное сочетание броневой защиты, ходовых свойств и огневой мощи танка?

— Броня, огонь, движение. Какой тип танка сольет в себе это триединство с наибольшей пользой? — вслух размышлял Серго.— Я спрашивал южан, отвечали: «Конечно, легкий. Разве серия наших БТ не утверждает это?» Спрашивал твоих соседей — кировцев, те, недолго думая: «Безусловно, тяжелый танк. И мы это докажем» А что вы, опытники, скажете после неудачи «сто одиннадцатого»?

— То, что и прежде, товарищ нарком: средний танк.

Он станет основным для армии, если мы поставим на него не три башни, как на Т-28, не маленькую пушку, а одну башню с длинноствольным орудием. Такой танк будет стремительным, под стать БТ, имея при этом броню тяжелого танка, о котором мечтают кировцы. Он станет непревзойденным, если появится мощный мотор. Но этого одному КБ не поднять, надо объединить усилия с моторостроителями. Другой нам нужен двигатель, товарищ нарком, совсем другой!

— Какой именно двигатель?

— Специальный танковый дизель. В Германии, мне кажется, уже ставят...

— Ты в этом уверен?

— Я видел фотографии танкового парада в Нюрнберге. Низкие габариты моторного отделения танков-разведчиков подсказывают: на них, возможно, поставлен горизонтальный дизель Круппа с воздушным охлаждением.

— Ты ошибся, Михаил Ильич, и очень хорошо для нас, что ошибся. На тех танках — это нам удалось выяснить — работают авиационные моторы. Не исключено, что на других, экспериментальных машинах ставятся дизель-моторы. Как-никак Дизель — немец, и конструкторы Германии не олухи, чтобы не испробовать этот тип двигателя на танках... Но и мы не дремлем. Теперь уже могу тебе сказать: в тридцать втором году поручили трем КБ разработать танковые дизели. Правда, дело движется медленно, туго. Больше всего надеюсь на Южный завод. Там первые дизели испытываются на БТ-5.

«Танковый дизель... Он будет, раз взялся Серго!» — обрадовался Кошкин и размечтался:

— Нам бы его испытать, да на новом танке!

Серго пообещал подумать, может быть, и удастся в ближайшее время дать ленинградцам один-два дизеля, но сказал об этом как-то вскользь. Вдруг стал рассказывать о своих поездках на Южный завод, о старом рабочем, ставшем после революции первым советским директором, о молодых конструкторах, лишенных сейчас крепкой организаторской руки. Кошкин с интересом слушал. Но никак в толк не мог взять, какое все это имеет отношение к танковому дизелю.

В комнату вбежала Этери.

— Папа! Ты обещал погулять со мной. Пойдем.

Дача купалась в лучах солнца. Высокие сосны, обутые в сугробы, с трех сторон подступали к деревянному особняку. Только от фасада лес отодвинулся, освободив место квадратному двору с дорожками в полуметровом снегу и ледяной горкой с санями на вершине.

Едва Серго показался в дверях, как был атакован снежками Этери и Зинаиды Гавриловны. Николай Иванович вынес деревянные лопаты.

— Бригадиром назначаю конструктора,— сказал Серго.

Что для пятерых такая работа! Вскоре пузатый снеговик с угольками глаз смешно глядел на своих создателей, мчавшихся на санях с горки.

Мороз разрумянил, раззадорил всех. Но шумливей, чем Серго и Этери, не было сейчас, пожалуй, людей во всем Подмосковье. Девочка была счастлива, что впервые за зиму отец появился на даче, а его радовали и родные лица, и спокойный лес, и гость, с которым он так хорошо поговорил.

Обед заканчивался в сумерках — в доме включили свет. Зинаида Гавриловна уговорила мужа прилечь отдохнуть, пока они с Лаврентьевной и Этери приберут в столовой, придумают что-нибудь легкое на ужин.

Кошкин с Николаем Ивановичем вышли во двор.

Освещенный луной, светом из окон, двор преобразился. Снеговик посередине, сугробы и кустарники на опушке выглядели непривычно, таинственно. Кошкин всмотрелся в снежный холм между соснами.

— Николай Иванович! — крикнул он удивленно.— Танк!

Шофер рассмеялся:

— Метель замела бревна.

Кошкин понимал, что это сугроб, но видел необычный с обтекаемыми бортами танк. Ему казалось, танк движется, увеличивается в размерах, принимает все более четкие формы.

Кошкин то подходил ближе к сугробу, то отступал от него, как художник от почти законченной картины, и вдруг стал лихорадочно сгребать руками снег.

— Снимем-ка, Волчок, здесь немного — выделится башня!

Они лопатами скинули с одной половины сугроба

часть снега, облили из шланга получившиеся корпус и башню.

Николай Иванович принес очищенное от коры тонкое бревно, воткнул его в снежную башню.

Поздно вечером Серго, Зинаида Гавриловна и Этери вышли на прогулку. В изменчивом лунном свете они увидели снежный танк.

ПУТИ-ДОРОГИ

1

Исхудалый, с выступающими скулами, блестящими глазами Гинзбург переступил порог кабинета начальника КБ, в котором не был больше года.

— Вернулся...— выдохнул потрясенный и обрадованный Кошкин.

Они обнялись.

— Спасибо, Михаил Ильич... Все знаю... Я был у Серго.

Когда немного успокоились, наговорились, Гинзбург огляделся.

Здесь все осталось на своих местах: столы, две чертежные доски, переполненный рулонами ватмана шкаф, стеллажи до потолка, где заметно прибавилось новых книг. И то, что в этой комнате все оставалось неизменным, красноречивей слов говорило о том, что Кошкин ждал бывшего начальника КБ, верил, что тот вернется.

Гинзбургу было известно, что Кошкин добивался его восстановления на работе, но знал он далеко не все. Не знал, что Кошкин в докладной на имя Серго взял на себя вину за провал «сто одиннадцатого». Не знал и о разговоре, который происходил между Кошкиным и Орджоникидзе на даче, когда они ночью остались одни возле снежного танка. «Отчаянный ты, однако, человек, Михаил Ильич,— сказал Серго.— Гинзбургу инкриминируют семь смертных грехов, а ты его оправдываешь. Еще кому-нибудь писал о нем?» — «Писал».— «И не боязно?» — «Что из того, товарищ нарком? Кто-то должен сказать: люди на заводе в Гинзбурге уверены. Семен незапятнанный, честный коммунист, вернуть бы его, то-

варищ нарком...» И вот Гинзбург перед ним. Говорит. что может хоть сегодня приступить к работе.

— Вам бы сейчас на юг, морским воздухом подышать, силы вернуть, Семен Александрович. Бюро передам после того, как отдохнете, поправитесь.

— Через неделю вас уже не будет в Ленинграде, Михаил Ильич. Серго назначил вас главным конструктором Южного завода.

— Что?! — растерялся Кошкин. Сразу вспомнился тот разговор о танковом дизеле. Серго стал рассказывать о поездке на Южный завод и неожиданно спросил: «А если тебе дать все три КБ этого танкостроительного, взялся бы?» Кошкин тогда счел это предложение шуткой. Но ответил, что поработал бы на Южном заводе, потому что там рождается дизель. Всерьез он это, конечно, не воспринял.

— Главным конструктором? — переспросил Кошкин, все еще не веря.— Нет, нет, мне не по силам!

— Серго возлагает на вас большие надежды. Сказал: «Кошкин бредит новой машиной, даже из снега слепил...»

То была удивительно хорошая неделя для недавнего учителя и недавнего ученика. Днем ходили по цехам, по группам КБ — Гинзбург принимал у Кошкина дела, а вечерами, оставшись одни, мечтали, делали наброски узлов танка, часто спорили. Гинзбург с удивлением и уважением присматривался к Кошкину, поражался его даром технического предвидения, способностью чутко улавливать новое, перспективное и в технике и в экономике. Из ошибок минувшего года, из провала, который свалил бы, кажется, любого, Кошкин вышел окрепшим, вынес мечту о новой, небывалой машине.

2

Экспресс шел на юг.

По этой дороге уезжал Кошкин на фронт восемнадцать лет назад. Товарные вагоны тех лет словно в насмешку называли теплушками. Дров едва хватало для паровоза. Вихревой морозный ветер-степняк пробирал пассажиров до костей, а они, добровольцы Красной Армии, были веселы, уверены, что разобьют белогвардей-

скую гидру, перенесут пламя революции за рубежи России.

Мы, на горе всем буржуям,
мировой пожар раздуем!

...А теперь Кошкину вручили в наркомате билет в двухместное купе спального вагона, и было в том купе тепло и чисто, а на душе — беспокойно.

Что он знал о Южном заводе?

Знал, что там в послеоктябрьское время выпускались паровозы, тракторы, а с тридцать первого года — легкие колесно-гусеничные танки БТ, любовно названные в армии «бетушками».

Кошкин видел первые опытные машины этой серии на армейских испытаниях тридцать пятого года. Это было фантастическое зрелище, когда четырнадцатитонный танк буквально перелетел через овраг. Члены приемной комиссии знали причину этой легкости — на тонну веса БТ-7 приходилось двадцать девять лошадиных сил. И специалистам казалось идеальным сочетание четырехсотсильного авиационного мотора с легкой тонкой броней.

Нравились «бетушки» и Серго. Он приезжал на завод в конце пятилетки, и совершенствование боевых машин радовало наркома.

И вот он, Кошкин, послан к конструкторам того танка, а те, вероятно, уже знают, что «сто одиннадцатый» провалился...

Из-за снежных заносов поезд прибыл с опозданием на шесть часов. На площади перед вокзалом не было ни такси, ни заводской машины. Кошкин сдал чемоданы в камеру хранения и пошел к трамваю.

Должно быть, трамвая давно не было. Люди с мешками, сундуками, облезлыми чемоданами толпились на конечной остановке.

Падал крупный мокрый снег, и скоро шуба и длинноухая шапка стали сырыми и тяжелыми. Кошкин знал, что выглядит нелепо в этой взъерошенной, не по погоде жаркой одежде. Стоявшие рядом девушки хихикали в поднятые воротники легких, осенних пальто, и ему тоже стало смешно: шуба, приобретенная в Вятке, рассчитанная на северные морозы, служила ему почти восемь лет в Ленинграде, но здесь, на юге, выглядела, наверное, нелепо.

К заводу, на окраину города, Кошкин добрался к концу рабочего дня. Ни директора, ни начальника отдела кадров в заводоуправлении уже не было. Девушка из бюро пропусков передернула плечами, когда он спросил, нет ли поблизости гостиницы.

— Поезжайте в центр.

Не хотелось опять толкаться в душном трамвае, потом выпрашивать место в переполненных гостиницах, но что поделаешь...

Только Кошкин отвернулся от окошка, как сзади кто-то сказал с укоризной:

— Зачем, Надя, приезжего мотаешь?

— А что я могу, Василь Фомич? — виновато ответила девушка.

— В общежитие позвони... Дай-ка трубку!

Кошкин оглянулся. Плотный, широкой кости человек с крупными выразительными чертами лица и выглядывающей из-под картуза густой проседью смотрел на него.

— Командированный?

— Работать приехал.

— Что же, будем знакомы. Захаров.— Василий Фомич протянул сильную, с натруженной ладонью руку.— Переночуете у меня, дом просторный.

— Спасибо.— Кошкин назвал свою фамилию.

— А-а, слышал... Директор же обещал машину к поезду прислать! — сказал новый знакомый на улице, и Кошкин вдруг подумал, не тот ли это медник Захаров, о котором ему рассказывал нарком.

— Не о вас ли я слышал от Серго? Это вас рабочие поставили первым советским директором?

Улыбка осветила лицо Захарова.

— Памятлив нарком... А директорствовал я с гульки нос. Больше отбивали атаки белых.

Простер руку в сторону высокой кирпичной стены.

— Заводище! Разве малограмотный мужик подымет? Отнекивался, отбивался, а в ревкоме жмут: «Ты, Вася, кашу заваривал, тебя революция и назначает хозяином». Сел я в бывшее кресло господское, чую — не по мне шапка. Шумлю на митингах: «Я же медник! Имею всего-навсего два класса церковноприходской!» А мне: «Николашка рабочих-директоров не наготовил». Терпел я, терпел и пригрозил, что в Москву поеду, Ленину нажалуюсь. Тут уж подействовало.

Домик Захаровых такой же приземистый, как и все в унылом, горбатом переулке. А внутри — сухо, тепло, весело.

Хозяйка накормила гостя и мужа украинским борщом, варениками с творогом и сметаной. Попотчевала вишневым вареньем, хваля свой садик. Расспросив Кошкина о семье, уговаривала скорее вызвать ее из Ленинграда и, пока дирекция вымудрит казенную квартиру, поселиться у них — благо и школа для старшенькой близко. Фомич же заговорил о людях, с которыми Кошкину предстояло работать:

— Напротив меня Морозов Сан Саныч живет — с божьей искрой мужик. В пятнадцать годков — лучший копировщик завода, а уже в двадцать — старший конструктор тракторного отдела. О бате его, мастере, молва шла, будто весь паровоз в голове держал, без чертежей собирал на старом Бежицком заводе; Саня-то, видать, весь в него. Когда закупили мы танк Кристи, скопировали его, то уже на втором образце нашего БТ Сан Саныч обставил американцев своей коробкой передач. Угрюмоват, правда, Саня, неулыбчив, бывает, слова из него не выдавишь... Но в конструкторском деле — дока. Может, Михаил Ильич, сейчас и зайдем к нему?

Хозяйка встрепенулась:

— Куда на ночь глядя? Саня, видно, уж спать лег.

— Свет у него, мать,— откинув плотную штору, Фомич поглядел в окно.

Но хозяйка стояла на своем:

— Гляди, человек устал с дороги.— И начала стелить гостю постель.

РАДОСТЬ В ГОРЬКИЙ ДЕНЬ

1

Я обманул наркома...

Эта мысль преследовала Алексея Горнова повсюду.

За сорок дней нового года цех недодал государству семьдесят тысяч тонн стали. Не четыре тысячи двести тонн в сутки, как Алексей обещал Серго, даже не три, а две, редко две с половиной давали с невероятным напряжением.

Без роздыха бушевала метель. На расчистку путей к

узловой станции ежедневно выходила половина рабочих завода. Когда несколько составов с углем, известняком и огнеупорами наконец пробились к цехам, нагрянула новая беда: вышла из строя система водоснабжения. Аварии стали еще больше лихорадить домны и мартены.

«Какой я секретарь, если ничего не могу поделать?» — мучился Алексей.

Накануне Нового года его, молодого коммуниста, избрали секретарем партийного бюро мартеновского цеха. Опыта никакого, а тут — аварии, растерянность. Алексей ходил в партком завода, шумел, требовал помощи, но свою ответственность ни на кого не сваливал. Дневал и ночевал в цехе. На своей печи показывал: можно и в метели выполнить план, если не опускать руки.

Но от сегодняшней плавки зависело особенно много — может быть, все сталеварское будущее Алексея Горнова. А главное — будущее метода, который он хотел утвердить.

...Возле печи Кондрата Лукича Аврутина, передававшего смену, Алексей задержался.

— Я Любашу к вам отвел, отец.

— Давно пора. В пору уж в роддом.

— Если что, позвоните в цех.

— Не беспокойся. Тебе сегодня нервничать нельзя.

— И не подумаю.

На самом деле Алексей с трудом сдерживал волнение.

«Первая плавка без мастера. Августовская не в счет — в секрете готовилась, чувствовал себя у печи прескверно, будто кражей занимался... Теперь не то: Серго — за эксперимент, и в цехе много союзников. Справлюсь сегодня, закреплю победу на других плавках — докажу, что метод сталевар-мастер имеет будущее».

Нет, Алексей, конечно, понимал: без мастера еще долго не обойтись, пока что лишь двум-трем сталеварам в цехе можно полностью доверить судьбу плавки с начала и до конца. Но чувствовать себя у печи хозяином, смелее принимать самостоятельные решения — к этому должен стремиться каждый.

На Ижорском заводе, куда посылал его Серго смотреть броневые плавки, Алексей увидел именно таких

сталеваров — грамотных, уверенных, разговаривающих с мастером на равных. Да робкому, неуверенному, каждую минуту оглядывающемуся на начальство, никогда и не сварить броню. А ее придется варить много и, может быть, очень скоро — об этом говорил Серго, и Алексею Горнову это давно ясно, потому и впитывал так жадно опыт ижорцев.

«Если завтра грянет набат, что прежде всего потребуется от сталевара? — спрашивал себя Алексей. И отвечал: — Знания, смелость, уверенность». Вот к этому и должна была звать мартеновцев сегодняшняя ночная плавка.

Минут за двадцать до третьего гудка Алексей с бригадой был у печи. Подручные, не ожидая начала смены, стали помогать уходящей бригаде заправить пороги после выпуска металла. Мастер не подходил — не хотел смириться с мыслью, что его подчиненный самостоятельно сварит сталь.

Алексей занялся подсчетом, сколько ему нужно железного скрапа, известняка и руды, когда в печном пролете показался директор завода.

На ходу снял перчатки, подошел к Горнову:

— Утром звонил Серго. О тебе спрашивал. Велел передать, что верит в тебя, желает успеха.

И работа закипела.

Уж на что сменный инженер верил сталевару, и тот, увидев, как Алексей подгоняет к печи еще один состав с шихтой, переспросил:

— Не много ли?

— Нет.— И Горнов показал блокнот. Расчет там был сделан на плавку в двести девяносто — триста тонн.

Все процессы протекали быстрее графика. Алексей вел тепловой и технологический режимы грамотно, спокойно, как будто давно обходился без мастера.

Взяли пробу — тонким блином вылилась сталь на плиту.

— Горячий металл, и лабораторный анализ хороший! — сказал сменный инженер. Успех Алексея был и для него наградой за мытарства, которые он принял вместе со сталеваром в прошлом году.

Плавка оказалась превосходной: качество отличное, вес небывалый — 305 тонн, да еще скоростная.

Не заглядывая в душевую, надев пальто прямо на прожженную спецовку, Алексей стремглав спустился с

лестницы н прямнком через шлаковые отвалы побежал к мосту, ведущему через пруд в город.

Радостный ворвался он в квартнру Аврутниых н, увидев Любашу в темиом корндоре, не сообразнл, что ее сорвало в такую рань с постелн, зачем она закуталась в шубу.

— Сумелн! — крнчал он, не разглядев ее распухших губ, нспарнны на обескровлеиных щеках.

Тороплнво завязывая коицы пуховой шали, нз комнаты выскочила теща. С не свойствеиной ей злостью иакннулась на зятя:

— Олух ты царя иебесного, неужто не вндишь — за машнной бежать надо. Воякн вы разнесчастные...

Последнее относилось н к Алексею н к Коидрату Лукнчу — тот нн свет нн заря побежал в цех узнавать результаты Алешнной плавкн. Только вышел, как у Любашн началнсь предродовые схваткн.

2

Ее увелн куда-то вверх по лестннце, и, когда смолклн шагн, Алексей спохватнлся, что даже ласкового слова у него не нашлось в такую мннуту. Все вылетело нз головы...

Истуканом стоял возле лестнницы. Каждый шорох сверху казался ему прнглушениым криком Любаши. Он думал о ее муках, о том, что хочет сейчас одного — увндеть ее жнвой н что больше ему ничего в жнзнн ие надо.

Алексей с трудом заставил себя выйтн, пройтись по улнце. Когда возвратнлся к роддому, дверн былн заперты. Алексей забарабаннл в окно.

— Кто? — спроснл через форточку мягкнй старушечнй голос.

— Откройте. Там жена моя.

— Тут, мнлый, однн жены. Как твоя-то фамнлня?

— Горнов. Ее Любашей зовут... Утром прнвез.

— Жена твоя хорошая — терпнт. Боли чуточку утихлн. Иди домой. Ране ночи, а может, н утра не ждн, я-то уж знаю.

Алексей напнсал запнску Любаше н отправился домой. Лег спать. Когда проснулся, был уже вечер, полседьмого. Мать дважды ходнла к Любаше, сказалн, что все по-прежнему. Алексей поспешил на завод.

В кабииете кроме иачальиика сидели смеииый иижеиер и Кутьии, сталевар с соседией печи. Обе руки у иего были забиитоваиы — брызиуло металлом. По репликам Алексей понял: отделался легкими ожогами, ио работать ие мог. Сразу подумал о том, что первый подручиый, замеиивший сталевара, малоопытеи и положиться иа иего иельзя. Встать самому? Но прежде Гориову хотелось узиать, сообщили ли Москве о иочиой плавке.

— Телеграмму Серго отослали?

При этих словах иаступила страииая, гиетущая тишииа.

— Ты ие слышал?..— отозвался иакоиец иачальиик цеха и осекся, ие в силах продолжать.

— Что случилось?

Грузиый голос иачальиика, всегда гремевший по цеху, осел до шепота:

— Умер... Радио передавало...

Будто горячим металлом залило Алексею грудь, мозг, глаза. Не может быть, вчера же звоиил... Что будет? Что делать?.. Все кругом казалось враз омертвевшим, и лишь Серго иа портрете по-прежиему глядел живыми веселыми глазами.

— Иду иа твою печь,— сказал Алексей сталевару.

— Тебе же всю иочь потом у своей стоять, а моя газит — ие выдержишь.

Алексей махиул рукой, пошел к печи, к подручиым товарища. Ои им иичего ие сказал, и оии иичего ие спрашивали, когда ои с лопатой встал рядом и с ожесточеиием стал бросать раскислители в кипящую ваииу.

Молча провел ои иесколько часов иа чужой печи, потом всю иочь иа своей. Первым орудовал лопатой у завалочиых окои, первым бросался к выпускному отверстию. Если б можио, Алексей замеиил бы, иаверио, ие только мастера, ио и подручиых — ои изматывал себя и этим уиимал свою боль.

Мииула иочь — длиииая, как жизнь, короткая, как вздох. Ои стоял у печи, будто в карауле возле Серго.

В иачале шестого его позвали к телефоиу. Бежал по цеху, ие обращая виимаиия иа паровозиые гудки, иа тревожиый колокол краиовщика, иесущего иавстречу ковш жидкого чугуиа. Алексею казалось: если ои ие добежит сию же миииуту, случится еще что-то иепоправимое.

Рабочие крайней печи увидели возвращающегося Алексея.

Те же впалые щеки, тот же измученный вид, а человек — другой. Удивленные глаза, полуоткрытый рот, руки, не находящие себе места,— все кричало о радости. Алексею стыдно было, что радость выпала ему в этот горький день, но поделать с собой ничего не мог.

— Кто родился? — спросил пожилой сталевар.

— Серго...— неожиданно выпалил Алексей.— Серго родился!

Часть третья

«ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРКА»

СВЕРХЗАДАЧА

1

И в конце февраля продолжали свирепствовать метели. Под снежными заносами скрылись железнодорожные пути. Кошкину казалось, метели отнимают тепло и у людей: в дирекции, в КБ к нему относились холодно, недоверчиво.

А тут еще весть о смерти Серго.

Боль оглушила. Как живой, встал перед глазами нарком, там, у снежного танка. А потом навалилась неотступная навязчивая мысль: без Серго он, Кошкин, ничего сделать не сможет. До этого вынуждены были считаться — Серго назначил. А теперь?

Кошкин понимал настроение в КБ: приехал неизвестный человек в коллектив, который вырастил не один десяток видных конструкторов, инженеров,— отчего же не поставили главным конструктором одного из них? Сможет ли понять новичок их прошлое и настоящее, почувствовать их боли и радости?

Кошкин знал: на заводе годами привыкли идти от одной серии БТ к другой, совершенствуя машину, но не меняя основ конструкции и технологии производства. Это было спокойно для КБ, удобно для завода, да и танкисты не могли нахвалиться «бетушкой» — юркой,

быстрой, иадежиой. Как-то в беседе с коиструкторами Кошкин усомиился в перспективиости колесно-гусеиичиого хода и надежности противопульиой брони — иа него посмотрели с иеприязиью. Ои рассказал о таиковых боях в Испаиии, о «двадцатьшестерках», тоикую броню которых пробивали сиаряды фашистских противотанковых пушек. Конструкторы вежливо выслушали и так же вежливо, ио иастойчиво стали доказывать, что с «бетушками» это ие могло бы случиться, так как оии в два с лишним раза быстроходнее, чем гусеиичиый Т-26, и ие успели бы фашисты прицелиться, как БТ протараиили бы их пушки. Пойти в открытую против коллектива, доказывать опасиость самоувереииости коиструкторов Кошкин не мог, пока не иайдет едииомышлеииков.

Ои искал, верил, что иайдет таких иа заводе.

Захаров, с которым Кошкии подолгу разговаривал вечерами, иастоятельио советовал поближе сойтись с Морозовым. Кошкин и сам ие раз присматривался в КБ к коиструктору. Худощавый, молчаливый, ие очеиь-то приветливый иа вид, тот обычио сидел, ие отрываясь от чертежной доски, и Михаил Ильич не представлял, как можио вызвать этого человека иа откровенность. «Эх, был бы ты, Кошкии, пообщительией, поконтактией...» — упрекал ои себя.

Часами Михаил Ильич изучал в архиве проекты молодых работииков КБ. Оживали листы ватмаиа, и главный коиструктор искреиие восхищался Морозовым.

...В тридцать четвертом году в коробке передач танка БТ-5 обнаружился коиструктивиый иедостаток — разрушались зубья коиической шестерни. Завод объявил коикурс иа коиструкцию новой коробки. Проекты представили опытиые иижеиеры. А ои — техник Саия Морозов — сделал лучше всех: его трехскоростная коробка оказалась самой простой и надежиой в эксплуатации. В коробке передач Морозова были и талаитливые иаходки, и детали предыдущей коиструкции — это облегчало производство. «Если ие такие, как ои, то кто же тогда будет бороться за иовое? Его бы в группу перспективы!..» — мечтал Кошкин, рассматривая в архиве чертежи. Ои еще ие знал, что Морозов тоже заиитересовался им.

Началось это в те дии, когда сюда, с опоздаиием месяца иа два, докатились вести о провале «сто одиииадцатого». Должио быть, кому-то выгодно было изобра-

зить главного конструктора неудачником, невеждой в проектировании и создании опытных образцов. Поползли слухи, что Кошкин скрывал неудачи, пока комиссия наркомата не установила негодность «сто одиннадцатого». Морозов не верил этим шепоткам. «Профана, полузнайку не послал бы к нам Серго»,— думал он.

Василий Фомич Захаров, член парткома завода, рассказал Морозову, что начальник производства Степарь восстал против намерения Кошкина создать конструкторскую группу перспективного проектирования, провалил это предложение у директора и попытался то же самое сделать на парткоме.

— Мы, правда, приструнили Степаря, но он продолжает сопротивляться. Тебе бы, Саня, в группу перспективы! Кошкин подбирает конструкторов.

Морозов уставился на соседа.

— Группа перспективы? В первый раз слышу. Почему же ваш квартирант словом меня не удостоил?

— Молчун ты, Сань, как ему с тобой разговаривать! Пойдем со мной, у Кошкина к тебе дело.

Они просидели до утра. Михаил Ильич говорил о машине, в которой соединились бы все лучшие качества легких, средних и тяжелых танков. Мало того, она должна иметь и принципиально новое: противоснарядную броню, мощную пушку, дизель-мотор.

— Это же сверхзадача, Михаил Ильич! — шепотом, чтобы не разбудить хозяев за стенкой, воскликнул Морозов.— Вы думаете, ее можно решить?

— Обязаны. Хотя бы потому обязаны, Александр Александрович, что не решить ее сейчас, когда вот-вот грянет гроза, советские конструкторы не имеют права.

2

На Южном заводе было три конструкторских бюро: проектирования новых образцов БТ, серийного производства освоенных машин и дизельное. Начальники КБ были независимы и работу вели, почти ничего не согласовывая друг с другом. Предшественника Кошкина величали шефом всех конструкторов весьма условно. Старый инженер, человек не склонный к ломке хорошо освоенного, он оставался в стороне от поисков новых путей в танкостроении, и это в общем вполне устраивало начальника производства Степаря, к которому

фактически перешло руководство конструкторами. С этим на заводе смирились, и уже казалось, что без подчинения всех и вся Степарю — энергичному, предприимчивому и памятливому инженеру — выпуск серийных танков разладится.

Разбудит Степаря ночью телефонный звонок из Москвы, и он, не задумываясь, скажет, в какой стадии обработки находятся десятки узлов и сотни деталей, какой завод не дослал даже самую малость по кооперации. Это нравилось, так же как и то, что с утра до поздней ночи Степарь в цехах и конструкторам, имеющим к нему пусть косвенное отношение, не позволяет отрываться от производства.

Когда наркомат отозвал старого инженера и директор разрешил Степарю занять кабинет «шефа конструкторов», друзья уже поздравляли начальника производства с предстоящим повышением.

И вдруг — Кошкин! Назначенный главным конструктором, наделенный Орджоникидзе небывалыми правами.

Самолюбивый, уверенный в своей незаменимости Степарь растерялся, но скоро решил, что Кошкин не опасен: и в дирекции, и в КБ главного конструктора встретили холодно. Тем не менее Степарь собирался уступить полюбившийся кабинет Кошкину, но тот отказался: «Оставайтесь здесь. Мне кабинет не нужен». Он занял маленькую комнату на почти пустующем еще этаже нового здания, поближе к цехам. Позже попросил передать группе перспективного проектирования весь этаж. «Опять эта группа? Где вы подобную видели?!» — вышел из себя директор. «Нигде. Но без нее не жить»,— доказывал Кошкин.

То, что директор невзлюбил Кошкина, было на руку Степарю. Ко времени заседания заводского партийного комитета он окончательно успокоился, и, когда партком заступился за Михаила Ильича, Степарь не очень-то и расстроился: он был убежден, что Кошкин на заводе — человек временный.

3

Просторная комната с высокими окнами, выходящими на юг, изменила свой облик. Чертежные доски сдвинули, на освободившейся площади расставили собранные по этажам стулья и табуреты. Образовавшийся во

всю длину комнаты коридор перегородил стол, застеленный чистыми листами ватмана. Когда все уселись, Кошкин встал, уперся ладонями в столешницу и попросил почтить память Серго.

Люди поднялись и замерли.

— Он в нас верил... Он надеялся на нас,— сказал Кошкин и кивнул, чтобы все сели.

Помолчал и деловито заговорил:

— Большинство из вас отстаивает БТ как наиболее перспективную машину. Чувства ваши естественны и понятны. Вы преданы своему творению. Но не менее естественна убежденность кировцев, что проектируемый ими тяжелый танк будет играть в армии главную роль. Понятны и чувства коллектива опытного завода, верящего в превосходство своего среднего танка. Какой же все-таки заслуживает предпочтения, имеет право претендовать на роль главного танка в предстоящих, небывало трудных сражениях?

Кошкин напомнил об Испании, которую фашисты превратили в полигон, где в крови испытывается их новейшая техника, рассказал о противотанковой артиллерии, сводящей к нулю противопульную броневую защиту.

— Соответствуют ли имеющиеся танки современной боевой обстановке? Нет. Ни легкие БТ и Т-26, ни нынешние средние и тяжелые машины не отвечают требованиям времени. Вы можете сказать, что наши танки превосходят зарубежные. Да, они лучше немецкого Т-1 и колесного итальянского «ансальдо». Но никто здесь, надеюсь, не считает западных конструкторов тупицами, не извлекшими уроков из боев в Испании! Не опоздать бы нам, не отстать! А такая опасность грозит нашему коллективу и будет грозить до тех пор, пока будем держать конструкторов на текущем производстве, на модификации БТ, пока не займемся перспективным проектированием машины, способных выдержать испытания большой войны.

Простудный кашель заполнил паузу. Низкорослый парень виновато показал на соседа справа:

— Дует мне в ухо Каменецкий — неужто, спрашивает, «бетушку» нашу на свалку?

Рядом с ним, смущенно опустив глаза, сидел Жора Каменецкий.

Он недавно демобилизовался, был уже не в форме

танкнста, а в пнджаке-маломерке, ношенном еще до армнн.

— Не могу ответить другу,— сквозь кашель продолжал сосед Каменецкого,— потому что вы, товарищ главный, так н не просветнли, что предлагаете взамен БТ.

— Главиым для Красной Армии может и должен стать прнципиальио новый танк, способный выжнть в тяжелейшей бнтве, перед которой мы стонм,— ответил Кошкнн.

— Расплывчато...

— Почему мы обязаны браться за нечто туманиое? Своих хлопот на пятилетку!

Выкрнкн недовольных слнлнсь с голосамн тех, кто заинтересовался словамн Кошкнна. Разобрать, кто о чем, было невозможно, пока шум не перекрыл густой барнтон Вирозуба:

— Цытьтэ, кинчай ярмарку! Нэхай Мыхайло Ильич вндповндае!

Должно быть, в коллектнве уважалн Внрозуба не только за могучнй баритон — тншниа восстановнлась мгновенно, н в этой тншнне особенно четко прозвучал голос сндевшего у окна Степаря:

— Разрешнте, товарнщ главный, сформулнровать то, что, я уверен, интересует большинство конструкторов.

— Пожалуйста.

— Прежде всего, прошу уточинть: вы мыслнте себе прииципнально новый танк, как отрицание всех ныне существующнх, так я вас поиял?

— Не совсем так. Достоинства лучшнх танков в той нлн иной мере послужат и новой машнне. Мне, например, как н вам, нравнтся коробка передач Александра Александровнча Морозова — позаимствуем ее. Да и неудачи нас многому научнлн — имею в виду «сто одиннадцатый», на котором опытный завод поставнл отлнчную ижорскую протнвоснарядную броню, н танк... провалнлся. Но броня нн при чем. Если мы установим на среднюю машнну не шестьдесят мнллнметров, а тридцать нлн сорок н эта машина будет иметь не слабый бензиновый мотор, а мощный, компактный танковый дизель, над которым работает наше заводское КБ, то приблизим скорость машнны к скоростн БТ, а броню не возьмут нынешние противотанковые пушкн.

Степарь ухмыльнулся.

— Это, простите, похоже на мечту боксера: имеет вес пера, а надеется нокаутировать тяжеловеса. Не маниловщина? Не ошибочная идея?

Кошкин догадался: Степарь меняет тактику, ему кажется выгодной открытая схватка. Что ж, бой так бой!

— Продолжайте, товарищ Степарь, чем же порочна наша идея?

— Не наша, а ваша, лично ваша, товарищ Кошкин! — Степарь самоуверенно вскинул голову.— А вредна она тем, что уводит коллектив конструкторов и весь завод от решения главнейшей задачи — модификации БТ-7. Заказчик ждет именно этой, а не другой модели — ждет от нас тысячи новых БТ с колесно-гусеничным движителем. Может быть, вы намерены сдать в архив и колесный ход? Получается — заказчик требует одно, а вы предлагаете другое.

И, протянув к Кошкину руку ладонью вверх, на полминуты застыл — полюбуйтесь, мол, на такого главного конструктора.

Спорить сейчас о колесно-гусеничном ходе означало восстановить против себя коллектив: БТ был единственным танком с таким ходом, и он давал рекордные скорости на хороших дорогах.

— Я ничего не скажу о движителе. Будем думать, выберем лучший вариант. Что же касается заказчика, то мне припомнилось замечание товарища Орджоникидзе в беседе с конструкторами. Он призывал не идти на поводу у людей, которые сжились с хорошо освоенной, но стареющей техникой. Вы, говорил нарком, как хороший портной, должны предложить свой фасон заказчику, и надо, чтобы «фасон» этот был самый совершенный, добротный, надежный. Тогда главный заказчик, народ, будет вами доволен.

— Наш заказчик не тот, о котором говорил Серго Орджоникидзе! — поднялся Степарь.— Он беседовал, я знаю, с конструкторами гражданских машин. А наш заказчик — Наркомат обороны! И ему нужны реальные, в металле, на ходу, танки. Интересно, сколько людей вы намерены оторвать от производства в группу перспективы?

— Более двадцати человек.

— Наиболее одаренных, конечно?

— И смелых, рисковых, отчаянно рисковых. Но только добровольцев! Пока попросились в группу четверо.

— Нет же штатов группы! Нет места для работы!

— Если это волнует вас, могу сообщить: с завтрашнего дня конструкторы начинают работать в моей комнате. Вскоре и весь этаж нового здания будет в распоряжении группы перспективы. А штаты — моя забота...

Степарь насупился, медленно опустился на стул. Конструкторы молчали, и он чувствовал: Кошкин заинтересовал их. Поерзал на месте, не удержался:

— Отдал вам с производства Вирозуба, а больше никого не отпущу!

Остап Вирозуб вскочил. Кряжистый, краснощекий, в льняной рубахе с украинской вышивкой, он широко расставил ноги и прищурил на Степаря насмешливые глаза:

— Так я ж у тэбэ в пуповыни сыдив, ты ж зи мною маявся, бидолаха. Мабуть, свичку матэри божий поставыш, що вид мэнэ збавывся...

Хохот, точно камни со скал. И смех этот разрушил напряжение, очистил людей от чего-то мелкого, недоброго, что могло вот-вот разъединить их.

Смеялся и Степарь.

Лишь Жора Каменецкий не смеялся. Ему казалось, что он своим вопросом о судьбе «бетушек» чуть не поссорил главного конструктора и начальника производства. Люди уже стали расходиться, а он забился в угол и стоял там, пока его не нашел Вирозуб.

— Чого тут вытягнувся, як дзвинныця? Ходим до головного. Я з ным балакав, пообицяв узяты. Мыхайло Ильич гарный чоловик, не забув — кажэ: я цёго парубка у Цыганова бачыв. Ходим.— И потащил Каменецкого к Кошкину.

4

Незадолго перед демобилизацией Жоры Каменецкого в мастерскую механизированной бригады неожиданно пришел Кошкин. Представился. Сказал, что давно хотелось ему познакомиться с человеком, о котором слышал еще в Москве от Серго Орджоникидзе.

Жора забеспокоился, как бы Цыганов не нагрубил Кошкину, но этого не случилось. Они разговорились, и Кошкин ненавязчиво, осторожно спросил, почему Николай Федорович месяцами не показывается на заводе, что его обидело и нельзя ли восстановить добрые отно-

шения между изобретателями-танкистами и танкостроителями.

Цыганов не стал ворошить старое, может быть, потому, что слышал о Кошкине много хорошего на военном ремонтном заводе и от комбрига.

Получаса не прошло, и Цыганов снял брезент с танка, которого никому из гражданских не показывал.

Такой машины Кошкин еще не видел.

Двадцать с лишним лет, от первого боя английских танков с немецкой пехотой и артиллерией на реке Сомме до сего дня, борта корпусов имели вертикальные листы. А эти! Главные, верхние листы бортов опускались с большими углами наклона, расширяя бока машины до продольных полок над катками. Ниже броневые листы свешивались, закрывая наполовину катки.

В первые минуты Кошкина поразили очертания машины. Облик ее напоминал конструктору тот снежный, обтекаемый холм на даче у Серго, который в сумерках показался похожим на танк небывалой формы. Но тот был застывший, неподвижный, в этом же вот-вот забьется сердце: включи мотор, и оживет машина, и полетит птицей. А главное — он не боится огня винтовок и пулеметов. Вон сколько царапин от пуль, а сквозных пробоин ни одной — срикошетили, значит.

Кошкин ощупал пулевые бороздки в броне, спросил, как возникла мысль применить наклонные листы и насколько повысилась бронестойкость по сравнению с серийным БТ.

— Почти в полтора раза! — отчеканил Жора.— Если найти оптимальный вариант наклона, то и вмятин глубоких, наверно, не будет.

В тот день кончилось затворничество Цыганова. Как он ни петушился, без дружбы с танкостроителями чувствовал себя бессильным, особенно когда приходилось производить расчеты.

Внимание, отзывчивая доброжелательность главного конструктора, уважение к труду изобретателей-танкистов покорили Цыганова; он понял, что должен учиться у одаренных людей, знающих больше его, имеющих больший опыт. И он обрадовался, что может наконец рассказать специалисту о своих тревогах и сомнениях.

— Танк на днях застрял, хотя не такая уж топь была, чтоб завязнуть. Отчего бы это?

— Предполагаю, Николай Федорович, добавочный

вес причина. И у меня такое случалось на «сто одиннадцатом». У того была утяжеленная броня, у вас — редукторы. Сколько их?

— На три колесные пары.

— Вот видите! Увеличенный вес приковывает танк, особенно в трясинах.

Кошкин даже не намекнул, что счастливо найденная форма корпуса из противопульных броневых листов — не спасение для экипажа и машины. Танкистов надо беречь не от пуль и осколков, а от снарядов противотанковых пушек, которые продырявят тонкую броню, под каким бы наклоном ее ни поставили. И не сказал он этого при первой встрече не потому вовсе, что не хотел расстраивать изобретателей, а потому, что найденная ими обтекаемая форма корпуса была все-таки подлинным новшеством в танкостроении. Кошкин утвердился в мысли, что будущую противоснарядную броню надо делать наклонной, и не только борта, но и лобовую часть, и корму. «Все необходимо сотни раз проверить, просчитать. Это только кажется, что, если найдена форма, дальше все пойдет легко. Нет, полетит устоявшаяся технология корпусного производства, да еще многое полетит. Но зато какой будет танк!»

Прощаясь, Кошкин пригласил Цыганова и Каменецкого на завод, обещал помочь всем, чем может, в работе и над этой машиной, и над другими изобретениями.

ВСТРЕЧНЫЙ

1

Под окнами комнаты, где разместилась группа перспективного проектирования, пролегала дорога на полигон. Когда выезжала из цеха машина, любой из конструкторов безошибочно определял модель: БТ-5 или БТ-7.

Хотелось настежь раскрыть окно, особенно если проезжала любимица БТ-8, проект которой они создавали совсем недавно. Но Морозов умышленно придвинул стол впритык к подоконнику, чтобы помешать людям подойти к окну, не дать им расслабиться. Будь он в комнате один, заслышав шум колес или перезвон

гусениц, наверно, распахнул бы створки, чтобы полюбоваться «бетушкой». Но он был не один, и надо было не любоваться танком вчерашнего дня, пусть даже любимым, а думать о будущем, о новой машине, которая пока представляется туманно даже Кошкину.

Казалось, с корпусом танка все ясно: есть прототип с наклонной броней и конструктор Каменецкий, создавший с Цыгановым этот образец в КБ танкистов. Но, к удивлению Каменецкого, сделать первоначальный вариант было проще. Взяли знакомую до мелочей БТ-7, придумали ей иной «покрой» брони из тонких пулестойких листов — и готов новый корпус. Правда, удачно найденный наклон броневых листов смогли применить всего на трех опытных машинах — в серийное производство цыгановский БТ-ИС не запустили.

Замысел Кошкина куда сложней, обширней! Предстоит создать универсальный, небывалый танк, который стал бы лучшим в армии. Для него надо изготовить броню — и толстую, и крепкую, и вязкую, чтобы снаряд взять не мог, да поставить листы под нужным углом, да сварить эти листы, потому что клепка непрочна!

Оптимальный наклон искали не только «корпусники» Каменецкий и Вирозуб, но и Кошкин, и по горло занятый трансмиссией Морозов, и еще добрая треть группы перспективного проектирования. Со всего этажа приходили с эскизами к Кошкину. Каждый теоретически обосновывал наиболее выгодный, по его расчетам, угол наклона, но кто был прав, мог доказать только эксперимент.

— На полигоне проверим и найдем! — говорил Кошкин.

Снайперы-артиллеристы в присутствии конструкторов обстреливали сваренные под разными углами броневые листы, а в конструкторском отделе продолжали работать до полуночи.

Каменецкий и Вирозуб резали фанеру и картон, сбивали, склеивали из них макеты корпусов. В комнате из-за макетов негде было повернуться. Оставляли те, что казались лучшими. Жора упорно отстаивал макет корпуса с овальным передним листом, пока не убедился, что производство такого листа окажется очень сложным. Остап защищал гофрированные листы бортов, доказывал, что острые выступы и глубокие впадины в металле станут ловушками для снарядов. Потом сам же изде-

вался над своей идеей, сравнив ее по практичности с предложением просверливать отверстия в танковых бортах: мол, вражеские снаряды пролетят сквозь те отверстия, не затронув ни механизмы, ни экипаж.

— Пэрэстаньтэ, хлопци, гоготать, я нэ шуткую!

...Хлопцы, ребята — истинные ребята! Дмитрусь, Остап, Жора, Яша. Да как их иначе назовешь, если Дмитрию Бадаеву и Остапу Вирозубу было по двадцать пять, а Яша Белан едва перешагнул свой двадцатый год. Сидит у самой двери маленький, худой, стеснительно-молчаливый, подает голос только тогда, когда к нему обращаются. Как вот сейчас — с Морозовым.

— Получается, Яша?

Юноша поднял над столом курчавую черную голову.

— Фрикционы не компонуются.

— У такого компоновщика, как ты, получится. Покажи чертеж.

Чтобы лучше разглядеть его, Морозов направился к окну и чуть было не упал, споткнувшись о макет, высунувшийся из-под стола Остапа.

— Цяцю нэ задавы! — крикнул Вирозуб.

— Бэгэмот, а нэ цяця! — смеялся Морозов.

Осенью тридцать седьмого года поступил приказ Наркомтяжпрома спроектировать по заказу военного ведомства и подготовить к серийному производству двадцатитонный средний танк, обозначенный номером Т-20.

Предлагая сохранить колесно-гусеничный ход, военные настаивали на усилении броневой защиты.

Но усиления не получилось.

Все расчеты и эксперименты утверждали, что колеса с одной парой ведущих не в состоянии будут передвигать толстобронную, отяжелевшую машину. Если же поставить редукторы к трем колесным парам, как на цыгановском БТ-ИС, технология изготовления трансмиссии настолько изменится, что завод не сможет наладить массовое производство Т-20 и за несколько лет.

Долго пришлось Кошкину доказывать представителям заказчика, что танку с колесами противопоказана тяжелая броня. Военные вынуждены были согласиться на обычную. И если раньше в группе проектирования некоторые еще сомневались в бесперспективности колесно-гусеничного танка, то теперь конструкторы оконча-

тельно убедились: средний таик с противоснарядной броией может н должен быть только гусеничным.

А в остальиом инкто не ущемлял Т-20. Он был в программе, был законом. Но параллельио шли работы над внеплановым танком, его на заводе стали называть Кошкинским, или Встречным.

2

Танковый дизель позиал такие предродовые муки, что иным двигателям н не сиились.

Его конструировали иесколько лет, много меняли, долго испытывали на стендах, а когда, казалось, двигатель созрел, чтобы мчать боевую машину двести часов установлеиной нормы, он замирал на шестом или девятом часе.

И все же Кошкин верил в танковый днзель.

Влиятельные поклонники беизиновых моторов требовали прекратить финанснрование дизельиого КБ, снять двигатель с нспытаиий и тогда, когда он уже работал и сорок, и пятьдесят часов. Чтобы спастн его, Кошкин и начальник дизельного КБ завода выехали в Москву.

Они пошли к начальиику бронетанкового управления Павлову.

Дмитрий Григорьевич Павлов объяснеиия конструкторов слушал жадно. Время от времени он наклонялся к чертежам или брал макет дизеля, подключал к сети, сиимал алюминиевую крышку и с удивлением и радостью слушал иапевный гул двигателя. Больше всего Павлову по душе пришлось то, что нет в дизельном двигателе системы зажигания и карбюрации рабочей смесн — виновников танковых пожаров. А как горят танки, насмотрелся в Испании, когда он, Пабло, командир танковой бригады, вел их в бой, когда, втиснув свое большое плотное тело в тесиое иутро танка, мчался вперед, показывая, как надо бить фашистов, сколько бы их ии было и с каким бы оружнем оии ни шли. Он гордился своими танкистами, и жалел их, н оберегал, но был бессилен, когда огонь охватывал беизиновые моторы. И с каждой сгоревшей машиной, с каждым погибшим танкистом накапливался в нем, Пабло, а теперь комкоре Павлове, суровый счет к конструкторам.

Но вот он с нимн встретился, и оказалось — они стре-

мятся к тому же, думают над тем же — как обезопасить танкистов в боевых условиях. И мысли их овеществлены в танковом дизеле, пусть еще и не достигшем полной зрелости.

— К дьяволу бензиновые моторы — горят дико! Поставим дизели на все новые танки. С твоего и начнем, Михаил Ильич!

В эти минуты комкор выглядел до того отзывчивым и щедрым, что Кошкин не мог не попросить Павлова помочь ленинградцам.

О нагрянувшей беде Кошкин узнал накануне от прилетевшего в Москву Галактионова.

...На опытном заводе появился новый заместитель наркома обороны по вооружению командарм Кулик. Приказал остановить производство самоходных орудий СУ-5, прекратить работы над экспериментальными самоходными орудиями больших калибров.

— Мы стояли с Куликом у макета. Я говорю: «Снаряды этого орудия раскрошат любые укрепления противника», а он: «Идея Тухачевского?.. Снять, и чтоб следа не осталось!» Чувствую, спор к добру не ведет, но молчать не в силах. Умоляю сохранить самоходки, а он: «На переплав! Все на переплав! Немедля!»

...Если б не Галактионов поведал об этом, не поверил бы Михаил Ильич, что угроза нависла и над теми самоходками, которые уже начали поступать на вооружение армии. Он готов был ринуться вместе с друзьями спасать самоходки, хотя знал, что Галактионов с Гинзбургом обили немало порогов, и понимал, что нельзя ему отрывать теперь силы и время от дизеля и нового танка. Может, Павлов поможет?

«Но почему молчит? Не может защитить самоходки? Это же его самоходки!»

Едва комкор услышал имя Кулика, как потухли глаза и погрузневшее тело глубоко опустилось в кресло.

...Не раз за Пиренеями сталкивались Павлов с Куликом. Из ограниченного опыта первых танковых боев в Испании с ее горами и скалами, каменными крепостями селений Кулик вывел, что танки на любом театре военных действий могут и должны применяться только для непосредственной поддержки пехоты. И не более чем поротно и побатальонно.

Отозванный из Испании в конце тридцать шестого года, Кулик не нашел в Москве поддержки этих взгля-

дов. Особенно крнтнческн отнесся к ннм Тухачевскнй. Когда же последнего устраннлн с поста заместнтеля наркома по вооруженню н на его место поставнлн Кулнка, доказывать тому, что танкн не прндаток пехоты, а самостоятельный род войск, стало невозможно. А теперь — самоходкн...

Павлов пытался понять, что пронзошло с Кулнком. Неглупый человек, мужал с Красной Армней, нужды ее поннмал. Почему же такое? «Может быть, не столько вннoват Кулнк... Пока обязанностн не оторвалнсь от его прнродных способностей н возможностей, прнноснл пользу. Не в меру возвелнчнлн — беда для армнн н для него тоже. На высоте руководнтеля вооруження армнн огромные нужны энергня н талант, дальнозоркость требуется, а Кулнк блнзорук н потолка своего достнг еще до этого взлета. Да он лн однн страшнтся нового в технпке н вооруженин? С новым, непрнвычным, медленно зреющнм уйма хлопот, нногда н непрнятностей. Без терпення, без доверня к конструкторам н рабочнм нам, военным, не обойтнсь. А где твое доверне, комкор Павлов, где твоя настойчнвость? Разве ты сейчас решншься насмерть встать за самоходкн?.. Ковыряешься, кое-что по мелочам отстанваешь, а крупно, как этн конструкторы — за днзель, за внеплановый свой танк, бросншься ты в бой?..»

Молчанне затянулось. Мнханлу Ильнчу казалось, он нспортнл разговор, нельзя было обо всем за одну встречу. И вдруг услышал короткую, вполголоса фразу:

— Попытаюсь, Мнханл Ильнч. Мне тоже больно... И больше нн слова о самоходках.

Тряхнув головой, Павлов встал.

— Ты, Мнханл Ильич, не сомневаешься в своем Встречном?

— Не сомневаюсь.

— В таком случае сделай мне танк такнм, чтобы я и мон танкисты моглн в нем чай пнть н над вражескнмн снарядамн посменваться.

Кошкнн нзмернл взглядом Павлова.

— Танк на вас не рассчнтан, Дмнтрнй Грнгорьевнч. Инструкцнн запрещают лезть в танк человеку с вашнмн габарнтамн.

— Я как кошка свертываюсь,— комкор засмеялся.— Когда твой гусеничный будет готов?

— Надеюсь, года через полтора.

— А недругов не забыл? Кажется, их у твоего Встречного не меньше, чем скал в Испании. Хотя и друзей прибавляется...

Не стал дожидаться ответа, предложил:

— Поедешь к раненым. Настоящие герои! Расшевели их, расскажут такое, что нигде не услышишь, не вычитаешь. Комбата Жезлова помнишь? Да-да, ленинградец. Он со старшим механиком-водителем Мальгиным придумал двухслойную броню, экранировку к твоим «двадцатьшестеркам»,— бронепули не брали!

Вызвав адъютанта, Павлов приказал отвезти Кошкина в дачный поселок Малаховка.

3

Выздоравливающие танкисты с мельчайшими подробностями рассказали Кошкину о боях в Испании, о достоинствах и недостатках «двадцатьшестерок», немецкой и итальянской техники. Слушая их, Кошкин словно сам побывал в Сесенье, Мадриде и под Гвадалахарой, воевал рядом с этими танкистами, скоростью и маневром спасал машины от снарядов противотанковых пушек, устранял на ходу неисправности, выскакивал с экипажами из горящих машин. Он спрашивал, какие механизмы чаще выходили из строя, а какие устояли в боях, на длительных переходах, при крутых подъемах и спусках, что следует делать конструкторам, чтобы с танками и людьми не повторялись, не могли повториться трагедии, подобные испанской. И все танкисты заявили в один голос: нужна толстобронная машина с мощной пушкой и надежным, сильным мотором.

Кошкин был доволен. Танкисты, участники боев, хотели иметь именно такую машину, над какой работала группа перспективного проектирования,— хотели иметь Встречный. Одно огорчило его — вера некоторых танкистов, воевавших в Испании, в двухслойную броню, производство которой они наладили в Барселоне. По их рассказам не трудно было представить себе экранировку из двух склепанных вместе листов: одного, обращенного вовнутрь танка,— из мягкого котельного железа, другого, наружного,— из обычной хромоникелевой стали. Кошкин знал: такая двухслойная броня могла противостоять простой пуле, но не бронебойной. На подмосковном полигоне бронепули пробивали экранные двухслойные листы не только с коротких, но

и с длинных дистанций. Вернувшиеся из Испании танкисты об этом не слышали. С гордостью рассказывали они, как придуманные ими двухслойные листы, укрепленные на корпусе танка, выдержали в одном бою сильный ружейный и пулеметный огонь врага.

Кошкин пробовал доказывать танкистам, что появись в том бою противотанковая пушка или заряди противник пулеметы бронепулями — и тонкий наружный лист экранировки был бы пробит первой же очередью, а мягкое котельное железо — какая защита?.. Да разве докажешь, если немало командиров и военных техников возводят экранировку чуть ли не в степень технического открытия... Значит, тем скорее надо пустить в производство толстобронный танк, испытать, доказать, что не экранный тип брони из склепанных слабых листов, а только противоснарядный лист в тридцать-сорок миллиметров способен защитить машину и людей от противотанковых пушек.

Накануне отъезда Кошкина из Москвы Павлов предложил взять механиком-испытателем на завод выписавшегося из госпиталя Игоря Мальгина.

— Настоящий танковый ас! Не хотел бы с ним расставаться, но он уже двойной срок службы отбухал и девушка его в твоем городе живет.

В купе они оказались вдвоем, и Кошкин узнал, что произошло с Игорем после Гвадалахары. Правда, о себе Мальгин говорил скупо. Больше об испанце Марсело, о Жезлове, о Курте Вейганде, с которым работал на уралмашевской сборке и неожиданно встретился под Мадридом, где Игорю прислали пополнение — коммунистов из отряда Тельмана. Он воевал с Куртом недолго. Раненные, потерявшие машину, они несколько дней выбирались из кольца чернорубашечников. Потом — минное поле, взрыв и госпиталь в Барселоне. Игорь не помнил, как он туда попал, не знал, что произошло с Куртом,— возможно, подорвался на мине...

— А девушка ваша знает, что вас выписали? — спросил Кошкин.

— Нет еще...— только и сказал Игорь и смолк. Что ему было говорить, если за полтора месяца в Малаховке, кроме двух телеграфных слов «Жив. Приеду», ничего не послал, даже адреса. Сказали: лучше не сообщать, но это же не запрет! Скорее сам не хотел, чтобы Галя увидела его в больничном халате, желтого,

нзможденного. Он сам себе был протнвен. Как взглянет в зеркало — отпрянет. А как ей такого увндеть? Может, и той телеграммы не получнла, уехала нензвестно куда?

И не знал Игорь, что в день, когда он покнную Малаховку и носился по столнчным уннвермагам в понсках подарка Гале, она добралась до его палаты, а сейчас догоняла пассажнрскнй поезд на экспрессе.

НЕДООЦЕНКА ТАНКОВ

В ходе технической реконструкции н организационной перестройки Советской Армин Центральному Комитету партнн, Реввоенсовету СССР пришлось преодолеть имевшие место консерватнзм, недооценку значения новой военной технкки, в частностн танков, и преувеличение роли конницы в современной войне, фетишизацию опыта гражданской войны 1918—1920 годов.

Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский писал об этом 6 мая 1937 года в «Красной звезде»:

«Прежде всего пришлось столкнуться с теорией «особенной» маневренности Красной Армии,— теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на одних лишь уроках гражданской войны, на взглядах, более навеянных героикой гражданской войны, чем обоснованных ростом могущества культуры, ростом крупной индустрии социалистического государства, а также ростом вооружений армий наших возможных противников из капиталистического лагеря».

История второй мировой войны, т. 1, с. 264.

ЭТО ОНИ СОЗДАЛИ В-2

Те, кто создал двигатель В-2, в силу секретного характера работы были в свое время обойдены народным признанием. Теперь можно назвать их имена: это конструкторы К. Ф. Челпан, Я. Е. Вихман, Т. И. Чупахин, И. Я. Трашутин.

Сейчас не нужно доказывать преимущества дизельного двигателя перед бензиновым, стоявшим на всех танках мира. А тогда авторам модели В-2 пришлось приложить немало усилий, чтобы дать жизнь своему детищу.

В бронетанковой академии как курьез показывали инструкцию, по которой в 30-х годах надлежало заводить мотор танка в присутствии пожарников. Бензиновые авиационные двигатели, применявшиеся тогда для бронированных машин, были очень сложны в эксплуатации и опасны для экипажа. В-2, хотя и состоял почти из двух тысяч деталей, оказался простым в обращении и безопас-

ным в работе. Он обладал мощностью в 500 «лошадей». Наша промышленность сумела в короткий срок освоить серийный выпуск В-2 на многих заводах Урала и Сибири.

Ни одна страна в мире не могла создать ничего подобного В-2. Фирме «Дженерал моторс», например, понадобилось десять лет, чтобы сконструировать двухтактный дизель «Джи-Эм-Си» мощностью всего в 210 лошадиных сил. На американском танке «Шерман» стояла двигательная установка из двух «Джи-Эм-Си», а чаще она состояла из пяти бензиновых автомобильных агрегатов. Случалось, что англичане ставили на свои крейсерские танки авиамоторы «Либерти» двадцатипятилетней давности.

Комсомольская правда, 16 июня 1967 года.

ВНИМАНИЕ, ТАНКИ!

Мои отношения с генеральным штабом после того, как его начальником стал генерал Бек, осложнились. Человек старой школы, он о современной сложной технике не имел никакого представления и постоянно выступал против моих планов организации бронетанковых войск.

С назначением командующим сухопутными войсками генерала барона фон Фрича мне стало значительно легче разрешать вопросы развития бронетанковых войск.

В конце лета тридцать пятого года мы провели четырехнедельные учения для танковой дивизии, в которую были объединены все имевшиеся бронетанковые части и подразделения. Генералы Бломберг и Фрич с большим интересом следили за этими учениями. Их результаты оказались удовлетворительными. Когда был выпущен желтый аэростат, сигнал окончания учений, Фрич шутливо сказал: «Теперь остается, чтобы на аэростате появилась надпись: «Танки Гудериана — самые лучшие».

В октябре сформировали три танковые дивизии. Одна — под моим командованием. Я покинул Берлин, чтобы сменить службу в центре на практическую работу в войсках.

В августе 1936 года меня произвели в генерал-майоры.

По поручению генерала Лутца я зимой 1936—1937 годов написал книгу «Внимание, танки!» В ней я изложил историю возникновения и развития танков, а также свои взгляды на организацию бронетанковых войск Германии в будущем.

В книге я указывал, что в России насчитывается десять тысяч танков, однако против этой цифры возражали начальник генерального штаба Бек, а также цензура. Мне стоило большого труда добиться разрешения на опубликование этих цифр. Хотя я располагал данными о семнадцати тысячах танков у русских, но сам

с чрезвычайной осторожностью подходил к опубликованию имевшихся сведений.

Практика тоже со скрипом пробивает себе дорогу.

Пока еще плохо устраняются конструктивные недостатки Т-3 и Т-4, которые должны изменить облик не только бронетанковых сил, но и всего вермахта. Недопустимы затяжки испытаний.

Наконец-то! Новые танки испытываются на Куммерсдорфском полигоне. Появилась надежда, что в 1938 году, несмотря на все преграды, в армию начнут поступать Т-3 и Т-4.

В последний день испытаний, прошедших при моем участии, в Куммерсдорф прибыл Гитлер. Он был доволен скоростью Т-3 — пятьдесят километров в час, тридцатимиллиметровой броней, надежно защищающей экипаж от огня крупнокалиберных пулеметов и снарядных осколков. Особенно понравилась фюреру семидесятипятимиллиметровая пушка танка Т-4, хотя пушка короткоствольная и стреляет малоэффективным навесным огнем.

1938 год начался неожиданным присвоением мне звания генерал-лейтенанта и приглашением в Берлин для беседы с Гитлером. Меня назначили командиром 16-го армейского корпуса.

Я принял дела корпуса от своего уважаемого предшественника генерала танковых войск Лутца. Начальник штаба корпуса — полковник Паулюс. Его я хорошо знаю в течение ряда лет как умного, добросовестного, старательного и глубоко мыслящего офицера генерального штаба. Мы с ним работаем в полном согласии.

1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут мой корпус перешел польскую границу, развертываясь в боевые порядки.

Опыт боевых действий в Польше вскрыл серьезные упущения главного командования сухопутных сил.

Легкие пехотные дивизии представляют собой неполноценные соединения. Их следует реорганизовать в танковые дивизии.

Моторизованные дивизии слишком громоздки по своему составу. Из них собираются изъять по одному пехотному полку.

А больше всего меня беспокоит чрезвычайно медленное перевооружение танковых полков машинами Т-3 и Т-4. Эта медлительность — следствие все еще недостаточной производственной мощности промышленности, неповоротливости главного командования сухопутных сил, которое все еще медлит с оснащением войск новыми типами танков.

ГУДЕРИАН Г.

Воспоминания солдата (перевод с немецкого). М.: Воениздат, 1954, с. 29—30, 43—45, 64, 84, 182.

НА ГЛАВНОМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ

1

После года работы группы перспективного проектирования в опытный цех стали поступать чертежи двух танков, и в макетном отделении появились их деревянные копии.

Тот, что пониже и потоньше бортами, будущий колесно-гусеничный, заказанный военным ведомством, был давно обозначен как Т-20 и снабжен полной оснасткой. Другой же, толстобортый, с лесенкой в полое нутро, не имел пока ни пушки, ни прицельных приборов, ни радиостанции.

Единственно, в чем танки были равноправны — в дизель-моторе, испытанном на БТ-7. Он занял места в обоих макетах. И этот двигатель больше, чем что-либо другое, укреплял в Кошкине уверенность, что не за горами дни, когда и на Встречном будет смонтировано все необходимое и на полосе препятствий, на полигонах танк докажет свое превосходство.

Когда в КБ тушились огни и конструкторы бежали к остановке, чтобы не опоздать на дежурный ночной трамвай, Кошкин уединялся в макетной. Он обходил неравноправных близнецов, поднимался на Встречный, садился на мостик, опустив ноги в его пустое чрево, и думал, что нужно еще изменить, улучшить в машине, чтобы военное командование и Наркомтяжпром поверили в новый танк.

Однажды Кошкин, измученный работой, мыслями, ожиданием решения судьбы Встречного, задремал на сиденье в макете танка. Проснулся оттого, что кто-то дергал его за рукав.

— Михаил Ильич! Возвратился Степарь!

Кошкин открыл глаза и не сразу сообразил, где он находится, почему кричит Морозов и при чем тут Степарь.

...Неделю назад Степарь уехал в Наркомат тяжелой промышленности. То, что на технический совет Наркомтяжпрома вызвали не Кошкина, а начальника производства, не имеющего отношения к новым проектам, могло означать одно: председатель совета, которому не по душе гусеничная машина, создаваемая Кошкиным, надумал его обойти, чтобы навязать совету свое

решение. И навязал — совет рекомендовал утвердить в серийное производство колесно-гусеничный вариант, а гусеничный отложить на неопределенное время, как «задел» проектных разработок.

Партийный комитет завода и новый директор обратились к Ворошилову и комкору Павлову с просьбой вмешаться в судьбу Встречного, заслушать Кошкина на Главном военном совете по проектам обеих машин. Ответ пришел от заместителя наркома Кулика. Кошкину предлагалось выехать в Москву только с проектом Т-20.

Михаил Ильич надеялся до заседания встретиться с Павловым, может быть, и с Ворошиловым, попросить разрешения доложить Совету и второй проект. Но нарком и Павлов оказались на Дальнем Востоке, член Главного военного совета маршал Блюхер, доброжелатель Встречного, тоже остался там на маневрах. Это огорчило и обеспокоило Кошкина.

В тот вечер он гостил у Жезлова, назначенного начальником отдела бронетанкового управления. Перед ним у Кошкина секретов не было, и он признался, что хочет все-таки представить Главному военному совету оба проекта.

Жезлов почувствовал: не отступится Кошкин.

— Ума не приложу, чем тебе помочь.

— Достань, пожалуйста, пропуск для макета Встречного. Мне дали только на Т-20.

— Попытаюсь.

2

На следующий день, когда приглашенные вошли в кабинет наркома, они увидели на столе, покрытом синим сукном, отшлифованные до зеркального блеска макеты: один — обтекаемый, полуметровой длины, другой — менее внушительный, в треть метра.

Председатель техсовета Наркомтяжпрома, насупившись, подошел к Кошкину, хотел что-то сказать, но в это время раскрылись дубовые двери, и в них появился Сталин. За ним — заместитель наркома обороны Кулик и еще пять членов Главного военного совета. Едва заметным кивком Сталин поздоровался со всеми. Рядом с крупным Куликом, одетым в новенький мундир, Сталин в полувоенном кителе из серой шерстяной ткани и

таких же серых брюках выглядел подчеркнуто скромно.

Взгляд Сталина скользнул по столу, задержался на макете танка с длинным стволом пушки и остановился на лице Кулика. Тот показал на председательское кресло, но Сталин махнул рукой, мол, место себе найду, и, отойдя к дивану, сел на его краешек.

Кулик объявил повестку дня, спросил представителя Наркомтяжпрома о том, кто будет докладывать, и, услышав: «Конструктор Кошкин», предупредил:

— Пятнадцать минут.

За те секунды, что Кошкин шел к макетам и стенду с чертежами, он окончательно решил начинать с проекта Встречного: «Буду защищать, пока не прервут!..»

Начал с того, что объяснил, почему осмелился без разрешения привезти макет танка и чертежи проекта, который не обсуждается, почему считает необходимым познакомить Главный военный совет не только с колесно-гусеничным, но и с гусеничным образцом.

— В проекте этого танка учтены недостатки первой машины с противоснарядной броней. Ту машину армия ждала от ленинградцев, а она не выдержала испытаний. Мы усилили броневую защиту, но оставили маломощный мотор. Кроме того, приближаясь по весу к тяжелому типу, танк имел сорокапятимиллиметровую пушку, ту же, что имеют БТ и Т-26.

Кошкин смотрел на Сталина, но краем глаза видел сердитого Кулика, готового, казалось, прервать его доклад.

— Что отличает предлагаемый сейчас проект? Что будет характерным в новой машине? Броня в тридцать и сорок миллиметров вместо пятнадцати на нынешних легких и двадцати — на среднем колесно-гусеничном Т-20. Компактный дизель в пятьсот сил, сконструированный и испытанный на нашем заводе, позволит достичь по шоссе скорости пятьдесят километров в час, что близко к скорости БТ. Длинноствольная пушка калибра 50—60 миллиметров, какого не имеет ни один зарубежный танк, увеличит дальность и точность стрельбы.

Кошкин говорил внешне спокойно, экономил время на паузах и продолжал обращаться к Сталину, который внимательно слушал.

— Я далек от мысли, что проект идеален. Но расчеты, эксперименты подтверждают: создание такого

принципиально нового, мощного, универсального танка возможно.

Сталин пошевелился, облокотился левой рукой на колено и положил подбородок на ладонь, так что усы наполовину прикрылись указательным пальцем. Он смотрел исподлобья, и Кошкин думал, что нехорошо все время глядеть на Сталина. Перевел взгляд на Кулика, и тот, словно ждал этого, потребовал:

— Доложите о колесно-гусеничном. В повестке дня он, а не ваш незаконный!

Кошкин посмотрел на часы. Восемь минут прошло. И довольный, что успел сказать о Встречном, перешел к проекту Т-20. Напомнил, что техническим советом Наркомтяжпрома Т-20 признан наиболее удачным вариантом машины со смешанной ходовой частью, что в проекте учтено желание военных получить танк с тремя ведущими колесными парами из четырех, но отметил, что установка новых приводов значительно усложнит производство и задержит массовый выпуск.

— Разрешить противоречие между весом и проходимостью может только танк с гусеничным ходом. Именно поэтому мы решили параллельно работать над проектом Встречного и просим Главный военный совет разрешить заводу закончить опытные работы над ним, подготовить к армейским и государственным испытаниям оба танка, чтобы можно было сравнить, какой лучше.

Сталин набил трубку, поднялся с дивана и, подойдя к раскрытому окну, закурил. Долго стоял неподвижно: похоже было, ушел в себя. Казалось, он не слышал ни споров за спиной, ни нападок на проект Встречного танка. А выступления членов Военного совета и представителей Наркомтяжпрома становились все резче. И если Кошкин мог понять позицию заслуженного кавалериста, героя гражданской войны, который признавал только быстроходные легкие машины и даже название им придумал «кавалерийские танки», то руководитель технического совета наркомата, инженер, удивил его. Выступил, словно проекта гусеничной машины не существовало и танка лучше Т-20 быть не могло.

И тут поднялся Кулик.

— Тратя время и силы на самовольно проектируемую машину, главный конструктор вольно или невольно ущемил заказанный Наркоматом обороны колесно-гусеничный Т-20. Этот танк, а не второй сохранит нам

высокую тактическую подвижность — главное условие успеха в сражениях, тем более что мы будем их вести за рубежом, где повсеместно отличные дороги.— Командарм посмотрел на Кошкина.— Ваша противоснарядная броня, товарищ конструктор,— ноль против артиллерии. Она вдрызг разнесет любую броню любого танка, если тот не будет иметь скорость в пределах восьмидесяти километров в час. А гусеничный и половины не даст. Ваши гусеницы — это калоши на ботинках, имеющие какой-то смысл лишь в дождь и грязь. Да к тому же перебьет противник одну из гусениц — и целехонький танк станет неподвижной мишенью. Нашей армии нужны быстрые машины со смешанным движителем, а не толстобронный, едва ползущий танк, на производство и освоение которого потребуется лет шесть, не меньше. Ждать мы не можем. Вы будете, товарищ конструктор, делать Т-20. Никто не позволит заменить его вашим новоиспеченным «Мюром и Мерилизом»!

Последняя фраза была рассчитана на Сталина. Когда конструкторы представляли усложненные проекты или опытные машины, напичканные сверх меры механизмами, Сталин, морщась, укорял: «Не превращайте машины в Мюра и Мерилиза», имея в виду дореволюционный московский универмаг, владельцы которого, Мюр и Мерилиз, торговали самыми разнообразными товарами.

Сталин повернулся к Кошкину:

— Вы хотите ответить вашим критикам?

— Хочу, товарищ Сталин.

Кошкин помолчал, обдумывая ответ.

— За год наш коллектив создал проекты колесно-гусеничного и гусеничного танка,— сказал он.— Мне поручено заверить Центральный Комитет партии и Главный военный совет, что не позднее чем через год оба танка будут представлены на государственные испытания.

Сталин держал трубку в полуопущенной руке и изредка едва заметно кивал. Похоже было, он одобрял. Возможно, ему понравилась вера Кошкина в заводской коллектив, спокойная настойчивость конструктора, умение за полторы минуты сообщить основное, то, чего, вероятно, ждал от него Сталин.

Короткая тишина, и Сталин, выделяя каждый слог, сказал негромко:

— Я думаю, мы предоставим товарищу Кошкину и его конструкторам свободу действий. Пусть экспериментируют на двух машинах. Сравнительные испытания покажут, кто прав.

КОНФЛИКТ С САМИМ СОБОЙ

1

От опытного цеха к воротам завода мчались танки-соперники. Кошкин и Морозов, отступив на обочину дороги, проводили взглядами машины.

Первым мимо конструкторов пронесся Т-20. Казалось, он едва-едва касается колесами брусчатки, выбивает звенящую чечетку, насмехается над толстобронным братом: «Не до-го-нишь!» Встречный, лязгая широченными полуметровыми гусеницами, гремел, рычал, словно сердился на меньшего брата, что настичь его не мог.

Когда танки скрылись за кирпичной стеной и затих дизельный гул, Кошкин сказал задумчиво:

— Возможно, скоро такие машины пойдут в бой.

— Скоро?..— Глаза Морозова расширились.— На Востоке вроде улеглось, а на Западе — есть же пакт с Германией!

— Австрия, Чехословакия, Польша — Гитлер на них не остановится...

Кошкин вспомнил ночь у Серго, доклад Тухачевского. Пять лет минуло — миг истории! — а Гитлер уже захватил обширные территории. Не нужно быть сверхискушенным в политике, чтобы понимать: пакт ненадолго. Германия спешит. Создала танковые корпуса, меняет технику — в польской кампании участвовал батальон средних танков. Увидеть бы их, сравнить с нашими! А если они лучше? Если немцы начали массовое производство таких машин? Надо скорей дать армии Встречный.

Морозов не стал спорить с Кошкиным, хотя считал, что главный конструктор преувеличивает военную угрозу.

Многим в те дни казалось, что победные бои советских войск на Халхин-Голе и освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Бело-

русскую обеспечили стране длительную мирную перспективу. Обнадеживал людей и пакт о ненападении, заключенный с Германией. Вырос международный авторитет страны, Красной Армии, и не последнюю роль в этом сыграли бронетанковые силы.

«Участники боев на Халхин-Голе хвалят наши «бетушки», хотя они и понесли немалые потери. Попади в Монголию Т-20 с дизелем или гусеничный танк с дизелем и усиленной броневой защитой, урона в технике было бы значительно меньше. Гусеничный, правда, уступил бы «бетушкам» в стремительности маршей, а Т-20 на колесах не уступил бы»,— так размышлял Морозов, отмечая про себя, что и Михаил Ильич, кажется, иначе стал смотреть на достоинства Т-20, на его перспективы.

Но даже Морозову нелегко было разобраться в сложностях борьбы главного конструктора с самим собой.

За два года, пока группа перспективы занималась колесно-гусеничным Т-20, Кошкин к нему привязался, привык, как привыкает добрый человек к принятому в семью чужому ребенку. Он ничем не ущемлял Т-20 и не простил бы никому в КБ скепсиса, неверия в этот танк. Однако никто в полной мере не представлял себе, чего стоило Кошкину равное отношение к соперникам.

Главный конструктор жил как бы в двух измерениях. Порой казалось, он перестает быть самим собой, изменяет своему «я». Невольно думалось, что жизнь не сможет простить примирения столь различных идей и принципов: одних — возникших внутри тебя, других — навязанных кем-то извне. И все же два года работы над проектом Т-20 не прошли, не могли пройти бесследно для главного конструктора. Т-20 был во многом лучше БТ: броня не пятнадцать, а двадцать миллиметров, карданный вал с приводами превратил все колеса в ведущие. Эти изменения, правда, усложняли производство, увеличивали вес машины, не позволили применить для нее противоснарядную броню, но все же хотелось верить, что в каких-то боевых ситуациях принесут пользу и такие машины — сумели же «бетушки» выиграть одно из решающих сражений в Монголии. Возможно, сторонники Т-20 и рассчитывают применить его в боях, подобных тем, у Халхин-Гола, где у японцев не оказалось значительных противотанковых средств.

Но Кошкин возвращался к событиям в Испании, к тому, что происходит в Западной Европе, особенно в Германии, и выводы делались непреклонными, не терпящими сглаживаний и примирений: плотность противотанкового огня непрерывно растет, Т-20 со слабой броней ждет на полях сражений участь печальнее той, что постигла Т-26 за Пиренеями...

2

На сравнительные испытания прибыли представители наркоматов обороны и машиностроения — созданного после расформирования Наркомтяжпрома. В день приезда председатель комиссии командарм Кулик сделал недвусмысленное заявление о безусловном превосходстве Т-20 над гусеничным танком.

— Т-20 — улучшенный вариант БТ-5 и БТ-7, которые выиграли бои с японцами благодаря колесному ходу.

Намек был понятен членам комиссии: заместитель наркома Кулик ведал в Монголии взаимодействием родов войск и поэтому знает, какими должны быть боевые машины.

Но поздней ночью, оставшись наедине с Кошкиным, Жезлов, который воевал вместе с Павловым в Монголии, рассказал правду о танковых сражениях на Халхин-Голе.

Да, танки в Монголии доказали: они годятся на большее, чем только поддерживать пехоту. Главный бой двухсот БТ против японцев, прорвавшихся на западный берег Халхин-Гола и захвативших гору Баин-Цаган, произошел без участия наших стрелковых частей, нашей артиллерии и вопреки желанию Кулика. Не он, а командующий советскими войсками в Монголии комкор Жуков поднял танкистов по тревоге, приказал мчаться сотни километров до реки и сбросить в нее японскую дивизию — двадцать одну тысячу штыков! — пока те не закрепились окончательно, пока не успели переправиться на западный берег главные силы самураев. Танковая бригада вместе с советскими и монгольскими подразделениями броневичков, совершив стремительный тяжелый марш, с хода врезалась в боевые порядки противника, сбросила его с горы в Халхин-Гол.

— Мало кто знает, чего это стоило. Танки горели

на наших глазах, и это было страшнее, чем в Испании,— там мы не имели такой массы машин, такого сопротивления. Мы потеряли половину танков и людей.

Жезлов помолчал, сжав губы.

— Победа досталась такой ценой не потому, что приказ Жукова был опрометчивым или неверным. Все дело в танках, ведь у БТ та же тонкая броня, тот же бензиновый мотор, что на «двадцатьшестерках», они так же огнеопасны.

Так и подмывало Кошкина спросить у Жезлова, чем он объясняет, что Кулик послан сюда, на завод, председателем комиссии на сравнительные испытания, если знают, что он давний противник гусеничного танка? Но ничего не спросил — не до этого было.

Командарм и его сторонники в комиссии выискивали погрешности у Встречного и даже самые незначительные возводили в крупные конструктивные недостатки. Кошкин и Морозов доказывали, что погрешности неизбежны — ведь это первая модель принципиально нового танка; часть дефектов обнаружена до комиссии и успешно устраняется. Конструкторов выслушали и... составили отрицательное заключение задолго до окончания испытаний.

Крупным козырем обвинителей были фрикционы.

— Летят главные фрикционы, товарищ главный конструктор?

— Летели, товарищ командарм. От трения коробились диски главного сцепления. Но мы нашли способ уменьшить пробуксовку.

— А разрывы вентиляторов?

Должно быть, кто-то из заводских, возможно, Степарь, обойдя хорошее, информировал председателя обо всех неувязках во Встречном.

Кошкин терпеливо объяснял, что причины разрывов вскрыты — медник Захаров укрепил угольниками лопатки вентиляторов, и они больше не рвутся при переключении скоростей. Но глава комиссии, досадливо морщась, стал придираться к созданной Морозовым широкой, мелкозвенчатой гусенице:

— Нет, это не Т-20. У того перебьют гусеницу, он с тремя парами ведущих колес даже по болоту пройдет, не то что по асфальту.

К концу испытаний стало ясно: Кулик склонен «провалить» Встречный, а Т-20 объявить победителем. На-

верное, этим бы и завершилось, не будь в комиссии начальника бронетанкового управления Наркомата обороны Павлова. Он настаивал провести огневые испытания, обстрел обеих машин из одинаковых пушек и с одинаковых дистанций. Председатель комиссии сослался на срочный вызов в Москву, но все же был вынужден посчитаться с мнением Павлова.

Однако выводы комиссии по сравнительным испытаниям были уклончивы. Так и не появилось окончательного заключения, какой танк рекомендовать для серийного производства.

Записали то, что в какой-то мере устраивало спорящих: обе машины выполнены хорошо, а по своей надежности и прочности выше всех опытных образцов, ранее выпущенных.

Кошкин, ожидавший уже полного разноса, несколько приободрился: все-таки Встречный не был зачеркнут. Но обида не утихала: почему такая необъективность?

Все на заводе знали: продолжать работу над экспериментальным образцом Встречного разрешил Сталин. Его слова на Главном военном совете, что сравнительные испытания покажут, какой танк лучше, были восприняты как непреложное указание — лучший пойдет в серийное производство. Испытания выявили несомненное превосходство Встречного почти по всем показателям, а в серийное производство его не пустили...

Почему комиссия славировала? Как посмел председатель комиссии пойти против указания Сталина?

Неизвестность — для какой машины отрабатывать и внедрять технологию, оснастку, какую броню заказывать смежникам, какое вооружение, какие приборы — лихорадила КБ и весь завод, изматывала людей, подрывала веру в свои силы.

3

Положение завода было очень трудным и без дополнительных встрясок, а тут еще реорганизация Наркомтяжпрома, когда старые связи утрачены, а новые не установлены и не знаешь, кому пожаловаться, кто сможет помочь тебе.

В новом Наркомате машиностроения аппарат управления еще только создавался. Наркому Малышеву пред-

стояло вникнуть в не знакомые ему процессы производства, что было нелегко для молодого инженера, чей стаж руководящей работы, от начальника дизельного цеха до главного инженера и директора Коломенского паровозостроительного завода, составлял всего два с небольшим года.

Самое сложное ожидало Малышева в танкостроении, которое подчинялось не только его гражданскому наркомату, но фактически и Наркомату обороны. Главки последнего, как единственные заказчики боевой техники, диктовали свои требования на всех стадиях проектирования, производства, испытаний и приемки танков. Даже в годы беспредельного авторитета орджоникидзевского Наркомтяжпрома между Серго и Ворошиловым, между начальниками их главков возникали порой споры и расхождения. Но тогда несравненно легче было договориться. Два видных деятеля партии и государства, два члена Политбюро всегда находили взаимоприемлемые решения. А каково теперь почти не известному еще в Наркомате обороны Малышеву разрешать возникшие разногласия хотя бы по Встречному? И пойдет ли Малышев на неизбежный конфликт по Встречному, который можно разрешить лишь в Центральном Комитете партии или в Главном военном совете?..

Завод командировал в наркомат Кошкина.

«Какой это Малышев? Тот ли молодой инженер, с которым познакомился тогда на совещании у Серго, или однофамилец?» — думал Кошкин, ожидая в приемной наркома.

...То знакомство произошло случайно. Вышли вместе из Наркомтяжпрома после ночного совещания у Серго, решили прогуляться по притихшей Москве и узнали, что они с детства москвичи: один — кондитер, другой — паровозный машинист; что в партию пришли они в разное время, но оба в ранней юности; и секретарями партячеек были: один — в гражданскую войну, другой — в конце двадцатых годов. А на пороге тридцатых их судьбы словно сплелись: Кошкина и Малышева направили в счет «парттысячи» в технические вузы Ленинграда и Москвы, и оба, защитив дипломы с отличием, избрали из множества инженерных специальностей одинаковую профессию — конструктора.

Опершись спиной о ствол большого клена, Малы-

шев увлечением рассказывал о мечте молодых конструкторов Коломенского паровозостроительного завода создать локомотив обтекаемой формы мощностью в две с половиной тысячи лошадиных сил, способный мчаться со скоростью до ста пятидесяти километров в час. Он ликовал, что ему удалось сбежать из аспирантуры на завод, что он, рядовой конструктор, будет строить этот локомотив. «Нет,— думал теперь Кошкин, ожидая в приемной,— наверно, это не тот Малышев — случаются же однофамильцы на двадцатитысячном заводе...»

Но в кабинете он увидел знакомого Малышева. Правда, если бы встретил его на улице, возможно, не узнал бы, настолько Малышев изменился. Круглолицый, веселоглазый молодой человек за пять лет постарел так, будто ему прибавилось по меньшей мере двенадцать. Лицо осунулось, заострилось.

— Мне кажется, полжизни прошло, как мы не виделись, Михаил Ильич.— Малышев вышел из-за стола навстречу и задержал руку Кошкина в своей короткопалой руке.— Вчера мне говорили о вас и вашем Встречном — хорошо говорили...

Малышев оттягивал деловую беседу. Видно, ему необходимо было прикоснуться памятью к той осенней ночи, к незабываемым часам общения с Серго, так неожиданно сблизившим их, совсем еще незнакомых.

Повспоминали. Потом Малышев поделился тревогой, возникшей у него при знакомстве с тракторными и автомобильными заводами.

— Думают только о своем плане, о своей продукции. Не слышали, говорят, ни о каком задании по танкостроению...

Он не сказал, что намерен работу Серго повторить, подключить ряд предприятий своих отраслей к танкостроению. Об этом Кошкин догадывался. И ему хотелось верить, что Малышев одолеет трудности и препятствия, которые жизнь перед ним поставила и еще не раз поставит.

Больше часа Кошкин рассказывал, в какое тяжкое положение попал завод после сравнительных испытаний, и попросил наркома лично посмотреть, и как можно быстрее, обе экспериментальные машины.

— Хорошо будет, если Климент Ефремович согласится приехать вместе с вами.

Малышев обещал поговорить с Ворошиловым.

ТАНКОВЫЙ АС

1

Хирург без крайней нужды не будет оперировать своего ребенка — сердце и рука чтоб не дрогнули.

И для конструктора существует предел нервной стойкости. Каким бы невозмутимым, уравновешенным, даже бесстрастным ни бывал он в обычных условиях, в моменты испытаний боязнь за свою машину, тревога за ее судьбу нередко берет верх над сознанием необходимости подвергнуть ее жесточайшей проверке. Эти человеческие слабости были присущи Кошкину, как и любому конструктору, но он выезжал на испытания опытных образцов чаще других, превозмогая самого себя, свою жалость к машине.

Игорь Мальгин, попеременно с другими водителями испытывающий и БТ-7 последнего выпуска, и Т-20, и толстобронный гусеничный, радовался, когда Кошкин предупреждал его: «На рассвете выезжаем». Бывали на трассах и по нескольку суток. Игорь выискивал пески и топи поглубже, покруче подъемы и спуски, гонял по оврагам, ударял по камням не одними гусеницами, но и катками и посматривал на Кошкина: «Сейчас остановит...» Но тот помалкивал, покусывал мундштук давно потухшей папиросы и вытирал пятерней пот.

Само присутствие Кошкина не давало Игорю переступить едва уловимую грань между полезным риском и тем, что таит в себе катастрофу. Но однажды он переступил ту грань.

На центральном полигоне саперы оборудовали новейшие препятствия для испытаний легких танков. Последний образец БТ-7 представляли Кошкин и Мальгин.

Сперва пригласили на полигон водителей для знакомства с небывалыми сооружениями. Одно из них — ров шириной восемь, глубиной два с половиной метра, имеющий высокий земляной бруствер,— водители признали непреодолимым. Начальник испытательного отдела полигона остался с Игорем у рва.

— Другим можно бы простить отказ — машины у них не те. А твоя «бетушка»! Десятки раз я с ней прыгал — не подводила. Попробуй, испанец! Кто же, если не ты?

Еще раз обойдя ров, Игорь прикидывал. Если приблизиться на малом ходу, танк клюнет носом и останется торчать кормою вверх. На высшей скорости можно разбить машину о стенку. Спросить Кошкина? Не разрешит. Отказаться — совестно перед начальником. «Если не я — он прыгнет, во как морщит длинный нос, стыдно за меня, наверно: учил, а чему научил — трусости?.. Ему запрещено — старше чуть ли не вдвое, напрыгался за армейскую службу больше всех испытателей, вместе взятых, а прыгнет же! Уверен в «бетушке», подсчитал, вывернул, значит, можно».

— Согласен, товарищ начальник, только не на заводской машине.

— Что за капризы, Мальгин? Не узнаю тебя.

— Без Кошкина не имею права рисковать заводской. Доложите ему.

Начальник полигона знал: накануне показа машины армейской комиссии Кошкин ни за что не согласится подвергнуть ее, а тем более водителя, опасности.

— Не прячься за спину Михаила Ильича.

— Дадите полигонный БТ-7 — прыгну, на своем — нет.

На том и порешили.

Поверх обычного комбинезона Игорь натянул ватные брюки. Туловище его обмотали кошмой, привязали к сиденью ремнями. Разгон взял километра в полтора. Достигнув скорости до семидесяти километров в час, использовав инерцию машины, Игорь взметнул ее надо рвом, летел по прямой метров семь, наверно, а на восьмом тяжесть превозмогла инерцию и четырнадцать тонн железа ударили лбом в самую середку стенки рва. Ремни ножами врезались в ребра, но не сдержали тело на сиденье. Голову будто сорвало с плеч, бросило лицом на броневую крышку закрытого люка.

В танк хлынуло солнце — Игорь ощутил его уходящим сознанием: «Откуда солнце?..»

Откуда — он узнал уже потом. В момент удара, срезав все болты, башня вместе с кольцом крепления полетела вперед на десяток метров. Разбив стенку, корпус на колесах выскочил без башни на бруствер...

Игоря увезли в госпиталь с покалеченной челюстью. Ее вправили, вставили зубы, и забыть бы Игорю к следующему выезду в Москву о неудачном прыжке, если б не насмешница Галя.

— Раскрошишь и вставные... Кому ты нужен будешь беззубый?!

А в глазах продолжала таиться тревога за Игоря, не покидавшая Галю ни на день.

2

Ветерок от Москвы-реки сдувал с берез и кленов сухие пламенеющие листья, опускал их бережно на огромное поле, на танки, застывшие у лесной опушки.

Автомобили, шурша по листьям, выезжали из глубины леса, замедляли ход возле дощатой трибуны. Из одной машины вышел нарком обороны маршал Ворошилов, из другой — нарком машиностроения Малышев.

Приникший к перископу Игорь (он был в танке один, и никто ему не мешал хозяйничать на командирском месте в башне) видел, как Ворошилов легкой покачивающейся походкой кавалериста взошел на трибуну, встал у перил и обвел глазами танковый строй. Игорю показалось, что нарком обороны задержал взгляд на Встречном. А может, и не показалось?.. «Понравился, наверно... Улыбается». От наркомовской улыбки стало хорошо на душе, вспомнилась вдруг песня о красной кавалерии:

...ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер.
Сумеем кровь пролить
за СССР.

Но через минуту Мальгин расстроился: конструктор-путиловец подошел к наркому, показал рукой в сторону своих машин. Ворошилов посмотрел туда, где на левом фланге стоял огромный танк, названный его именем — КВ.

Игорь взглядом отыскал на трибуне Кошкина. Михаил Ильич затерялся среди гостей, военных, представителей наркоматов, старался держаться незаметно. «Волнуется... Ничего, не подведем. Машины отличные — еще посмотрим, чья возьмет!»

Мальгин знал, что справа от него стоят Т-20 и три модернизированных БТ. Управляют ими настоящие танковые асы. Что он, Игорь, по сравнению с ними? Моложе всех и годами и опытом испытателя. Почему Михаил Ильич доверил именно ему противоснарядную гусеничную — главную машину доверил? Случись самая незна-

чительная задержка (а если поломка?!) — и конец надежде, а противники Встречного будут ликовать... Вон сколько препятствий наготовили! Эскарп и ров, надолбы и «ежи». И все приказано пройти, даже те, что другим танкам в программу не включили: и проволочную ловушку, и французскую сетку над ямой...

Шум двигателей двухбашенного, похожего на крейсер, СМК и однобашенного КВ с небывалой броней в семьдесят пять миллиметров вспугнул птиц, и они, загалдев, заметались над чащей. Малоповоротливые, медлительные машины, но какая сила! КВ разворачивает, утюжит насыпи, играючи берет эскарп — отвесный срез холма.

Игорь не слышит, но видит, как аплодирует трибуна. Ворошилов похлопывает конструктора по плечу, смеется; улыбается и Малышев. Кошкин тоже аплодирует, но глядит он не на КВ, а на свои танки. Сейчас пойдут они. Сначала Т-20, потом «бетушки», и последним — танк Игоря, Встречный... Трудно быть последним. «Жаль, что последний. Устанет комиссия смотреть. Да и чем удивишь после КВ, после прыжков «бетушек»?»

Игорь спустился из башни на свое место. Он изнервничался — не пропустить бы радиосигнал,— продрог, дожидаясь, но, когда раздалась команда, дизель включил в ту же секунду. Как только услышал ровный гул мотора, легче стало. Танк сорвался с места, как застоявшийся на привязи породистый жеребец.

Препятствия, предусмотренные программой, машина брала свободно, играючи. Игорь ощущал дрожь, температуру двигателя, каждую выбоину под гусеницей, каждый камень на пути. За полосой препятствий нужно было обойти крутой холм, чтобы попасть на отлогий спуск к реке. Игорь посмотрел на холм и вдруг решил не объезжать его. «Возьмем?» — и ему послышалось в реве машины: «Возьмем!»

— Не одолеет, перевернется...— не то спрашивал, не то утверждал Ворошилов, увидев, как по склону холма двинулась под крутым углом машина.

Кошкин замер, упрашивая про себя Игоря: «Гусеница держит цепко... Не меняй оборотов!..»

— Вершина! Он на вершине! — крикнул Павлов, и раскатистый голос его был счастливым. Все зааплодировали. Ворошилов приветственно выбросил руку в сторону Встречного, который замер на вершине холма. Радо-

вался и Малышев, но по-своему — тихо, сдержанно. Для него, полгода назад ставшего наркомом, которому подчинялись и танковые и дизельные заводы, правительственный смотр был тоже испытанием.

Накануне он с Кошкиным несколько часов провел возле Встречного и внутри него. Умная простота решений сложнейших технических проблем не могла не покорить Малышева, недавнего конструктора. Жизнь оторвала его от проектирования машин — всего полтора года довелось конструировать тепловозы. Но даже когда он стал главным инженером, а потом директором Коломенского завода, Малышев подходил иногда к чертежной доске поработать для собственного удовольствия. И теперь, ознакомясь с танком, он ощутил наслаждение от того, что увидел совершенную по замыслу и безупречную по конструкторской разработке машину.

В необычной, не известной еще мировому танкостроению форме корпуса и башни, в самом расположении механизмов, узлов и деталей была глубокая осмысленность, целесообразность. И механизмы и вооружение разместили компактно, не увеличивая размеров прежних средних танков, а по высоте машина оказалась даже ниже однотипных иностранных образцов. Малышев тут же отметил важнейшее качество Встречного: возможность без реконструкции цехов наладить его массовое производство.

Черты главного конструктора и его молодых друзей виделись Малышеву в машине. Их мысль, энергия, воля ощущались в гармонии ее частей и в том, что скрыто от непосвященных,— окрыленности поисков, вдохновенном угадывании этой гармонии, созидании ее.

По-хорошему завидовал народный комиссар Малышев конструктору Кошкину.

— Машина ваша, Михаил Ильич, с исконно русским характером: проста, сильна, неприхотлива,— сказал он вчера Кошкину.

Тут, на лесной поляне у Москвы-реки, нарком убедился, что не ошибся во Встречном.

Комкор Павлов, протиснувшись к Кошкину, схватил его за руку, подвел к Ворошилову и Малышеву. В это время Игорь Мальгин, развернув ствол орудия назад, медленно спустил танк с крутизны.

Показывая Ворошилову на прибрежную огромную сосну, Павлов попросил:

— Разрешите, товарищ маршал, повалить...

— Тебе разреши, не останется леса,— улыбнулся Ворошилов.— Ладно, одну можно.

Игорь увидел бегущего к нему Павлова, затормозил.

— Э-эй, Мальгнно! — услышал он свое испанское имя.— Сними вон ту сосну!

Игорь дал мотору максимальные обороты. Помчалась машина к сосне, дрогнул лесной гигант, не выдержал тарана, хрустнул звоико на весь лес, повалился на спину танка. Встречный понес дерево к реке и, взбурлив воду, вошел в нее. Вспенилась, будто вскипела, река. Бурлящая вода разбивалась о танк, сорвала сосну, понесла ее течением. А Встречный, грудью разрезая волны, вышел на другой берег.

Казалось, танк устал в схватке с деревом и рекой, а он постоял несколько секунд и, сделав полукруг, опять вошел в воду. На берегу танк встретили, как победителя, криками восторга.

— Какое имя у героя? — спросил Ворошилов Кошкина.

Сказать, что об этом не думали, называли танк Встречным, было бы неуместно.

— Скромничает, крестить не осмеливается,— вмешался Павлов.

— Крести, крести, Михаил Ильич. Как назовешь, так и будет! — разрешил Ворошилов.

— «Тридцатьчетверкой»... Т-34, если можно...

— Почему ж нельзя?

И никто здесь, кроме Малышева, который был с Кошкиным на том ночном совещании в Наркомтяжпроме, не знал, что конструктор назвал свой танк в честь тридцать четвертого года, когда партия приняла решение о техническом перевооружении Красной Армии; назвал в честь Серго, который повернил в его мечту и воодушевил его на создание такого танка.

ЕСЛИ ОСИЛИШЬ...

1

Перед Новым годом на завод поступило задание Наркомата машиностроения: за четыре месяца сделать установочную партию — одиннадцать танков Т-34.

Работа предстояла огромиая.

Если бы осиовные механизмы и вооружение «тридцатьчетверки» остались такими же, как на опытном образце, с которым в сентябре тридцать девятого года знакомился Ворошилов, срок был бы реальным, хотя и иелегким. Но тогда, во время смотра у Москвы-реки, когда восторги улеглись, Ворошилов спросил у Кошкина, не уменьшится ли скорость таика, его проходимость и маневренность, если броию сделать еще толще, а пушку установить более крупного калибра. Кошкин ответил, что машина имеет для этого резервы. После смотра конструкторы рассчитали танк на более мощное вооружение, которого, как они полагали, пока не было. Но оказалось, такая пушка уже спроектирована, создана и опытный образец ее провереи на артиллерийском заводе в Поволжье. Об этом танкостроители узнали от посланцев Грабина, главного конструктора артиллерийского завода.

— Принимайте! — сказали они, разворачивая чертежи.— Как раз то, что требуется для вашего гусеничного.

— Откуда знаете о танке?

— От наркома. После смотра под Москвой он дал нам очень жесткие сроки.

— И убеждеиы: пушка подойдет?

— Судите сами!

Да, это была имеиио та пушка, о которой мечтали создатели Встречного. Длинноствольная, 76-миллиметровая, с небывало высокой начальной скоростью снаряда, легкая, с ограниченным откатом. Чертежи компоиовки ее в башне были сделаны быстро, и вскоре грабинская пушка встала в новый танк.

Когда поступило задание на установочную партию «тридцатьчетверок», экспериментальиый цех уже накопил опыт сборки измененного образца. Корпуса имели бортовую броню в сорок миллиметров, башня — сорок пять. И подвижность, проходимость, маневренность ие снизились — дизель будто не чувствовал двадцати шести тони танка.

К началу марта, раиьше сроков, определенных наркоматом машиностроения, на сборке находились последние четыре танка установочной партии, а два первых успели пройти не только заводские полигонные испытания с их стокилометровым пробегом, но и накопить дополнительиую тысячу километров на каждый танк

из тех трех тысяч, которые требовала инструкция сверх заводского пробега.

Танкостроителей заставили спешить тяжелые бои Красной Армии на Карельском перешейке. Оттуда прибывали на завод для капитального ремонта «бетушки». И конструкторам и рабочим горько было видеть их искалеченными; страшно было сознавать, что в их машинах гибли танкисты.

Кошкин хорошо представлял сложность зимних боев на Севере. Он воевал в гражданскую войну на Архангельском фронте, а когда работал в Ленинграде, не раз бывал на государственной границе, проходившей в тридцати двух километрах от города. Знал крутые холмы, густые леса, глубокие снега, незамерзающие озера и болота перешейка — каково там танкистам на легких машинах с узкими гусеницами!

Кошкин мучился оттого, что не смог убедить наркомат отказаться от выпуска слабых тонкобронных БТ. Взялись бы в тридцать седьмом так же дружно, как в последний год, и новые танки были бы в армии к декабрю — началу войны с Финляндией. Мощные, с противоснарядной броней, на широких гусеницах, они раздавили бы маннергеймовские крепости из бетона и железа. А теперь танкостроители работали по две смены подряд, без выходных дней, чтобы максимум за месяц завершить производство и заводские испытания всей установочной партии, доказать самым строгим приемщикам, что «тридцатьчетверки» готовы к боям.

И вдруг сообщение: семнадцатого марта в Москве состоится правительственный смотр новейших танков. Новость взволновала Михаила Ильича: «На смотре отберут лучшие образцы, отправят на штурм линии Маннергейма... А «тридцатьчетверки» останутся в обозе?..»

Дирекция запросила у наркома Малышева и командарма Кулика разрешения на погрузку и отправку на смотр двух танков, прошедших испытания. На следующее утро поступил положительный ответ Малышева. Надеясь, что и Кулик примет такое же решение, директор направил отряд заводской охраны и свободных от вахты пожарников расчистить подъездные пути от снежных заносов. На помощь им прибыла молодежь, закончившая первую смену. Ее привел Михаил Ильич.

Работа убыстрилась — с наступлением темноты была расчищена почти вся заводская ветка. И тут примчал на

дрезине порученец директора: Кошкину немедленно возвратиться на завод.

— Что?..— Прямо в шубе ввалился Михаил Ильич в директорский кабинет.

— Читай...— директор протянул телеграмму Кулика: «Погрузку танков и выезд в Москву запрещаю».

Едва Кошкин глянул в нее — скуластое, задубелое на морозном ветру лицо побелело и вытянулось.

— Не расстраивайся, Миша, запрет-то ненадолго... Месяца через два повезешь всю установочную партию.

— Не месяцы — годы потеряем! Звони командарму — возможно, военпреды не доложили, что два танка отлично выдержали заводские испытания. Скажи: новый танк, не допущенный к смотру, не участвующий в войне,— позор и...

Он не докончил фразы — надсадно закашлялся.

Директор встал, подошел к Михаилу Ильичу, усадил его на стул и сел рядом.

— Помолчи, послушай — ты должен правильно понять. Я только что разговаривал с Григорием Иванычем. Причина его отказа основательная: неполный пробег машин в счет армейских испытаний. Я сказал ему, что ты за неделю до этих снегопадов наездил тысячу километров на каждую машину, а он свое: пока не имеет положенных трех тысяч на каждый танк, считайте, что их на свете нет... И в общем-то тут ничего не возразишь. Разве может заместитель наркома по вооружению отказаться от разработанных наркоматом требований? Армейские испытания — закон, его не перепрыгнешь. И еще скажу: запрет командарма обернется для нас меньшими потерями, чем разрешение на погрузку и отправку машин сейчас.

— Ну уж, хватил! — отмахнулся Кошкин.

— Но представь себе ситуацию: привез ты в Москву танки, а завтра-послезавтра смотр. Думаешь, никто не докопается, что машины наездили лишь часть законного пробега? Скандал — не отмоемся... Не вернее ли форсировать выпуск всей опытной партии, совершить трехтысячный поход и тогда уж со спокойной совестью явиться...

Кошкин вдруг круто встал, схватил со стола линейку и быстро прошел к висящей на стене карте.

— Что ты к Москве тянешься? — Директор глянул через плечо Михаила Ильича на поднимающуюся снизу

вверх линейку.— Маршрут двухтысячного проложим не по прямой на север, а по кругу, через Белоруссию.

— Я завтра поведу машины в Москву.

— Запрет же!

— При первой встрече скажу командарму спасибо. Его запрет меня и надоумил. Это единственный выход, единственный способ прибыть на смотр, увеличив заодно пробег. Своим ходом двинем! Погода подходящая. Если прорвемся сквозь этакую пургу, разве Москва скидку не сделает? Подобная тысяча километров стоит двухтысячного пробега.— В хриплом голосе Кошкина уже не было и следа растерянности.

— Ты, кажется, бредишь... Метровые сугробы до самой Москвы, утонешь на первом километре.

— Не утонем! Прошлой ночью мы с Мальгиным набрали почти сто километров по кругу, а машина во все легкие дышала, подхлестывала нас: придумывайте еще преграды — возьму!

— Сто не тысяча, и бронхи твои воспалены.

— Пустяки! Люди на войне гибнут, а ты — бронхи...

Директору и самому не хотелось отговаривать конструктора, но и согласиться с ним он не мог, не имел права.

— Свирепые морозы — дизели застынут, заглохнут, что тогда?

— Своим дыханием согревать будем...

— Секретные машины, ну сам подумай, кто тебе разрешит — чуть не половину России в открытую пройти.

— Так мы же обойдем города, да больше ночью двигаться будем. Чего боишься? Маскировку устроим — сам дьявол не поймет, что движется... Не мучь ты себя и мне не мешай! Представь, какая будет проверка «тридцатьчетверке», какая аттестация ей, когда своим ходом явимся в Москву к началу смотра.

— Такую аттестацию пропишут — костей не соберем.

— Если за себя боишься — отбей «молнию»: Кошкин выехал самовольно, хотя ты, директор, запретил...

В полночь партийный комитет завода по просьбе Кошкина заслушал его и директора о подготовке машин к походу и составе участников. Оба и словом не обмолвились о вечернем споре. Директор предложил послать с танками не один, а два тягача, на первый погрузить запасные части и двойную норму горючего.

На второй тягач с утепленным кузовом посадить механиков-испытателей, слесарей-ремонтников и военпредов, сюда же погрузить продукты питания и медикаменты.

2

Закрытые брезентом, тонущие в снегу по верхний обвод гусениц, шли сквозь белую мглу «тридцатьчетверки». Они меньше всего походили на танки. Передки машин были обрывисто-вертикальны. Стволы орудий повернуты назад, к корме. Под ними — связанные проволокой бачки с запасом горючего, уложенные до высоты башен. Даже если закинет нечистая сила в степную заварушную крутоверть лазутчика или вытянет моторный гул человека на улицу села, которое нельзя обойти,— что он, посторонний, поймет, что ему могут раскрыть движущиеся с напластованным снегом поверх брезентов машины, лучами фар выхватывающие из завихренной мути телеграфные столбы?

Позади танков оставался тоннель, стенки которого осыпались от вибрации машин, рева двигателей и завихрений дымных хвостов, вырывающихся из выхлопных труб. Два тягача, шедшие за танками, траками гусениц впивались в уплотнившийся снег, нередко застревали в нем. Тогда ближний танк пятился назад на выручку. Сменные механики-водители, слесари, инженеры-исследователи и военпреды помогали танку сдвинуть с места обессиленные тягачи.

На третий день похода Кошкин вел головной танк на пару с Игорем Мальгиным. Когда один занимал место за рычагами, другой отдыхал на сиденье справа, рассчитанном на стрелка-радиста. Игорь от усталости засыпал сразу, а Кошкина и дремота не брала в час отдыха. Его знобило, и, чтобы не замерзнуть, он сгонял Игоря с места водителя. Двигая тяжелые, сопротивляющиеся рычаги, он согревался, и грудь, спина, лицо покрывались потом. Но это лишь в первые минуты. Вскоре мороз опять пронизывал до костей, превращал пот в игольчатые льдинки.

Игорь настаивал, чтобы Кошкин уступил место одному из трех сменных механиков, но Михаил Ильич хотел сам проверить машину, прочувствовать ее в сложных условиях, узнать возможности, обнаружить слабинки,

чтобы устранить их, перед тем как танк попадет туда, на финскую.

Как-то, провозившись у порванной гусеницы тягача, Кошкин дал Игорю уговорить себя пойти выспаться в теплом, прожаренном «чугункой» кузове. Там к нему опять пристали военпреды:

— Пора наконец и нам на танки. Мы их обязаны опробовать в любых условиях.

Военпреды имели право на вождение, но доверить им машины в такую метель было опасно. А они требовали, настаивали, и Кошкин разрешил. Только приказал взять в танки опытных механиков, пусть не для вождения — для совета, подсказа в сложной ситуации. Военпреды согласились, чтобы успокоить Кошкина, но, сев за рычаги, от помощи механиков отказались. Сочли, что им, специалистам, слушать советы механиков несолидно, тем более что военпреды уже водили БТ на заводских трассах и даже наездили часа по четыре на «тридцатьчетверках». И в то время, когда Кошкин спал, случилась беда.

Между Белгородом и Обоянью шли холмистыми полями. Поднимутся на холм — он вылизан ветрами, спустятся в низину — снег по башню. Военпреды растерялись. Когда машины застряли в сугробах, попытались вырвать их на недозволенных режимах. Трогать с места в таких случаях надо с бортовых фрикционов при включенном главном, а они давали перегрузки главным фрикционам. Диски перегрелись, покоробились, вышли из строя сначала на одном танке и тут же на другом.

Военпреды ополчились на инженеров-исследователей, что те, мол, вышли в такой поход с негодными фрикционами.

Проснулся Кошкин от шума голосов за тонкими стенками кузова. Выскочил в пургу без танкошлема, в валенках на босу ногу и шубе, накинутой на исподнее белье. Понял все сразу.

— Доездились!..

— Мы хотели проверить танки в критическом режиме,— пытался оправдаться старший военпред.— Есть запасные фрикционы, сменим.

— В метель, на снегу?

— В Орловском танковом хорошие мастерские, там...

— До Орла надо еще доползти...— И Кошкин, согнувшись, пошел обратно в кузов тягача.

Слесари, исполнявшие также обязанности истопников, проложили лыжню к лесу, навезли хвороста, бересты, и затрещала «чугунка», закипел в горшке гороховый суп с картофелем, поспело горячее молоко из сгущенки для простуженного Кошкина. Ели молча, сердито. Пошептавшись с друзьями-механиками, Мальгин предложил дотянуть до Орла на одних бортовых фрикционах.

— Дьявольски трудно будет, ребята,— сказал Кошкин.

Но он знал, что это единственный выход. Больше ничего не придумаешь.

— Только вы уж, пожалуйста, побудьте в тепле, Михаил Ильич.

Без главного сцепления невозможно на ходу переключать передачи. Пришлось все время двигаться на второй. Скорость упала. Раньше за час делали семнадцать, иногда девятнадцать километров, сейчас — восемь, а то и семь. Временами, когда вьюга выдыхалась на минуту-другую, Кошкин слышал, как надрываются моторы. И все же двигались днем и ночью, медленно приближаясь к цели. «А если изменить коробку передач, выбросить главное сцепление?» — задумался Кошкин и по привычке схватил карандаш, начал что-то рисовать, высчитывать в блокноте. Ничего не выходило. Кошкин пожалел, что нет Морозова и Белана, любящих копаться в трудных проблемах. «Придется отложить поиски до лучших времен. Да, техника еще не доросла до решения такой проблемы... Пока надо думать, как заменить главный фрикцион запасным в полевых условиях. В бою можно попасть и в такую обстановку, как сейчас, и похлеще!..»

В Орловское танковое училище колонна прибыла, когда стемнело. Старший военпред хотел пойти договориться с начальником мастерских о смене главных фрикционов, но Кошкин не разрешил — не мог задерживаться на двое суток, боялся опоздать в Москву на правительственный смотр.

Всю ночь занимались ремонтом танков. Курсанты напросились помочь слесарям. Еще бы: такая машина! Скоро придется овладевать ею и в бой, возможно, вести...

На седьмой день похода, 12 марта, подошли к Оке южнее Серпухова. Мост оказался шире «тридцатьчетверок» всего на несколько сантиметров — не сорвать бы перила, не полететь под лед. Кошкин сел в головной танк. Плавно управляя рычагами, он осторожно провел машину через мост. За ним — второй танк и оставшийся тягач; другой был до того разбит, что его пришлось оставить в Орле.

За Серпуховом колонну остановил встречный автомобиль. Начальник главка Наркомата машиностроения подбежал к раскрывшемуся люку первой машины, сорвал шапку с головы:

— С праздником, Михаил Ильич! С финнами подписан мир! А ну-ка выходи, конструктор-водитель! Механиков тебе не хватает?

Когда Кошкин выскользнул из люка, пошатываясь встал на дороге, начальник главка понимающе сказал:

— Тяжело было, вижу...

А Кошкин первым делом спросил о главном:

— Не опоздали к смотру?

— Как раз приехали. Успеете привести себя в божеский вид — смотр семнадцатого.

— А запрет?..

— Понравится машина, Михаил Ильич, тебе все простят, тем более, я вижу, маскировочка у тебя — номер один.

3

Местом смотра выбрали площадь у колокольни Ивана Великого.

Для создателей машин, для испытателей встреча с руководителями партии и правительства именно в Кремле была великим событием. И конструкторы постарались привезти сюда самое лучшее, что создали.

Кошкин появился с «тридцатьчетверками», когда куранты на Спасской башне отбили шесть часов. Главного конструктора лихорадило. Затяжная простуда, кашель, боли в груди, а он в Москве и часа урвать не мог, чтобы показаться врачу. На ночь Игорь ставил горчичники, и Кошкин утверждал, что этого достаточно, что ему противопоказаны медицинские нежности. Да и когда было обращаться к врачам, тем более лечиться? С рассвета и до глубокой ночи находился на военном ремонтном

заводе, где меняли главные фрикционы, восстанавливали потрепанные в тысячекилометровом походе машины. Не сделать бы этого за три дня без помощи начальника управления Наркомата машиностроения и самого наркома, Вячеслава Александровича Малышева.

Но в последний момент потребовалась и другая помощь...

Из цеха в цех, из кабинета в кабинет за Кошкиным следовал молодой человек в полувоенном кителе. Он держался с апломбом, соответствующим его особым полномочиям. Едва оставался с глазу на глаз с Михаилом Ильичом, снова и снова именем своего начальника спрашивал, с какой целью нарушен запрет, кто разрешил пуститься с новыми сверхсекретными машинами в такую даль, да еще без специального конвоя?.. В конце концов он объявил Кошкину, что «тридцатьчетверки», вероятно, не будут допущены к правительственному смотру. Тут уж Михаил Ильич помчался к Малышеву.

Ограничилось ли его вмешательством, или он поставил в известность людей большей, чем у него, власти — этого Кошкин не знал. Но без поддержки Малышева и начальника главка, возможно, не стояли бы сейчас «тридцатьчетверки» на площади в Кремле.

Кошкин попросил Малышева не начинать смотра с «тридцатьчетверок». После всех треволнений ему нужно было успокоиться и дать прийти в себя механикам.

Смотр открыл тяжеловес КВ. Ему, две недели назад штурмовавшему укрепления линии Маннергейма, не надо было изощряться в отборе программы, чтобы продемонстрировать свои боевые качества. О них свидетельствовали вмятины и короткие, шириной с палец, ручейки-бороздки в семидесятипятимиллиметровой броне — следы вражеских снарядов. Может быть, именно поэтому танк полз по площади неторопливо, полный достоинства, как заслуженный, уважаемый ветеран. И никому медлительность КВ не казалась недостатком.

Легкие машины на узких гусеницах, одна из них амфибия, старались, наоборот, показать предельно высокую скорость.

Пока члены правительства разглядывали танк-амфибию, интересуясь надежностью защиты двигателя и экипажа от воды, Малышев подошел к «тридцатьчетверкам».

— Ну, братцы, докажем, что наша созрела для массового производства?

И в том, как он смотрел на Кошкина и механиков, в тоне вопроса была надежда, что танк, на который наркомат рассчитывает как на самый перспективный, докажет это правительству.

— Конечно, товарищ нарком, как же иначе! — заверил Кошкин.

Едва зарычали двигатели, увеличивая обороты, как все повернулись к «тридцатьчетверкам». Обтекаемые формы корпусов и башен, лихо поднятые стволы пушек. Казалось, танки летят уже сейчас, еще до того, как тронулись с места. Рванулись, увеличивая скорость, и звон гусениц отозвался веселым эхом на колокольне Ивана Великого.

Круг за кругом, легко и мощно, бок о бок проносились «тридцатьчетверки» по древней площади Кремля. В какой-то момент головной танк Игоря Мальгина, перейдя на максимальную скорость, оторвался от напарника метров на сорок и, круто развернувшись, пошел с ним на сближение. Людям на противоположной стороне площади это могло показаться рискованным, но опытные танковые асы вели машины с боковым отклонением — небольшим, но вполне достаточным, чтобы на линии встречи безопасно разминуться.

Кошкин не сомневался в надежности машин, в искусстве своих механиков-испытателей. Но он отчетливо представлял себе, как напряглись сейчас нервы у механиков — не шутка вести машины, когда смотрят руководители правительства. Что возьмет верх: доверие к «тридцатьчетверке», трезвая оценка ее достоинств, ее значения для армии или цепкое недоброжелательство упорных в своем заблуждении людей, которые и сюда пришли и здесь, возможно, дадут бой его танку. Он видит их хмурые взоры, и ему кажется — они даже броню просверливают, достигая водителей и еще больше взвинчивая им нервы... Кошкину легче было бы в эти минуты ворочать рычагами в танке, чем смотреть на машину со стороны, видеть, как Сталин, показывая на нее пальцем, что-то говорит Кулику, а тот, отвечая, словно бы пытается что-то доказать Сталину — что?!

Минута сближения, пока мчащиеся друг на друга машины не затормозили, показалась Кошкину вечностью.

Танки, прикипев гусеницами к брусчатке, замерли в метре друг от друга.

Машина Мальгина оказалась рядом с Михаилом Ильичом и начальником отдела испытаний центрального полигона Евгением Анатольевичем Кульчицким, стоявшими с краю группы зрителей. В армии Кульчицкого называли танковым Чкаловым. Через его руки прошли едва ли не все новые конструкции, в их числе и машины Кошкина. Он был самым несговорчивым, неподатливым, жестким приемщиком, но Кошкин любил его, хотя в часы испытаний беспокоился не меньше других, как бы Кульчицкий не покалечил опытную машину. Опыт Кульчицкого, его авторитет были незыблемы для Михаила Ильича. Волнений на проводимых Кульчицким испытаниях было предостаточно, но они оправдывались сторицей. Кошкин знал: и здесь, в Кремле, Евгений Анатольевич горой встанет за «тридцатьчетверку», будет биться с любым, кто вздумает преградить ей путь в армию.

Кульчицкий опоздал почему-то к началу смотра, явился уже в момент маневра «тридцатьчетверок» и, найдя глазами Кошкина, поспешил к нему.

— Что грустишь, отшельник? Твои красотки пленили здесь всех, кто в технике смыслит... Во, как затормозила славно — узнаю почерк Мальгина!

Едва Игорь раскрыл люк и выскочил из танка, как заметил приближающихся к ним Сталина и Ворошилова.

— Подтянитесь, именинники,— сказал Кульчицкий.

Игорь поспешил вытереть платком лицо и шею, одернул на себе комбинезон и встал рядом с Кошкиным и Кульчицким.

Подошедшие пожали руки всем троим.

— Эффектное зрелище,— произнес Сталин негромким голосом, в котором, как и в непроницаемом лице его, нельзя было уловить ни осуждения, ни восторга.— А не подвергаете ли вы, товарищ Кошкин, риску человека и танк таким маневром?

— Нет, товарищ Сталин. В нашей машине, с нашими водителями риска нет.

— А вы, товарищ Кульчицкий, как считаете? Ворошилов говорит — вы испытывали этот танк.

— Испытывал, товарищ Сталин, с наслаждением. Такой машины у нас не было, и я думаю — такой нет нигде в мире.

— Хорошая, значит, надежная,— а во всем ли такая надежная?

Вопрос мог относиться и к Кульчицкому, и к Кошкину. Ответил Михаил Ильич:

— Главное сцепление замучило...

— Видеть свои промахи и признавать их — неплохо. Но это еще не мудрость.

— Для главного сцепления, товарищ Сталин, удалось подобрать лучшую марку стали. Надеемся, это усилит...

Небольшой шум, возникший в группе военных, привлек внимание Сталина.

— О чем вы там, Павлов? — повернул он голову.

Комкор подошел.

— Старый спор, товарищ Сталин. Артиллеристы утверждают, что утолщенная броня «тридцатьчетверки» и ее форма не спасут от снарядов противотанковых пушек противника.

— Разве не обстреливали?

— Без этих спорщиков много раз. Результаты превосходные.

— Пусть обстреляют сами в вашем присутствии.

На следующий день на подмосковном полигоне «тридцатьчетверку» подвергли придирчивому огневому испытанию. С дистанции в пятьсот метров снайпер-артиллерист посылал из противотанкового орудия сорок пятого калибра снаряд за снарядом в треугольники, начертанные мелом в разных местах корпуса и башни. Пробоин — ни одной, только неглубокие вмятины в броне танка. Павлов, желая еще больше уязвить артиллеристов и увлекшись, поставил мелом крест на нижней кромке башни.

— Сюда бейте! И это вам не поддастся!

Снаряд снайпера заклинил башню.

Кошкин возмутился:

— Нечестно, товарищ комкор! Выдали нас... Знали же, что собираемся делать ограждение.

Павлов расхохотался:

— Я умышленно, чтобы ты не зазнавался. Ведь танк твой практически неуязвим для снарядов противотанковых пушек. Радуйся, Миша,— не-у-яз-вим!!

В ЗАНКАХ

1

Коварно подбиралась хворь к Михаилу Ильичу. Был бы рядом врач или фельдшер, когда перегоняли танки, он бы уловил признаки обострения затяжной простуды. Но ни врача, ни фельдшера не было, и в Москве Кошкин к медикам не обращался — боялся, запретят вести танки на Южный завод. А конструктор хотел еще раз проверить свои машины. Танки понравились почти всем участникам смотра, и наркому Малышеву поручили подготовить проект решения Совета Народных Комиссаров о Т-34. Но нашлись скептики, которые считали, что «тридцатьчетверки» не пройдут гарантийного срока без поломок. Эти скептики могли на заседании Совнаркома сорвать решение о начале серийного производства Т-34. Доказывать им, что нет еще таких танков, которые без повреждений выдержали трехтысячекилометровую норму, не имеет смысла — скажут: новые машины обязаны.

Михаил Ильич явился к начальнику главка наркомата с предложением:

— До нормы осталось около тысячи километров, как раз до завода пройти. Разрешите, и мы отнимем у противников танка последний козырь.

— Хорошо бы, Михаил Ильич,— колебался начальник главка, не решаясь отправить колонну в весеннюю распутицу.— Но ведь устали машины и люди.

— Вытерпим! Докажем!

— Разве что без тебя, Михаил Ильич. Плохо выглядишь, тебе надо поездом.

— Ну уж нет — без меня не выйдет. Мало ли какие изъяны вскроются в дороге.

Весенний поход «тридцатьчетверок» из Москвы на Южный завод оказался не легче зимнего.

Снег ушел в землю, оставшись только в лесных дебрях пористыми бурыми островками. Но дожди зарядили хлесткие. Грязь налипала на гусеничные ленты, намертво присасываясь к тракам. Когда шли не дорогами, а полями — последними куда чаще,— бывало, то один, то другой танк тонул в раскисшей земле, и, чтобы вырваться из грязи, механики, слесари-инженеры вме-

сте с Кошкиным становились лесорубами, клали гати.

На самых трудных участках Михаил Ильич находился с Игорем Мальгиным в головной машине. Когда танк попадал в топь, Игорь не давал конструктору выходить из машины, хотел уберечь простуженного.

Хотел, но не уберег. Почти в конце пути хлынул ливень с громом и молнией. Головная машина, скользнув по краю косогора, остановилась. Выбравшись через люк водителя, Михаил Ильич оказался в воде. Должно быть, тогда, обостренное затянувшимся бронхитом, и возникло воспаление легких.

Михаил Ильич скрывал, что усилилась боль в груди. Он чувствовал ломоту в суставах, временами жар, но не хотел поддаваться болезни. Надо было за месяц устранить обнаруженные в походе недостатки машины — хотелось явиться в Совнарком, когда будет решаться ее судьба, с чистой совестью.

Его вызвали в Москву в хороший теплый весенний день. И заседание Совнаркома было теплым и хорошим. После доклада Малышева дали слово Михаилу Ильичу. И ни одного критического замечания по машине никто не сделал.

Совет Народных Комиссаров решил пустить танк Т-34 в серийное производство.

Кошкин прилетел из Москвы сияющим, и друзья, встретившие его на аэродроме, на радостях как-то и не придали значения, что он побледнел, осунулся. Решили: от хлопот это, от волнений, которые теперь уже позади.

Автомобиль вел директор. Справа от него — Кошкин, позади едва поместились Морозов, Мальгин и занимавший половину сиденья Остап Вирозуб. Машина мчалась к городу, а Михаил Ильич подробно рассказывал, как шло заседание Совнаркома, кто выступал и как быстро и единодушно было принято постановление о «тридцатьчетверке».

— Слава та пошана Радянській владі! — выкрикнул Вирозуб митинговым голосом.— Довгі роки Михайлу Ильичу — брату ридному, зодчому «тридцатьчотвирки»!

И, обхватив ручищами плечи Кошкина, тряс его от избытка чувств.

В июне сорокового года, через месяц после решения правительства, пять серийных танков вышли на заводские испытания. И снова — изменения на ходу, отладка

технологии, накопление навыков, опыта — всего этого требовало производство новой машины.

Ждали государственного плана выпуска «тридцатьчетверок» во втором полугодии. Он поступил в конце июля.

...Заводской слет стахановцев слушал Кошкина. Михаил Ильич говорил, что до конца года Красная Армия получит десятки «тридцатьчетверок», а в сорок первом в каждом квартале — во много раз больше.

— «Тридцатьчетверку» создал наш коллектив. Теперь он имеет возможность не только выполнять государственный план по новым машинам, но и помочь своим опытом, кадрами другим предприятиям. Они не изведают тяжкого пути нашего коллектива к «тридцатьчетверке». Когда пробьет час, многие заводы начнут делать ее без мук и проволочек!

Боковым взглядом Остап Вирозуб поймал остроносое лицо Степаря. Улыбается как будто чистосердечно... Правда, он решительно взялся за перестройку участков, организацию серийного производства новой машины. Понял свою ошибку, раскаялся или просто спешит погреться в лучах восходящей славы «тридцатьчетверки»? Обманчивой бывает физиономия. Морозов, к примеру, и сейчас насуплен, кажется недовольным, но Вирозуб-то знает, как он счастлив,— вот уж кто внес в машину свой честный вклад. Он и Кошкин! Сколько придумали, сделали вместе! Другие роптали: «Египетские пирамиды бумаг изводим, на истопку пойдет!..» Вот те «истопка» — весомей золотого запаса. На каждый узел, агрегат, на каждую деталь «тридцатьчетверки» — калька, чертеж, технологическая карта. «Возьмем из хранилищ золотой этот запас,— размышлял Вирозуб,— отвезем волжанам, а может быть, и на другие заводы, и те за месяцы пройдут то, что мы за годы...»

А Михаил Ильич говорил уже о том, что правительство доверило заводу великую задачу оснащения танковых войск главной машиной, которая должна заменить в самые короткие сроки все устаревшие легкие и средние танки.

— Сколько остается до войны? Год, три или несколько месяцев? Вряд ли кто на это ответит. Одно непреложно: от нас зависит, с чем Красная Армия встретит врага — со слабыми танками противопульной защиты или с тысячами «тридцатьчетверок».

И вдруг — в лицо ему:

— Панику сеете, Кошкин! Умаляете могущество Красной Армии! Она и сейчас сильнее всех!

Захаров решительно встал из-за стола президиума, ткнул возмущенно пальцем в сторону кричавшего, но, ни слова не успев выговорить, заметил, как пошатнулся Михаил Ильич, и бросился к нему на помощь.

Кинулись к главному конструктору и другие из президиума, прыгнул снизу, из зала, на сцену Игорь Мальгин. Он сидел близко к трибуне и видел пот, выступивший на лице Михаила Ильича, неестественно яркий, болезненный блеск глаз. И когда Кошкин побелел, пошатнулся, Игорь оказался возле него первым.

2

Одни говорили, что у Кошкина сердечный приступ и врачи обнаружили грудную жабу, другие — что установлено воспаление легких. И те и другие считали виновником приступа клеветника и кляузника, вылезшего со своими «обличениями». Но товарищи Михаила Ильича понимали: злое слово лишь ускорило то, что неизбежно должно было произойти. Причиной болезни была затяжная, запущенная простуда, два тысячекилометровых похода, нервотрепки последних лет...

Из больницы Михаила Ильича перевезли в заводской дом отдыха в Занках — врачи рекомендовали сосновый бор, усиленное питание и постоянное наблюдение медсестры. К Кошкину вызвалась поехать Галина Романова.

Два часа провел у постели Михаила Ильича известный профессор-терапевт. Когда Галя вышла его проводить, он подтвердил предположительный диагноз.

— Абсцесс. Возможно, даже двусторонний. Тогда оперировать нельзя. Уповаю на силу его сердца и воли и на вас. Как-никак четверокурсница, без двух минут врач... Лекарства лекарствами, но главное — укрепить защитные силы организма. Черная смородина есть?.. Очень хорошо. Фрукты, сливочное масло, желтки, морковь...

Профессор обещал через каждые пять-шесть дней навещать больного.

— Не будет температуры, сделаем переливание крови.

На третью неделю состояние Михаила Ильича не-

сколько улучшилось, и профессор порекомендовал короткие прогулки по лесу. В Заики приехала Вера Николаевна с девочками. Будто помолодел Михаил Ильич. Придумывал игры для всех вместе, беседовал с дочками. С двенадцатилетней Лизой — о литературе, с девятилетней Тамарой — о музыке; она занималась в музыкальной школе, отец купил ей пианино. А больше всего любил возиться с младшей — годовалой Танюшкой.

Михаил Ильич меньше температурил, и профессор уступил его просьбам — разрешил встречи с заводскими товарищами.

В Заики зачастили конструкторы, механики-испытатели. Всем хотелось обрадовать главного конструктора: серийное производство «тридцатьчетверок» налаживается, план в основных цехах выполняется уже не только в стахановские дни и пятидневки — скоро войдут в график сборки готовых машин. Захаров, наезжавший чаще всех, цифры недолюбливал. Говорил: «Придешь на участок, Михаил Ильич, увидишь сам, как мы твою идею в металл начинаем одевать — хорошо получается».

А Галю беспокоили эти наезды, особенно когда появлялись с чертежами, макетами Морозов, Белан и Вирозуб. Слушая побаски Вирозуба, до кашля смеялся Михаил Ильич, словно забывая о болезни. А с легкими плохо... Счастье будет, если рассосется абсцесс, а если нет — страшно подумать. Ведь лечить его почти невозможно. Не догадался бы Михаил Ильич о гнойнике во втором легком, может, все еще образуется. Профессор предупреждал Галю: «Не давайте ему много думать». Легко сказать...

Вот опять конструкторы вошли в дом. Михаил Ильич посоветовал Гале отдохнуть от скучных бесед — значит, разговор будет секретный. Наверное, о новой идее, которую Михаил Ильич вынашивал. Ночью вскинулся, попросил карандаш: «Поспите, миленькая, я должен поразмыслить...» Долго что-то писал, Галя задремала и сквозь дремоту слышала: «Можно поперек... Так... Машина укорачивается на полметра...»

Из окна долетел баритон Вирозуба:

— Встанэ дизель, ще як встанэ! Добре пидрахував, Мыхайло Ильичу!

Галя едва дождалась Игоря.

— Останови их, Игорек! Ему нельзя волноваться. Меня не послушают.

Игорь пообещал и тут же забыл, о чем просила Галя, так его увлекла мысль Михаила Ильича поставить двигатель не вдоль оси, а поперек — тогда при том же весе танка можно будет лучше расположить его узлы.

Игорь вышел от Кошкина взволнованный.

— Поразительная идея, и как она другим в голову не приходила!

Во второй половине сентября зануднли дожди. Михаил Ильич посерел. Его лихорадило, болезненным стал кашель, во время которого выступал липкий пот. А лежать Кошкин не хотел, не мог, угнетенный плохими вестями, о которых проговорился Вирозуб. Металлургический завод прислал несколько вагонов броневых листов низкого качества. Отказаться от них — сорвется программа. Когда-то еще прокатают и привезут новые листы...

Михаил Ильич хотел на автомобиле Вирозуба немедленно ехать на завод, но, к счастью — так думала Галя,— машина застряла в болоте в шести километрах от Заок, и Вирозуб пришел пешком.

Галя уложила Михаила Ильича в постель, побежала к телефону посоветоваться с профессором: у больного резко подскочила температура, появился нехороший запах изо рта... Но линия была занята.

Пока Гали не было, Михаил Ильич, несмотря на запрет, оделся и вышел проводить товарища. На ступеньке покачнулся и, чтобы не упасть, вцепился исхудавшими длинными пальцами в плечо Вирозуба. Губы больного дрогнули, широко раскрылся рот, и из него вырвался хрип.

Вирозуб подхватил Михаила Ильича и, держа его лицом вверх, закричал испуганно:

— Мыхайло, братэ! Та Галю... Та господы, що ж ты з чоловиком робыш?!

Он заметался, взбежал на крыльцо. Подскочившая Галя остановила его:

— На аэродром! Я вызову самолет...

Она поняла: прорвался абсцесс, гной заливает легкие, начинается агония.

Дозвонилась до профессора, попросила санитарный самолет и бросилась в чащу вслед за Вирозубом.

Ветки кустарника царапали руки, лицо, но Галя ничего не замечала, подгоняемая хрипом Кошкина. Она

подхватила отяжелевшую голову Михаила Ильича, приподняла выше.

...Когда умирающего несли больничным коридором, Вирозуб неистово, как обезумевший, умолял:

— Врижтэ мои лэгэни — може, воны ёго врятують...

Еще генштаб вермахта только начал разрабатывать варианты плана «Барбаросса», еще девять месяцев оставалось до нападения фашистов на нашу страну, а Михаил Ильич Кошкин уже пал за ее свободу, за ее победу — пал первым солдатом Великой Отечественной войны.

НЕКРОЛОГ

26 сеитября 1940 года умер талаитливый коиструктор товарищ Кошкии Михаил Ильйч, член ВКП(б) с 1919 года. Тов. Кошкин с 1918 года по 1921 год служил в Красной Армни. В 1921 г. поступил на учебу в комвуз им. Свердлова, который и окоичнл в 1924 году. В 1929 г. в счет партийной тысячи направляется иа учебу в Ленннградскнй машииостронтельиый иистнтут. По окоичанни иистнтута тов. Кошкии целнком отдается делу коиструирования.

Тов. Кошкин в 1936 году за отличиую работу в области коиструнроваиия награжден правительством СССР орденом «Красиая Звезда».

В лице тов. Кошкниа советская общественность потеряла отзывчивого и чуткого товарища, стойкого большевнка и талаитливого конструктора.

Память о Михаиле Ильиче навсегда сохраиится в сердцах работииков советского машиностроеиня.

Группа товарищей.

Правда, 28 сентября 1940 года.

Часть четвертая

ВЗРЫВ

БЫСТРОХОДНЫЙ ГЕЙНЦ

1

Из Парижа в Берлин Гейнц Гудериан летел триумфатором. Сбылись его мечты, оправдались усилия целого десятилетия жизни. Танки признаны главной ударной силой вермахта, а вермахт показал себя самой могучей, победоносной армией!

Совсем недавно, когда генштаб разрабатывал планы западной кампании, один лишь генерал Манштейн разделял его мысль, что наступать лучше всего через Люксембург и южную часть Бельгии в обход линии Мажино, что необходимо осуществлять прорыв и этого участка и всего французского фронта, используя мощный кулак всех танковых и моторизованных дивизий. Начальник генштаба сухопутных сил Гальдер назвал эту идею бессмысленной.

15 марта, докладывая Гитлеру в имперской канцелярии, Гудериан успешно отстоял свой план внезапного и сосредоточенного броска танков, быстрого движения на Седан, форсирования реки Маас и завершения прорыва безостановочным походом до Ла-Манша. А во время боевых действий разве не он, Гейнц, самостоятельно принимал все решения вплоть до выхода к побережью? Разве не его корпус осуществлял глубокие рейды в тыл противника вопреки тормозящему влиянию верховного командования, главным образом командующего танковой группой генерала фон Клейста?!

Приближаясь к полям сражений на Сомме, где в 1916 году англичане дали первый танковый бой кайзеровским войскам, Гудериан нагнал колонну своих танков. Увидев его и понимая, что их прорыв ведет к полной победе над французскими и английскими войсками, солдаты кричали: «Да здравствует быстроходный Гейнц!», «Наш боевой старик!».

А когда танкисты увенчали свой рывок захватом морских крепостей Булонь и Кале, он выразил свою радость и чувство благодарности в приказе по корпусу:

«Я требовал от вас отказа от сна в течение двух суток — вы держались семнадцать дней. Я приказывал сражаться, невзирая на угрозы с флангов и тыла,— вы никогда не проявляли колебаний. Германия гордится своими танковыми дивизиями, и я счастлив, что являюсь вашим командиром. Теперь мы будем готовиться к новым подвигам».

14 июня немецкие войска вступили в Париж, а новая танковая группа, во главе которой верховное командование поставило Гудериана, двигалась к швейцарской границе. К ней вышли 17 июня, в день его рождения, и он скромно отметил его в кругу своих офицеров.

В те дни, когда имя его гремело по всей Европе, приятно было с высоких гор любоваться Женевским озером, погостить в Лионе у старшего сына Гейнца Гюнтера, вторично раненного за время западной кампании, и поздравить его с получением внеочередного звания за храбрость.

Все было бы прекрасно, если б не германо-французский договор о перемирии, подписанный 22 июня в Компьенском лесу. Он, Гейнц, не для того пронзил своими танковыми клиньями тело Франции, смыл с Германии позор Версаля, чтобы она получила ограниченный договор. Он не политик, он — солдат, но, обладай он верховной властью, вермахт незамедлительно продолжил бы поход к устью Роны, а после овладения французскими портами на Средиземном море высадил бы воздушные десанты в Африке и на острове Мальта. То были бы не одни воздушные десанты стрелков. Он обдумал план переброски четырех — шести танковых дивизий в Африку, чтобы создать там подавляющее превосходство в силах, прежде чем англичане успеют подвезти подкрепления. Он передал через генерала Риттера фон Эппа свой план Гитлеру, но ни ответа, ни вызова. Может быть, фюрер, находясь в плену своих континентальных воззрений, не понимает решающего значения для англичан района Средиземного моря, или же испытываемое им недоверие к итальянцам удерживает его от военных операций вермахта в Африке?..

Не с одним генералом Эппом обсуждал этот вопрос Гудериан. Обычно скрытный, он неожиданно разоткровенничался с рейхсминистром вооружения и боеприпасов Тодтом, поделился с ним мыслями о продолжении войны.

Что заставило Гудериана довериться гражданскому

человеку? Не то ли, что новый рейхсминистр посчитал возможным и необходимым спешно прилететь к нему из Берлина в Париж, чтобы поговорить об опыте наступления крупных танковых сил в последней военной кампании и посоветоваться о том, как полнее использовать этот опыт в интересах дальнейшего развития танкового производства? Наверное, Гудериана расположили к Тодту и этот визит, и история с Беккером, о которой поведал ему Тодт.

Начальник управления вооружений вермахта Беккер давно добивался создания единого оперативного органа оснащения армии новой техникой. Он имел могущественных противников — главнокомандующих сухопутными войсками, авиацией и флотом и королей военной промышленности, чья сила в рейхе была достаточно известна. Их не устраивали новшества генерала Беккера, они не раз хоронили его идею создания единого штаба, который мог в какой-то мере ограничить их аппетиты, их интересы, их сферу власти. Накануне западной кампании Беккеру все же удалось сломить сопротивление главнокомандующих и доказать Гитлеру полезность небольшого оперативного штаба для руководства тремя управлениями вооружений. В апреле Гитлер подписал организационный приказ.

— Беккер победил... на пять часов.— Упитанный, тяжеловесный Тодт поднялся с кресла, нагнулся к Гудериану и шепотом, чтобы и стены не слышали, открыл ему одну из тайн Адольфа Гитлера и Густава Круппа.

Узнав о приказе, Крупп отправил из Эссена в Берлин на самолете директора своих заводов Мюллера, и тот в самых недвусмысленных выражениях передал пожелание Круппа: промышленность не нуждается в военном руководстве, она сможет дать армии гораздо больше военной техники и оружия, если в своих действиях абсолютно никем и ничем не будет стеснена.

— Фюрер немедленно отменил свой приказ и велел сообщить об этом Беккеру. Генерал принял отмену приказа как личный крах и кончил жизнь самоубийством. Все это произошло в течение одного дня.

Гудериан был польщен: благоразумный, осторожный, сдержанный Тодт делится с ним сверхсекретом государства. Может быть, потому рейхсминистр оказывает генералу такое доверие, что знает о его долголетней борьбе за признание танковых войск, за преимущественное раз-

витие бронетанковой техники, чего добивался и сам. И еще явственно прозвучало в рассказе Тодта дружеское предостережение: осторожнее с Круппом...

Гудериан ответил откровенностью на откровенность. Не про себя, как бывало, а вслух поминал он сейчас недобрым словом своих противников из генштаба, и среди них спесивого генерал-инспектора артиллерии сухопутных войск, не признающего танкового вооружения выше пушки калибра тридцать семь миллиметров.

— Правда, мне удалось договориться с промышленниками, и уже четыре года, как на танках ставятся башни большего диаметра, но на нашем прекрасном Т-3 все еще действует слабосильная короткоствольная пушка. Надеюсь, уважаемый доктор Тодт, мы с вами сумеем убедить и фюрера и Круппа в необходимости перевооружить наши Т-3 длинноствольной пушкой пятидесятого калибра. Тогда цены не будет нашим танкам.

Улыбкой и изысканным жестом Гудериан сопроводил свое приглашение на домашний обед с вином времен Седанской победы.

2

Гитлер приблизил к себе Тодта сразу же после прихода к власти. С 1934 года Тодт стал главным строителем имперских автострад — особой сети дорог дальнего сообщения. Он решал задачу в невиданных до него масштабах, добился делового сотрудничества и взаимодействия строительных организаций и фирм, поставляющих ему специалистов, оборудование и материалы. Он сосредоточил огромное количество рабочей силы на наиболее важных участках, размещая строителей близко к месту работ. Эти новшества еще шире применялись в 1937 году при сооружении линии Зигфрида.

Но вряд ли Тодт ожидал, что вознесется на вершину нацистского Олимпа. Сперва Гитлер назначил его генеральным инспектором по особым вопросам четырехлетнего плана, а через месяц — главой министерства вооружения и боеприпасов. С весны 1940 года Тодт стал главным советником Гитлера по вопросам военного производства. И все же он чувствовал себя на новом поприще хуже, чем на строительстве автострад.

Верховное командование вооруженных сил, в подчинении которого было его министерство, ограничи-

вало деятельность Тодта, военные нередко демонстрировали свое нежелание считаться с ним. Управление вооружений сухопутных войск позволило себе открытую бестактность, отказав рейхсминистру в документах, необходимых ему к совещанию с конструкторами танковой промышленности. Военные ущемляли Тодта и в более серьезном. Заказы на танки они направляли через его голову непосредственно танкостроительным фирмам, а те — только своим или близким себе предприятиям. И получалось: одни нагружены сверх меры, другие работают наполовину или треть мощностей. Тодт пытался внести какие-то элементы плановости в работу военной промышленности, но это ему не удавалось, несмотря на его энергию и настойчивость.

А он был реалистом, Тодт, он видел: действующая армия начала западную кампанию, практически не располагая еще возможностями пополнения потерь в танках... Если бы война приняла затяжной характер, это могло иметь для Германии роковые последствия. Лишь длительная стратегическая пауза в период «странной войны» у линии Мажино, не стоившая вермахту никаких потерь, позволила промышленности скопить большие массы техники и насытить ими войска. К тому же все боевые ресурсы были вложены в первый стратегический удар.

Докладывая Гитлеру, Тодт старался обрисовать ему экономические трудности, но не решался сказать о просчетах, которые могли дорого обойтись Германии. Он терял дар речи, как только Гитлер начинал вдалбливать в него свои взгляды, свою фанатичную веру. Тодт тут же забывал о неподготовленности Германии к длительной войне и повторял за фюрером, как молитву, его требования давать заводам только такие планы выпуска боевой техники, оружия, боеприпасов, которые могут дать результаты немедленно или по крайней мере не позднее весны 1941 года.

На 5 июля Тодт назначил в Берлине совещание по военно-экономическому планированию. В докладе на совещании он хотел быть откровенным. Он, конечно, не раскроет тех планов, которые рождаются в высших сферах в отношении России, тем более что сам знает о них лишь по намекам фюрера. Но он, Тодт, скажет со всей определенностью: необходимо как можно быстрее приспособить всю программу вооружений к новым военным

задачам, обращая при этом особое внимание на выпуск танков и штурмовых орудий. Военно-морскому флоту и авиации придется отставить те программы, которые не являются неотложными. Только так могут быть высвобождены сырье, производственные средства и рабочая сила, которых не хватает для скорейшего выполнения требований фюрера, возникших в связи с перенесением центра тяжести в область вооружений сухопутных войск.

Доклад к совещанию был готов и в голове и на бумаге, когда Тодт надумал вылететь к Гудериану, проверить у него свои наметки развертывания танкового производства. Надеялся поспеть обратно в Берлин к совещанию, но беседа с Гудерианом оказалась настолько полезной и интересной для министра вооружения, что он позвонил с парижской квартиры Гудериана в Берлин и попросил секретаря министерства уведомить участников совещания, что оно отодвинется на три часа.

.

— Мы, дорогой Тодт, победили дальновидностью. Мы имели меньше танков, чем Англия, Франция и Бельгия, а они сдавались — сдавались потому, что позволяли нам бить их поодиночке, бить сжатым кулаком, концентрированными силами танковых корпусов. Если управление англо-французскими войсками, их организация соответствовали бы количеству боевой техники, особенно в танках, мы могли бы потерпеть поражение. Я говорю об этом потому, что ума могут набраться и другие, и нам надо быть готовыми к сражениям с более умным и опытным противником, чем наш вчерашний.

Обед продолжался.

Беседа то удалялась, то опять возвращалась к танкам, к непоследовательности генштаба.

— Наметки генштаба — довести количество танковых дивизий до двадцати к концу этого года — не имеют пока реальной базы в нашем производстве; если добьемся этого, то единственно за счет трофейных машин — французских, чешских и польских. А впредь кто нас «кормить» будет материальной частью? Если усилия немецкой промышленности не будут переключены на преимущественное развитие танкового производства, а не авиации и военных кораблей, мы будем выглядеть очень плохо.

— В сорок первом году, дорогой Гудериан, наши танкостроительные фирмы обещают в три раза увеличить производство танков и штурмовых орудий.

Гудериан скептически улыбнулся:

— Обещают... Здесь нам нужно, доктор Тодт, вместе с вами ломать упорство людей некомпетентных. Требовал же фюрер, и я за это стою, чтобы прекратили конструирование и совершенствование той боевой техники, которая не может появиться в армии в течение года. Или что-нибудь изменилось за время западной кампании?

— Вам ли говорить?..— пригубив бокал, ответил рейхсминистр.— То военный атташе привозит из Москвы непроверенные слухи, что русская армия модернизирует свою военную технику, то докладывает Гальдеру, что русским нужно минимум четыре года, чтобы догнать нас по качеству танков. В первом случае фюрер вызывает Порше и требует представить ему проект тяжелого танка, в другом — вторит Гальдеру, что наш танк Т-3 дает нам явное превосходство, так как основная масса русских танков имеет плохую броню и плохое вооружение.

— Не дает, а даст, если фюрер подпишет наш проект решения узаконить новую танковую пушку на Т-3 и если Крупп исполнит это решение.

Тодт притронулся пухлыми пальцами к сухой коричневой руке Гудериана.

— Рассчитываю, мой дорогой генерал, в ближайшее время поздравить вас с исполнением давнишней вашей мечты о мощной пятисантиметровой пушке на нашем непобедимом танке. Он будет под стать непобедимому полководцу, которого солдаты называют быстроходным Гейнцем.

3

Вряд ли Гудериан мог знать о директиве Гитлера и Браухича, записанной начальником генштаба сухопутных войск Гальдером в конце июля сорокового года и ставшей первоначальной завязью плана нападения Германии на Советский Союз — плана «Барбаросса». Но занимаясь формированием и боевой подготовкой нескольких новых танковых дивизий, появившихся за счет военных трофеев, и не переставая удивляться, почему

Гитлер, который доверяет ему, считается с ним, все же не принимает его предложений об операциях в Африке, Гудериан все чаще задумывался о России: «Не туда ли повернет фюрер?»

Гудериан вспомнил откровенную речь Гитлера перед генералами восемь месяцев назад, в которой тот, говоря о советско-германском пакте о ненападении, недвусмысленно заявил, что «договоры соблюдаются только до тех пор, пока они целесообразны». И добавил: «Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе».

Одна мысль потянула за собой другую: не считает ли Гитлер, что руки на Западе уже освободились, что пришла пора готовиться к удару по России? Сказал же он со всей определенностью на том же совещании генералитета: «Я не для того создал вермахт, чтобы он не наносил ударов». И Гудериан загорелся: надо написать фюреру доклад о превосходстве немецких бронетанковых сил над бронетанковыми силами русских, о практическом опыте вермахта в проведении глубоких наступательных операций с использованием на острие наступления танковых клиньев, как это было только что во Франции. У русских нет ни такого опыта, ни таких танков, как Т-3 и Т-4, ни таких отличных командиров и солдат-танкистов, бурей прошедших дорогами Европы до Атлантики. Непременно сказать, что необходимо срочно перевести все средние танки на пятисантиметровую пушку, подчеркнуть, что с ней не страшна встреча с русским колоссом, пусть даже и имеющим больше танков, чем Германия. Сказать непременно, что русские танки — устарелых марок и им не выдержать концентрированных ударов немецких танковых клиньев, тем более если довести выпуск танков в рейхе до восьмисот — тысячи машин в месяц уже в начале сорок первого года. А главное — внезапность и стремительность нападения! Пронзить русского гиганта прежде, чем он успеет размахнуться мечом!

Только с Тодтом советовался Гудериан по поводу своего доклада. Тодт поручил сотрудникам министерства произвести расчеты, и те были не очень утешительны. Для достижения такого месячного производства танков потребовалось бы истратить дополнительно два миллиарда марок и найти еще сто тысяч квалифицированных рабочих и инженеров... Поразмыслив, Гудериан

решил не называть в письменном докладе эти цифры, оставив их на случай личной встречи с фюрером.

Адъютант Гитлера майор Энгель 10 августа вручил фюреру доклад. Прочитав его при Энгеле, Гитлер воскликнул, будто перед ним находился Гудериан:

— Браво, быстроходный Гейнц!

В декабре сорокового года, когда Гудериан впервые читал план «Барбаросса», он возликовал, обнаружив в нем и свои мысли: германские вооруженные силы разобьют Советскую Россию в ходе кратковременной кампании; основные силы русских сухопутных войск будут уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев; достигнув конечной цели операции — создания заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск,— можно будет парализовать с помощью авиации последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале...

Слово «парализовать» Гудериану хотелось бы заменить более точным и определенным — «сокрушить». Протаранить броневым острием своих танковых корпусов уральский промышленный край!

А в остальном план «Барбаросса» его удовлетворял полностью.

ЕДИНОБОРСТВО

1

Такое и присниться никому не могло — на заводе появился немецкий танк!

Да не какой-нибудь устаревший, а Т-3, который впервые участвовал в войне против Польши, а в мае сорокового с авангардными полками Гудериана пересек за двенадцать дней Бельгию, Францию и дошел до Ла-Манша.

Удивительная весть облетела цеха, притянула множество людей к внутризаводскому железнодорожному тупику.

— Вэлыка до нэба, та дурна як трэба! — съязвил пожилой рабочий, насмешливо поглядывая, как машина с куцым стволом 37-миллиметровой пушки и крестами

на башне и корпусе загудела на высокой платформе и начала сползать по бревенчатому скату на землю.

— На кой ляд притащился?

— Гитлер, наверно, подкинул...

Разговоры погасли, когда Мальгин повел чужестранца к экспериментальному цеху, где его дожидалась группа конструкторов-исследователей с Морозовым во главе.

На просторном, хорошо освещенном участке Т-3 взвесили, разделили, разули, и когда к вечеру к нему наведался Василий Фомич Захаров, башня с пушкой находилась отдельно на стенде, а танк без гусениц и верхнего листа выставил на обзор всю свою начинку.

Опытным глазом Захаров заметил, что рабочие, разбиравшие машину, снимали с внутренних стенок корпуса и башни стружку, видно, главный конструктор направил ее в заводскую лабораторию определить процент легирующих элементов в немецкой броне — кремния, марганца, никеля и хрома,— от которых зависит крепость и вязкость.

Морозов, облачившись в рабочий комбинезон, закатав выше локтей рукава, колдовал над механизмом планетарной передачи, маленькой модели солнечной системы. Он ее вращал то в заторможенном, то в освобожденном венце, наблюдая неотрывно за движением центральной шестерни.

— Вижу, нравится тебе,— наклонился к Морозову Захаров.

— Умеют немцы облизывать каждый зубчик! — Слово «облизывать» Морозов явно адресовал не только планетарной передаче, но и другим блестяще обработанным механизмам.— Можно как в зеркале себя увидеть, Василь Фомич.

С тем же уважением к чужому труду, что и Морозов, Захаров перекладывал с ладони на ладонь мелкие детали разобранных механизмов, любуясь подгонкой их друг к другу, чистотой отделки и прикидывая, в чем они лучше, а в чем хуже наших.

— Мы тоже не лыком шиты, Сан Саныч, и мы бы сумели, как немцы,— рассуждал Захаров.— Порой во как хотелось блеска в «тридцатьчетверке», а Михаил Ильич, сам знаешь, требовал: «Проще да надежней». И верно требовал — денег, материалов, рук высокой выучки у нас пока в обрез...

«Пожалуй, скорость у нее хорошая,— думал тем временем Морозов.— Вес на семь тонн меньше, чем у «тридцатьчетверки». Может быть, это их выигрыш и наш просчет? Ведь каждый лишний килограмм — потеря в скорости, маневренности, бо́льшая вероятность поражения танка. Из этого, конечно, исходили проектировщики машины. И они в этом преуспели. Броня в тридцать миллиметров — неплохо для среднего танка, если броня добротная. Но вооружение!..»

Короткая 37-миллиметровая пушка — это с первой минуты не вызывало сомнений — окажется куда слабее той, что поставили на «тридцатьчетверке». Длинная, с большой начальной скоростью снаряда, грабинская пушка, безусловно, обставит крупповскую по всем статьям. Нет ли тут каверзы? Не монтирует ли Крупп на других машинах этой марки орудия большего калибра — диаметр-то башни позволяет ставить мощную пушку.

— Ты меня не слушаешь, Сан Саныч,— упрекнул конструктора Захаров.

— Простите, Василь Фомич... Задумался. Механизм управления Т-3 привлекает; наш простоват.

— Наш будет в выигрыше таким, как есть. Гляди,— Захаров протянул руку к рычагам, потом к бортовым фрикционам и тормозным устройствам,— гляди, как перемудрили! Для такой сложности нам нужно было бы построить целый завод. А это сегодня для нас не просто роскошь — преступление. Ты и Михаил Ильич выкручивали себе мозги, чтобы малыми средствами дать отличный танк, да чтобы был проще, иначе его не освоили бы за два года.

Морозов улыбнулся:

— Получается, от бедности мы богаты...

— При чем бедность? Экономия не жадность. Разве государство не вложило кучу денег в танковый дизель? Сколько бились-то над ним!

— Не спорю. Просто пытаюсь кое-что осмыслить... Немцы располагают большим выбором разнообразных танковых узлов и механизмов — это ясно. Фирмы способны удовлетворить чуть ли не все желания конструкторов, все потребности сборочных заводов. А мы? Выбирали кое-что со стороны, а больше все делали у себя — и корпус, и башню, и ходовую часть, и даже мотор. Слушал я одного товарища, ездившего в Германию, и зависть брала, до чего велик у них ассортимент разно-

образных двигателей. Их производит и концерн Круппа, и добрый десяток больших и малых фирм. Какой ни задумаешь поставить мотор на танк — фирмы немедленно исполнят заказ, только бери и монтируй.

— Если это не расходится с выгодой разных Круппов,— вставил Захаров.

— Возможно... Зато есть где и есть что выбирать конструкторам и сборочным заводам, не то что нам. Кому мы могли заказать компактный, мощный танковый дизель? Только самим себе. Мы находились в неравном, в худшем положении, чем танкостроительные фирмы Запада. Отчего же, Василь Фомич, наша «тридцатьчетверка» — осмелиВаюсь уже сейчас так думать — лучше, сильнее, чем Т-3? Не оттого ли, что ограниченность выбора и материальных средств заставила наш мозг живее пошевеливаться, целеустремленней работать, что сама безвыходность указала нам выход!

И неожиданно для Захарова и для самого себя рассмеялся:

— Если хотите, Василий Фомич, мое выдвижение ведь тоже не от богатства...

Сразу же после похорон Михаила Ильича несколько работников завода, так же как это было в конце тридцать шестого года, предложили кандидатуру Степаря на должность главного конструктора. «Степарь — превосходный организатор, не это ли было сильнейшим качеством Михаила Ильича? — рассуждали они.— Конечно, Морозов — талантливый конструктор, но у него нет высшего образования, кто утвердит на такой пост техника, да к тому же беспартийного?» Но, к удивлению сторонников Степаря, не его, а Морозова утвердил нарком главным конструктором. И решающим соображением была рекомендация Михаила Ильича при последней встрече с наркомом в Москве.

Речь шла тогда о человеке, которого можно было бы послать с Южного завода на старейший волжский, где намечалось в ближайшее время наладить производство «тридцатьчетверок» по чертежам южан и с их помощью.

— Мне хотелось бы, Михаил Ильич, услышать вашу кандидатуру,— сказал Малышев.

Кошкин стал покусывать губу.

— Волнуетесь?

— Да,— признался Кошкин.— Потому волнуюсь, что

Морозова отпустить не хочу, а назвать обязан только его. Другого человека на такую работу я на Южном заводе не вижу.

2

По внутризаводскому шоссе, очищенному от снега и ночью схваченному коркой льда, грохотала «тридцатьчетверка». За ней, уступом влево,— Т-3.

Ветер срывал с сугробов на обочинах белые песчинки, кидал их пригоршнями в лица людей, шедших на утреннюю смену. Рабочие не обращали внимания на уколы — останавливались, глядели, как «тридцатьчетверка» обставляет чужестранца.

Если бы хозяева Т-3 представили себе, какой окажется их хваленая машина по сравнению с неизвестной им советской, разве продали бы ее нашим представителям?!

Сколько раз Кошкин, Морозов и другие конструкторы и рабочие пытались представить себе «тридцатьчетверку» в единоборстве с какой-нибудь из новинок танкостроительных держав. И вот она, разрекламированная и воевавшая недавно успешнее других на европейском театре военных действий, немецкая машина. Корпус с прямыми бортами. Башня с дверцей в боковой стенке и коротким отростком, похожим больше на пулеметный ствол, чем на пушечный...

Пока двигались по ровному, без подъемов и спусков, отрезку пути, обе машины показывали одинаково высокую скорость. Но только шоссе пошло на незначительный подъем, как обнаружилась слабость Т-3.

«Тридцатьчетверка» будто не ощутила ни подъема, ни плотного и скользкого льда. Пятисотсильный дизельный мотор, полуметровой ширины мелкозвенчатые гусеничные ленты перенесли танк через холм без напряжения, плавно, с прежней скоростью и без сбоя. А Т-3 опозорился у самого подъема. Едва задрал немного лоб, как узкие гусеницы потеряли сцепление с грунтом, а бензиновый мотор, менее мощный, чем дизель, оказался не в силах сдержать танк — он стал сползать.

— Споткнулся на первой кочке, бедолага!

— Осрамился немец...— неслись справа и слева голоса тех, кто с близкого расстояния наблюдал, как Т-3 не сумел и со второй и с третьей попытки одолеть пустяковый подъем.

Управлял им Игорь Мальгин; Морозов, поручив ему вождение, попросил, если удастся, обставить «тридцатьчетверку» хотя бы в пути на танкодром или на полосе препятствий.

Испытатель, сидевший за рычагами Т-34 — постарше и годами и опытом,— рванул со старта первым. Игорь отстал. В пути до злосчастного холма ему удалось уменьшить разрыв до нескольких метров, и он надеялся обойти соперника на хорошо знакомом подъеме. И вдруг на плёвой горке Т-3 оскандалился. Сидевший сбоку от Игоря Морозов по надрывному гулу мотора, скрипу соскальзывающих узких гусениц отчетливо представил себе причину и следствие. И думал он в эти минуты не о том, что надо бы вызывать Вирозуба с умчавшейся вперед «тридцатьчетверкой», чтобы втащила Т-3 на холм, а о немецких конструкторах... Не так уж сложно сделать гусеницу шире — значит, немцы считают это лишним. Прошли же чуть ли не церемониальным маршем на таких узких гусеницах Люксембург, Бельгию, Францию. По отличным дорогам шли, в солнечный май и июнь. Надеются, наверно, Гитлер и его генштаб, что и дальше оправдается их магистральная тактика, марши по асфальту, зачем же менять гусеницы и ставить посильнее двигатели, если и эти ведут к победам...

— Сан Саныч! На буксир тебя беру! — ворвался веселый голосина Вирозуба через раскрытый люк.

Обнаружив, что Т-3 отстал, он приказал водителю повернуть на выручку.

Несколько дней на заводском танкодроме и полигоне продолжалось единоборство, со всей объективностью оценивались две машины.

Иной раз — это случалось на улучшенных дорогах — Игорю удавалось превзойти на Т-3 и его максимальную скорость, и максимальную скорость «тридцатьчетверки» — пятьдесят пять километров в час. На легких препятствиях, благодаря меньшему весу, результаты Т-3 оказались однажды предпочтительнее. А в остальном превосходство «тридцатьчетверки» было безусловным.

Снайперы-артиллеристы обстреливали оба танка с одинаковых дистанций, одними и теми же снарядами. В броне «тридцатьчетверки» находили лишь вмятины да росчерки — следы рикошетов. Броня Т-3 пробивалась насквозь и откалывалась блинами. Полностью подтвердились на полигоне результаты химических анализов за-

водской лаборатории — иемецкая броня представляла собой хрупкую высокоуглеродистую сталь с иичтожным количеством легирующих элемеитов. Крупповская сталь оказалась хуже советской.

Не ограиичившись прииятым при испытаииях машии огием артиллеристов, Морозов впервые применил иа этих сравиительиых испытаниях стрельбу таика по таику. Сиаряды, выпущеииые 76-миллиметровой пушкой, пробивали и корпусиую и башеииую броню Т-3 с полутора и двух тысяч метров. Сиаряды иемецкой 37-миллиметровой пушки сумели поразить только отдельиые участки бортовой броии «тридцатьчетверки», да и то с расстояиия ие более пятисот метров. В этом ие было иичего удивительиого. Сказывались различиое качество броии и ее толщииа: у Т-34 лобовая — 45, бортовая — 40—45 миллиметров, у Т-3 — 30 миллиметров.

Подсчитав пробоииы и следы от сиарядов, Вирозуб вскочил на корпус Т-3 и, стуча кулаком по башие, отчеканил:

— Полизэш, воиюча твоя душа, на радянську зэмлю, вкатэмо такий пороховой заряд, що пэчиика у самого Гитлера лопиэ!

Превосходство Т-34 иад Т-3, особеиио советской таиковой пушки, было настолько виушительным, что по меньшей мере страиными выглядели виовь возиикшие сомнеиия у иекоторых специалистов: иужеи ли армии Т-34? Высказывались предположеиия, что средиие Т-3 и Т-4 уже ие являются иовииками немецкой броиетанковой техиики, что Гитлер разрешил продать Советскому Союзу Т-3, желая скрыть иачатое в Германии производство иовых, более мощиых таиков и пушек.

Сомнеиия, догадки сами по себе не представляли бы опасиости, если б ие превратились в убежденность, едва не приведшую к непоправимой беде.

СЕРЬЕЗНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

За иесколько месяцев до Великой Отечествеииой войны Наркомату вооружеиия (и мие, как его руководителю) пришлось пережить серьезиые испытаиия. В иачале 1941 года начальиик ГАУ Г. И. Кулик сообщил иам, что, по даииым разведки, немецкая армия проводит в ускореином темпе перевооружение своих броиетаиковых войск таиками с броией увеличеиной толщины и повышеиного качества и вся иаша артиллерия калибра 45—76 мм окажется

против них неэффективной. К тому же немецкие танки-де будут иметь пушки калибром более 100 мм. В связи с этим возникал вопрос о прекращении производства пушек калибра 45—76 мм всех вариантов. Освобождающиеся производственные мощности предлагалось загрузить производством пушек калибра 107 мм, в первую очередь в танковом варианте.

Г. И. Кулик отличался экспансивностью и легко поддавался всевозможным слухам, поэтому его очередному прожекту мы не придали особого значения. Однако через несколько дней Кулик предложил мне выехать с ним на артиллерийский завод, чтобы на месте с конструктором В. Г. Грабиным и с руководством завода обсудить возможности быстрого конструирования новой танковой 107-мм пушки и организации ее производства вместо 76-мм.

От участия в поездке я отказался, мотивировав это тем, что не имею указаний от Н. А. Вознесенского (Николай Алексеевич, как председатель хозяйственного совета оборонной промышленности, шефствовал над Наркоматом вооружения). На мой вопрос по телефону он ответил, что ему ничего об этом не известно, но я получил разрешение предоставить на заводе Г. И. Кулику все нужные документальные материалы и дать объяснения по вопросам, которыми он заинтересуется. Такое распоряжение директору завода А. С. Еляну мною было дано, но одновременно указывалось, чтобы никаких обязательств без согласования с наркоматом он не брал.

Через несколько дней после упомянутого разговора меня вызвал И. В. Сталин. Я застал его одного. Ответив на приветствие, он показал мне какие-то листки, без сомнения, это были куликовские записки.

— Вы читали записку товарища Кулика? Что скажете по поводу его предложения? Мы хотим вооружить танки 107-мм пушкой.

Я ответил, что содержание записки мне неизвестно, и Сталин в нескольких словах ознакомил меня с ней. Затем спросил:

— Какие у вас имеются возражения? Товарищ Кулик говорил, что вы не согласны с ним.

Я объяснил позицию Наркомата вооружения. Нам было известно, что большая часть немецких танков в минувшем 1940 году была вооружена пушками калибра 37—50 мм и меньшее количество танков — 75-мм пушками. Калибры танковых и противотанковых орудий, как правило, соответствуют броневой защите танков. Поэтому можно считать, что наша 45- и 76-мм танковая и противотанковая артиллерия будет достаточно сильной. Сомнительно, чтобы за короткий промежуток (в течение года) немцы могли обеспечить такой большой скачок в усилении танковой техники, о котором говорилось в записке. Если же возникает необходимость увеличить

бронепробивающие возможности нашей артиллерии среднего калибра, то следует в первую очередь поднять начальную скорость у 76-мм пушек. Переход на больший калибр надо начинать не со 107-мм пушки. Более целесообразно было бы взять готовую качающуюся часть 85-мм зенитки с большой начальной скоростью; она состоит на вооружении и изготовляется в крупных сериях.

...Сталин распорядился создать комиссию с участием Кулика, Ванникова, Горемыкина (тогда нарком боеприпасов) и разобраться с этим вопросом. В процессе подготовки к работе комиссии в Наркомате вооружения были собраны директора и конструкторы соответствующих артиллерийских заводов. Еще раз подробно и всесторонне разобрали все «за» и «против» и пришли к заключению, что рассматриваемое предложение было не только нецелесообразным, но для того времени и опасным.

Комиссия ничего не решила, но вскоре меня вызвал Сталин и показал подписанное им постановление ЦК и СНК в духе предложений Кулика. Я пытался возражать, но Сталин меня остановил и заявил, что мои возражения ему известны и что нами руководит нежелание перестраиваться на новое изделие, продиктованное ведомственными интересами в ущерб общегосударственным.

Так, незадолго до нападения фашистской Германии было решено прекратить производство самых нужных для борьбы с танками противника орудий. С первых дней войны мы убедились, какая непростительная ошибка была допущена. Фашистские армии наступали с самой разнообразной и далеко не первоклассной танковой техникой, включая трофейные французские танки «Рено» и даже устаревшие немецкие танки Т-1 и Т-2. Сведения, которыми располагал Кулик и на основании которых было принято ошибочное решение прекратить производство отличных пушек, оказались несостоятельными.

Отступая, наши войска ощущали недостаток этих пушек и боеприпасов к ним. Чтобы выправить положение, ГКО принял решение форсировать восстановление производства 45- и 76-мм пушек на заводах, где ранее они изготовлялись, а также выдать заказы на эти пушки ряду военных и гражданских заводов.

ВАННИКОВ Б., трижды Герой Социалистического Труда, бывший нарком вооружения СССР.

Кузница победы. М.: Политиздат, 1974, с. 144—147.

В ЦЕЛЯХ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Правительство рейха и генштаб вермахта всячески скрывали подготовку к нападению на Советский Союз. В специальной директиве по дезинформации противника говорилось:

«Несмотря на значительное ослабление приготовлений к операции «Морской лев», необходимо делать все возможное для того, чтобы внутри вооруженных сил сохранить впечатление, что подготовка к высадке в Англии ведется в совершенно новой форме и что подготовленные ранее для этого войска отводятся в тыл до определенного момента. Необходимо как можно дольше держать в заблуждении относительно действительных планов даже те войска, которые предназначены для действий непосредственно на Востоке».

Директива требовала представить «стратегическое развертывание сил для операции «Барбаросса» в виде величайшего в истории войн дезинформационного маневра, имеющего целью отвлечь внимание от последних приготовлений к вторжению в Англию.

Усиленная переброска германских войск к советской границе началась с февраля 1941 года. Танковые и моторизованные дивизии подтягивались в последнюю очередь, чтобы не раскрыть преждевременно плана нападения.

История Великой Отечественной войны, т. 1, М.: Воениздат, 1960, с. 355—356.

ПРОДАЖА ТАНКОВ И САМОЛЕТОВ

В тех же целях дезинформации германское правительство продало Советскому Союзу образцы своих танков и самолетов, дало возможность советским хозяйственным руководителям посетить ряд промышленных предприятий, включая военные.

ДЕБОРИН Г., ТЕЛЬПУХОВСКИЙ Б.

Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1970, с. 37—38.

«ВСЕ ПОКАЗАТЬ РУССКИМ...»

Весной 1941 года Гитлер разрешил русской военной комиссии осмотреть наши танковые училища и танковые заводы, приказав все показать русским. Осматривая наш танк типа Т-4, русские не хотели верить, что это и есть наш самый тяжелый танк. Они неоднократно заявляли о том, что мы скрываем от них наши новейшие конструкции, которые Гитлер обещал им показать.

Настойчивость комиссии была столь велика, что наши фабриканты и офицеры управления вооружения сделали вывод: «Кажется, сами русские уже обладают более тяжелыми и совершенными типами танков, чем мы...»

ГУДЕРИАН Г.

Воспоминания солдата, с. 136.

ЗА НЕМАНОМ

1

Лекция для партийного актива была назначена на восемь вечера, а уже в половине восьмого партер клубного зала был переполнен. Опоздавшие — им оставалась галерка — кружили по фойе, старались как бы ненароком приблизиться к раскрытому окну, возле которого рядом с Василием Фомичом Захаровым стояла маленькая седая женщина с орденом Ленина на строгом, с закрытым воротом бежевом платье.

Игорь Мальгин, поднявшийся в фойе с Каменецким, увидев седую женщину, спросил, кто она.

— Лектор из ЦК, Верой Тимофеевной зовут.

И рассказал, что Вера Тимофеевна работала когда-то на заводе, вместе с Захаровым в революцию пошла и что разъединила их гражданская война.

— Должно быть, долгие годы не виделись. Целый день вместе — не наговорятся.

...Седая женщина подошла к стоявшему на сцене столику с цветами, не взглянув на приготовленную для нее трибуну и не замечая, казалось, аплодисментов, которыми встретил ее зал. Окунула белую голову в белую сирень, выпрямилась, отодвинула от столика единственный стул, положила руки с тонкими длинными пальцами на его спинку, и негромким, но всем ясно слышным голосом сказала:

— Дорогие друзья! Коммунисты родного мне завода! Центральный Комитет партии прислал меня к вам побеседовать о сложной международной обстановке.

Она заговорила о двуличной политике правящих кругов Англии и Франции, о провокационных нарушениях Германией договора с Советским Союзом.

— Пятого апреля мы заключили пакт о дружбе и ненападении с новым правительством Югославии, пришедшим на смену прогитлеровскому режиму. А на рассвете следующего дня Германия и Италия вторглись в пределы Югославии и Греции...

Через две недели в финском порту Турку пришвартовались четыре немецких транспорта. С них сошло двенадцать тысяч солдат, из трюмов выгрузили танки, пушки, и все это войско проследовало в район, который находится вблизи наших границ. Правительство Финлян-

дии поспешно опубликовало в иностранной печати опровержение: немецкие войска, мол, высадились согласно давней договоренности о пропуске небольшой части вермахта в Норвегию и направились на север. Наши газеты не напечатали это ложное опровержение белофиннов.

Слегка наклонив стул вперед, она продолжала уже громче:

— Большевики никогда не поддавались на провокации, но мы и от реальной опасности не отворачивались и не отворачиваемся.

Я считаю своей обязанностью сообщить коммунистам оборонного завода: в последние дни участились нарушения наших границ самолетами Геринга. Отмечена переброска железнодорожным и автомобильным транспортом значительных контингентов войск вермахта непосредственно к границам Белоруссии, Украины, прибалтийских Советских республик...

Теперь в ее голосе слышались горечь и гнев. Но она не стала утверждать, что война с Германией на пороге, лишь подводила присутствующих к мысли, что надо быть готовыми ко всему.

— Меня сегодня знакомили с цехами, с людьми, с замечательными боевыми машинами. Вы, рабочие, мастера, конструкторы, создали прекраснейший танк для Красной Армии. К сожалению, за короткое время трудно перевооружить танковые войска этими машинами. Их еще мало в армии. Я прошу вас, родные мои: больше «тридцатьчетверок» шлите в армию, к границам нашим! Не задерживайте готовые машины у себя ни на день, ни на час!

С этим же «Прошу вас, родные...» обращалась она к людям и в цехах. Не созывались ни собрания, ни митинги. Шла с рабочими и работницами на смену, была на сборочных и сдаточных участках, на погрузке машин и везде ненавязчиво, попросту беседуя о том, что творится в мире, подводила к одному: что может и обязан сделать завод сверх утвержденной программы.

И люди ее поняли. Решили закончить полугодовой план производства «тридцатьчетверок» к 24 июня, а в первой декаде в счет месячного плана отправить эшелон танков в Западный особый военный округ.

Сопровождающим эшелон назначили Игоря Мальгина.

— Почему не отказался, разве ты один на заводе? — упрекнула Галя.

Он долго объяснял, что его легче заменить на заводе, чем другого человека из цеха или отдела, но проговорился нечаянно, что надеется встретить там, у границы, Фрола Жезлова — командира своего и боевого побратима.

— Чует мое сердце, ты сам напросился,— вздохнула Галя.— Как в Испанию...

2

Эшелон с танками двигался с максимальной для товарного состава скоростью, не останавливаясь ни на одной большой станции. Над каждой платформой — туго натянутый брезент, попробуй угадай, что везут... В единственном пассажирском вагоне Игорю выделили отдельное купе, и почти всю дорогу он простоял у окна.

Его радовали чистые всходы колхозных хлебов, новые дома под железом и черепицей, усыпанные наливающимися плодами деревья, люди, прерывающие на минуту работу на полях, чтобы проводить глазами эшелон, но все увиденное воспринималось теперь с нарастающей тревогой, что заронила в душу седая большевичка.

Принеманский край, меньше года назад освобожденный Красной Армией, встретил лоскутами единоличных полей, худосочными деревнями с высокими шапками соломенных, потемневших от времени крыш. А на фоне этой бедности возникали, словно вырванные из другой жизни, чопорные приграничные города с богатыми церквами и костелами, добротными каменными особняками и бульварами.

Когда эшелон миновал мост через Неман, оставил позади сонливый Гродно с напыщенным древним замком, пошли леса, густые и, казалось, запущенные, будто нога человека давно там не ступала.

На одном полустанке эшелон надолго застыл. Игорь пошел узнать, когда тронется состав, и увидел поднимающегося по ступенькам вагона Павлова.

— Мальгинио, сынок! — забасил генерал, заключив Игоря в объятия.

Они не виделись больше года.

Вскоре после того, как в Кремле состоялся правительственный смотр «тридцатьчетверок», Павлова назна-

чили командующим Западным особым военным округом. И сейчас Игоря поразила происшедшая в генерале перемена.

Закрыв за собою дверь купе, Павлов сел и пятерней устало провел по лицу. Глаза были воспаленными, заметней стала сетка морщин, чувствовалось, что этот человек хронически недосыпает. «Тяготит огромная власть над сотнями тысяч людей, ответственность непомерная? — думал Игорь.— Наверное, куда охотней генерал Пабло опять протискивал бы могучее свое тело в узкий танковый люк и вел в атаку на врага русских парней, подобных тем, с испанскими именами...»

— Скажи Мальгин,— спросил Павлов,— когда танкостроители перестанут кормить устаревшими машинами приграничные округа? Мы же на лезвии сабли!

«Напомнить, что за десять месяцев серийного производства один Южный завод дал армии более тысячи «тридцатьчетверок»? Но что генералу эти вчерашние цифры — ему новые танки нужны, еще и еще...»

— До конца года наш завод обязался давать по сто семьдесят — сто восемьдесят машин в месяц, разве этого мало, товарищ генерал?

— Для одного завода, может быть, и отлично, но в масштабах Красной Армии — все равно что водой из детского ведерка напоить слона.

Павлов понизил голос:

— Вот слушай и считай...— Он хотел сказать, что весной начали формировать двадцать новых механизированных корпусов, что для полного их укомплектования требуется больше одиннадцати тысяч Т-34 и не менее пяти тысяч КВ. Но говорить это было нельзя, и генерал заключил обтекаемо: — В какие же сроки новые формирующиеся корпуса получат танки, если «тридцатьчетверки» выпускает один твой завод, а КВ — только Кировский? Ох уж эти корпуса!..

Веские причины заставляли Павлова нервничать.

В последние месяцы его пребывания на посту начальника автобронетанкового управления Наркомата обороны Павлова обвиняли в задержке формирования новых корпусов — обвиняли прежде всего те, кто не зная как следует мощности танковой промышленности, объективных возможностей производства новейшей техники, форсировал организацию этих крупных соединений. И получилось, что несколько механизированных корпу-

сов в приграничных округах, по существу, оставались в начальной стадии комплектования, не обладая полным количеством танков старых типов и имея всего десятую долю необходимых «тридцатьчетверок» и КВ.

— Что же ты мне скажешь, Мальгин?

В самом деле, чего он молчит?.. Павлов сейчас далек от заводов, может не знать, что на Сталинградском тракторном пущен специальный цех «тридцатьчетверок».

— СТЗ выпустил по нашим чертежам опытную партию. Я был на испытаниях — хорошие машины.

— Опытные, пробные... Нам серийные, да побольше, чтобы не мельчиться, не распределять каждой сиротке по грошу, а иметь возможность кинуть такой вот эшелон в один полк, вместо того чтобы давать дюжине полков по три машины. Их не хватит даже для обучения механиков-водителей, да и некому пока толком обучать — инструкторов бы таких, как ты!

— Задержусь у вас недели на две, если завод разрешит,— сказал Мальгин.

— Замечательно! Сегодня телеграмма будет у твоего директора. Но, к сожалению, ты за две недели не успеешь побывать и в половине полков.

— Прикажите в одном полку собрать поочередно три группы водителей из разных частей, тогда успею пройти короткую программу со всеми.

3

С прибытием эшелона танков к Жезлову его полк стал первым и единственным, полностью заменившим Т-26 и БТ на «тридцатьчетверки» не только в механизированном корпусе, в который он входил, но и во всем Западном особом военном округе.

К тому же все механики-водители полка получили возможность пройти школу вождения «профессора танкового искусства Мальгина», как уважительно и шутливо представил Жезлов гостя своим подчиненным.

Полк дислоцировался в шести километрах от границы, и вершины дубов-исполинов, под огромными кронами которых стояли танки, могли видеть своих лесных собратьев по другую сторону пограничной реки.

Взберутся танкисты Жезлова с дозорными пограничниками на ближние к реке деревья и невооруженным глазом видят нищие польские деревни, клочки посевов,

похожие на лоскутные одеяла, гитлеровцев на мотоциклах, угоняющих людей и деревенский скот. Куда, зачем?..

В июне деревни, ближние к западному берегу, замерли — ни людей, ни скота, ни петушиного крика, ни собачьего лая. Зменная тишина.

— Неспроста это,— сказал Жезлов Игорю.

Они приехали на заставу ночью и с пограничниками вышли на опушку дубравы, упершейся в реку.

Там, на западе, слышался отдаленный басовый гул. Это могли быть танки или гусеничные артиллерийские тягачи. Приглушенный лесами и расстоянием, воровато ползущий через границу гул наполнил Игоря предчувствием накатывающейся грозы.

— Напоминает Гвадалахару,— проговорил он. И признался: — Запутался я, Фрол Петрович. Читаю в сообщении ТАСС, что Германия не намерена нападать на нас, а вижу самолеты с крестами, слышу гул, не иначе как танковый...

Жезлов промолчал. Сообщение ТАСС от 14 июня казалось ему дипломатическим зондажем, проверкой ближайших намерений фашистской Германии. Жезлов предполагал, что Берлин не оставит без ответа такое заявление Москвы, но Берлин молчал уже несколько дней, и это не могло не насторожить командиров частей приграничного округа. К сожалению, насторожились не все. Иные поняли сообщение ТАСС буквально, не уловив за ним тревоги...

Как раз в те дни Жезлов сообщил начальнику штаба дивизии, что механики-водители первой группы не явились из полков для обучения, и просил воздействовать на командиров. «К чему спешка, товарищ полковник? — заметил молодой начальник штаба.— Занятия сверх программы, могут и обождать...» И получилось, что Мальгин сумел провести краткий курс вождения Т-34 только с танкистами Жезлова.

ПЕРВЫЙ БОЙ «ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРОК»

1

Самая продолжительная по светлому времени суббота оказалась на редкость счастливой для Власа Никитича Мальгина. В пролете сборочного цеха, где он тре-

тий год работал старшим мастером, завершились испытания небывалого по мощности пресса в двенадцать тысяч тонн.

Давно ли заказчики во весь голос и на всю страну благодарили Уралмаш за восьмисоттонный пресс Уралвагонзаводу, тысячный — судоверфи, трехтысячный — заводу «Каучук». А тут принят с оценкой «отлично» пресс-богатырь для производства специальной фанеры, необходимой и гражданскому и военному самолетостроению,— как не гордиться сборщикам и их старшему мастеру Мальгину!

В приподнятом настроении шагал домой Влас Никитич, не ведая, что ждет его в этот день еще одна радость. Едва успел он дотронуться до кнопки звонка, как дверь распахнулась и Дарья Дмитриевна торжествующе помахала перед мужем только что полученным письмом:

— Игорек прислал!

Скинув рабочие ботинки под вешалку и забыв надеть шлепанцы, Влас Никитич побежал в одних носках в комнату.

Такого подробного письма от племянника не бывало за все годы после его ухода в армию. Вначале коротко, но часто писал: «Служба идет хорошо». Потом пропал. Если бы Галя не сообщила, что он в правительственной командировке и оттуда писать не может, Влас Никитич и Дарья Дмитриевна, наверно, уже оплакивали бы Игоря. Через два года — радость в почтовом конверте: жив, возвратился из неизвестности, работает на заводе испытателем. Какой завод, что испытывает — туман: видать, засекреченный. И после не больно баловал весточками. Открытки к праздникам присылал — и на том спасибо.

А тут шесть листов. Пишет, что они с Галей собираются в июле в Днепродзержинск, где живут ее мать, бабушка, братья, и Галя, зная, что Влас Никитич и Дарья Дмитриевна заменили Игорю отца и мать, приглашает их — а если возможно, и детей и внуков их — приехать и познакомиться с ее семьей: «Примут, приветят, как самых дорогих людей».

А в розовом конверте, что в большом упрятался,— подарок бесценный — фотография. Он — ни дать ни взять Илья Муромец. Она — тонкая, хрупкая, как статуэтка.

— Раскрасавица! — не нарадуется Дарья Дмитриев-

на.— И так хорошо смотрит на Игоречка. Любит, конечно, любит, да как такого красного молодца не любить... Поедем, Влас? Отпуск как раз у тебя. И за ребят похлопочешь, чтоб вместе всем дали.

— А как же Оленьку?..

Двух сыновей, двух дочерей вырастили Влас Никитич и Дарья Дмитриевна. Все работящие, послушные, ласковые. Соберутся дети и внуки у стариков — вместе с ними четырнадцать,— запляшут, запоют, далеко слыхать. И соседи дурного слова не скажут, лишь уважительно произнесут фамилию: Маль-ги-ны. И старшую дочь, Надюшу, продолжают, как в девичестве, звать по отцу, а вот к младшей, Ольге, совсем недавно вышедшей замуж, накрепко пристала фамилия Федорова. Как же, Анатолий — знаменитость с комсомольской юности, а сейчас — начальник сборочного цеха, неудобно девичьей фамилией жену его называть.

Не прошло и часа, как сыновья, дочери и старший зять, технолог Декабрев, явились к родителям на семейный совет: что ответить Игорю.

Гудела квартира. Прикидывали, на кого оставить самых маленьких.

— На меня, конечно! — настаивала Ольга, забравшаяся на диван и руками прикрывшая свой на седьмом месяце беременности живот.

К Ольге подсел Декабрев.

— Нет, Оленька. Лучше мне остаться, к моим двум еще четырех — справлюсь, моя мать днем за детьми присмотрит, я — вечером.

— Да справимся без тебя, не бойся. Поезжай! Это как раз по пути в Ялту! Пора тебе подлечить легкие.

Хотя и вытянулся немного за восемь лет Декабрев да из слесаря сделался технологом механического цеха, дипломированным инженером, в семье и среди заводских друзей его все еще называли Васей-маленьким, как в тридцать третьем, когда он с Толей Федоровым собирал первую на Уралмаше машину — пушку Брозиуса.

А вот он и сам, Толя Федоров, ныне Анатолий Иванович, начальник сборки. Присел на стул, послушал семейный спор и голос подал:

— Чего спорить, если с отпусками еще нет ясности! В понедельник выясним, кого могут отпустить в июле,— тогда и решать будем.

— Так оно,— кивнул Влас Никитич.— Но между собой-то заранее надо наметиться. А послезавтра уточним.

— Давайте-ка, спорщики, к столу.— Дарья Дмитриевна внесла из кухни самовар.

Они пили чай, шутили, смеялись, а до первого боя оставалась всего одна рабочая смена...

2

В блиндаже Жезлова радист непрерывно и безуспешно вызывал штаб дивизии. В аппарате завывало, посвистывало, булькало. Временами в мешанину звуков врывалась высокомерная, четкая, как барабанный бой, немецкая речь. Было десять утра — шел седьмой час войны. Радист дергался от бессилия изгнать ненавистную речь и повторял охрипшим голосом свои позывные: «Орел... Я — Кукушка. Как меня слышите?.. Прием...»

Восстановить телефонную связь с дивизией оказалось невозможным: диверсанты ночью свалили столбы навесной линии и добрались до кабельной. Танк, направленный на поиски штаба дивизии, наткнулся на уходящих на восток жителей: городок, где находился штаб, на рассвете занял авиадесант немцев. На обратном пути экипаж подобрал в лесу раненого лейтенанта из соседнего полка, тоже лишенного связи с дивизией. Лейтенант на мотоцикле добирался к Жезлову за помощью — его полк немцы застали врасплох.

Жезлову не нужно было спрашивать лейтенанта, почему так произошло. Он знал: там, в соседнем полку, как раз в последние дни затеяли текущий ремонт семнадцати БТ и Т-26. Беде еще помог отрыв штаба, командиров от личного состава. Пока дежурные подняли командиров по боевой тревоге, пока те под бомбежкой бежали четыре километра из местечка лесом к своим подразделениям, к полку уже подходили немецкие танки.

Здесь, на участке Жезлова, немцы тоже попытались на рассвете сунуться, но сразу же отошли, наткнувшись на прочную оборону: Жезлов после первой же сброшенной бомбы поднял тревогу и вывел танки на боевые позиции. Хорошо, что командиры никуда в последнее время не отлучались, жили тут же, в лесу, рядом с экипажами. А устаревшие, изношенные машины — они были

и у Жезлова до прибытия эшелона «тридцатьчетверок» — ремонтировались еще зимой по строгому графику очередности, и все они, не говоря уже о новеньких Т-34, находились в боевой готовности номер один, с боевыми снарядами в нишах корпусов.

Время шло, и надо было что-то предпринимать. Отсутствие связи с командованием в течение почти семи часов давало право Жезлову принять самостоятельное решение. Но какое? С минуты на минуту можно было ждать новой немецкой атаки. А там, в нескольких километрах к югу, истекал кровью окруженный полк...

— Вызовите командира второй роты! — приказал Жезлов адъютанту.

Тот выбежал из блиндажа.

— Разрешите со второй, товарищ полковник! — попросил Игорь.— Механиком-водителем...

— Послал бы тебя, но телеграмма!

Телеграмма... Игорь даже забыл о ней.

В субботу днем нарочный из штаба дивизии доставил в полк копию телеграммы директора Южного завода на имя командующего округом Павлова и приказ генерала обеспечить вылет Мальгина с гродненского аэродрома не позднее 22 июня. «Что за спешка? Не заболела ли Галя?..» — беспокоился Игорь, не находя другой причины для срочного вызова.

До захода солнца Игорь находился с механиками на танкодроме. Распрощался с ними, когда ответил на все вопросы, дал последние советы. Оставалось утром надеть гражданский костюм вместо военного обмундирования, которое ему выдали в полку, и — на аэродром. Фрол Петрович хотел проводить его до Гродно — выходной день обещал быть не очень загруженным у полковника.

И вот он — «выходной»...

— Не откажите, товарищ полковник! Я же военнообязанный, старшина запаса.

— Драться приспичило, мало тебе Испании! Сообрази: от того, сколько твой завод будет давать «тридцатьчетверок», сейчас зависит слишком многое.

— Без одного испытателя завод не уменьшит выпуска танков. Там есть кому заменить меня.

Жезлов не мог не выполнить приказания командующего, но и расстаться с Игорем не хотел. И тот это чувствовал.

— Отпустнте, товарнщ полковннк, на одно это задание, до вечера. Как я посмотрю в глаза людям на заводе, еслн не нспытаю «трндцатьчетверку» в бою?!

Прн этнх словах вошел адъютант. Доложнл, что команднр роты только что ранен в разведке. И Жезлов неожнданно для себя согласнлся послать Игоря на боевое задание.

3

Еслн бы Т-3, обрушнвшнеся на рассвете на соседний полк, велн огонь из 37-мнллнметровых пушек, какнмн танк был вооружен в походе на Польшу н Францию, обороняющимся было бы легче. Но танковые дивизни группы Гудернана раньше другнх в вермахте получнлн машнну с 50-мнллиметровой пушкой, превосходящей «сорокапятку» советскнх БТ-7 н Т-26. И броня Т-3 была вдвое толще, чем на этнх легкнх танках. На открытой местностн БТ могла бы превзойтн немецкую машнну своей скоростью н маневренностью. Но как проявнць этн качества в густом лесу?..

И все-такн лес оставался другом обороняющнхся. На двадцатнтонных Т-3, тем более на транспортерах, гитлеровцы не решалнсь свернуть с захваченного танкодрома н просек в чащу, боялнсь застрять, подорваться на мннах, попасть под гранаты красноармейцев. Потеряв почтн все танкн, окруженные протнвннком, бойцы не теряли веры, что продержатся до прнбытия помощн.

Однако положенне становнлось критнческим. Снаряды Т-3 и немецкнх протнвотанковых пушек прошивалн насквозь тонкую протнвопульную броню последннх БТ н Т-26, пламя охватывало машнны, перекндывалось на кустарннкн. Гнтлеровцев устраивал лесной пожар — нм прнказалн пленных не брать. Вырвется охваченная пламенем «бетушка» нлн Т-26 — снарядамн нх, выскочит экнпаж — поливают нз пулеметов. А тропкн лесные перекрылн автоматчнкн — везде смерть, выбнрай, какую хочешь...

И вдруг — «трндцатьчетверкн»! Возннкли, будто из недр, из самого огня, ударнли в лоб, спнну, флангн фашнстов, подмнная под себя бронетранспортеры, пушкн с тягачамн, расстрелнвая танкн.

Внезапный, ошеломнвшнй врага удар решнл нсход боя. Немцы отступнлн, оставнв на танкодроме н просе-

ках почти полтора десятка сожженных танков и бронетранспортеров.

Из леса на центральную поляну, где догорал полковой клуб, выходили, выползали танкисты, таща на себе товарищей.

Жезловцы помогали перевязывать раненых. На руках принесли старшину-знаменосца. Сняли с него простреленные комбинезон, гимнастерку, нательную рубаху и намотанное вокруг туловища знамя. Майор с обожженным лицом поднял над головой окровавленное полотнище:

— Поклянемся памятью мертвых и живых...

4

Оперативная группа генерал-полковника Гудериаиа — он на командирском танке Т-4, за ним две радиостанции на бронемашинах и несколько штабных автомобилей повышенной проходимости — мчалась на Белосток. Впереди двигались взвод автоматчиков на мотоциклах и отборная, вышколенная во всех походах вермахта рота Т-3 с неизменным на башнях танков гудериановской армии знаком G.

Командирский танк подпрыгивал на выбоинах давно не ремонтировавшегося шоссе, Гудериана подбрасывало на сиденье, но он продолжал дремать, уставший и от этого длинного знойного дня, и от всей почти бессонной недели.

В субботу 14 июия он вместе с высшим командованием вермахта присутствовал на совещании у Гитлера, а на следующее утро вылетел на самолете в Варшаву, где находился его штаб.

Не зиая отдыха, объезжал Гудериан дивизии и полки своей танковой группы, проверял развертываиие, подтягивание к исходным позициям, проводил рекогносцировки.

С наблюдательных пунктов Гудериан несколько раз рассматривал Брестскую крепость. Он был доволен: русские проводят разводы караулов под оркестр, значит, ничего не подозревают... На этот раз он вернет Германии эту крепость, которую уступил осенью тридцать девятого года русскому комбригу Кривошеину, он возьмет ее за минуты и — на века. Здесь начало безостановочного, величайшего похода его танков на Москву. Он со-

вершит рейд, который будет запечатлеи иа скрижалях истории!

...В 4 часа 45 миiут таики 18-й таиковой дивизии форсировали Буг. Через два часа и сам Гудериаи переправился иа штурмовой лодке.

Но тут иеожидаиио произошла осечка. Гарнизои Брестской крепости оказал упориейшее сопротивлеиие таиковым частям Гудериаиа. Взять крепость с ходу ие удалось, пришлось ее обойти.

Осечка у Буга оказалась ие едииствеииой, ио другие были меиее зиачительиыми, и Гудериаи ие замечал их или ие хотел замечать в первый деиь иаступлеиия.

Дух захватывало у иего от оргаиизоваиности, с какой вермахт осуществил виезапиый прорыв граиицы от Балтийского до Чериого моря. Свыше пяти миллиоиов солдат Гермаиии и ее союзииков, пять тысяч самолетов, три тысячи семьсот таиков и штурмовых орудий вышли иа исходиые рубежи, и эта исполииская сила обрушилась иа большевистскую Россию, которую ои, Гудериаи, иеиавидел всеми фибрами души. Как же можио думать об «осечках», если его броиироваииое детище, которое ои вырастил, закалил в огие, движется в аваигарде едиииствеииой силы, способиой сокрушить русского великаиа.

Близорукие политики иазывали Россию колоссом иа глииякых иогах — абсурд, глупость иевежд. Ои, Гейиц, писал пять лет иазад об этом гигаите, имевшем тогда больше таиков, чем Гермаиия. Да, ои зиал это иеопровержимо, как зиает сейчас, что Россия отстала от Гермаиии в развитии таиковой техники, ие сделав ии шага от БТ и Т-26, которые воевали еще в Испаиии, что трехбашеииые и пятибашеииые русские танки годиы сегодия для музея, а ие для боя с победоиосиой броиетаиковой техникой вермахта. Не случайио за весь деиь ои ие видел русского таика — попрятались или их уже уиесло за сотии километров иа восток...

Гудериаи разорвал слипшиеся в дремоте веки, глянул через раскрытый люк иа иесущееся под таик шоссе, отсвечивающее багряицем заходящего сзади солица, и сиова прикрыл глаза.

Ои представил себе, как 18-я дивизия его таиковой группы заходит в тыл Белостокскому выступу, соедииится с таиками Севериой группы и вместе с авиадесаитом, сброшеииым иа рассвете в райои восточиее Белостока, иачииает уиичтожать попавшие в окружеиие со-

ветские войска. И все это по его замыслу! Никакая армия в мире не могла себе поставить такой задачи в первый же день наступления, никакой полководец за всю историю войн не пытался такое свершить. Браухич и Гальдер, конечно, преподнесли Гитлеру идею окружения Белостокской группировки как свою — пусть тешатся, история каждому воздаст по заслугам.

Воображение Гудериана разыгралось. Ему мерещилось танковое кольцо вокруг советских войск, тщетные контратаки русских, рассечение их на малые группы и истребление до последнего человека, как приказал Гитлер. Мерещились сотни захваченных советских машин устаревших марок — он лично обещал Круппу прислать их на переплав в мартенах Эссена и Магдебурга.

И вдруг дремоты как не бывало — Гудериан вздрогнул от внезапных пушечных выстрелов и всполошных криков:

— Russische Panzer!

Выскочив вслед за командиром из машины, он увидел впереди, на изгибе дороги, охваченный пламенем Т-3. С люка в левом борту корпуса сорвало дверцу. Словно из огненной проруби, выскакивали из машины танкисты — на них горели комбинезоны.

Мясистое лицо Гудериана побагровело. Он обочиной шоссе побежал к Т-3, чье пламя и дым мешали вглядеться в русский танк. А тот, словно чувствуя желание генерал-полковника, стал медленно разворачиваться, показывая свои наклонные бока, низкую башню с длинным пушечным стволом, выходящим далеко за грудь машины. Будто и не боясь, что пушки Т-3 и Т-4 найдут в нем слабинку, русский танк несколько секунд покрасовался перед первым танкистом рейха и, возможно, словив его в прицеле вместе с Т-4, послал в их сторону снаряд.

Гудериан упал в кювет вниз лицом. Нет, ему не стыдно было, что лежит сейчас в канаве — истинный солдат не считает унизительным вжиматься в землю, когда рядом рвутся снаряды. Его распирала злоба, что поверил разведчикам генштаба и другу своему военному атташе,— поверил, что нет у русских нового танка. «Захватить! Сегодня же!» — приказал сам себе Гудериан и пополз к радийной машине.

5

Закравшиеся в чащу сумерки заставили Игоря вести роту обратно к Жезлову прежним путем — нельзя было с тяжелоранеными ехать ночью по лесному бездорожью.

По шоссе днем промчались несколько километров вихрем, не встретив ни танков, ни артиллерии противника. Повезет ли сейчас?

Майор, принявший на себя командование остатками полка, согласился с Мальгиным: прорвемся!

Двигались рассредоточенно. «Тридцатьчетверки» шли повзводно: один впереди, два позади грузовиков с ранеными. Замыкали походный строй уцелевшие четыре БТ. «Безлошадные» танкисты, потерявшие в лесном бою свои машины, заняли места десантников на широких спинах «тридцатьчетверок», кто с карабинами своими, кто с трофейными автоматами.

И как раз в том месте, где надо было сворачивать с лесного проселка на шоссе, разведчики, двигавшиеся впереди, увидели выползающие из-за поворота немецкие танки. До них было еще неблизко — метров восемьсот, но разведчиков тотчас заметили ехавшие в голове колонны мотоциклисты.

Завязалась перестрелка.

А танки приближались. Они шли на близкой друг от друга дистанции, не увеличивая и не уменьшая скорости, должно быть, немецкие танкисты не придали особого значения стрельбе впереди. Сорвавшиеся с шоссе мотоциклисты и автоматный огонь на опушке могли означать всего лишь стычку с какой-то отступающей группкой русских. Такие перестрелки возникали в этот день часто, и вмешательства танков ни разу не потребовалось.

Услышав выстрелы, Игорь остановил свои танки, пробежал вперед и увидел на шоссе Т-3. От той немецкой машины, которой он полгода назад управлял на заводском полигоне, эти отличались удлиненными пушечными стволами большего калибра, но все еще уступающими вооружению «тридцатьчетверки». «До нашей пушки вам далеко»,— подумал Мальгин, и только подумал, как на повороте шоссе, во главе колонны крытых автомобилей с большими колесами, показался другой, более приземистый танк — его снимок Игорь как-то видел в немецком журнале.

— Т-4,— сказал он подошедшему майору.— За ним радийные и штабные машины... Высокое начальство...

У майора и Мальгина оставались считанные минуты, чтобы решить, навязать ли врагу, пока он катит по-парадному, бой или возвращаться в темную чащу, подальше от опушки, где мотоциклисты, оттесняемые разведчиками, заметили их танки. Но они были уверены: кто-то из начальства в штабных машинах немедленно вызовет сюда новые силы — истребить отряд.

— Атакуем?..— спросил Игорь. Он не мог не спросить старшего по званию и возрасту товарища, вместе с которым отвечал за отряд и его действия.

— Атакуем,— решил майор.

Мотоциклисты отступили к шоссе. Сейчас они сообщат о замеченных танках, весть передадут по рации, и тогда... Надо было опередить врага любой ценой. По приказу майора все «тридцатьчетверки» и БТ заняли исходные позиции в линию на опушке. На правом фланге — танк Игоря, на левом, возле оврага, тянувшегося от шоссе в глубь леса,— еще пригодные для действия из засад БТ. Их экипажам майор приказал: не раскрывать себя ни огнем, ни движением, но если немецкие танки попытаются оврагом пробраться в лес, обстрелять их из пушек и задержать до появления «тридцатьчетверок». Другим экипажам по сигналу красной ракетой сделать два прицельных выстрела с места каждому в свой, заранее намеченный Т-3 и ринуться к шоссе.

Первый снаряд «тридцатьчетверки» Игоря разорвал гусеницу замыкающей машины, второй пробил борт и, должно быть, угодил в топливные баки.

Этот воспламенившийся Т-3 и увидел Гудериан, выскочив из командирского Т-4. Силу и меткость русской пушки Гудериан сумел оценить по единственному снаряду, выпущенному с ходу в его сторону и заставившему рассыпаться только что стройную колонну машин, а его, генерал-полковника, наглотаться русской земли.

«Тридцатьчетверка» устремилась бы вслед за этим снарядом, и кто знает, возможно, полегли бы здесь в первый же день войны Гудериан и его штабисты, если б Игорь не заметил в смотровом приборе опасность левому флангу. В тыл «бетушкам» зашел и бил по ним из пушки в упор вражеский танк, а еще три двигались в том же направлении от шоссе к опушке леса над оврагом. «БТ погибнут, если не поспеть...» И Игорь кинулся

из башни вниз, решив сменить своего механика-водителя.

— Наверх! — приказал он ему.— Сигнальте экипажам: отрезать три машины от четвертой, стрелять с ближних дистанций.

Игорь потянул рычаг, развернул «тридцатьчетверку», помчал ее к оврагу. Он клял себя последними словами: не предвидел маневра врага, занялся хвостом колонны, а голову оставил, и она истребляет беспомощные «бетушки»...

Пока Мальгин сокращал расстояние, заряжающий выпустил несколько снарядов в тот Т-3, что был у оврага, но ни один не попал в цель. «Тридцатьчетверку» кидало вверх и вниз, и деревья закрывали Т-3, не давали метко выстрелить.

До танка на опушке оставалось метров семьсот, когда тот лениво и сыто, как обожравшийся боров, повернулся лбом к «тридцатьчетверке» и спокойно стал наводить на нее пушечный ствол. «Не по зубам!» — подумал Мальгин. Он знал по заводским испытаниям, что снаряд Т-3 не возьмет ни лобовой, ни башенной брони Т-34, а борт он немцу не подставит!

Снаряд стукнул по покатой башне и, срикошетив, оставил в броне бороздку. Ответный снаряд, пущенный с ходу, пролетел мимо тронувшегося с места немецкого танка. Машины быстро сближались, времени для заряжания не оставалось, и тут Игорь скомандовал:

— Пушку вверх! Иду на таран!

Должно быть, и за рычагами Т-3 сидел смелый, испытанный водитель. Игорь ощутил это по равномерному нарастанию скорости, строго прямой линии движения и по тому еще, что, на мгновение позже подняв ствол своей пушки, немец принял этим вызов на таран. «Вишь! — восхитился противником Мальгин.— Уверен, что я отверну, что врежешься в мой борт или корму... Не знаешь «тридцатьчетверочки», а я твою знаю... Красиво идешь на смерть, фашист...»

Машины жадно глотали разделяющие метры — их почти не оставалось. Мальгин приготовился чуточку посильнее взять на себя правый рычаг, чтобы удар лобовой брони «тридцатьчетверки» пришелся не под прямым, а под острым углом. Но тут нервы немца не выдержали, он круто отвернул на последних метрах, надеясь проскочить, избежать тарана, и на какую-то долю секунды

опоздал — удар двадцати шести тонн летящей советской брони пришелся по корме Т-3.

То, что рота возвратилась из двух схваток почти без потерь, приободрило Фрола Жезлова, а в полночь пробился наконец радиоголос штаба дивизии. Комдив благодарил за успешные бои и приказывал, пока темно, передислоцировать полк в леса восточнее Белостока.

И тут же вслед за приказом комдива, будто для того, чтобы окончательно прояснить обстановку, радио начало передавать первую сводку Главного командования Красной Армии.

«С рассвета 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии...»

ТАНКИ АТАКУЮТ АЭРОДРОМ

1

Четыре дня отступления — схватки с пехотой и артиллерией врага, прорывы через захваченные им дороги. За эти четыре дня полк потерял, большей частью от бомбежек, двадцать восемь человек убитыми, три танка, четыре грузовика с горючим, боеприпасами и продовольствием.

«Где наши самолеты? Почему в небе одни свастики?.. Когда сумею наконец бросить полк на танки противника?» Ненависть к фашистам жила в душе Фрола Жезлова с далекой Испании — там была Герника, руины Мадрида, а здесь за пять дней войны — уже сотни Герник. Жезлов видел на полях, дорогах, на лесных опушках скошенных пулеметными очередями с воздуха, разорванных бомбами, снарядами, раздавленных гусеницами танков детей, женщин, стариков, и в каждой девочке ему мерещилась его Любушка, в каждой женщине — его Валентина Николаевна.

С ночи на 23 июня, когда восстановили связь со штабом дивизии, до 26 июня все поступившие радиограммы сводились к передислокациям: в лес восточнее Бело-

стока; марш в район Сокулок; перегруппировка у Немана, возле Гродно. Эта последняя радиограмма обнадежила Жезлова: он был уверен, что там, на подготовленных, наверное, оборонительных рубежах, сконцентрируются дивизия, корпус да еще крупные артиллерийские танковые и стрелковые соединения, что у Гродно они нанесут врагу сокрушительный удар.

Но надежда рухнула. Полковые разведчики, высланные в Гродно, обнаружили, что город занят танками и стрелковыми частями немцев, что поблизости к городу наших войск нет.

С гродненского аэродрома «хейнкели» и «мессершмитты» летали бомбить наши войска и уходящее на восток население. Рации штаба дивизии опять замолчали. Рассредоточив и замаскировав в лесу машины и людей, Жезлов послал два танка на поиски штаба. Минули сутки — ни один человек из двух экипажей не возвратился...

Без конца, днем и ночью, катили с запада на Гродно и дальше на Минск уверенные в своей безнаказанности вражеские танки и артиллерия, колонны грузовиков и мотоциклы с автоматчиками. Жезлов временами видел их с опушек лесов, слышал их гул. А по лесным тропам шли и шли на восток толпы беженцев, израненных, обессиленных. Жезлов отдал им три грузовика; это была капля в море, но больше он не мог, не имел права. Мысли жгли: доколе можно отступать, имея такие танки, таких парней?

2

Жезлов, Игорь Мальгин и отделение разведчиков и саперов производили разведку местности. Здесь, за опушкой леса, не было никаких дорог, просто спуск в низину с рослой колосящейся рожью, за ней — невысокий холм, а дальше — взлетное поле аэродрома.

В бинокль, с высоты густокронного дуба, Игорю открылись два огромных ангара, девять пепельно-серых «хейнкелей» на поле; под фюзеляжами и крыльями подвешивали бомбы, бензозаправщики накачивали в баки горючее; на взлетной площадке — звено «мессершмиттов»; три зенитных орудия в промежутках между постройками; по кругу аэродрома вышки с часовыми у пулеметов.

Докладывая Жезлову, Игорь не удержался от совета: вызвать танки и атаковать, пока самолеты не поднялись с бомбовым грузом. Саперы установили, что лощина не минирована, можно обойти холм, и Мальгин повторил свое предложение: атаковать полком или хотя бы усиленным батальоном.

Это было заманчиво. Если удастся скрытно выдвинуться на этот исходный рубеж, неожиданно атаковать готовящиеся к вылету машины, то судьба их будет решена, как и тех, что остались в ангарах, на ремонте или осмотрах. А те, что вылетели на задания? Застанет их в воздухе радиограмма о нападении танков, и скроются на запасных аэродромах, и будут продолжать бомбить, расстреливать отходящие войска и мирных людей... Не лучше ли дождаться сумерек, когда все или большинство базирующихся здесь самолетов возвратятся с заданий?.. Да и тогда не следует вести сюда полк, даже усиленного батальона не надо: чем больше машин, тем меньше шансов подойти скрытно, больше риска быть обнаруженным. Возможно, удастся подавить аэродром, но из города могут подбросить и танки, и пушки, отрезать пути отхода, а у тебя не будет резерва, чтобы ударить им в спину...

На опушке леса Жезлов оставил группу разведчиков и саперов следить за изменениями обстановки и, вернувшись в расположение своих машин, решил повести на аэродром пятнадцать экипажей — только добровольцев.

Мысль самому возглавить боевую группу пришла не потому, что он сомневался в комбатах или считал, что командир полка обязан в любом бою лезть первым в пекло. Нет, причина была в другом... Никто из танкистов за эти пять дней не жаловался, не опускал рук, но в глазах людей Жезлов читал беспощадный вопрос: неужели немцы так сильны вооружением и техникой, организованностью и тактикой, что их нельзя остановить, нельзя выжечь из них спесь, самоуверенность в превосходстве, в праве уничтожать миллионы людей?

И чтобы не иссякли у людей надежда и уверенность в своих силах, чтобы окрепла воля к победе, готовность вынести любые испытания, надо было закалить их победным боем здесь, в условиях, казалось, невозможных. Танкисты должны были знать, что командир полка идет с ними не случайно, что разгром фашистского аэродро-

ма в эти дни означает срыв тактических замыслов немецкого командования на целом участке фронта, задержку наступления врага, спасение жизни многих тысяч людей.

Пойти в бой вызвалось вдвое больше танкистов, чем Жезлов надумал взять с собой. Командиры отобрали лучших механиков-водителей и наводчиков. Ставя им боевую задачу, Жезлов объяснил, что успех атаки может быть достигнут только внезапностью, предельной скоростью машин и меткостью их огня.

К исходному рубежу двигались рассредоточенно, тремя группами и с расчетом выйти на опушку к сумеркам. Рев самолетов, возвращающихся на аэродром, заглушал шум приближающихся танков.

Выскочив из леса и обогнув холм, пятнадцать машин ворвались на поле аэродрома. В танковых прицелах возникли «хейнкели» и «мессершмитты» с крестами. Командиры машин открыли огонь по только что спустившимся на поле самолетам и по ангарам. Несколько снарядов угодило в склад боеприпасов.

Сотрясая взрывами окрестности, горел фашистский аэродром. Ни один из более чем тридцати самолетов не поднялся в воздух. Из пятнадцати атаковавших танков погибло четыре вместе с экипажами...

Ночью, после возвращения в лес, радист поймал волну Москвы. Советское информбюро опровергало сообщение германского командования о разгроме советских войск:

«Гитлер и его генералы, привыкшие к легким победам на протяжении всей второй империалистической войны, сообщают по радио, что за семь дней войны они захватили или уничтожили более 2000 советских танков, 600 орудий, уничтожили более 4000 советских самолетов и взяли в плен более 40 000 красноармейцев, при этом за тот же период немцы потеряли будто бы всего лишь 150 самолетов, а сколько потеряли танков, орудий и пленными — об этом германское радио умалчивает.

Нам даже неловко опровергать эту явную ложь и хвастливую брехню.

...Немцы преследовали цель в несколько дней сорвать развертывание наших войск и молниеносным ударом в недельный срок занять Киев и Смоленск. Однако, как видно из хода событий, немцам не удалось добиться сво-

ей цели: наши войска все же успели развернуться, а так называемый «молниеносный» удар на Киев и Смоленск оказался сорванным... Советские войска, несмотря на их позднее развертывание, продолжают защищать советскую землю, нанося врагу жестокие и изнуряющие его удары».

Голос Москвы, долетевший по радио в лес под Гродно, будто накалился победным боем, о котором никто, кроме танкистов Жезлова, а позднее советского командования, не знал до самого конца войны. Но Жезлову, Мальгину, бойцам и командирам полка «тридцатьчетверок» казалось: Москва услышала эхо боя на гродненском аэродроме и отозвалась суровыми словами мужества и надежды.

ПРИЗНАНИЯ ГУДЕРИАНА

22 июня 1941 года в 10 часов 25 минут передовая рота 18-й танковой дивизии генерала Неринга, которую я сопровождал в течение всей первой половины дня, достигла р. Лесна и перешла мост. Однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест.

У Пружан 18-я танковая дивизия вступила в первые бои с танками противника.

...Обстановка была неясной, пока из дыма не показались два русских танка. Они обнаружили нас; в нескольких шагах от места нашего нахождения взорвалось несколько снарядов: мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, мы тотчас же бросились на землю, и только не привыкший к войне бедняга подполковник Феллер, присланный к нам командующим резервной армией, сделал это недостаточно быстро и получил весьма неприятное ранение. Командир противотанкового дивизиона подполковник Дальнер-Цербе получил тяжелое ранение и через несколько дней умер.

3 июля. Я поехал на Борисов в 18-ю танковую дивизию генерала Неринга. Там я осмотрел предмостное укрепление на Березине и провел совещание с командирами этой дивизии. На обратном пути я встретил в Смолевичах командира корпуса и договорился с ним о действиях 18-й и 17-й танковых дивизий. Во время

этого совещания радисты моего командирского танка получили сообщение об атаке русскими танками и самолетами переправы на Березине у Борисова. 18-я танковая дивизия получила достаточно полное представление о силе русских, ибо они применили свои танки Т-34, против которых наши пушки в то время были слишком слабы.

ГУДЕРИАН Г.

Воспоминания солдата, с. 147—149, 155—156.

ВАЖНЫЙ УСПЕХ

В июньском небе носятся фашистские стервятники. Обратил внимание, что они летели большими группами из Гродно и обратно. Наверное, на гродненском аэродроме они заправлялись горючим, загружались бомбами и затем уходили на бомбежку наших населенных пунктов и войск.

«А что, если?..» — мелькнула вдруг дерзкая мысль.

...Мы прорвались к аэродрому и расстреляли из пушек самолеты с черными крестами. Это был молниеносный налет, совершенно неожиданный для гитлеровцев. И не успели они опомниться, как все уже было кончено.

Я был настолько захвачен боем, что пришел в себя, только когда мы вернулись на знакомую поляну, где нас с нетерпением ожидали товарищи.

БЕЛОВ Е., генерал-лейтенант.

Сыны Отчизны. М.: Политиздат, 1966, с. 91—92.

ИЗ ПИСЬМА КУРТА ШТРАЙТА

Советские танки, ведя огонь, внезапно врываются на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя, рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди. Начинается безумие.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ГЕНЕРАЛА ГАЛЬДЕРА

29.6.1941 г. (8-й день войны). Генерал пехоты Отт доложил о своих впечатлениях о бое в районе Гродно. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволять себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это недопустимо.

На фронте группы армий «Юг» продолжаются сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский механизированный

корпус глубоко вклинился в наше расположеине н зашел в тыл 11-й танковой дивизни. Это вклнненне, очевидно, вызвало большой беспорядок в нашем тылу.

5.7.1941 г. (14-й деиь войны).

Главиые силы таиковой группы Гудериаиа очеиь медлеино продвигаются, ведя упорные бои между Березниой н Диепром.

Из служебного дневника начальника генштаба генерал-полковника Ф. Гальдера.

Воеино-исторический журнал, 1959, № 7, с. 93.

ИЗБЕГАЮТ СТОЛКНОВЕНИЙ

В теченне дия пронсходили упориые бои на реке Березиие, где иаши войска совместиыми ударами пехоты, таиков, артнллерии и авиации иаиосят противнику зиачительиое поражение.

Боями устаиовлено, что таики противиика нзбегают боевых столкиовений с иашими тяжелыми и средиими таиками.

Из вечернего сообщення Советского информбюро 3 июля 1941 года.

«НАПОБЕЖДАЕМСЯ ДО СОБСТВЕННОЙ ГИБЕЛИ»

Среди захвачеиных нашими частямн докумеитов нмеется прнказ комаидира 18-й танковой дивизни генерал-майора Нериига. Этот приказ гласнт: «Потери сиаряженнем, оружием и машниами иеобычайио велики и зиачнтельио превышают захваченные трофен. Это положение иетерпимо. Иначе мы напобеждаемся до своей собственной гибели».

Из вечернего сообщення Советского информбюро 21 июля 1941 года.

НЕПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

Существование русского танка Т-34 оставалось для Гитлера, как и для геиштаба, неизвестным и явилось потом, как призиавал н сам Гитлер в письме к Муссолиии, одиим из самых неприятных сюрпризов кампаини.

Историк ВАЛЬТЕР ГЕРЛИЦ.

НАЧАЛАСЬ ТАНКОБОЯЗНЬ

В районе Верен танки Т-34 как нн в чем ие бывало прошли через боевые порядки нашей 7-й пехотной дивизин, достиглн артиллерийских позиций и буквальио раздавили находнвшиеся там орудия. Поиятио, какое влияние оказал этот факт иа моральиое состояние пехотиицев. Началась таикобоязнь.

Генерал Г. БЛЮМЕНТРИТ.

Роковые решення. М.: Военнздат, 1958, с. 57.

ОСОБЫЙ ПРИКАЗ

При объявлении тревоги запрещаю панические крики: «Русские танки прорвались!»

Генерал фон КЛЕЙСТ.

КОНТРУДАРЫ ПО ВРАГУ

Накануне войны советские бронетанковые и механизированные войска находились в стадии большой реорганизации и перевооружения новой боевой техникой. Механизированные корпуса, формирование которых началось в конце 1940 — начале 1941 годов, не были полностью укомплектованы как боевой техникой, так и личным составом.

...Наша предвоенная теория механизированные корпуса рассматривала как основное средство развития наступления на большую глубину с темпами до 80 км в сутки при действиях в оперативной глубине вражеской обороны. Война подтвердила в целом правильность этих взглядов. Однако в начале ее применить на практике положения теории было крайне затруднительно в условиях вынужденной стратегической обороны.

В первые дни войны механизированные корпуса, находившиеся в западной приграничной полосе, вступили в ожесточенную борьбу с врагом. Основным способом их действий было нанесение контрударов по главным группировкам противника, рвавшимся в глубь нашей территории. Такие контрудары были предприняты под Шяуляем (12-й и 3-й механизированные корпуса), под Гродно (6-й и 11-й корпуса), под Брестом (14-й корпус), в районе Луцк, Дубно, Броды (22, 9, 19, 15, 8-й корпуса) и другие. Мехкорпуса Юго-Западного фронта в ходе ожесточенного сражения с 1-й танковой группой немцев сумели на несколько дней задержать ее продвижение на Житомирско-Киевском направлении. После первых контрударов механизированные корпуса вели оборонительные действия совместно со стрелковыми войсками.

В ходе начального периода войны наши бронетанковые войска понесли большие потери, но и противник, согласно его официальным данным, к середине июля лишился 50 проц. первоначального количества танков. Однако немцы в условиях успешного наступления имели возможность восполнять свои потери и поддерживать боеспособность танковых соединений. Потери же наших бронетанковых войск в условиях отступления были безвозвратными. Восполнять их мы не могли из-за сокращения производства танков в период вынужденной эвакуации промышленности на восток и недостаточно четкой организации ремонтной службы в полевых условиях.

Ввиду резкого сокращения танкового парка Советской Армии наше командование в начале войны вынуждено было изменять способы боевого применения танков. Небольшое количество оставшихся на фронте танков стало использоваться только в тесном взаимодействии с пехотой.

РОТМИСТРОВ П., главный маршал бронетанковых войск.
Военно-исторический журнал, 1967, № 12, с. 38—39.

ПРЕВОСХОДСТВО НАШИХ ТАНКОВ

К 22 июня 1941 года наша армия располагала лучшими в мире танками. Беда была в том, что не успели построить достаточное количество этих новых машин.

Немцы сосредоточили на западной границе СССР 3712 танков.

Красная Армия могла противопоставить фашистской армаде 1475 Т-34 и КВ — прошло лишь полгода с начала серийного производства.

И все-таки в первых же боях гитлеровцы убедились в превосходстве советских танков.

Сопоставление главнейших характеристик наших и германских танков позволяет увидеть слабые и сильные стороны боевых машин. По максимальной скорости танки врага находились на уровне Т-34, но имели меньшую удельную мощность. Этим объясняется худшая приемистость, меньшая средняя скорость и невысокая проходимость.

Танковые пушки противника были короткоствольными, бронебойный снаряд покидал ствол с вдвое меньшей скоростью, что обусловливало значительно меньшую бронепробиваемую силу. Карбюраторный двигатель, характерный для немецких конструкций, расходует больше горючего, танк располагает меньшим запасом хода. К тому же такой мотор опасен в пожарном отношении.

Одно из существенных преимуществ Т-34 и КВ — сравнительно высокая надежность и простота восстановления, чего нельзя было сказать о немецких танках.

Однако преимущества советских танков не могли компенсировать количественного превосходства военной техники немцев. Нашей промышленности предстояло резко форсировать производство броневых машин.

КОТИН Ж., генерал-полковник инженерно-технической службы.
Техника — молодежи, 1970, № 6, с. 25.

Часть пятая

ТЫЛ НАЧАЛ НАСТУПЛЕНИЕ

ВОЕННЫЙ УРАЛМАШ

1

На третий день войны правительство образовало Совет по эвакуации населения и промышленности из фронтовых и угрожаемых районов.

На четвертый день, 25 июня, Политбюро ЦК приняло решение организовать на Урале и в Сибири новую базу танкостроения.

В сознании Вячеслава Александровича Малышева эти два решения слились в одно.

Он узнал о них в Свердловской области, куда прилетел ночью с 22 на 23 июня с правительственной комиссией, чтобы проверить, как уральцы начинают работать по мобилизационной военной программе. И в том, что его, заместителя председателя Совнаркома, не вызвали в Москву на заседание правительства, не пригласили в Политбюро, где ему, ответственному за танкостроение, надлежало бы докладывать руководству партии,— даже в этом скрывалось что-то необычайно тревожное. Но еще больше о размерах трагедии на западе страны говорило Малышеву полученное вскоре задание ЦК: определить, куда эвакуировать танкостроителей трех заводов Ленинграда.

Ленинград в угрожаемой зоне?!

За время, что Малышев занимался танкостроением, он сумел сполна оценить значение Ленинграда в развитии этой едва ли не важнейшей отрасли оборонной промышленности.

Ижора — поставщик противоснарядной танковой брони и корпусов для тяжелых КВ.

Кировский — единственный в стране производитель этих богатырей.

Опытный — творец множества образцов советских танков и самоходных орудий.

И эти три завода оказались в зоне действий вражеских бомбардировщиков!

— Прежде всего доложите,— услышал Малышев по ВЧ требование ЦК,— кто заменит Ижору, кто примет ее корпусников в свою семью.

Из всех крупных предприятий, на которых побывала правительственная комиссия, Уралмаш выглядел наиболее подходящим для этой цели.

Завод располагал большими производственными площадями, мощной сталеплавильной и литейной базой, уникальными ковочными средствами. Опытный коллектив рабочих, инженеров, техников не раз решал сложные технические задачи.

Но этого было недостаточно.

Самые скромные подсчеты показали, что для организации выпуска корпусов и башен Уралмашу не хватает около трехсот станков, в том числе семьдесят радиально-сверлильных, более двухсот сварочных машин, триста пятьдесят сварщиков. Требовалось создать блок крупных термических печей, бронезаготовительный цех, закладочные стенды сварки корпусов, новую технологию, изготовить и освоить специальное оборудование и большое количество оснастки. И, пожалуй, самое трудное: людям, освоившим индивидуальное производство машин с длительными циклами изготовления, перестроиться внутренне, психологически, отрешиться от вчерашних ритмов, раскачек. Прежний опыт мог стать и трамплином к овладению серийным танковым производством, и тормозом, если тот опыт не обогатить новым, не обучить небывалым на заводе профессиям сотни квалифицированных рабочих и пришедших только что на производство женщин и подростков. И все это за недели вместо лет, не прекращая изготовления металлургического оборудования и увеличивая серийное производство артиллерийских систем, тоже совершенно новое для завода.

Мобилизационный план, продуманный и утвержденный заблаговременно, предусматривал организовать на Уралмаше массовый выпуск для Красной Армии модернизированной 122-миллиметровой дивизионной гаубицы М-30.

К подготовке артиллерийского производства завод приступил незадолго до войны. В сталефасонном поставили машинную формовку и начали выпускать тонкое стальное литье. Коллективы других цехов наладили

штамповку деталей, станочники и сборщики овладели своеобразной их обработкой и монтажом гаубицы. Недавно организованное артиллерийское КБ сумело в нескольких случаях заменить дефицитные цветные металлы. После изготовления опытной партии М-30 конструкторы направили в цеха чертежи для серийного производства. И все это, сделанное быстро, надежно, сказалось с первых же часов войны. Уже 23 июня уралмашевцы стали успешно выполнять программу по артиллерии.

Начнись война по прежним представлениям — Красная Армия отбрасывает агрессора, преследует его и уничтожает на его земле,— мобилизационный план Уралмаша не претерпел бы изменений. А эти первые горькие дни отступления перечеркнули все расчеты и прогнозы.

Изменились и задачи правительственной комиссии Малышева. Ее интересовала сейчас не столько проверка исполнения промышленностью мобилизационных планов, сколько неизмеримое их расширение.

«Выдержит ли Уралмаш? — думал Малышев.— Выдержат ли люди?»

Программа по артиллерии на второе полугодие предусматривала непрерывное нарастание производства — от ста пятидесяти до трехсот орудий в месяц. В связи с частыми бомбардировками Краматорского и других заводов тяжелого машиностроения ожидалось увеличение плана Уралмаша и по металлургическому оборудованию. К тому же наркоматы вооружения и боеприпасов сумели к М-30 подослать заводу еще один солидный привесок — заказ на снаряды для реактивных минометов. Да артиллерийское КБ по собственной инициативе взвалило на себя дополнительно проектирование нескольких артиллерийских систем, в их числе и новейшей 85-миллиметровой танковой пушки.

«Не надорвется ли Уралмаш, если заставить его заменить Ижору, перестроить все производство в немыслимо короткие сроки?» — спрашивал себя Малышев.

Он остро ощутил давящий груз собственных и чужих упущений и ошибок. События последнего года, приближение войны к границам Советского Союза требовали увеличения мощностей танкостроения в два-три раза. И еще недавно Малышеву казалось: наркомат и подчиненные ему предприятия немало сделали, чтобы выполнить постановления Политбюро ЦК о расширении Челябинского тракторного завода и производства на

нем тяжелых танков, о привлечении Сталинградского тракторного к выпуску Т-34, об изготовлении в 1940 году на нескольких заводах шестисот «тридцатьчетверок». Кое-что пошло к лучшему после тех постановлений. К лету 1941 года производственные мощности советского танкостроения в полтора раза превзошли мощности танковой промышленности Германии. Но теперь-то Малышев понимал: успокаиваться на этом нельзя было. В сороковом году в армию поступило не шестьсот Т-34, а всего сто пятнадцать. И только когда технология на Южном заводе была окончательно налажена и Сталинградский тракторный весной сорок первого года пустил свой первый танковый цех,— только тогда возрос выпуск Т-34.

«Насколько обставили бы мы Германию по новым танкам, если успели бы подключить к танкостроению и Сормовский судостроительный, и ЧТЗ, и Уралмаш, если не искали бы пути полегче, поглаже...»

В конце лета сорокового года наркомат направил группу специалистов на Урал выискивать небольшие предприятия, которые можно было бы приспособить для производства танковых корпусов без реконструкции, лишь частично пополнив оборудованием. Отобрали четыре малых завода — все вместе они наполовину не заменят цех броневых корпусов Ижоры. «Нет, это по плечу одному Уралмашу,— думал сейчас нарком.— Только б не надорвался от сверхнагрузок...»

Возвращаясь по нескольку раз в основные цеха, советуясь с руководителями завода, с инженерами и рабочими, выискивая вместе с ними малейшие резервы, Малышев не переставал упрекать себя: «Если б начали перестройку цеха металлоконструкций полгода назад, здесь уже наладили бы резку, а в прессовом — правку брони. И термические печи стояли бы уже на закалке... Ты виноват — запоздал. Забыл о ночном совещании у Серго в тридцать четвертом. Не случайно он вызвал тогда людей с Уралмаша, Челябинского тракторного. До войны еще неблизко было, а ЦК, правительство принимали экстренные меры для перевооружения войск, и Серго ориентировал нас всех на тяжелейшую войну, предвидел роль уральских гигантов. Он предвидел — а ты упустил. И к совету Кошкина не прислушался...»

...Это было в Занках, незадолго до смерти Михаила Ильича. В день приезда Малышева больному было по-

легче, он вышел на веранду лесного домика, сел в плетеное кресло напротив наркома и, волнуясь, как всегда, когда говорил о «тридцатьчетверке», спрашивал: почему единственный завод занимается машиной? Малышев обнадеживал: строящийся на Сталинградском тракторном танковый цех будет готов к марту; наркомат думает через год-полтора частично загрузить «тридцатьчетверками» Сормовский судостроительный и Ленинградский опытный, возможно, и Кировский завод. Он надеялся, что это успокоит конструктора, а тот придвинулся к Малышеву и зашептал: «Через полтора года?.. Ленинград?.. Он же возле границы, Вячеслав Александрович!»

Кошкин не утверждал — спрашивал, просил подумать, можно ли продолжать концентрировать танкостроение на западе и юго-западе страны. Спрашивал, бледнея от волнения, нельзя ли ускорить строительство восточной базы танкостроения, приобщить к выпуску Т-34 гиганты, построенные в годы пятилеток на Урале, Волге, в Сибири. «Они далеки от границы... На них бы опереться...» — просил хриплым, прерывающимся голосом Михаил Ильич.

«Разве ты, нарком, не обязан был прислушаться к мысли умирающего конструктора?..»

ПОДВИГ ФРЕЗЕРОВЩИКА

Это было в конце июня. 2 фрезеровщика механического цеха отсутствовали. Один — сменщик стахановца Бессонова — не успел вернуться из отпуска, другой заболел. А работы было по горло. И фрезеровщик Бессонов стал выполнять свое задание плюс задание отсутствующих товарищей.

Он простоял у станка одну смену и дал 200 процентов, затем не отрываясь проработал следующую смену и тоже дал 200, наконец, остался на третью смену и снова за 8 часов, несмотря на огромную усталость, не снизил производительности. Следует добавить, что операция, которую делал Бессонов, ответственная и сложная.

За двое суток с одним двухчасовым перерывом он дал около 800 процентов нормы, полностью восполнив отсутствие двух фрезеровщиков. Качество продукции — отличное.

К концу четвертой смены появился приехавший из отпуска фрезеровщик, и лишь тогда Бессонов пошел домой.

Мастер С. ГАЛАКТИОНОВ.

За тяжелое машиностроение, 12 июля 1941 года

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Четыре дня было дано на проектирование совершенно новой машины. Четыре дня! Два месяца тому назад никто не стал бы всерьез даже и говорить о таком сроке. Но это было раньше.

Старшие конструкторы Голубков, Гущин, Мелехин продумали конструкцию узлов, и разработка рабочих чертежей на детали началась раньше, чем бумага для вычерчивания общих видов была приколота к доске. Наши стахановцы Павловский, Мелехин и Антонов превзошли самих себя. Ни одной ошибки не было обнаружено в их чертежах.

Никто не считался со временем. Работали по 12—16 часов в сутки, а Голубков, Гущин, Мелехин, Безкоровайный и Тарасов работали подряд 40 часов.

Проект был сделан в срок.

Конструктор А. ВЕРНИК.

За тяжелое машиностроение, 20 августа 1941 года.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

Ночью, накануне захвата города немцами, успел уйти на восток последний, сорок первый заводской эшелон. На рассвете вылетел на Урал Игорь Мальгин.

За несколько часов до отправления эшелона Игорь передал танкистам, сражавшимся на подступах к городу, восемь отремонтированных танков. Среди них и свою «тридцатьчетверку» — она оказалась последней в полку Жезлова.

...Больше месяца пробивались они из окружения. Кончались боеприпасы, вражеские бомбы и снаряды разнесли в щепы ремонтные летучки с запасными частями. Заправлялись дизельным топливом с подбитых машин, но восстанавливать подбитые танки стало негде и нечем.

Фашистам они не доставались. Жезловцы буксировали их до ближних оврагов, сбрасывали в заросли, закапывали в землю, топили в реках, болотах, заранее снимая с корпусов и башен уцелевшие приборы и вооружение, двигатели и коробки скоростей, чтобы ни одна частица «тридцатьчетверки» не попала к конструкторам Круппа и Флика, не стала для них образцом. Конечно, жезловцы понимали: в такой гигантской битве враг рань-

ше или позже захватит машину, но пусть это случится не в их полку и как можно позже.

Когда от полка осталось меньше роты людей и последний боеспособный танк Мальгина, а вражеское кольцо сжималось все туже, Жезлов приказал Игорю прикрыть отход. Танк должен был любой ценой задержать врага, затем обогнуть болото и выйти к реке, где будут ждать жезловцы, если удастся прорваться.

Бой затянулся дотемна. Фашистские автоматчики были задержаны, понеся потери, но и Мальгин потерял свой экипаж: заряжающий и стрелок были убиты, когда вылезли заменить трак у порванной гусеницы. А ночью, обойдя топь, Игорь никого не нашел на условленном месте...

Отчаяние охватило его. «Один... Один среди врагов, и не на что больше надеяться.— Но тут же он оборвал себя: — Неправда, ты не один! С тобой «тридцатьчетверка» — значит, не один!..»

Двое суток он двигался ночами на восток — лесными проселками, полями, обходя села. На третью ночь, когда горючего оставалось всего километров на двадцать, Игорь услышал близкую канонаду...

На заводе, куда вскоре по железной дороге доставили «тридцатьчетверку», поразились ее многочисленным ранам и обрадовались ее живучести. Игоря расспрашивали, поздравляли, а ему было не до поздравлений. Дома ждало письмо от Гали, разом погасившее радость.

«Родной мой! Верю, назло всему верю, что ты вернешься. Живу этим, шепчу по ночам твое имя... А кругом горе и смерть.

У меня, Игорек, дела неважные. Приехала, чтобы увезти маму и бабушку из Днепродзержинска,— и вот застряла. Бабушка совсем плоха, не встает, мама без нее не тронется с места, и я, конечно, ни их, ни тяжело раненных красноармейцев, к которым приставлена в больнице, не покину. В каждом бойце вижу тебя, за каждого боюсь, как за тебя, чтобы его, беспомощного, не захватили фашисты. Третий день, как ведут артиллерийский обстрел города, кажется, вот-вот ворвутся...

А может, страхи мои преувеличены, может, погонят фашистов назад и я найду тебя в нашей комнате на Палисадной. Если бы так...

Люблю тебя. Галя».

Днепродзержинск уже три недели в руках немцев. Значит, или не успела эвакуироваться, или...

Игорь не стал долго раздумывать — пошел в военкомат.

Но там развели руками:

— Броня у вас, товарищ Мальгин.

— Да я только что с фронта! Воевал с первого дня.

— Не имеет значения. Вот если директор ваш даст разрешение — другое дело...

С директором разговор был короткий:

— Я танкист — мне воевать положено!

— А новые машины на Урале испытывать господу богу?! И так сколько испытателей на фронт ушло, с кем танки будем выпускать?

Игорь продолжал настаивать:

— Люди смерть принимают, а я должен удирать в тыл?..

— Удирать?! — возмутился директор.— Получается, мы трусы, потому уезжаем, а ты, святой, остаешься!

И не заметили, как из темноты вынырнул на едва освещенную погрузочную площадку нарком Малышев, прилетевший поздно вечером на завод.

Нарком был взвинчен и крут в ту ночь. Проверяя ход погрузки, обнаружил оставленный в пакгаузе ящик с инструментом и не пожелал выслушать объяснение директора, что инструмент старый, приготовленный на переплав, и взят с завода по недоразумению, дал нагоняй. Но сейчас дело куда серьезней: человек не подчиняется приказу, как бы Малышев сгоряча не подвел его под военный трибунал...

— От эвакуации отказывается?.. Не под немцем ли оставаться решил?..— по-своему понял нарком возмущение директора.

— Нет-нет, товарищ нарком! — кинулся на выручку директор.— Это наш лучший испытатель, Мальгин. Воевал с первого часа войны в полку Жезлова. Из окружения разбитую «тридцатьчетверку» на завод привел... Тошно ему — любимая в оккупации, потому и в бой рвется...

Не назови директор фамилии, вряд ли нарком узнал бы в измотанном, отощавшем человеке того круглолицего, могучего богатыря, который вместе с главным конструктором Кошкиным показывал правительству опытные Т-34. «Неужели правда сумел спасти танк?!»

— Жезлов сказал: ни одной машины в полку не осталось...

— Живой?! Вы его видели, товарищ нарком?

И Мальгин услышал, что Жезлов с двумя десятками бойцов и полковым знаменем пробился-таки из окружения и только что назначен командиром танковой бригады.

Не терпелось узнать, вступила ли бригада в бой, хотелось упросить наркома отпустить его к Жезлову, но Малышев уже расспрашивал, сколько километров от границы прошла его «тридцатьчетверка», как долго дралась с врагом в одиночестве.

— Такого испытания другой тип танка не выдержал бы,— раздумчиво проговорил Малышев.— Спасибо. Вы укрепили в нас веру в машину Кошкина. Т-34 надо выпускать как можно больше — это спасет... Напрасно вы думаете, товарищ Мальгин, что бить врага можно только на фронте.

Но нарком чувствовал: человек этот все равно не перестанет рваться на фронт, если не взвалить на него тяжесть, равную той, что сгибала его плечи там, в огненной круговерти боев.

— Вы полетите со мной на Уралмаш. Там теперь не менее жарко, чем в боях.

Директор оторопел:

— Мальгин остался единственным испытателем. Кто будет на Урале испытывать наши машины?..

Малышев пообещал вернуть Мальгина, как только завод подготовит к испытаниям хотя бы один танк.

2

Не случайно Малышев уделял Уралмашу больше внимания, чем двум другим будущим танкоградам.

При всей сложности перехода Челябинского тракторного и Уральского транспортного завода с мирных машин на военные, этим предприятиям, имевшим хорошо налаженное поточное производство, было куда легче, чем Уралмашу. На транспортном в предвоенный год широко применялась массовая сварка крупных узлов; здесь впервые испытывалась в заводских условиях патоновская сварка, она и позволила позднее создать базу для выпуска танков в небывалых размерах. А Уралмашу было все внове — ему пришлось одолеть

пропасть, отделяющую машины-гиганты от серийных танков. Цикл производства блюминга или оборудования для доменной печи составлял годы, цикл производства танка при налаженном ритме — дни.

И еще преимущество имели двое по сравнению с третьим: челябинцам снизили программу по тракторам, транспортников освободили от производства машин. А Уралмаш, оставшись единственным заводом тяжелого машиностроения, продолжал выпускать оборудование для черной металлургии сверх серийных заказов по артиллерии и танкам.

Немного обидно было Игорю за Уралмаш: заводу предназначалась роль поставщика узлов и агрегатов — пусть главных, без которых немыслим танк, но все же не всей машины. Ни один другой завод не давал одновременно корпусов и башен, пушек и литья для танкового мотора. Разве не имеет Уралмаш талантливых инженеров, рабочих, чтобы сделать полностью танк?! И еще досадней стало, когда Игорь узнал: корпуса и башни производятся не для «быстрой ласточки», как Жезлов назвал в боях Т-34, а для тяжелого танка КВ. Конечно, и КВ нужен фронту, но Мальгину легче было бы примириться с вынужденным пребыванием в тылу, если бы он участвовал в выпуске любимых «тридцатьчетверок».

Из аэропорта Малышев заехал в областной комитет партии, а Игоря машина доставила к механосборочному цеху Уралмаша. Обойдя бетонный корпус, вытянутый с востока на запад, Мальгин вошел в раскрытую калитку ворот и повернул к пролетам, где восемь лет назад бригада Толи Федорова собирала пневматическую пушку Брознуса, а он с Куртом Вейгандом — скиповую лебедку, первые машины Уралмаша.

Петляя между незнакомыми деталями и узлами, Игорь вышел на площадку одного из пролетов. Вспомнил, как весной тридцать третьего года вот на этом самом месте взгромоздили на кузов трехтонки пушку Брознуса и поехали с ней на первомайскую демонстрацию. Что-то похожее на ту пушку, только габаритами значительно больше, заметил он вблизи, а среди монтажников возле крутых бедер машины — высоченного Николая Плесконоса.

— Или я обознался, или... Ты?.. Игорь?.. Конечно, Игорь! — Плесконос обхватил его своими ручищами.— Что же тебя споловинило? Какие черти, на каком адо-

вом стане сплющили? — гудел бас, осиливая даже трещотку пневматических молотков.— Откуда явился-то?

Мальгин коротко рассказал — вернее, прокричал в Николаево ухо — о своем житье-бытье.

— Попался вот под руку наркому... Поработаешь, говорит, пока на сборке танков, молодежь поучишь. Ну и чтоб народу рассказывал, как танки на фронте нужны.

Плесконос сыпал вопросами и тут же обрывал ответы Игоря. Напряженная работа нескольких бригад монтажников не позволяла ему отвлекаться, но как не показать Игорю машины, которыми по мирному плану на сорок первый год должен был заниматься весь сборочный цех, а с июля загрузили единственный его пролет!

— Правда любопытная пушечка? — перехватил он взгляд Игоря.— Электрическая, в несколько раз мощнее Брозиуса, на всех новых домнах работает...

Плесконос поднялся с гостем на высокую монтажную площадку. Отсюда обозревались пролеты сборочных цехов, бронекорпусного и башенного, расположенных в западной части здания, и первый механический в шести пролетах — в восточной части. А рядом новый цех, втиснувший две линии фрезерных, токарных, карусельных станков в одну половину седьмого пролета. За станками стояли подростки.

— Четырнадцатилетние... Тощие...— произнес Николай.— И для них вахта тоже двенадцать часов.

В конце пролета первого механического стрела крана осторожно опускала на платформу гигантский вал. Игорь залюбовался могучим серебристым телом, в котором отражалось, как в зеркале, множество станков. Вал, снижаясь, мерно покачивался над платформой, а Плесконос рассказывал, как рабочие трех цехов, невероятно загруженные оборонными заказами, отлили по просьбе магнитогорцев шестидесятитонную глыбищу, закалили ее в термических печах, содрали с нее на станках семь шкур, чтобы получился этот красавец в полусотню тонн.

— Для нашенского блюминга валочек...— продолжал Плесконос, вспоминая конец тридцатых годов, когда здесь, в механосборочном, создавался первый уралмашевский блюминг, тот, с которым он встретился недавно на Магнитке, куда был послан с заданием ускорить отгрузку броневого листа.

Побывал он там и в мартеновском цехе, где тоже работало уралмашевское оборудование, виделся со знаменитым сталеваром Алексеем Горновым, который в конце июля первым на Магнитке сварил броневую сталь. Поначалу процесс шел в двух печах. На одной варили обыкновенный углеродистый металл, на другой, специально переделанной на доводку легированными материалами, Горнов получал из металла-«полуфабриката» высококачественную сталь для броневых листов. Этот дуплекс-процесс был малопроизводителен, и группа специалистов комбината, среди них и те, которые со времен Серго вместе с Горновым и академиком Бардиным искали пути получения броневой стали в обычных большегрузных печах, продолжила исследование. Прошло несколько недель, и впервые в мировой практике Алексей Горнов провел опытную плавку от завалки до выпуска на одной двухсоттонной печи. Полученная броневая сталь отвечала самым высоким требованиям танкового производства.

Но где ее катать?

Из Мариуполя в Магнитогорск вышел броневой стан — когда дойдет?.. А дойдет — значит, надо строить специальный цех, потом монтировать в нем стан — сколько месяцев будет потеряно, а фронт требует танки немедленно.

Механик Магнитогорского комбината Рыженко предложил изготовлять броневой лист на уралмашевском блюминге.

— Боялись, доказывали: ни один блюминг в мире такого не выдержит, произойдет катастрофа. А наш взял да выдержал!

Плесконос говорил о блюминге, оказавшемся сильнее, надежнее немецкого «Демага», о металлургах Кузнецка и Новотагильского завода, освоивших одновременно с магнитогорцами на большегрузных печах броневые марки стали, и Игорь еще пронзительнее ощутил значение Урало-Кузбасса в спасении Родины. Не от других слышал — своими глазами видел он раздавленную вермахтом, погасшую угольно-металлургическую базу на юго-западе страны. Листовки Геббельса, попадавшиеся Игорю в оккупированных областях, писали: «Русский колосс лишился рук и ног, ничто не способно спасти его от полного уничтожения». Игорь не хотел, не мог этому верить, но временами в душу закрадыва-

лись сомнения: возможно ли будет за короткий срок восполнить потери угля, руды, металла и машин юга и запада? Он хорошо знал Уралмаш первой пятилетки, когда уральцы только начинали овладевать зарубежным оборудованием, и ему нелегко было представить себе, как возмужала молодая индустрия Урала за те почти восемь лет, что он находился вдалеке от родного края.

Впервые силища Урала и Сибири крупно, в истинном масштабе, стала возникать перед ним в часы полета с Малышевым вдоль Каменного Пояса в Свердловск. Должно быть, выверяя на попутчиках свои мысли, нарком заговорил о нераскрытых резервах Урала, о величайшей роли, которую он сыграет в восстановлении и росте танкового могущества Красной Армии, в подготовке не близкой, но несомненной победы Советского Союза над гитлеровской Германией. Да, польза эвакуации безусловна — много оборудования, рабочих и инженерных кадров будет спасено, станет трудиться для разгрома врага. Но не стронешь же с места домны и коксовые батареи, мартеновские печи и шахты, плотину Днепрогэса, запасы криворожской руды и никопольского марганца — их не погрузишь в вагоны, не вывезешь на восток. Их в состоянии заменить, их уже в значительной мере заменяет Урало-Кузбасс с его сокровищами недр и людей.

Неоспоримость выводов наркома Игорь еще глубже ощутил здесь, на Уралмаше, на участке Плесконоса, продолжавшем выпускать в объеме всей прежней сборки металлургическое и горное оборудование для новых мощностей того же Урало-Кузнецкого комплекса.

3

Значительно хуже, чем с металлургическим оборудованием, обстояло дело с выпуском бронекорпусов.

Игорь обошел три широких пролета — основные участки бронекорпусной сборки. Хорошо знакомый с таким производством на Юге, где оно развивалось и совершенствовалось десять лет, он сумел оценить все сделанное здесь менее чем за два месяца. Какого труда потребовали одни только закладочные стенды для сборки днища, крыши, башни, стенды под сварку и для окончательной сборки корпуса. И в этом, и во многом другом

Мальгин ощущал острый ум, хватку, ищущий характер уралмашевцев. Но не обошлось и без упущений.

Поразила Игоря невероятная медлительность сборки корпуса — шестьдесят часов.

— Пришлют борта — нету крыш, крыши доставили — нету днищ. Твердят: трудно металлургам освоить прокат броневой стали, а нам от этого легче? — раздраженно говорил бригадир слесарей Колтун. Тогда, в тридцать третьем, он вместе с Игорем работал на сборке первого скипового подъемника, а сейчас, встретив Мальгина в цехе, поначалу и не узнал. Потом уж, когда разговорились, вдруг вскинулся: да это ж Игорь!..

Час остался до конца дневной смены, когда бригада Колтуна завершила сборку, подготовила корпус к сдаче мастеру ОТК. Но контролера минут сорок искали по бронекорпусному цеху, а оказался он в башенном — лясы точил в курилке.

— Тоже мне продукция — один корпус,— огрызался он, принимая работу.

Наблюдая эту наводящую на невеселые размышления сценку, Игорь подумал, не попроситься ли ему контрольным мастером на окончательную сборку.

И в самолете с Малышевым, и в этот день в цехе он уже не раз задавал себе вопрос: куда приложить свои силы. Проще было бы выбрать место, если б Уралмаш имел полное танковое производство: Игорь испытывал бы танки, учил бы молодых механиков, готовя себе смену к тому моменту, когда его вызовут на испытания первых уральских «тридцатьчетверок». А здесь, где все завершается на корпусах,— что он может делать здесь?..

На Южном заводе механики-испытатели не отсиживались в ожидании, когда новая модель будет собрана и готовенькой попадет к ним. Михаил Ильич Кошкин приглашал механиков на совещания в КБ, вовлекал их в конкурсы на решение тех или иных конструкторских задач, и нередко предложения испытателей принимались главным конструктором. А выпадет свободный от выездов день, неделя — и механики подменяют в экспериментальном цехе заболевших слесарей, мастеров, а чаще, что больше всего одобрял Михаил Ильич,— людей на контроле, на передаче готовых танков военпредам.

Контрольный мастер... Нет, только контролировать, посматривать со стороны,— это ему не подходит. Вот

если б разрешили совместить работу контрольного мастера и производственного... Разве не отвечает второй за безупречное качество сборки? А почему не принимать работу у своих подчиненных, и не только окончательную, как сейчас контролер, но и промежуточную, пооперационную, да отдельно у газорезчиков, сварщиков, слесарей. При такой организации и ответственность за качество вырастет. Этими мыслями Игорь поделился с Колтуном, когда вместе уходили с участка.

— Как считаешь, пойдет такое дело?

— Я — за. Думаю, и Федоров поддержал бы...

— Почему «бы»? — Игорь знал, что Анатолий Федоров, которого помнил еще совсем молодым пареньком,— теперь начальник сборочного цеха, хотя самого его пока не видел.— Заболел, что ли?

— Хуже...

И Колтун поведал историю, поначалу показавшуюся Игорю неправдоподобной.

В отсутствие Малышева на завод приехал начальник главка наркомата. Вознамерившись «подхлестнуть отстающие звенья», явился к Федорову в полночь самых скверных суток.

— При мне дело было,— рассказывал Колтун.— Спрашивает он Анатолия: «Сколько корпусов отправил заказчику? Сколько в заделе на завтра?» Видит же — на предварительной сборке и сварочном участке всего три корпуса, да и те не скомплектованные до конца металлом, а все равно ругается: «Если на следующие сутки график сорвешь, Федоров, кротом будешь землю рыть». Сказал и сделал: назавтра у нас на глазах отправил Анатолия землю копать на торфоразработках...

— Сегодня же расскажу Малышеву! — возмутился Игорь.— Велел вечером явиться, сказать о впечатлениях. Вот я и скажу... Живо пропишет тому за самоуправство!

— Да тут уже без тебя разбираются. Директор, говорят, в обком обратился. Обещают вроде вернуть нашего Анатолия.

Некоторое время шагали молча.

— Я же просил тебя к бате,— напомнил Игорь.— Третий час, понимаешь, хожу-брожу, а его так и не поймаю. Неуловимый старикан...

— Вон там Влас Никитич.— Колтун показал на фанерную будку мастера. И глухо добавил.— Не спра-

шивай его только о Борисе и Гене... На той неделе похоронку получил — одну иа двоих. Сгорели в танке оба твоих двоюродных братана...

ТЫСЯЧА ПРОЦЕНТОВ

...В марте токарь Николай Васильевич Иванов на этой же детали с трудом выполнял одну норму. В следующие месяцы производительность выросла незначительно. Война подхлестнула токаря. Он усовершенствовал резцы — одни из них приспособил для нескольких переходов, вносил изменения не только в заточку, но и в конфигурацию. И результатом был рекорд 25 июня. Вместо прежних 15—20 деталей Иванов дал за смену 60. За июль он выполнил программу на 250 процентов. За август — 280.

8 сентября вечером Николай Васильевич попросил старшего мастера приготовить ему на следующий день как можно больше деталей. 9 сентября Иванов пришел в цех задолго до гудка. Накануне он приготовил инструмент, заточил его по своему методу.

Без торопливости и суеты работал токарь, но результат оказался небывалым: за 8 часов Иванов выполнил норму на 1040 процентов. Через три дня снова дал за смену 10 норм.

Установив рекорд, Николай Васильевич попросил мастера Трефилова увеличить норму выработки на его детали.

За тяжелое машиностроение, 17 сентября 1941 года.

ГИГАНТЫ ТАНКОСТРОЕНИЯ

В течение четырех последних месяцев 1941 года в Поволжье и особенно на Урале на основе перемещенных и некоторых вновь созданных предприятий были развернуты 8 танковых, 6 корпусных и 3 дизельных завода. На базе Челябинского тракторного завода вырос мощный танкостроительный комбинат. На «заводе заводов» Уралмаше, где раньше создавались главным образом уникальные крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для тяжелых танков КВ. Группа заводов во главе со Сталинградским тракторным образовала важную комплексную базу танкостроения в Поволжье. Одновременно было решено создать на Урале новую производственную базу для дизелестроения.

В связи с расширением производства танков в сентябре было принято решение выделить танкостроение из Наркомата среднего машиностроения и образовать Наркомат танковой промышленности во главе с В. А. Малышевым.

История второй мировой войны, т. 4, с. 149.

ГКО НЕПРЕКЛОНЕН

1

Правительство потребовало: осуществлять перестройку производства на Уралмаше одновременно с выпуском в августе 25 бронекорпусов, в сентябре — 75. Броневым листом завод должны были обеспечивать Магнитка и Кузнецкий комбинат, но тем требовалось время для освоения новых видов проката, и Уралмаш не получил ни одного полного комплекта заготовок ни в конце июля, ни в первой половине августа.

Бронезаготовительный цех бездействовал. Лист стал поступать малыми долями с 15 августа. И лишь к середине сентября, когда последним из ста корпусов в счет двухмесячной программы полагалось уже находиться на монтаже, Уралмаш получил часть полагающегося ему комплектного металла.

На резке, правке, закалке брони, на монтаже, сварке, на участке расточных станков и окончательной сборке начался штурм. Рассчитывали наконец войти в график, дать к концу месяца если не все семьдесят пять корпусов из сентябрьской программы, что было уже невозможно, то уж полсотни дать непременно. И вдруг сообщение: немцы захватили район, откуда поступал карбид кальция — исходный продукт для получения ацетилена, запасы карбида в Свердловске на исходе. Ждать ацетилена для резки брони неоткуда, а с окончательной сборки ушел лишь девятнадцатый корпус из двухмесячного плана в сто корпусов...

В эти кризисные дни поступила телеграмма Государственного Комитета Обороны.

Под вечер 17 сентября директор и парторг Центрального Комитета партии на заводе вызвали членов парткома и секретарей цеховых парторганизаций, начальников отделов и ведущих технологов бронекорпусного производства.

Входя в кабинет, все замолкали. Одного взгляда на землисто-серые, сумрачные, как осенний дождь за окном, лица директора и парторга было достаточно, чтобы понять: что-то произошло. Только главный механик, кажется, ничего не понял. Невысокий, подвижный, мальчишистый, он, первым оказавшись возле начальства, с ходу начал говорить, чего ему не хватает для монтажа

прессов. Но парторг оборвал его нетерпеливым движением руки с бланком правительственной телеграммы и попросил всех подойти поближе.

— Поступила телеграмма ГКО руководителям завода.

Через минуту возле письменного стола образовался плотный людской полукруг.

— Уралмаш,— начал читать парторг,— срывает программу производства бронекорпусов и башен...

Темно-русая, редеющая с макушки голова директора опустилась, ссутулилась спина. За этот час он уже не раз перечитывал с парторгом телеграмму, но громко произнесенное перед многими людьми слово «срывает» словно плеснуло ему в глаза кипятком. «А сумел бы кто из брони на двадцать корпусов собрать сто? — спросил директор самого себя.— Начальник главка все ставит в пример Ижорский завод, вот там, дескать, была ритмичность и порядок. Но на Ижоре работал свой броневой стан — какой хочешь лист получай. А тут дожидайся неделями брони, может быть, погруженной только что за тысячи километров от Свердловска, а может быть, еще и не прокатанной... Как назло, Малышев носится сейчас на самолете по Южному Уралу, Сибири, Приволжью — не дозвонишься ему. Хорошо еще, что успели сообщить о снятии Федорова и нарком отменил приказ начальника главка».

Скользнув по людскому полукругу, взгляд директора задержался на технологе Василии Декабреве. Тонкие, длинные пальцы прижимали ко рту платок, чтобы усмирить кашель, не дать никому увидеть брызнувшую на губы кровь. «Скрывает от всех, от самого себя хотел бы скрыть обострившуюся чахотку. В больницу лечь — может, удалось бы подлечить, а он неделями не уходит из цеха».

Когда Уралмаш получил задание начать производство корпусов и башен, всех обеспокоила нехватка станков. Одни подсчитали, что для обработки танковых узлов и деталей потребуется дополнительно триста станков, другие — семьсот, а негде было взять и десятка.

Старшему инженеру-технологу Василию Декабреву поручили подсчитать мощности механического цеха.

Истерзанный туберкулезом человек днем и ночью искал и находил решения, казалось, неразрешимых проблем.

Двойные продольно-фрезерные станки имели по четыре суппорта, а работал только один. Декабрев предложил снять с продольно-фрезерных все свободные суппорты и применить как расточные станки. Вместе с Власом Никитичем он сделал из четырех станков шестнадцать!

«Так что же, и Декабрев срывает? — мелькнуло у директора. Но тут же он оборвал себя: — Пытаешься оправдываться, а фронту от этого легче?! Немецкие танки прут к Москве, а где броня, которая их остановит?..»

И словно в ответ на эти мысли парторг прочел ту фразу телеграммы, начало которой в первые секунды обнадежило, а концовка оглушила неумолимостью:

— Требуем обеспечить выполнение плана производства бронекорпусов и башен, в противном случае будете держать ответ.

Парторг сделал короткую паузу, бросив взгляд на директора. Хорошо, что он не знает о звонке из Москвы...

Прошлой ночью парторгу позвонил работник ЦК партии, занимающийся танковой промышленностью: «Нам необходимо знать мнение парткома: в состоянии ли директор вывести завод из прорыва по выпуску бронекорпусов и башен? Начальник главка рекомендует послать на его место директора Ижорского завода. Ответа жду как можно быстрее».

Ждать не нужно было. О рекомендации начальника главка стало известно секретарю обкома партии, и накануне с его участием совещались члены парткома. Вывод был единодушным: нельзя снимать, тем более в дни сложнейшей перестройки, талантливого инженера, дальновидного руководителя, до тонкости знающего завод и его проблемы, быстро, образцово организовавшего на Уралмаше новое артиллерийское производство. Нельзя снимать глубоко партийного человека, осознающего свои ошибки и способного их исправить. Смена директора в такой момент вызовет беспокойство командного состава и может иметь опасные для завода последствия.

Работник ЦК обещал передать руководству мнение парткома. «Но телеграмма! Похоже, наше мнение не дошло... Или с ним не согласились...»

Напряжение несколько ослабила концовка телеграммы:

— Надеемся, что коллектив орденоносного Уралмашзавода под вашим руководством успешно справится с заданием Государственного Комитета Обороны

Люди облегченно вздохнули.

— Прошу каждого подумать, что заставило написать резкие, неприятные для нас слова,— сказал парторг.— Прошу понять их справедливость и оценить эту заключительную фразу как великое доверие к командирам и рабочим завода. Работайте уверенно. Кто честно трудится — у того и волос с головы не упадет.

Короткая пауза, и вопрос директора:

— Будем обсуждать?

— Все до точки ясно! — раздался звонкий голос главного механика.— Разбейся, но сделай, чтоб фронту хватало танков,— так я понимаю. Наш ответ такой: ремонтники запустят мощные прессы не восьмого, а первого октября.

Механик словно попытался снять тяжесть с души директора, и тот был ему благодарен за это, а еще больше — за прессы.

— Что же ты, Александр Леонтьич, сопротивлялся жестким срокам? Еще позавчера упорствовал.

— Так я же, Борис Глебыч, до этой телеграммы полусознательным был...

Сняв очки и старательно протирая их платком, начальник термического цеха Глебовский, щуря беззащитно-добрые глаза, стал говорить, как растет блок восемнадцати печей, за ввод которых он отвечал перед директором и парткомом наравне с начальником строительства.

— Сократить сроки пуска блока печей мы не в силах. Полностью блок должен принять броневой лист двадцать третьего октября. Однако график ввода пяти, может быть, и шести печей мы пересмотрим. Обсудим с рабочими телеграмму ГКО, и верю: каждый найдет какие-то резервы, чтобы пять или шесть печей вошли в строй семнадцатого или восемнадцатого числа. Этим термисты обеспечат заготовку под корпуса и башни октябрьской программы... И другие пускай скажут в голос, а не шепотком.

А парторгу думалось, что не следовало бы толкать сейчас людей на обязательства, раньше надо в цехах совет держать, поразмыслить. И тут он заметил взгляд начальника газогенераторной станции Родионова.

— Вы, кажется, хотите чем-то поделиться с нами, Михаил Петрович?

— Да, да, именно поделиться, потому что полная уверенность может быть после испытаний на заводской установке. Но лабораторные исследования Игоря Владимировича Геркена дают нам право надеяться: заменителем ацетилена станет пиролизный газ.

Проблема ацетилена до этой минуты казалась неразрешимой. Необходимого для его производства карбида выпускалось на Урале крайне мало: если бы и весь отдать Уралмашу, и тогда не хватило бы и на половину программы по бронекорпусам и башням. А тут — пиролизный газ! Его можно получать сколько требуется из торфяной смолы или мазута. «Это же спасение танковой программы! — загорелся надеждой директор.— Если бы только...» Но тут же навалились сомнения. Будет ли газ резать толстый броневой лист? Не в спешке ли проведены лабораторные исследования?

— Сколько времени потребуется, чтобы отработать технологию и сделать опытную установку? — обратился директор к Родионову.— Сколько и каких специалистов прислать вам завтра же?

— Технологию Игорь Владимирович заканчивает, а установку попытаемся сделать за неделю, если дадут нам опытных мастеров.

В любом другом случае главный механик отбивался бы смертельно — он же слово дал через двенадцать дней запустить прессы. А тут без лишних слов обещал, что к ночи мастера будут у Родионова.

— Мы все идем отсюда в цеха, может быть, на неделю, может, на месяц,— поднялся парторг.— Мы не покажемся по эту сторону проходной, пока задолженность фронту по бронекорпусам и башням не будет полностью оплачена, пока на всех участках танкового производства график не станет непреложным. И запомним: не будет никогда на Уралмаше пораженческих настроений — трудно, но победим!

2

В первой декаде октября значительно чаще, чем в сентябре, стали приходить на Уралмаш эшелоны магнитогорского и кузнецкого металла. Установка Родионова и Геркена сумела выработать первый пиролизный

газ уже не для опытов, а для работы — н толстый лист поддался его огню. Вошлн в строй н мощные прессы для правкн бронн. Поднялось настроенне людей, возросла пронзводительность труда в заготовнтельных цехах. Это была большая радость, но она обернулась и немалой бедой. Поток брони, увелнчнвающнйся с каждым днем, закупорнл механосборочный — едннственный нз всех корпусов, к которому невозможно было прнстроить ни одного метра дополннтельной площадн.

Невероятно обострнлась проблема транспортнровкн. Могучие 75- и 50-тонные мостовые краны, рассчитанные на переноску узлов-велнканов, загружалнсь среднннми и малымн танковымн деталямн н по этой прнчнне нередко выбнвалнсь из графнка обслужнвання основных участков пронзводства.

Жарко прнходнлось в этн днн Надежде Мальгнной н другим крановщнцам.

Раньше что?! Все семь пролетов механосборочного — просторные, светлые н прямые, как лучи солнца,— просматрнвалнсь из конца в конец на несколько сот метров от восточной до западной стены. Крановщицы чувствовалн себя под прозрачным стеклянным небом крышн царевнамн, оглядывающнми свон владення. «Подхватывай, красавнца, станину дробнлки!..», «Плечнко блюмннга подвезн!..» — ласково покрнкнвалн-просилн молодые стропалн, заигрывая с поднебесными красавнцамн. А теперь все изменилось. Померк свет, густой маскнровочной снныо покрылнсь стекла крышн. И надо суметь рассчнтать до мнллнметра шаг своего крана, когда опускаешь 30-тонный корпус танка, когда передвигаешь его между тесно сдвннутымн станкамн: чуточку ошнбешься, чего-то не уловншь глазом в дымном мареве цеха — н зацепншь углом броневой тушн дефнцнтнейшнй, единственный, может быть, для важной операцин станок, вместе с человеком нскалечишь...

Трудней всего крановщнце опускать корпус сварщнкам, кантовать его, забнрать сваренный. Над участком внснт облако дыма и газов от сотен горящнх электродов, то сизое, то охваченное фиолетовой короной. Сквозь облако прорывается ослепнтельный жар вольтовых дуг. Снопы нскр брызжут нз-под электродов, взлетают метелью золотистой мошкары. Вольтовы дуги ненстовствуют н внутрн корпусов, вырнсовывая контуры людей в брезентовой одежде н шлемах.

Дрожат от иапряжеиия пальцы, трудио дышать, тошиота подступает к горлу, ио Надежда согласиа была бы, кажется, висеть в газу иад сварочиым участком хоть весь деиь, лншь бы зиать, что муж ие дышит этим воздухом. А ои дышит... Пусть там, иа расточиом участке, где работает Василий вместе с ее отцом, воздух малость почище, ио все равио, с его-то легкими... Увидит Надежда вннзу бледиое, с провалившимися щеками лицо мужа — и полосиет сердце болью. А работа подгоияет, не дает мешкать ни секуиды.

Давио ли оиа прииосила стаиочиикам всего один броиекорпус в смеиу, а теперь — поспевай только расточиый участок! Недаром Надежда почти все время видит Васю возле расточиых стаиков. Вместе с отцом ои сделал миожество приспособлений, а в последиие иедели разработал стеидовый процесс: теперь можио будет тремя стаиками одиовременно обрабатывать один корпус. Как имеино, оиа и сама еще ие очеиь представляет. Но завтра весь цех увидит иовиику Васи. Ей предстоит подать корпус до иачала утреиией смеиы.

Домой Надя не пошла — хотелось увндеть мужа. Не найдя его в пролетах цеха, оиа подиялась иа второй этаж в комиату старшего техиолога.

Дверь была открыта. Декабрев за столом набрасывал какой-то эскиз и шагов жены ие услышал. Надежда вгляделась в его лицо, иссушеииое болезиью, и сиова чувство виины охватнло ее. Он ие говорил ей, когда ему стало плохо, ои инкогда иикому ие жаловался, ио оиа, жеиа, должиа была вовремя заметить, не допустить затяжиого туберкулеза — было же еще мириое время, была возможиость лечиться.

«Ты себя истязаешь... В больиицу ие хочешь — побудь хоть иемиого дома, с детьми, иа свежем воздухе. Пожалей себя и меия...» Но оиа ие может ему это сказать. Ои иеиавндит жалость к себе и попросил ее раз и навсегда: об этом ии слова, о чем угодио, только ие о чахотке.

Будто уловив ее мысли, Василий подиял голову:

— Надюшка, милая!.. А я и ие услышал, как ты вошла...— Взяв ее за руку, подвел к столу, показал иовую свою задумку — эскиз устройства для очистки воздуха от дыма и газов виутри броиекорпуса, когда электросварщики кладут вертикальиые и горизоитальиые швы.

Выглядел ои сейчас как будто чуть получше, чем в

предыдущие дни, кашель почти не мучил его, и это немного успокоило Надежду.

Жаркая, всепоглощающая работа — о ней мечтал Игорь Мальгин, придя на Уралмаш. Только работа, захватывающая целиком, без остатка, могла хоть немного приглушить боль, тревогу, тоску по Гале, по родным «тридцатьчетверкам», по заводу, куда обещали его вернуть, едва начнется на новом месте выпуск танков...

И он получил ее, эту работу. Предложение Игоря совместить должности производственного и контрольного мастера на сборке бронекорпусов вернувшийся в цех Федоров приветствовал и узаконил приказом. А вскоре примеру Мальгина последовали еще три мастера.

Последние дни Игорь почти не уходил из цеха. Время было расписано по минутам, кажется, вздохнуть некогда, и все равно порой наваливалась такая тоска — хоть волком вой. Вставала перед глазами Галя, тоненькая, светлая, и чудилось: кричит ему что-то, зовет на помощь... Когда становилось совсем невмоготу, Игорь, подремав пару часов на жесткой койке в красном уголке, превращенном в общежитие, шел к Василию Декабреву.

В общем-то они никогда особенно не дружили, хотя в тридцать третьем работали рядом на сборке, а потом неожиданно стали родственниками. Но, конечно, не родственные чувства влекли сейчас Игоря к Декабреву. Притягивала железная воля этого человека, рядом с которым стыдно становилось собственной, пусть минутной, слабости. Вот и сегодня, выкроив полчаса между сменами, Мальгин наведался на расточный участок.

Ночь. Последняя, как перед боем. Только что краном отправили на завершающую сборку обработанный за двенадцать часов корпус. Завтра за такое же время станочники должны сделать три корпуса и дальше работать в том же темпе, иначе все расчеты на выпуск в октябре ста сорока броиекорпусов вылетят в трубу и новое задание Государственного Комитета Обороны будет сорвано.

Стенд и большой расточный станок придвинуты друг к другу — это теперь их постоянное место на все время, пока завод будет занят танковой программой. А два других станка, для сверления и фрезерной одирки, бу-

дут к началу смены перенесены краном и крепиться в пазах плит основного станка. Как будто просто, когда все продумано, рассчитано, сделано, но все равно нет полной уверенности, пока не опробовано в деле...

Игорь с Василием поднялись в комнату технолога.

— Ляг поспи,— уговаривал Мальгин.— Завтра же у тебя такой денек!

— Погоди, дай малость отдышаться...— Декабрев подошел к столу, где поверх чертежей лежал «Уральский рабочий» с последней сводкой Совинформбюро.— Читал?

Игорь кивнул.

— Уже к Можайску прорвались...— Невесомая, прозрачная, с длинными, тонкими пальцами рука Василия рывком отбросила газету.— Когда же их остановят?

— Когда дадим танки...

— Вот-вот! А мне говорят — в больницу. Да я там дня не усижу...— Василий закашлялся, отвернулся, чтобы не обрызгать Игоря чахоточной пылью; он ненавидел себя в эти минуты, кажется, не меньше, чем тех, кто тянул к горлу Москвы когти броневых клиньев.

Прокашлявшись, выпив лекарство, Василий прилег на койку. Игорь сел рядом. Глядя в восковое, изможденное лицо Декабрева, он видел его бойцом, окруженным со всех сторон, стрелком, которому остаются минуты жизни, и каждый выстрел его должен быть снайперски точен, потому что боеприпасы на исходе. «Не страшится смерти?...» — спрашивал себя Игорь. Он думал о том, что на фронте идут на врага с надеждой перехитрить, осилить, выжить, а у Василия Декабрева уже нет надежды остаться живым, он может только отсрочить неизбежный конец. Может, но не хочет отсрочек ценой пассивного ожидания. Он знает, что сгорает, но не тушит внутри себя огня, а распаляет его все больше неистовой, яростной самоотдачей...

Василий неожиданно улыбнулся мягкой, светлой улыбкой. Сказал, что, конечно, малость волнуется, как пойдет обработка корпусов, но, в общем, для него это уже прошедшее. Поднялся, достал из шкафа папку, вынул эскизы, наброски, показал Игорю.

— Это будет настоящий танковый конвейер. Мы создадим его на Уралмаше — не сразу, не быстро, но создадим! Зайди завтра вечером, надо обдумать с тобой один варнаит.

Но завтрашний вечер уже был без Декабрева.

К концу двенадцатичасовой вахты, когда Надежда подцепила тросами своего крана и начала поднимать со стенда третий из обработанных за день корпусов, она увидела, как он, ее Вася, внезапно покачнувшись, рухнул на каменный пол...

А в эти минуты на соседнем пролете Игорь и Колтун сдавали военпреду два готовых к отправке броневых корпуса.

ПРИКАЗ НАРКОМА

Бригада расточников под начальством мастера Попова М. Ф. 20 сентября расточила корпус за 5 часов 30 минут вместо установленной нормы 18 часов. Опрокинув установленные нормы выработки, мастер и его бригада показали образцы стахановской работы.

Отмечая отличную работу мастера Попова и расточников Борцова и Коняхина, приказываю:

1. Премировать мастера Попова М. Ф. месячным окладом и наградить значком «Отличник социалистического соревнования наркомата».

2. Наградить расточников Борцова и Коняхина значком «Отличник социалистического соревнования наркомата» и премировать в размере месячной тарифной ставки каждого.

Нарком В. МАЛЫШЕВ.

Листовка-«молния» № 2 газеты «За тяжелое машиностроение».

ОРГАНИЗУЕМ ФРОНТОВЫЕ БРИГАДЫ

Сознавая серьезную опасность, которая нависла над нашей великой Москвой, мы объявляем наш комсомольско-молодежный участок фронтовым.

Бойцы фронтового участка дают священную клятву красным воинам — все задания выполнять с максимальной быстротой и четкостью, давать на расточных станках по 3—4 нормы.

С сегодняшнего дня считаем себя рабочими-фронтовиками, которые обязуются, не щадя своих сил, не считаясь с усталостью и временем, выполнять любое задание для Красной Армии.

Мы вносим предложение создать в каждом цехе нашего завода фронтовые молодежные бригады, которые бы своим героическим трудом, железной дисциплиной увлекали коллектив на новые подвиги. Будем своим трудом беспощадно громить фашистских гадов.

Мастер участка комсомолец ПОПОВ. Расточники ШУКШИН, БОРЦОВ, КОНЯХИН, АНДРЕЕВ, ГАЙДАМАК.

Листовка-«молния» № 10 газеты «За тяжелое машиностроение», 27 октября 1941 года.

ПЛАМЯ

Четвертые сутки длилась вахта фронтовой бригады сварщиц Уралмаша. 20 часов работы — 4 часа отдыха. На вторые сутки Настя Коровкина заболела, но продолжала работать с температурой 39,2, пока мастер не увидел, что ее знобит, кидает из холода в жар, и не отослал домой. А она... через несколько часов вернулась. В руках было письмо. Настя знала, как мучается от неизвестности о трехлетнем сыне и престарелых родителях бригадир Паша Павлова.

Паша схватила письмо. Брат сообщал, что родная деревня сожжена немцами: где сейчас Валерик, где отец и мать, он не знает.

Паша пошатнулась. Подруги подхватили ее, попытались увести с участка, а она отстранила их, закрепила в державку новый электрод и присела на корточки над недоконченным швом...

В бригаде шестеро — две уралки, четверо ленинградок. Паша заботится о каждой. Только что она сваривала стык корпуса и вот уже помогает Полуэктовой приваривать подкрылки. Лишь на секунду-другую отрывается, чтобы взглянуть, как идут дела у лучшей из мужских бригад. Трудно женской шестерке угнаться за семеркой молодых парней. Но нередко и такое бывает: Паша с подругами выходят победителями.

Работница, 1943, № 3, с. 10.

КАК НА ФРОНТЕ

Подобно бойцам и командирам, при любой опасности не оставляющим боевых позиций, коммунисты Уралмаша не оставляли цехов, пока полностью не выполнялись фронтовые задания. Отдыхали урывками в красных уголках, конторках мастеров. Вслед за коммунистами и комсомольцами на казарменное положение перешли многие беспартийные рабочие и специалисты.

Коммунист инженер В. И. Бологов, больной туберкулезом, в холодные осенние дни сорок первого года сутками не уходил с участка, где обрабатывались ведущие детали. Здоровье было надломлено, и коварная болезнь свела его в могилу.

Трудовой героизм множился. В короткий срок удалось завершить перестройку производства на важнейших участках. К концу 1941 года мы уже рапортовали партии и правительству о выполнении задания по всем видам боевой техники. В марте 1942 года было получено указание правительства об освоении производства корпусов для танка Т-34, параллельно с уже налаженным выпуском корпусов танка КВ. Эта нелегкая задача была решена за 45 суток. В первомайские дни 1942 года первый эшелон с новыми бронекорпусами уходил с завода.

Летом 1942 года на фронте развернулись тяжелые бои. Немецкие полчища рвались к Кавказу и Волге. В эти дни коллектив Уралмаша обратился в правительство с просьбой разрешить заводу организовать производство танков Т-34. Просьба была удовлетворена. И уралмашевцы оправдали доверие Родины: уже в сентябре, на месяц раньше срока, первые танки из цехов завода ушли на фронт.

САМОЙЛОВ С., профессор Уральского политехнического института. Во время войны — главный технолог, главный инженер Уралмашзавода.

Подвиг трудового Урала. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1965, с. 34—36.

ПЕРЕМЕНЫ

1

Казалось, Земля сорвалась со своей орбиты и континенты столкнулись лбами.

Запад России, Украина, Белоруссия, Прибалтика тронулись таким количеством эшелонов, что, если можно было бы вытянуть их в цепь, они, наверное, опоясали бы земной шар по экватору. За три месяца в полутора миллионах вагонов эвакуировали в глубинные районы страны почти тысячу четыреста предприятий и с ними более десяти миллионов человек. Навстречу им мчались на фронт воинские эшелоны с Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии и Поволжья. Ни одного перегона не оставалось свободным ни в азиатской, ни в европейской части страны.

Как ни пытались уполномоченные Государственного Комитета Обороны создать эшелонам танкового завода «зеленую улицу» — не получалось. По дорогам Украины «хейнкели» рвали на куски полотно железной дороги, бомбили станции, преследовали эшелоны. И все же на Урал прибыли около пяти с половиной тысяч квалифицированных танкостроителей и их семьи, 2720 единиц оборудования, 110 вагонов деталей и заготовок.

На Урале южане хлебнули горя, устанавливая станки, вгрызаясь в скалистый грунт, чтобы до больших морозов построить землянки, бараки.

Завод, куда пришли эшелоны южан, выпотрошило за лето и осень. Из просторных корпусов выдуло и лю-

дей, н тепло. Оборудованне главного конвейера сборкн и части механическнх цехов троиулось в глубь Средней Азин, оставляя воздвнгиутые корпуса для таикового, тянувшегося с другого коица страны и еще на три четвертн иаходившегося на колесах. И стоялн, как в фантастическом сие, цеха, дожидаясь, когда опять вдохиут в ннх жизнь. И оставались в иеведении заводчаие: прнзовут ли их завтра в армню, куда уже ушли тысячн нх товарищей, прикажут ли с семьями двигать в Среднюю Азию, оставят ли здесь, иа развертывающемся таиковом?

Когда рабочие-уральцы вместе с эвакуированиымн снимали с платформ ящики с оборудованием, кострамн оттанвали землю, чтобы ставить фуидаменты под прибывшне станки н моитировать нх, когда выиимали из ящиков детали высокой точности и услышалн, что таких, ие похожих друг иа друга, деталей наберется до двух с половииой тысяч иа таик, миогих оторопь взяла. На привычиые им машииы нужно раз в десять меиьше деталей и узлов, к тому же не требующнх сложной обработки,— и то нх осваивалн больше двух лет. Так сколько же времеин иужио, чтобы освоить тысячи танковых деталей? Да и броиевого лнста нет для корпусов и башен, н с моторами худо. Днзельиый завод, который иакануие войны отделился от таикового, эвакунрован в Челябинск, но скоро лн ои прибудет туда, когда развернет производство и пришлет моторы — неизвестно. И таиковые пушки с волжского завода ие поступают...

Увереиность вдохнул в людей нарком Малышев, только что прилетевший нз Магиитогорска. Ои привез ободряющие вести: магиитогорцы выпускают уже свыше тридцати марок качествеиных сталей: их блюмннг увеличил выпуск броневого листа по сравиеиию с августом в трн раза.

Малышев выступил на партнйио-хозяйствеииом активе в старом клубе строителей. И тесное, плохо освещеииое помещеине как бы раздвннулось — люди словио увиделн, как магнитогорская броия пришла иа Уралмаш, как там собнрают из иее корпуса н башии для танков. Нарком говорил, что построенная за два месяца иовая мартеиовская печь местиого металлургнческого завода уверенио варит броневую сталь, что прнбывший из Лениирада стан уже начал прокатывать броиевые листы. Но разве может одиа печь насытить могу-

чий броневой стан? И пока стан не получит достаточно металла, пока здесь, на транспортном, не переведут малые мартены на плавки специальных сталей, до тех пор магнитогорцы будут присылать броневой лист, Уралмаш и молодой турбомоторный завод в Свердловске обеспечат танкостроителей и пушками, и дизельными моторами для боевых машин.

Нарком вглядывался в полутьму зала, стараясь уловить, как люди воспринимают его слова.

— Весь Урал идет вам на помощь, чтобы здесь, на вашем заводе, появились первые уральские «тридцатьчетверки», а за ними с конвейера сошли тысячи и подкрепили фронт своею силой.

2

30 сентября 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана, прорвав фронт южнее Брянска, устремилась сотнями танков на северо-восток и 3 октября овладела Орлом.

Угроза нависла над Мценском и Тулой.

Стремительное движение в оперативную глубину русских, быстрый захват Орла возродили в душе Гейнца Гудериана восхищение самим собой, своим талантом стратега, в голове которого и возникла, подхваченная высшим командованием, идея обхода Москвы с юга.

Вошедшая в Орел 4-я танковая дивизия, любимица Гудериана, участница всех его походов, торжественно встречала его в захваченном городе. С командиром дивизии бароном фон Лангерманом поднялся Гудериан на Т-3, стоявший на взгорке посреди плаца. Окинул улыбающимися глазами строй танкистов, поблагодарил за взятие Орла.

— Вчера началось еще одно крупное наступлеиие. Наши боевые соседи, ударные армии «Центра», пронзили оборону русских,— сказал Гудериан сочным голосом.— Третья и четвертая танковые группы берут в клещи Вяземскую группировку врага. Близок день падения большевистской столицы. Кто войдет в нее первым — вы, орлы мои, или солдаты Гёппнера?— Он умышленно назвал имя своего давнего соперника, командующего 4-й танковой группой.

— Орлы возьмут Москву — не курицы!— гаркнули на правом фланге.

— Слава нашему боевому старику!

— Слава быстроходному Гейнцу! — подхватил весь плац.

Волна восторга охватила Гудериана. Такое он испытывал лишь раз в жизни, когда, разгромив английские и французские войска, его танки вышли к Ла-Маншу.

И все же восторженное самолюбование не лишило Гудериана трезвости. Как бы ни были велики успехи его танкистов, он, пытаясь заглянуть вперед и ставя себя на место противника, не исключал возможности появления на открытых флангах его дивизий мобильных частей Красной Армии. Правда, сейчас, после охвата армиями «Центра» Вяземской группировки, опасения его уменьшились. Танковых подразделений, которых и раньше было мало у русских, теперь и вовсе, наверное, не осталось. Если даже большевистская Ставка и решится перебросить с других, дальних фронтов часть войск, чтобы заткнуть пробитую его танками брешь, то пока они достигнут намеченных рубежей, он уже выйдет на штурм Москвы.

Однако, отправляясь подтянуть отставшие тылы с горючим и боеприпасами, Гудериан приказал генералу барону фон Лангерману вести неослабную круговую танковую разведку, особенно в направлении Мценска и Тулы.

3

В те дни, когда гудериановские танки мчались к Орлу, генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко был назначен командиром первого стрелкового корпуса, который имел пока только название — ни штаба, ни частей у него не было.

2 октября Ставка выделила в распоряжение Лелюшенко из резерва Главного Командования мотоциклетный полк со 150 мотоциклами и единственным танком Т-34 да еще отряд командиров и курсантов Тульского артиллерийского училища с несколькими пушками. Полагавшиеся корпусу по штату две стрелковые дивизии должны были прибыть с Ленинградского фронта; две танковые бригады заканчивали формирование — одна из них на Дону. Что касается штатных кавалерийских дивизий и двух артполков, то даже их местопребывание комкору пока не сообщили.

Зато приказ Ставки объявили немедленно: остановить Гудериана. Дальше Мценска не пускать!

Со штабом, укомплектованным лишь утром 2 октября, Лелюшенко выехал в Тулу, а оттуда — в район Мценска, где мотоциклетный полк и отряд артучилища сразу же начали активную разведку.

Первое боевое донесение прислал командир мотоциклетного полка. Днем 3 октября одна из его разведгрупп обнаружила движущиеся по шоссе Орел — Мценск пять танков, несколько бронетранспортеров и мотоциклов. Танки шли почти без интервалов, немцы, видимо, были уверены, что противника в этом районе не встретят. Командир «тридцатьчетверки» занял позицию на южной опушке рощи, тянувшейся параллельно шоссе, и, пропустив шедшие впереди колонны мотоциклы поближе к засаде пулеметчиков, открыл огонь. Первые же снаряды угодили в цель: два танка и бронетранспортер загорелись. Тем временем пулеметчики обстреляли застигнутых врасплох автоматчиков на мотоциклах. После короткого боя враг повернул назад, в сторону Орла.

Возможно, потери в этом неожиданном бою, а возможно, и что-то другое принудило Гудериана почти на сутки отложить движение 4-й танковой дивизии на Мценск. Эта задержка значительно облегчила положение Лелюшенко. Как раз в ту ночь на станцию Мценск прибыл первый эшелон 4-й танковой бригады. Его сопровождал народный комиссар танковой промышленности Вячеслав Александрович Малышев.

С радостью увидел Лелюшенко так кстати подоспевшие шестнадцать танков Т-34 и КВ и возле них танкового наркома.

...Они познакомились пять недель назад, когда Лелюшенко, после ранения и лечения в госпитале, назначили заместителем начальника Главного бронетанкового управления Красной Армии. Малышев расспрашивал генерала, как показали себя новые танки в боях, а он, ветеран гражданской войны, один из первых советских танкистов, рассказывал о преимуществах «тридцатьчетверки» перед Т-3 и Т-4. «Беда только: наших — единицы, а их — тучи».— «А БТ, Т-26?» — продолжал допытываться Малышев. «Эти явно устарели»,— отвечал Лелюшенко.

Встречи с Малышевым открыли генералу много-

гранность натуры наркома, не чуравшегося черновой работы, кажущейся кое-кому несолидной для его высокого ранга. Узнает о проходящей через Москву на фронт танковой части — и при всей своей занятости постарается встретиться с командирами, солдатами, а нередко и сопроводит эшелон до места назначения.

Жажда действия кипела в Малышеве. На неделю-другую вылетит на Урал, в Сибирь, побудет на разворачивающихся эвакуированных заводах, на восточных гигантах машиностроения, перестраивающихся на выпуск танков, поможет устранить узкие места, разрешить возникшие проблемы — и снова в Москву, к скопившимся делам. А через несколько дней — опять заводы, эшелоны, танки...

Так было и в эти октябрьские дни: на Сталинградском тракторном Малышев подключил к выпуску Т-34 все цеха, отвез в формирующуюся на Дону бригаду Катукова недостающие ей по штату машины и вместе с ней помчался к Мценску. Он знал — у Лелюшенко всего 150 мотоциклов и одна «тридцатьчетверка», а группа Гудериана насчитывает несколько дивизий и в каждой, при всех потерях, остается не менее 100—150 танков на боевом ходу. Успеет ли он доставить эти шестнадцать танков, до того как Гудериан навалится на формирующийся корпус Лелюшенко?..

Мысли эти заставляли Малышева подстегивать бег эшелона, принимать самые жесткие меры, чтобы только не опоздать.

И он не опоздал. Еще не все машины сошли с платформ, а Лелюшенко уже отдал приказ: двум группам на танках Т-34 и КВ боем разведать в самом Орле силы противника.

Шли в обход дорог и селений — лесами, полями, оврагами. Незаметно приблизившись к окраинам Орла, оставили в засаде четыре тщательно замаскированных КВ. Их задача была — не пропустить новые немецкие части в город, не дать им закрыть выходы из него семи «тридцатьчетверкам» под командованием капитана Гусева, которые получили приказ ворваться в Орел и атаковать его гарнизон.

Разделившись на две группы, танки Гусева с двух сторон ворвались в ночной город, открыв стрельбу из пушек и пулеметов. КВ из засад добавили огня по согласованным секторам. Одновременные разрывы сна-

рядов в противоположных точках города, нарастающий моторный гул, возникшие пожары вызвали у врага панику. Гитлеровцы метались вокруг своих горящих машин, вели беспорядочный огонь, многие попадали под гусеницы наших танков. А те шквалом прошли из конца в конец ночного, освещаемого пожарами Орла, оставляя за собой раздавленные, сожженные танки, орудия, грузовики.

Три часа вели «тридцатьчетверки» бой с врагом, во много раз превосходящим по силе неполную роту Гусева. Потери немцев были велики, хотя с точностью их никто, конечно, не подсчитывал — у наших танкистов была задача поважнее: уйти так же внезапно, как и появились.

Соединившись с КВ, «тридцатьчетверки» Гусева устремились в обратный путь — к Мценску. Промчавшись километров двадцать, они натолкнулись на пять немецких бронетранспортеров и с ходу атаковали врага. Четыре машины были сожжены, а экипаж пятой сдался. Среди пленных оказался штабной офицер и при нем карта, подтверждающая, что гудериановская группировка нацеливается на Тулу и Москву. Пленного с картой срочно отправили в Генеральный штаб, а вскоре оттуда по прямому проводу поблагодарили танкистов — сведения оказались для Генштаба весьма ценными.

Внезапный ночной налет русских встревожил и озадачил Гудериана. Он обязан был, но не решился сразу донести штабу фронта о появлении в Орле русских танков. Решил донести об этом позже, когда возьмет Мценск — после победной реляции не так будут колоть глаза начальству две-три строчки о потерях 4-й танковой дивизии в Орле...

Перед тем как бросить эту дивизию на Мценск, Гудериан попросил у командования авиационной поддержки.

«Юнкерсы» начали наносить массированные удары по Мценску вечером 5 октября. Загорелись жилые и станционные здания. Под бомбежку попал эшелон 6-й стрелковой дивизии, только что прибывшей с Ленинградского фронта. Но и под бомбами солдаты и командиры сумели быстро выгрузиться и освободить пути появившемуся второму эшелону 4-й танковой бригады во главе с полковником Катуковым.

Малышев в это время еще находился в корпусе Ле-

люшенко. Он считал себя обязанным увидеть КВ и Т-34 в сражениях, до конца разобраться в преимуществах и уязвимых местах каждого, сравнить их, попытаться заглянуть в их завтра — смогут ли эти машины побеждать не только Т-3 и Т-4, но и будущие более совершенные танки, над которыми (он был в этом уверен, хотя точных данных не имел) работают конструкторы Германии... Фронт ждал от него, наркома танковой промышленности, не сотни, а тысячи танков, и давать столько машин могли лишь заводы с поточным производством — конвейерной сборкой. Массовое производство не может быть раздвоенным. Все острее ощущалась необходимость концентрации усилий на выпуске какого-то одного, основного, типа танка, который стал бы главной боевой машиной Красной Армии. Ей — предпочтение, ее — на массовый поток и, по возможности, на всех танковых заводах!..

В недавнем прошлом конструктор, Малышев сумел бы простым сравнением тактико-технических данных отдать предпочтение «тридцатьчетверке». Вооруженная такой же длинноствольной 76-миллиметровой пушкой, что и КВ, имеющая тот же дизель-мотор В-2, уступающая лишь в толщине противоснарядной брони, она была почти вдвое легче КВ — 26 против 47 тонн. Эта легкость давала «тридцатьчетверке» преимущество в скорости и маневренности — важнейших достоинствах танка в современном бою. Но это еще не исчерпывало всех «за» и «против»... И, обсуждая их в своем наркомате с военными специалистами, Малышев все еще не решался внести в ГКО уже всесторонне обдуманное предложение, чтобы кроме уральского завода, головного предприятия по выпуску Т-34, кроме Сталинградского тракторного и «Красного Сормова», уже подключенных к их производству, «тридцатьчетверку» начали выпускать и танковые цеха Уралмаша, и Кировский завод, слившийся с Челябинским тракторным. Требовалась объективная безошибочная проверка в боевой обстановке. Только фронт мог вынести окончательный приговор: «Ты способен биться до окончательной победы, а тебе — не выжить...»

Здесь, под Мценском, Малышев в полной мере увидел и оценил достоинства Т-34 и недостатки КВ.

В конце первой недели октября зачастили дожди. Ночами были заморозки, падал снег. По утрам он таял,

и грунтовые дорогн, тем более поля, превращалнсь в тряснну.

Уныло становнлось иа душе Гудериана. Попытка с ходу прорваться к Мценску по шоссе провалилась. С рассвета шоссе оседлалн КВ. Немецкая артнллерня н танкн с расстояння трнста и даже двестн метров не в снлах былн пробнть броню этнх гнгантов. Всего трн КВ двнгалнсь по шоссе, но онн метко поражалн машины Гудернана, принуждалн нх свертывать на обочнны, искать обходы. А там иемецкне танкн попадалн под огонь артнллернн, занявшей познцнн на скатах холмов, н «трндцатьчетверок», выскакнвавшнх нз-за пригорков. Танкн Гудернаиа увязали на полях, словно в болоте, советскне же машнны как нн в чем ие бывало маневрнровали на своих шнроких гусенницах.

Но КВ ие удержалнсь на шоссе. Налетевшне «Юнкерсы» покалечнли головиую машнну, две другие стали отходнть, свернулн на поле. Раскисшая земля стала засасывать 47-тоиные крепостн. Еслн б не огонь «трндцатьчетверок» н днвнзнонных орудий, не уцелеть бы неподвижным тяжеловесам.

Через час после боя, на внду у Малышева, тракторные тягачи, захвачениые у немцев, вытаскнвалн КВ нз тряснны. К одной нз вызволенных машнн подошел иарком. Экнпаж скребкамн н лопатамн сднрал с гусеииц н передка липкие иаросты грязн. Назвав себя, Малышев спроснл у лейтенанта, давно лн он командует КВ, случалось лн подобиое с машнной н прежде.

— Воевал на ней иа Карельском перешейке, там морозы трещали. И здесь, пока земля твердая, мы королн. А вот в дождь...

Больно было танкнсту, что в неиастье его могучая машнна оказывается немощной.

«Не так лн больно н конструкторам, создавшнм КВ?— думал Малышев.— Навериое, н онн вндят, чувствуют слабость танка в осеннnх боях, но не просто оторвать от сердца свое детнще...»

Тут, на фронте, выкристаллнзовалось решеине: КВ нуждается в существенных улучшениях. Заннмаясь его модерннзацней, челябннскнй н другне заводы должны наладнть пронзводство «трндцатьчетверок».

Однмм нз решающнх доводов в пользу машнны Кошкнна стал победоносный бой танкнстов брнгады полковиика Катукова 6 октября 1941 года.

РОЖДЕНИЕ ТАНКОВОЙ ГВАРДИИ

К полудню неприятель открыл сильный артиллерийский огонь по нашему переднему краю, а спустя полчаса начали наступление до полусотни танков с пехотой. За ними двигалась вторая волна — около сорока машин. Наши штурмовики расстреливали и бомбили их. Приказываю двум артиллерийским дивизионам открыть подвижной заградительный огонь. 7 немецких танков подорвались на минах, 14 горят, подбитые нашей авиацией и артиллерией.

Теперь мы уже невооруженным глазом видим, как примерно 50 танков вклиниваются в оборону корпуса. На них прямой наводкой обрушивают огонь наши орудия и танки. Несмотря на потери, гитлеровцы продолжают продвигаться.

С НП видно, как танк Т-34 лейтенанта Кукарина, который одновременно с другими вышел из леса, вскоре вырвался вперед. Заметив стремительно приближающуюся машину, немецкие танки сосредоточили по ней огонь. Кукарин вдруг остановился и стал стрелять с места. В считанные минуты он подбил пять танков противника. Позже мы узнали, что, когда наводчик Любушкин вел огонь, вражеский снаряд повредил рычаги управления, и двигаться вперед стало невозможно. Раненый механик-водитель Федотов с трудом включил задний ход, и танк, отстреливаясь, стал пятиться к лесу.

Кукарин и Любушкин вынесли раненых товарищей из машины, а сами продолжали бой и подбили еще четыре вражеских танка.

Вторая половина дня оказалась еще более тяжелой. Противник продолжал наступать, хотя потерял более 30 танков и до полка пехоты. Казалось, враг вот-вот окончательно прорвет оборону, обойдет рубеж у Мценска и двинется на Тулу, а чего доброго — и на Москву. Положение становилось критическим.

Но на войне случаются всякие неожиданности. В самый тяжелый момент в тылу наступающих немецких танков внезапно появились наши «тридцатьчетверки» и стали в упор расстреливать фашистские машины. В боевых порядках врага началось смятение.

Выручил нас... Александр Бурда. Он со своей боевой ротой вышел все-таки из вражеского тыла (мы считали, что его разведгруппа погибла), повел машины прямо на гул сражения и дерзко ударил по боевым порядкам и штабу 4-й немецкой танковой дивизии.

Атака подразделения Бурды была ошеломляющей. Фашисты, по-видимому, решили, что их окружают, и стали отступать. Воспользовавшись этим, части корпуса перешли в контратаку.

Мы уничтожили до 50 танков, 35 орудий, много живой силы неприятеля и отбросили его на исходные позиции.

А ведь танков у противника на этом участке было в 20 раз больше, чем у нас!

За отважные действия 4-я танковая бригада получила звание 1-й гвардейской. Это явилось началом рождения танковой гвардии.

ЛЕЛЮШЕНКО Д., генерал армии, дважды Герой Советского Союза.

Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М.: Наука, 1970, с. 40—42, 47.

ЗАПИСКИ ГУДЕРИАНА

6 октября южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить.

8 октября мне доложили, что отмечено усиление противника, действующего против 4-й танковой дивизии, и установлено прибытие еще одной пехотной дивизии и танковой бригады.

Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике. Наши противотанковые средства успешно действуют против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях: Т-4 со своей короткоствольной 75-мм пушкой может уничтожить танк Т-34 только с тыльной стороны, поражая его мотор через жалюзи. Для этого требуется большое искусство. Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Я отправился в 4-ю танковую дивизию. Ее командир барон фон Лангерман на поле боя показал мне результаты боев 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи. Подбитые с обеих сторон танки еще оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь. Впервые со времени начала этой напряженной кампании у офицеров был усталый вид, причем чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение.

В районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска, северо-восточнее Орла, развернулись ожесточенные бои, в которые втянулась 4-я танковая дивизия. В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех. Об этой новой для нас обстановке я написал в своем докладе командованию группы армий, обрисовал преимущество танка Т-34,

указав на необходимость изменения конструкции наших танков.

В ноябре 1941 г. видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34. Предложения офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, для выправления в наикратчайший срок чрезвычайно неблагоприятного положения германских бронетанковых сил, не встретили у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного мотора. Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось отсутствием необходимого сырья, также уступала легированной стали русских.

ГУДЕРИАН Г.
Воспоминания солдата, с. 220—228, 268.

ИХ РАСЧЕТЫ ПРОВАЛИЛИСЬ

Особое внимание уделялось в Германии производству танков и штурмовых орудий, самолетов, автоматического оружия, необходимых для сухопутных войск на Восточном фронте. Танков и штурмовых орудий было в 1941 году выпущено 3806 вместо 1643 в 1940 году.

3 октября 1941 года Гитлер заявил: «Мы так обеспечили все заранее, что я в самой разгар этой битвы могу приостановить дальнейшее производство вооружения в крупных отраслях промышленности, ибо знаю, что сейчас не существует противника, которого мы не могли бы сокрушить с помощью имеющегося запаса вооружения».

Подобного рода заявления Гитлера послужили поводом для необоснованного утверждения некоторыми буржуазными экономистами и генералами, что главной причиной провала блицкрига против СССР явились якобы «упущенные возможности» в развитии германской военной экономики. Однако факты свидетельствуют, что Германия не сокращала и не прекращала производство вооружения в ходе войны против Советского Союза. Напротив, во 2-й половине 1941 года наблюдался рост выпуска важных видов боевой техники, особенно танков.

К концу 1941 года военная промышленность Германии оказалась не в состоянии восполнить урон вермахта в вооружении и боевой технике, понесенный на советско-германском фронте. С июня по декабрь 1941 года потери в танках и штурмовых орудиях составили 2851 единицу, а произведено их было 2487.

История второй мировой войны, т. 4, с. 417—421.

НАЗОВЕМ ИМЕНА

Все годы Великой Отечественной войны танк Т-34 был основной машиной танковых частей Красной Армии.

Воюющие страны за время войны, как правило, значительно обновили свое танковое вооружение. Немецкая армия, например, принуждена была даже полностью перевооружиться и перейти на новые типы танков. Это немцам пришлось сделать потому, что в первых же боях их танки и противотанковая артиллерия оказались неспособными вести эффективную борьбу с нашими танками Т-34 и КВ. Танк Т-34 имел более мощную пушку, чем немецкие легкие и средние машины, и по своей бронестойкости являлся почти неуязвимым для немецкой танковой и противотанковой артиллерии. Одновременно танк Т-34 превосходил немецкие танки в подвижности и проходимости.

Назовем имена конструкторов танка Т-34, отдавших все свои знания и технический опыт на его создание, на увеличение могущества Красной Армии.

Основы конструкции танка Т-34 заложил и разработал Михаил Ильич Кошкин. Он организовал коллектив молодых конструкторов, постоянно учил их не бояться трудностей, которых бывает всегда немало при решении сложных задач. Этому замечательному конструктору мы в первую очередь обязаны появлением такого совершенно нового типа танка, каким является Т-34.

В борьбе за создание Т-34 ближайшими помощниками М. И. Кошкина были конструкторы Н. А. Кучеренко, М. И. Таршинов, А. А. Малоштанов, М. А. Набутовский, Я. И. Баран, В. Г. Матюхин, П. П. Васильев, Б. А. Черняк, А. Я. Митник, В. Я. Курасов, А. С. Бондаренко, В. К. Байдаков, А. И. Шпайклер, Г. П. Фоменко, М. Б. Шварцбург.

Опыт создания танка Т-34 показал, что советские инженеры способны решать самые сложные задачи.

МОРОЗОВ А. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии.

Трудовой подвиг советских танкостроителей. М.: Профиздат, 1946, с. 33, 36.

УРАЛЬСКАЯ «ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРКА»

В сборочном цехе бурлило людское море. Посередине застыл броневой остов танка, на который поднялись нарком Малышев, директор завода, парторг Центрального Комитета партии медник Захаров с красным знаменем.

Внизу, у передка танка, стоял одетый в меховую куртку, унты и танкошлем механик-испытатель Игорь Мальгин, прибывший по требованию наркома с Уралмаша. Трое суток, дни и ночи, испытывал он эту первую уральскую «тридцатьчетверку». Заводского танкодрома еще не успели оборудовать, и Игорь выискивал препятствия потяжелее узаконенных — ямы и овраги, лесные и каменные завалы,— гоняя по ним машину на всех скоростях, мыслимых и немыслимых.

В один из таких дней Александр Александрович Морозов нагнал Игоря на вездеходе у кромки оврага.

— Бесчинствуешь, Мальгин!— раскричался главный конструктор.— Искалечишь машину!

— Не даст она себя искалечить,— ответил Игорь.— Эта уралочка все одолеет. Испытания выдержала нельзя лучше. Докладываю об этом, Александр Александрович, с удовольствием.

Огромный цех вместил тысячи людей. В будки крановщиков и на уцелевшие от былого конвейера широкие колонны забрались мальчишки-сорвиголовы — не торчать же им, малорослым, в толчее, за спинами взрослых, в этот первый за пять месяцев войны праздничный на заводе день. Пусть матерый, под сорок градусов мороз, влетая в калитки вместе с запоздавшими, продирает сквозь дохлые фуфайки, ватные штаны и валенки, сводит пальцы рук и ног — ничего, от этого не помирают. Зато им с высоты прекрасно видна эта броневая уралочка, отправляющаяся на фронт. Им бы с ней! Да разве кто отпустит их, танкостроителей?..

Открыв митинг, парторг предоставил слово Малышеву. Тот руками в кожаных перчатках оперся о башню танка, взглянул на ребят под потолком, на людское море внизу, ожидающее речи наркома. Но ожидание затянулось. Малышеву будто что-то мешало разжать губы, произнести подходящие для долгожданного события слова.

Нетерпеливым мальчишкам на птичьей высоте странным показалось и молчание наркома, и то, что ему словно бы зябко в дубленом полушубке, в добротных бурках, армейской шапке-ушанке со звездочкой — разве бывает холодно в такой одежде?

А Малышеву было зябко не от мороза — от нахлынувших вдруг воспоминаний о совсем недавнем...

В середине ноября двинулись на Москву 13 танко-

вых, 7 моторизованных и 31 пехотная дивизия немцев. После жестоких боев в октябре в наших батальонах, а нередко и в полках оставалось по 3—5 танков. Жуков просил у Ставки хотя бы около двухсот танков, а Сталин вынужден был отказать — негде было взять такое количество машин.

С октября Ставка Верховного Главнокомандования учитывала каждую новую «тридцатьчетверку», решая, какому фронту направить сколько машин с единственного оставшегося неэвакуированным танкового цеха Сталинградского тракторного. А в конце ноября положение стало еще сложнее. Начальник Генштаба докладывал Государственному Комитету Обороны, что, хотя немецкие дивизии за десять дней боев потеряли не меньше половины своих танков, преимущество в броневых силах они все еще сохраняют.

На том заседании начальник Генштаба и Жуков, указывая на огромные потери врага и докладывая о прибытии к исходным рубежам свежих сибирских и уральских дивизий, высказали убеждение, что наступил выгодный момент для контрнаступления. Нужны только танки. Их очень мало у подошедших войск и еще меньше у частей фронта, обескровленных в последних боях. «В 30-й армии,— сообщил Жуков,— осталось всего двадцать танков, половина из них — устаревшие Т-26. Я прошу для фронта к началу контрнаступления двести танков».

Просьба и на этот раз была скромной — для наступления требовалось несравненно больше танков. Но и сейчас, как и в октябре, еще неоткуда было брать эти двести машин. «Скажите, Малышев, вплоть до дня скажите: когда наконец будут уральские танки?— голос Сталина наливался гневом:— Вы нарком, вы в ответе перед фронтом за танки!»

Так сурово еще не разговаривали с Малышевым на заседаниях ГКО. Он доложил, что после телеграммы руководству Уралмаша увеличенная на октябрь и ноябрь программа по бронекорпусам выполнена и Кировский завод в Челябинске, получив корпуса, начинает выпускать тяжелые танки согласно заданию ГКО.

Сталин остро ткнул трубкой в его сторону: «Об уральском танковом доложите, Малышев! Гигант объединивший лучшее, что было в танкостроении и науке Украины и что есть на Урале, еще не дал ни одного

танка. До каких пор?!» И, услышав, что через два дня начнутся испытания первой уральской «тридцатьчетверки», что 8 декабря ожидается отправка ее на фронт, через неделю еще девять машин, а к Новому году еще пятнадцати,— потребовал немедленно вылететь на завод и обеспечить сборку, испытания и отправку всех двадцати пяти машин в первой декаде декабря. «Передайте рабочим и инженерам завода: от уральских «тридцатьчетверок» зависит судьба Москвы, судьба наступления, которое мы готовим. Передайте: ГКО ждет от уральцев подвига!»

Эти две фразы Сталина Малышев произнес первыми на митинге в сборочном цехе.

— Полчаса назад,— звучал над людским морем голос наркома,— я сообщил товарищу Сталину, что первая уральская «тридцатьчетверка» отправляется сегодня на фронт, что завод приступил к сборке партии машин. Товарищ Сталин передал вам благодарность Красной Армии за самоотверженный труд и велел порадовать долгожданной вестью: началось контрнаступление под Москвой, фашистские армии под ударами наших войск отступают. Поздравляю вас с великим днем! Призываю поддержать героическое наступление Красной Армии небывалым трудовым штурмом!

От грома голосов, от бурной радости стекла зазвенели в окнах.

Мальчишка, растянувшийся на балке, забыв о высоте, ликующе захлопал рукавицами — и сорвался вниз. Охнули люди, подставили руки, подхватили легонького худенького парнишку. До того быстро все произошло, что и испугаться не успел паренек — только улыбался, когда рабочие стали его подбрасывать с криками «ура», словно именно он принес им великую весть.

На место отступившего от башни Малышева встал старый медник Василий Фомич Захаров. Сжав древко, он поставил знамя на спину башни, качнул его — и развернулось полотнище, и перед людьми возник Ленин.

— Дадим, товарищи, клятву!— обратился к танкостроителям Захаров.— Клятву народу, Красной Армии, партии нашей. Согласны?

— Сог-лас-ны!!!— в один голос одобрил митинг.

— Сердце свое, уменье свое рабочее, жизнь свою сполна отдать победе над лютым врагом — клянемся!

— Кля-нем-ся!!!

— По воле и долгу оставаться в цехах, пока не отправим на фронт и эти машины,— Захаров простер руку в сторону девяти монтирующихся танков,— и те пятнадцать, детали и узлы которых находятся в механических цехах,— клянемся!

— Кля-нем-ся!!!

— Давать с каждым днем, неделей и месяцем все больше и больше уральских танков, вместе с Красной Армией уничтожать фашистских захватчиков — клянемся!

— Кля-нем-ся!!!

«Тридцатьчетверка» двигалась мимо цехов по восторженному людскому коридору. Те, кто не мог отлучиться на митинг, оставить станки и сварочные аппараты, мартены и вагранки,— те выбегали сейчас хоть на минутку глянуть в лицо своему детищу. Многие до этого дня видели лишь детали и узлы, которые они отливали, растачивали, сваривали,— теперь перед ними был результат труда коллектива.

Всем хотелось прикоснуться к «тридцатьчетверке». Люди тянулись к бортам, к раскрытому люку водителя, улыбались Игорю, кричали ему что-то. Многоголосье сливалось с гулом мотора, со скрежетом гусениц. Но Игорь по горящим глазам, по просветленным лицам читал чувства товарищей, радовался за них и думал, что сейчас он имеет право уйти на фронт — он будет воевать! Он найдет Галину...

Когда раскрылись заводские ворота и Игорь вывел машину на площадь, со всех концов поселка потянулись к танку и стар и млад. Вот она, «тридцатьчетверка», в нее на покатых плечах, с могучей пушкой. И богатырский дед-мороз в танковом шлеме берет ребятишек из рук взрослых, ставит на плечи танка, чтобы в их памяти навсегда остался этот первый рабочий праздник на шестом месяце войны.

Тыл начал наступление. Оно слилось с великим наступлением Красной Армии под Москвой.

1972—1977 гг.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФАКТА

Подобно тому, как в годовых кольцах на сосновом распиле читаются перепады погоды минувших лет, в этапах жизни автора этой книги отложились важнейшие события послеоктябрьской истории нашей страны.

Только тринадцать лет было сыну житомирского рабочего Якову Резнику, когда нужда отправила его «в люди»: с этого возраста он начал работать в столярной мастерской. А на дворе был 1925 год; молодая республика, еще не успевшая набрать сил после стольких лет войны и экономического хаоса, переживала трудный период, но уже тронулись в глубинных корнях народной жизни весенние живительные соки, и время начало свой стремительный разбег. И потому всего лишь через пять лет — успев за этот срок и повариться в рабочем котле, и получить надежную идейную закалку в комсомоле, и почерпнуть знания в вечерней школе, и расширить кругозор на курсах комсомольских работников в Харькове, тогдашней столице Украины,— будущий писатель (почти совсем еще подростком, если судить по нынешним меркам) направляется на ответственнейший участок идеологической работы — становится журналистом. И в том же 1930 году его принимают в ряды ленинской партии.

Проходит еще пять лет. Страна — в пути: строятся Днепрогэс и Турксиб, Магнитка и Уралмаш, социалистические преобразования меняют лицо деревни. Молодой журналист Резник работает в комсомольской печати Украины, а потом едет на учебу в Москву. Закончив Всесоюзный Коммунистический институт журналистики, он получает назначение в Магнитогорск — редактором газеты металлургического комбината. А несколькими годами позже переезжает в Свердловск, чтобы возглавить газету Уралмашзавода. Сейчас, когда столько прожито и столько сделано, можно сказать, не боясь ошибиться: все литературное творчество писателя Якова Резника развивалось (да и все его последующие пути-дороги пролегли) в прямой зависимости от того счастливого обстоятельства, что самые продуктивные годы своей молодости — когда и чувства нетронуто свежи, и сил в избытке — он отдал сполна двум прославленным гигантам советской индустрии.

Впрочем, это сейчас они прославленные, а в ту пору толькотолько расправляли свои богатырские плечи, но, может быть, на всей советской земле не было другого места, где нарастающий ритм перемен ощущался бы так же остро.

На Уралмаше застало Резника известие о начале войны; здесь же он становится свидетелем и участником коллективного подвига уральцев, сумевших превратить глубокий тыл в передний край борьбы за нашу победу. А когда рабочие Урала двинули на фронт, навстречу решающим сражениям лета 1943 года, созданный их инициативой и трудом танковый корпус, то среди танкистов-добровольцев, строжайше отобранных из тысяч патриотов, осаждавших в те дни военкоматы, оказался и уралмашевский журналист Яков Резник. В составе героического соединения он прошел весь его боевой путь от Орла до Праги — со славой прошел, свидетельством тому ордена и медали на груди ветерана,— а после Победы еще много лет оставался в армии, редактором военных газет...

Поворот от журналистики к литературе произошел у Резника довольно поздно и едва ли не случайно. В освобожденной от захватчиков Праге журналистская фортуна подарила ему встречу с юной чешской патриоткой, которая в час смертельной опасности, нависшей над родным городом, бросила в эфир призыв отчаяния и надежды: «Русские братья, помогите Праге!» И всего лишь через пять недель на стол редактора легла рукопись повести «Здэна, девушка с пражских баррикад».

Читаю повесть сегодня, три с половиной десятилетия спустя, и отчетливо вижу все ее огрехи — скоропись торопливого пера, инерцию многолетнего газетного прошлого автора, его неискушенность в казалось бы простейших секретах писательского ремесла... А ведь захватывает! Захватывает радостью первооткрытия истин, теоретически вроде бы и известных заранее, но другое дело — увидеть их в реальном действии; захватывает оптимистической верой в исторически неизбежное торжество справедливости; захватывает ощущаемой между строк гордостью человека, сполна отдавшего свой долг людям. Годы, даже месяцы спустя рассказать о тех же событиях подобным образом было бы невозможно — повесть стала документом времени. Видимо, все это почувствовали работники пражского издательства «Свобода», которые, не тратя и дня на всякого рода редакторско-косметические процедуры, тут же издали ее немалыми тиражами на русском и чешском языках.

Писатель никогда потом не возвращался к своему первому детищу, не пытался дать ему вторую жизнь. Возможно, потому, что скоро сам разглядел ее очевидные слабости, а больше, вернее, по другой причине: вторая жизнь «Девушки с пражских баррикад» — в последующих повестях Якова Резника. В том смысле, что обозначенные в первой вещи совсем бегло, эскизно, черты его миропонимания стали пружинами новых сюжетов, разработанных, однако, с неизмеримо большей глубиной и тщательностью.

Вынесенная из цехов Магнитки и Уралмаша вера в силу духа рабочего человека и интернациональный опыт, приобретенный в освободительном походе по странам Восточной Европы, послужили базой для творческого исследования писателем история борьбы пражского антифашистского подполья — темы, открытой им для себя в «Здэне». Ведь, участвуя в освобождении чешской столицы, Резник столкнулся с поразительными фактами: с не затоптанным сапогами оккупантов чувством национального достоинства чехов, с невытравленным, несмотря на все ухищрения буржуазной пропаганды, доверием к братскому русскому народу, с героическим порывом тысяч и тысяч пражан пусть даже ценою жизни защитить свой старинный и прекрасный город, отстоять для будущего ценности национальной культуры. Чтобы дать этим фактам художественное, то есть историческое, социально-психологическое, нравственное объяснение, нужно было превратиться в историка, архивиста, даже следователя-криминалиста, ибо требовалось восстановить ход событий, не так еще давно тщательно скрываемых от посторонних глаз под угрозой смерти.

И Резник на долгие восемь лет уходит в работу: встречается с живыми свидетелями недавнего прошлого, отыскивает казалось бы навсегда утраченные документы, вещественные доказательства, тщательно изучает исторический, культурный, природный фон, на котором развертывалась полная драматизма борьба. Находки писателя — так сказать, побочный продукт его творческой работы — имели

немалую самостоятельную ценность: установленные им факты взяты на вооружение историками чешского Сопротивления, а вещественные материалы пополнили собрания музеев Праги. Крупнейшая из этих находок — документы, проливающие свет на последние месяцы и дни героической жизни Юлиуса Фучика. Этот замечательный чех и стал главным героем повести Резника «Рассвет над Влтавой», впервые увидевшей свет в 1953 году.

Примечательно, что многие страницы повести переносят нас то в цеха электромеханического завода «Колбен Данек», то на квартиру слесаря Крагулика, то в дом Антонина Щетки, где старый печатник оборудовал подпольную типографию. А среди действующих лиц наряду с Фучиком — упомянутые уже Крагулик и Щетка, и еще сталевар Ярослав Копта, и формовщик Франтишек Вонасек, и молодой рабочий Милош Новотны... В настойчивом повторении ясно различимого мотива легко вычитывается мысль большой мировоззренческой значимости: в час решающих испытаний, выпавших на долю чешского народа, не либеральные болтуны типа адвоката Люмира Новотного, а рабочий класс страны, его партия взяли на себя бремя исторической ответственности за судьбы нации.

Наверное, к этой мысли можно было прийти и умозрительно, зная хрестоматийные положения марксистской теории о роли рабочего класса в современной истории. Но в том-то, по-моему, и заключается обаяние книги Резника, что среди ее недостатков грех иллюстративности не значится. Жизнь, которую писатель стремится воссоздать, превосходит выдумки творческого воображения. Возьмите хотя бы эпизод с забастовкой на Колбенке — в его реальность отказывались поверить даже многие чехи, знавшие обстановку в оккупированной захватчиками столице. А ведь забастовка была на самом деле!

Автор «Рассвета над Влтавой» не «сочинял» своих героев, не выдумывал для них обстоятельств и судеб, а отыскивал все это в документах гестапо, тюремных архивах времен оккупации, в свидетельствах немногочисленных уцелевших очевидцев. При этом он не только для читателей, но и для себя самого открывал художественную силу факта, все тверже ощущая под ногами ту тропу, которой предстояло ему в дальнейшем идти в литературе.

Впрочем, документальная природа персонажей повести о пражском подполье автором никак не подчеркивается. Да ведь читателю не так уж и важно, существовал или не существовал герой литературного произведения на самом деле,— лишь бы его характер был достоверен, поведение убедительно, судьба поучительна. Поэтому и во всех своих последующих вещах, обращается ли писатель к судьбам исторических личностей или создает так называемые собирательные образы, он стремится к тому, чтоб доверие к его рассказу опиралось не на безусловный авторитет документа, а на логику характеров и обстоятельств.

По этой причине путь Резника от произведения к произведению — это путь не от факта к факту, как можно было бы предположить, зная ориентацию писателя на документ, а от темы к теме, от мысли к мысли.

Вот и тема следующей повести писателя наметилась уже в последних главах «Рассвета над Влтавой», где уральцы-танкисты спешат на помощь восставшей Праге. Командир роты Зарубин, механики-водители Юрий Белых и Александр Руднов появляются здесь, в сущности, лишь как эпизодические герои, однако без их

участия (и в произведении, и, главное, в самой жизни) исход воссозданных автором событий мог оказаться совсем иным... Запечатлев факт (а его внешние очертания можно рассмотреть еще в «Здэне»), писатель не раскрыл его социально-психологическую и нравственную суть: какая внутренняя сила заставила советских воинов, казалось бы, уже победно завершивших свой трудный путь в логове врага, вновь ринуться навстречу смертельной опасности? Ведь одного лишь воинского приказа недостаточно, чтобы подвигнуть людей на массовый подвиг...

На этот вопрос писатель отвечает уже в другой повести — «Доверие», над которой он работал в течение следующих пяти лет. Правда, герои в ней другие и действие происходит в послевоенные годы, но ведь генерал Жезлов, офицеры Донцов и Киреев, старшина Григорий Сочнев — как раз те воины минувших сражений, которые рвались на Берлин и Прагу, и отдавали жизни, и победили не только силою оружия, но и превосходством нравственной позиции. А подвиг Григория Сочнева и Василия Зарембы в захлестнутом контрреволюционным мятежом Будапеште — это, по смыслу, повторение героического эпизода, знакомого нам по предыдущей повести. Только на этот раз подвиг изображается не просто как факт действительно происшедших событий, а как закономерный итог значительного по своему нравственному, человеческому содержанию пути героя. Василий Заремба проходит этот путь на наших глазах, превращаясь из «трудного» новобранца в солдата-рабочего, плоть от плоти рабочего класса, знающего, зачем он живет, и не привыкшего перелагать бремя своей судьбы на чужие плечи.

Да, именно рабочая жилка оказалась стержнем солдатского характера, и это открытие предопределило направление дальнейшего поиска писателя.

В начале шестидесятых годов Яков Резник публикует две небольшие документальные повести: «Вторая жизнь Алексея Грязнова» — о магнитогорском сталеваре-новаторе, погибшем во время войны, и «Сказ о невыдуманном Левше» — о современном уральском умельце Александре Матвеевиче Сысолятине, создателе талантливых микроминиатюр и инструментов. Обе, как видим, о рабочем человеке, о том, как свободный труд в свободной стране формирует личность независимую и творческую, душевно щедрую, уверенную в себе, своих силах, вырабатывает чувство хозяина своей страны, своей судьбы. Здесь уже отчетливо проступают контуры того характера, который всецело завладел вниманием писателя в последующие годы.

Причем вовсе не обязательно, по Резнику, чтобы носитель такого характера был человеком «от станка». Он может быть и профессиональным революционером, и государственным деятелем, и ученым, и инженером. Но всегда, в любой ипостаси его отличает нерасторжимая связь с жизнью и делом рабочего класса.

Таков Серго Орджоникидзе в повести «Народный комиссар» (1965 г.). Еще никогда прежде писатель не отдавал своему герою столько искренней любви и душевного тепла, сколько отдал на этот раз. Не стану утверждать, что в его изображении нарком тяжелой промышленности воплощен во всей полноте своей многогранной личности и всесторонней деятельности. Скорее даже наоборот: автор в какой-то мере поступился полнотой изображения, но ради того, чтоб как можно ярче высветить в образе Серго самое, с точки зрения писателя, интересное и важное — рабочую, трудовую

суть его характера. На самом деле мы много раз видим, как встречается нарком с металлургами, машиностроителями, шахтерами — на заводе ли, в своем кабинете, у кого-то из них или у себя дома — все они для него самые родные, душевно близкие люди, а он для них не просто близок, он как бы фокусирует в себе их разум и опыт, их волю и стремления...

Таков и Яков Михайлович Юровский — революционер-ленинец, самоотверженный защитник завоеваний революции на Урале. Его образ Резник создал в повести «Чекист», впервые опубликованной в 1968 году. Эта вещь для писателя этапна: если раньше, опираясь на разнообразные дополнительные источники, он все-таки отталкивался от личных впечатлений (даже Серго ему доводилось видеть и слышать не раз), то теперь ему пришлось окунуться в давно прошедшую эпоху, пришлось, по его собственному признанию, «долго заниматься не столько делом писательским, сколько работой историка». Живой характер героя — человека азартного, рискового, изобретательного и в то же время мужественного, неколебимого в своих убеждениях — лучшее свидетельство плодотворности затраченных усилий.

Создав образ Юровского, писатель не только решил новую для себя творческую задачу, но и повернул интересующий его издавна социально-психологический тип «человека от рабочего класса» непроявленными ранее гранями — показал его неотделимость от самой истории пролетарской борьбы, его распространенность, раскрыл главную тенденцию его развития — от стихийности к сознательности, от постижения простых истин к высотам человеческой культуры.

После завершения «Чекиста» Резник на целых десять лет окунается в новую работу, лишь изредка напоминая о себе читателям публикацией небольших отрывков из новой вещи. Судя по ним, первоначальный замысел писателя был достаточно скромен: рассказать о создателе танка Т-34 Михаиле Ильиче Кошкине. И книгу предполагалось назвать «Главный конструктор». Однако верный своему принципу не выдумывать жизнь, а воссоздавать ее, досконально изучив во всех деталях и проявлениях, писатель за внешним слоем событий начинает все отчетливее различать их глубинную подоплеку, и уже другие лица выходят на передний план, а сам легендарный танк, давший повод к творческому поиску, начинает восприниматься как важная, но все же деталь оборонного арсенала страны. Так шаг за шагом оформился и был осуществлен самый значительный замысел писателя, так родилась книга «Сотворение брони», которая увидела свет в 1978 году и в дополненном виде вновь публикуется в этом однотомнике.

Это книга о войне, хотя начало ее действия отнесено к весне тридцать третьего года, а конец — к декабрю сорок первого.

Это книга о войне, хотя первые выстрелы в ней звучат, если не считать «испанской» главы, только в последних частях.

Это книга о войне, потому что с первой до последней страницы она посвящена художественному исследованию тех первопричин, которые принесли победу советскому народу. И оттого очень уместны и оправданы слова, которыми автор прощается с безвременно умершим героем: «Еще генштаб вермахта только начал разрабатывать варианты плана «Барбаросса», еще девять месяцев оставалось до нападения фашистов на нашу страну, а Михаил Ильич Кошкин уже пал за ее свободу, за ее победу — пал первым солдатом Великой Отечественной войны».

Многие писатели (и Резник в ряде прежних вещей) показывали столкновение советских воинов с врагом в открытом бою; не остались без внимания художников слова героические подвиги тружеников тыла; все чаще в последние годы исследуются нравственные истоки Победы. Автор же «Сотворения брони» поставил перед собой задачу особого рода — показать, как выковывалось оружие Победы, как рождался броневой щит, сумевший не только отразить, но и сокрушить гигантскую военную машину гитлеризма. Речь идет не о решении пусть и сложной, но все же технической задачи. Ведь ко времени появления в не столь уж большом отдалении от наших западных границ злобного и опасного врага, опирающегося на мощь стальных монополий Круппа и Тиссена, располагающего огромными промышленными ресурсами и инженерным опытом, наша страна едва лишь начала перешагивать дореволюционный уровень промышленного производства — а высок ли был тот уровень... Чтоб отстоять завоевания революции, следовало в самые сжатые сроки, каких не знала история, создать металлургическую базу, развить машиностроение, оборонную промышленность, разработать стратегические принципы ведения войны в изменившихся условиях, создать соответствующие им виды оружия, наладить их массовое производство... И одновременно подготовить людей, способных квалифицированно решать все эти вопросы. И не утешать себя надеждой, что противник будет безучастно наблюдать за этими приготовлениями, ничего не предпринимая в ответ.

Вот почему в центре внимания Резника в новой повести стоит уже не один герой (как обычно у него бывало прежде), а целая галерея, и выделить среди них ведущего просто невозможно. В их ряду легко распознаются старые знакомцы: сталевар Алексей Горнов со своей Любашей — из «Народного комиссара» (в Горнове без труда угадывается и Алексей Грязнов, которому посвящена отдельная повесть), медсестра Галина Романова — из «Рассвета над Влтавой», Фрол Жезлов — пока еще комполка, а в «Доверии», действие которого происходит полутора десятилетиями позже, он уже генерал. И конечно, Серго Орджоникидзе, образ которого обогатился в «Сотворении брони» новыми красками. Появление всех их здесь закономерно: в известной мере писатель подводит итог своим предшествующим размышлениям о рабочем человеке, взявшем свою судьбу в собственные руки.

Но рядом — новые герои, появление которых широко раздвигает рамки авторского видения драматических событий предвоенных лет. Это конструкторы Михаил Кошкин и Александр Морозов, крупные организаторы промышленности Малышев и Тевосян, военачальники Тухачевский, Ворошилов, это рабочие, испытатели танков, военные.

В беспрестанном столкновении мнений, в борьбе с шаблонами мысли и рутинной устаревшего опыта, в преодолении неисчислимых трудностей герои «Сотворения брони» оказывают то самое «сопротивление среде», которое, по мысли Горького, формирует человека. Человек, сформированный этой бурной эпохой, сумевший вынести на своих плечах тяжесть ее забот, в изображении Якова Резника молод летами и опытом: именно комсомолята, обойдя бывалых слесарей, сумели-таки собрать неподатливую пушку Брозиуса на совсем еще юном Уралмаше; молодой Алексей Горнов превзошел в сложном деле сталеварения не только старика Аврутина, но и опытного сменного мастера: молоды Кошкин, Морозов, Малышев...

Но секрет успехов молодых героев не в слепом везении. Писатель усматривает его прежде всего в их яркой талантливости. Время нуждается в талантах, и природа щедро одаривает ими — успевай примечай! И ведь правда — писатель ничего не выдумывает! — блестяще талантлив Малышев; замечательно смекалист, хоть и характером труден, армейский изобретатель Цыганов; сам Кошкин — настоящий самородок. Сергей Миронович Киров разыскал его среди готовящихся к выпуску студентов-политехников (секретарь обкома, член Политбюро не счел за труд приехать в институт для разговора со студентом по его письму!); Серго нашел Горнова... Но и талант еще дела не решает. Посмотрите, как они жадно учатся, молодые! Как они умеют перенять у зрелых, опытных все и даже больше того, что те могут дать! Учится Игорь Мальгин у немца Вейганда, учится Горнов у тестя своего Аврутина, учится Тевосян у металлургов Круппа, учится Серго, прорабатывая за ночь по целой стопке книг. Я не оговорился, назвав тут и наркома тяжелой промышленности,— в молодом и стремительном мире он тоже напоен молодостью и азартом.

Да, и азартом, потому что и это — отличительная черта молодости, по Резнику. Азарт и риск, умение не бояться нестандартных положений и нешаблонных решений. Когда Кошкин разговаривает со Степарем о выделении группы конструкторов для работы над проектом нового, небывалого танка, тот интересуется, сколько человек он намерен оторвать от производства. Следует примечательный диалог:

«— Более двадцати человек.

— Наиболее одаренных, конечно?

— И смелых, рисковых, отчаянно рисковых».

Вот из какого человеческого материала выкристаллизовалась та сила, которая в решающий час обернулась несокрушимой броней на пути танков Гейнца Гудериана!

На другом полюсе событий — главари военно-промышленной машины третьего рейха. Воссоздавая эти мрачные фигуры, писатель не углубляется в психологические изыскания, однако настойчиво подчеркивает доминирующую особенность их натур — стремление так или иначе возвыситься над окружающими, потешить свое ненасытное тщеславие, утвердить безмерную спесь. Они опытны и расчетливы, эти ястребы истории, но мертвенный дух корыстолюбия гасит искры многих здравых мыслей, оброненных в их кругу. Здесь не место таланту, не место вдохновению. И хотя писатель нисколько не преуменьшает опасность, которую несут с собою людям эти порождения мрака, он не устает подчеркивать: они обречены.

Контрастное сопоставление двух миров в ряде параллельных сцен проведено через всю повесть. Растущее от эпизода к эпизоду напряжение усиливается подборками документов, впервые не спрятанных писателем за текст и дающих нам возможность увидеть изображенные события глазами очевидцев.

И хотя мы знаем с самого начала, как разрешила история воссозданный писателем конфликт, настойчивое подчеркивание в повести неизбежности гибели социального зла и торжества добра не кажется нам излишним: в том вера автора в молодость, прогресс и социализм, утвержденная в нем опытом пройденных лет.

Литература многомерна, ценности ее не однозначны. Есть книги, подкупающие глубиной проникновения в сокровенные механиз-

мы человеческой души, в других нас покоряет энергия мысли или сила гражданской страсти, в третьих очаровывает прихотливая игра словесных красок... И как часто даже искушенный читатель ищет в *этой* книге то, что раньше понравилось ему в *той*, упорно не желая замечать достоинств, которых как раз не было там, зато здесь — вот они.

Я говорю об этом потому, что повести Резника в каких-то отношениях могут вас разочаровать. Яков Резник не психолог (хотя центральные характеры в его произведениях выпуклы и определенны), не полемист и не философ (хотя его взгляд на мир отличается и своеобразием, и остротой), не изысканный стилист (хотя язык его произведений достаточно точен и выразителен). И уж совсем разочарует вас его книга, если вы привыкли искать в литературе волнующие переливы нежных чувств...

Но так ли уж часто случается вам видеть в произведениях, обладающих всеми перечисленными достоинствами, вот такую увлеченность событиями, большими и серьезными, такую обнаженность реальных фактов, таких вот персонажей — без душевных изломов, без наигранных страстей, сильных, верных, деятельных?

С тех пор, как реалистическая литература научилась проникать в глубинную суть реальных явлений, многие писатели пытались ставить перед собой творческую задачу, теоретически, пожалуй, и не имеющую решения: преодолеть условность литературной формы (выдумать, дескать, мо́жно что угодно...), сохранив при этом обобщающую силу и гибкость художественного мышления. Но многие же, вопре́ки теории, находили свой путь к решению. Нашел свое решение и Яков Лазаревич Резник. Но метод его таков, что чем больше писатель вникает в сложную сеть действительных отношений, тем больше вопросов, настоятельно требующих своего решения, открывается перед ним. Не встречалось мне другого литератора, которого столь мало затрудняла бы проблема выбора темы и сюжета — неисчерпаемый их кладезь у него всегда под рукой. И потому сейчас, на пороге своего семидесятилетия, он работает особенно много, обещая в ближайшие годы появление новых книг.

В. Лукьянин

ИБ № 884

Яков Лазаревич Резник

ПОВЕСТИ

Редактор М. П. Немченко. Художник Н. Реутова. Художественный редактор В. С. Солдатов. Технический редактор Н. Н. Заузолкова. Корректор И. Ш. Трушникова

Сдано в набор 03.06.81. Подписано в печать 02.02.82. НС 12017. Формат бумаги 84×108 1/32. Типогр. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 23,6. Усл. кр.-отт. 23,7. Уч.-изд. л. 25,2. Тираж 50000. Заказ 277. Цена 1 р. 80 к. Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.